

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

Исследования по славянской диалектологии

18

Актуальные аспекты
изучения лексики
славянских диалектов

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

18

Актуальные аспекты изучения лексики
славянских диалектов

Москва 2016

Редколлегия издания: к. ф. н. М. М. Алексеева, к. ф. н. Д. Ю. Ващенко (Анисимова),
д. ф. н. А. Ф. Журавлев, д. ф. н. Л. Э. Калнынь, М. Н. Толстая

Отв. редактор выпуска: д. ф. н. Л. Э. Калнынь

Рецензенты выпуска: д. ф. н. Т. И. Вендина, к. ф. н. И. И. Исаев

18-й выпуск серийного издания «Исследования по славянской диалектологии» содержит статьи, посвященные изучению лексики в современных славянских диалектах. Проблемы лексикологии рассматриваются как в традиционном аспекте, так и с применением новых подходов к изучению диалектной лексики. Специальное внимание уделено типам диалектных словарей и способам их составления. Рассматривается специфика лексики переселенческих говоров. В современной языковой ситуации использование диалектной лексики выходит за пределы собственно диалектного идиома. Эта ситуация в применении к Интернету и СМИ отражена в статьях сборника. Предметом анализа является и роль грамматического и фонетического фактора в формировании специфики диалектного лексикона. Наряду с данными современных языков и диалектов внимание уделено архаическому состоянию славянской лексики. В частности, обсуждается возможность использования так называемых преславизмов в качестве теста для определения места и времени создания древнейших славянских текстов. В анализе лексики присутствует и диахронический аспект. Статьи выполнены на материале языков/диалектов, репрезентирующих разные регионы славянского континуума. Сборник представляет интерес для специалистов в области славянской лексикологии в синхронном и диахроническом плане.

18th serial edition of “Studies of Slavic Dialectology” contains articles devoted to lexical issues in modern Slavic dialects. Different lexicological problems are analyzed with the use of traditional and new approaches to studying dialectal lexis. Special attention is paid to different types of dialectal dictionaries and methods of their compilation. Some articles are devoted to dialectal lexis of the resettled groups of Slavs. In modern language situation dialectal lexis is used not only within the dialect itself. The usage of dialect lexis in internet and mass-media is depicted in the articles. Another object of analysis is the role of grammatical and phonetic factors in forming the specifics of dialectal vocabulary. Along with data of modern languages and dialects special attention is paid to the archaic state of Slavic lexis. For example, the possibility of using so called preslavisms as markers for identifying the time and place of creation of the most ancient Slavic texts is discussed. Slavic dialectal lexis is also analyzed from the diachronic point of view. The articles are based on the linguistic/dialectal material which represents different regions of Slavic continuum. “Studies of Slavic Dialectology-18” will be of much interest for specialists in Slavic synchronic and diachronic lexicology.

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Лексическая карта: источник и верификация исследования	8
<i>С. А. Мызников.</i> Современная региональная диалектная лексикография: традиции и новации	19
<i>Л. Э. Калнынь.</i> К вопросу о способах фиксации лексики диалектов	33
<i>В. П. Русак, В. С. Гецевич.</i> Диалектная лексика в новейших словарях белорусского языка	39
<i>Е. С. Лунькова.</i> Производная лексика смоленских говоров (на материале существительных, обозначающих артефакты)	48
<i>Т. С. Ганенкова.</i> К вопросу об исследовании предлогов в македонских диалектах.....	66
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Лексика польских говоров Сибири (архаизмы и инновации)	85
<i>С. С. Скорвид.</i> Генезис чешских переселенческих говоров в РФ в свете данных лексической части «Чешского языкового атласа»	93
<i>М. М. Алексеева.</i> Особенности функционирования лемковских говоров в интернете	112
<i>О. В. Трефилова.</i> Терминология родства у болгар Румынии (по материалам экспедиции в округ Дымбовица, Мунтения)	120
<i>Д. Ю. Ващенко.</i> Диалектные интернет-словари: опыт систематизации	160
<i>Е. Д. Щасная.</i> Диалектная и разговорная лексика в региональных СМИ Беларуси	169
<i>Г. С. Кобирунка.</i> Роль акцентуации в дифференциации семантики в украинском пространстве	182
<i>Д. М. Савинов.</i> Значение факторов лексикализации и грамматикализации для формирования систем вокализма в южнорусских говорах	191

<i>Т. В. Шалаева.</i> О возможных дериватах и.-е. * <i>pleu-</i> / * <i>plou-</i> в славянских диалектах.....	214
<i>В. С. Ефимова.</i> О преславизмах как тесте для определения места и времени создания древнейших славянских текстов	222

Предисловие

В основу 18-го выпуска «Исследований по славянской диалектологии» положен материал Круглого стола, проведенного, в Институте славяноведения РАН в декабре 2014 г. Тема Круглого стола определялась как «Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов». В соответствии с этим в статьях публикуемого сборника рассматриваются как традиционные способы изучения диалектной лексики, так и новые аспекты этой проблемы

Значению лексических карт для определения особенностей дифференциации диалектного континуума посвящена статья *И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой*. Лексические карты, с одной стороны, содержат диагностические возможности выявления особенностей современного диалектного членения избранного континуума, а с другой — дают основания для реконструкции древнего состояния того языкового пространства.

Специальное внимание уделено типам диалектных словарей, имеющимся в славистике. Так, статья *С. А. Мызникова* содержит описание разных типов словарей, образующих корпус лексикографии в русской лингвистике. Рассматривая соотношение традиций и новаций в современной диалектной лексикографии, автор приходит к выводу о необходимости перехода от дифференциальных словарей к словарям другого типа (тематический словарь, словарь личности и др.). Это необходимо для создания адекватного представления о лексиконе диалектного компонента национального языка. Проблеме словаря диалектной личности и способу собирания материала для такого словаря посвящена статья *Л. Э. Калнынь*.

Современным направлениям в белорусской лексикографии посвящена статья *В. П. Русак и Ю. С. Гецевича*. В словари белорусского языка включается диалектная лексика. При этом важно подчеркнуть, что оптимизации лингвогеографических штудий способствует использование средств компьютерной лингвистики.

Тематически ограниченная лексика, а именно репрезентирующая терминологию родства в болгарском говоре Румынии, описана *О. В. Трефиловой*.

Специальный интерес представляет анализ лексики переселенческих говоров. В условиях контакта с иноязычной средой исходная лексика проявляет достаточную устойчивость. Так, *С. С. Скорвид* в своей статье сопоставляет лексику «Чешского языкового атласа» с лексикой чешских переселенческих говоров в России. Сопоставление позволяет сделать вывод о происхождении

переселенческих говоров. Чешские говоры на Северном Кавказе обнаруживают генетическую связь с южночешским диалектом, а говоры в Западной Сибири — с северночешским.

В статье *Н. Е. Ананьевой* объектом анализа также является переселенческий говор. Это польский говор в Сибири. Выделяются архаизмы в виде слов, восходящих к исходному польскому говору, и новации — слова, появившиеся в говоре после переселения в Сибирь. Архаизмы дифференцируют переселенческие говоры, указывая на их разное происхождение, а новации, наоборот, сближают.

Оригинальный подход к рассмотрению словообразования как компонента диалектного лексикона показан в статье *Е. С. Луньковой*. Используемый материал состоит из существительных, обозначающих артефакты, в количестве 6649 слов. Специфика словообразования рассматривается в рамках семи групп, мотивированных разными частями речи и сочетанием слов.

Предлоги как компонент диалектной лексики являются объектом описания в статье *Т. С. Ганенковой*. Автор рассматривает состав предлогов, их значение и дистрибуцию в македонских диалектах.

В современной языковой ситуации использование диалектной лексики выходит за пределы собственно диалектного идиома. Эта проблема нашла отражение и в предлагаемом сборнике.

Пространством использования диалектной лексики становится интернет. Отражению этого в словацком интернете посвящена статья *Д. Ю. Ващенко*. Автор рассматривает возможности систематизации диалектизмов в интернете в виде особого вида словарей. Общение в интернете с использованием лемковских говоров Украины и Польши описывает *М. М. Алексеева*. Как отмечает автор, это позволяет зафиксировать новейшие явления в структуре диалектов и проследить динамику их развития.

Лексические диалектизмы появляются и в современных текстах СМИ. Эта проблема отражена в статье *Е. Д. Щасной*, посвященной использованию разговорной и диалектной лексики в региональных газетах Белоруссии.

На формирование специфики диалектного лексического сектора в языке оказывают влияние факторы, стоящие за пределами лексики.

Так, *Г. С. Кобирилка* на примере украинского языка показывает, как разное место ударения влияет на лексическое, грамматическое значение и стилистическую окраску слов/словоформ, одинаковых по своему графическому изображению и фонемному составу (звуковой состав при разном ударении сообразно правилам синтагматики может различаться). Автор справедливо указывает на необходимость составления для языков с свободным ударени-

ем омографического словаря, содержащего корпус слов, чье различие состоит только в месте ударения.

Лексический и грамматический факторы, со своей стороны, могут влиять на фонетический компонент идиома. Как это происходит, показано в статье *Д. М. Савинова*. Под влиянием грамматической аналогии и лексикализации отдельных фактов нарушаются правила распределения предударных гласных по модели предударного диссимилятивного яканья. Вокализм становится признаком парадигмы, группы слов, отдельного слова.

Диахронический аспект лексикологии отражен в статье *Т. В. Шалаевой*. Автор описывает имеющиеся в славянских языках/диалектах дериваты и.-е. *рѣц-/*рѣц- и их значение.

В статье *В. С. Ефимовой* уделено внимание архаическому состоянию славянской лексики. По мнению автора, отказываться от использования так называемых преславизмов в качестве теста для определения места и времени создания древнейших славянских текстов не представляется целесообразным. Но корректное проведение этой процедуры должно учитывать множество разнообразных факторов. Предпочтение, отдаваемое книжниками Преславской школы письменности «преславской лексике», отнюдь не означало употребления ими в качестве таковой исключительно северовосточноболгарских диалектизмов.

О. Е. Кармакова,
И. А. Букринская
(Москва)

Лексическая карта: источник и верификация исследования*

Расцвет лингвострановедения в XX в., выход в свет большого числа лингвистических атласов разного типа (региональных, национальных, атласов языковых семей, языковых союзов, отдельных языковых ярусов) дает в руки лингвистам большой материал для разного рода штудий. Далеко не все данные, которые содержат в себе карты атласов, введены в научный оборот, о чем пишут многие лингвисты, в первую очередь лингвострановеды (Л. Э. Калнынь, Н. Н. Пшеничникова, П. Е. Гриценко, Т. И. Вендина): «Лингвистическая карта, визуально представляя расположение в картографируемом пространстве элементов структуры диалектного языка, является сложным *текстом* — многоуровневым информационным продуктом, декодирование которого составляет содержание интерпретации карты или совокупности карт. Оказалось, что карта/атлас отнюдь не завершают познание диалектов, а только открывают его многоэтапность, практически — бесконечность» (Гриценко 2015: 47). Поэтому так важно не только грамотное прочтение карт, их описание, сравнение разных типов карт, но и разнонаправленная интерпретация.

Диагностические возможности лексики при решении вопросов современного диалектного членения или же реконструкции древнего состояния по-разному оцениваются лингвистами. Многие ученые, такие как О. Н. Трубачев, Н. И. Толстой, А. Ф. Журавлев, отмечали высокую степень «устойчивости лексики на фоне других языковых уровней» (Журавлев 1994: 28). Действительно, в традиционных говорах до настоящего времени все еще сохраняется пласт архаической лексики, которая может быть надежным источником для подобного рода изысканий. О важности архаической лексики для исторической интерпретации диалектных данных неоднократно писала и редактор лексического выпуска Диалектологического атласа русского языка О. Н. Мораховская (Мораховская 1996).

Так, интерпретация лексических изоглосс и — шире — лексического ландшафта представляет несомненный интерес для решения многих задач, в том

* Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ № 16-04-18011е (руководитель О. Е. Кармакова).

числе для уяснения мотивационных отношений и их лингвогеографического представления, для изучения формирования диалектных объединений, для уточнения этимологии слов и т. д.

Общеизвестно, что системный подход при картографировании прежде всего и подробнее всего был разработан на фонетическом и морфологическом уровнях в монографии «Вопросы теории лингвистической географии» (1962). Сложнее дело обстояло с лексико-семантическим уровнем, потому что важнейший для лексикологии вопрос о тождестве и отдельности слова приходилось решать на огромном диалектном материале, отражающем фонетическую, акцентологическую, словообразовательную, морфологическую и этнографическую вариативность. Большим достижением Московской диалектологической школы было установление типологии различительных признаков, что помогает при любой вариативности найти релевантные диалектные противопоставления и определить их взаимосвязь или взаимообусловленность. Именно подобный подход позволил сделать карты лексического выпуска Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ III) многослойными, дающими возможность интерпретировать их в различных аспектах.

В качестве примера разберем карту «Названия малых укладок снопов» (карта 50). На ней отражены лексические, семантические и мотивационные различия. В первую очередь следует заметить, что карта имеет исторический характер, поскольку как названия, так и стоящие за ними реалии не актуальны в современной деревне. Традиционно были известны два способа укладки: горизонтальный и вертикальный (это отмечено и в этнографической литературе). Большинство названий укладок, существующих в русских говорах, мотивировано способом укладки.

Лексемы *крестец*, *хрестец* (*крест*, *хрест*) — обозначают горизонтальную укладку, ее кладут крестом, комлями в разные стороны; подобная укладка распространена в основном на южных территориях России, где меньше дождей. Противопоставление *к* и *х* в этих лексемах, вероятно, отражает то, в какой форме заимствовалось слово *крест* восточнославянскими диалектами: белорусскими, украинскими и южнорусскими говорами — с начальным *х*, севернорусскими и среднерусскими — с начальным *к* (ЭССЯ 13).

Для вертикальных укладок, имеющих, как правило, круглую форму, существует большое количество наименований, основные из которых *суслон* и *бабка*. *Суслон* происходит от глаг. *суслонять*, *суслонить* ‘прислонять одну вещь к другой’. Среди многочисленных значений лексемы *бабка*, приводимых в исторических и диалектных словарях, выделяется группа значений, интегральным признаком которых является вертикальность, — ‘короткая стой-

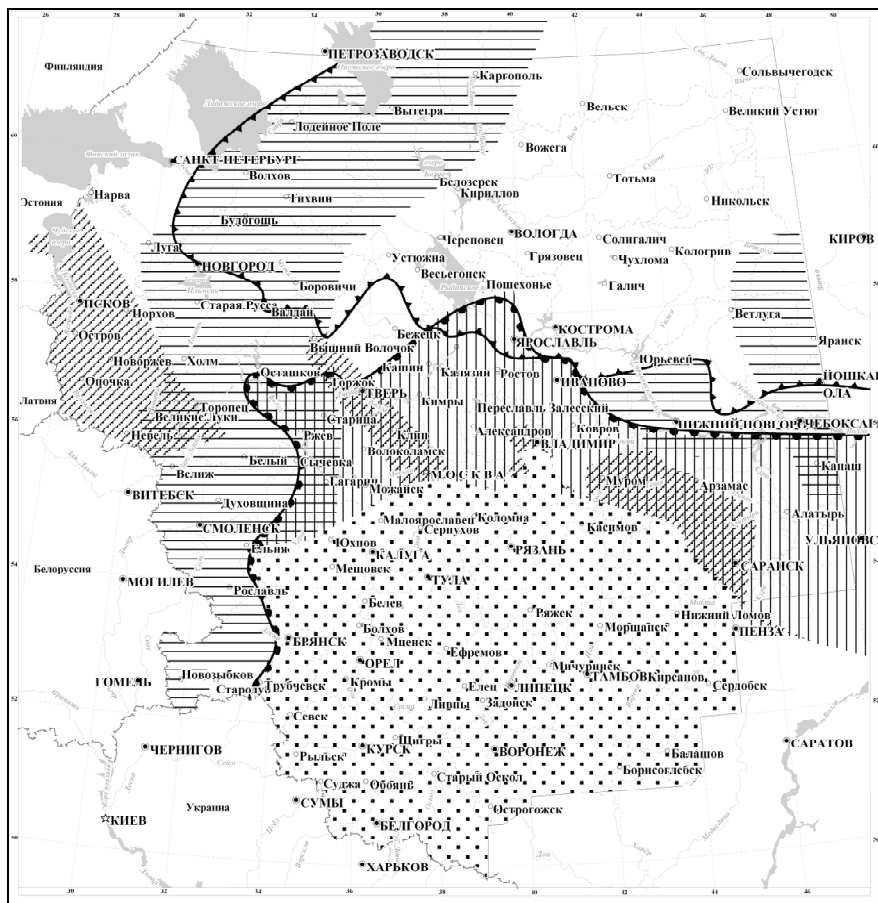
ка, столбик, подставка' и др. Именно они легли в основу номинации. Названные лексемы являются наиболее распространенными и делят территорию русских говоров на три больших ареала: северные говоры — *суслон*, южные и центральные говоры — *крестец*, *хрестец*, *крест*, *хрест*, западные и северо-западные — *бабка* (см. карту № 1). Именно эти три ареала отражены в этнографическом атласе «Русские» (1967). Выявленное трехчастное противопоставление очень важно для диалектного членения русского языкового пространства — территории наиболее старых русских поселений (до XVI в.). Так, в новой типологии русских говоров Н. Н. Пшеничновой, где основным методом является не ареальная характеристика по пучкам изоглоссы, а основанная на математической статистике классификация большого числа объектов (говоров) по большому числу признаков (диалектных явлений), уже на первом уровне членения выделяются три диалектных типа: Севернорусский, Южнорусский и Западнорусский, а среднерусские говоры выделились как переходные говоры между Севернорусским и Южнорусским диалектными типами (Пшеничнова 1996: 46–58)¹. Соответственно Севернорусскому диалектному типу свойственно наименование *суслон*, Южнорусскому — *хрестец*, *хрест*, Западнорусскому — *бабка*, а среднерусским говорам — *крестец*, *крест*.

На северо-западе, в говорах Новгородского диалектного типа, слова *суслон* и *бабка* сосуществуют, но синонимами не являются, так как *суслон* на этой территории означает укладку озимых, а *бабка* — укладку яровых. Это семантическое различие тоже отражено на карте ДАРЯ.

Интерес представляют названия вертикальных укладок, мотивированные гл. *стоять*, *ставить*. Самые распространенные из них *стоянка*, *ставушка*, *поставушка* образуют компактный ареал в псковских говорах. Эти названия также распространены в тверских, московских, владимирских и восточной части рязанских говоров, что, по-видимому, связано с переселением выходцев из южнопсковских земель на восток.

Кроме того, в некоторых северных говорах зафиксирована другая форма вертикальных укладок яровых — не круглая, а продолговатая. Для ее обозначения использовались метафорические наименования, мотивированные также способом укладки: *скамейка*, *кобылка*, *свинка*, *баран*, *боровок*. Они не образуют значительных и компактных ареалов.

¹ В современной лингвистике *диалектометрия* (структурирование диалектного пространства математическими методами) стала весьма популярной (Соловьев, Исаев 2015; Goebel 2010).

– бабка

– крестец, крест

– стойка, стоянка, ставушка

– хрестец, хрест

– сулон

– ареал названий с корнем
-крест- / -хрест-

Карта 1. Названия малых укладок снопов зерновых культур

Итак, указанные признаки внелингвистического и лингвистического характера, а именно: способ укладки, обусловленный географическим положением, форма укладки, имеющиеся семантические различия, мотивационные отношения, нашли отражение в структуре карты.

На основании национальных атласов в рамках темы «Восточнославянские изоглоссы» была создана обобщающая карта по названиям укладок (в поле). Г. П. Клепикова, ее автор, учла опыт картографирования в ДАРЯ при интерпретации и структурировании материала, и это позволило среди огромного количества лексем, бытующих в русских, белорусских, украинских диалектах, отобрать и показать релевантные звенья межъязыкового и диалектного соответствия (Клепикова 2006).

Таким образом, мы видим, что лексические ареалы играют значительную роль как в диахронном, так и в синхронном членении лингвистического пространства.

На лексических картах атласа, кроме лексико-семантических и этнографических различий, часто учтены мотивационные и словообразовательные особенности. Подобным образом построены карты, посвященные сельскохозяйственной и бытовой лексике: например, названиям составных частей цепа, наименованиям орудия для выколачиваний белья, названиям каши из муки и др. На них отражены как различные корневые морфемы, так и способ мотивации: противопоставление отглагольных и отыменных наименований. Заметим, что С. Б. Бернштейн считал мотивационные признаки весьма важными для дифференциации славянского лингвистического ландшафта и для сравнительного анализа славянских и неславянских языков (Бернштейн 2000).

Отглагольные номинации, как правило, отражают действия, совершаемые с помощью предмета, и носят закрепленный характер: названия бьющей части цепа — *бич*, *било*, *битец*, *бичук* (от **biti* ‘бить’), *молотило*, *молотилка* (от *молотить*, родственного **melti* ‘молотить’), *тепéц*, *тепóк*, *тепúнка* (от **teφiti* ‘бить, колотить’); орудия для выколачивания белья при стирке — *пральник* и др. дериваты (от **pъrati* ‘бить, сечь баннным венником’), *валёк* (от **valiti* ‘катать, вертеть’), *колотáлка* (от *колотить*, родственного **kolti*); приспособления, скрепляющие укладку снопов на возу, — *гнет* и производные (от гл. **gnesti* ‘мять, давить’).

Неглагольные номинации нетерминологичны, одни и те же лексемы служат для именования целого ряда реалий, где ключевой является сема ‘деревянный’. Это слова *палка*, *палица*, *дерево*, *дубинка*, которые могут обозначать и бьющую часть цепа, и орудие для выколачивания белья, и приспособление, скрепляющее снопы или сено на возу.

Лексические карты позволяют выявлять территории, противопоставленные по преобладанию того или иного способа мотивации, который во мно-

гом зависит от функции самого предмета и представления о нем в сознании диалектоносителя.

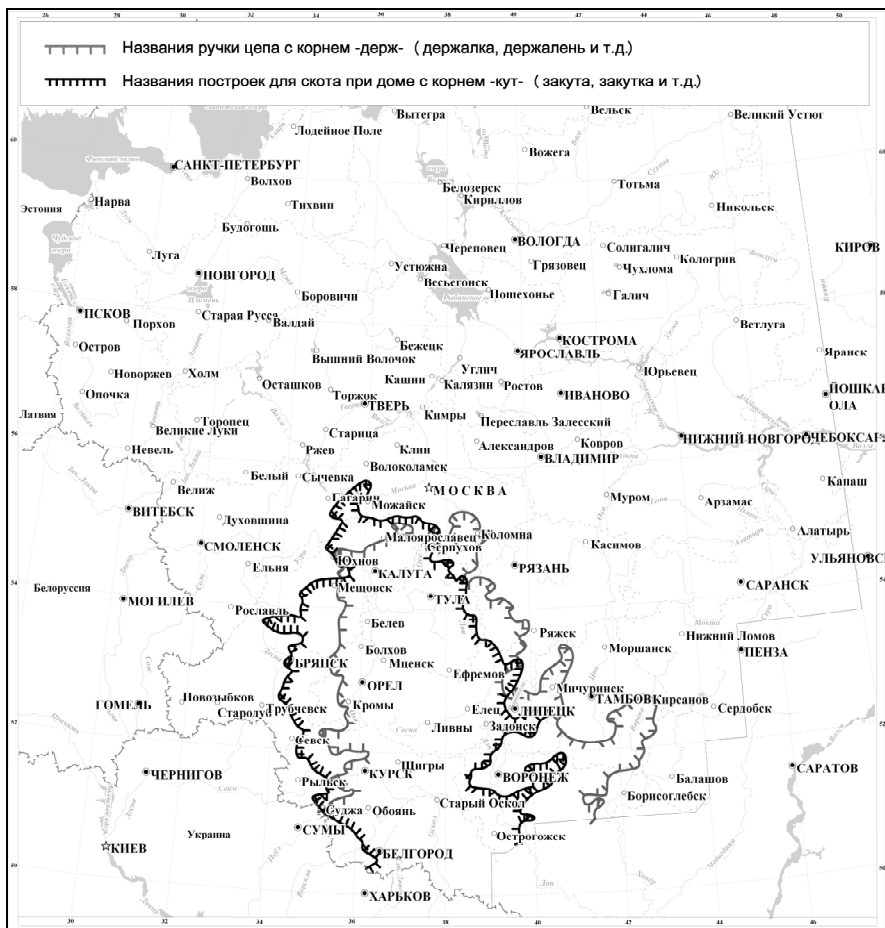
Так, например, на карте «Приспособление, скрепляющее сено и снопы на возу» большую часть территории занимают отглагольные наименования: *знёт, знётók, знетьнёт, пригнёт, пригнётка*. Выделившийся ареал соответствует говорам центральной диалектной зоны (Захарова, Орлова 1970: 205). На северной периферии отмечены глагольные номинации, но уже от других корней: *прижím, прижímка, прижóm, жим, жимók*, а также *пóтяг, прítяг, стяг*. Преобладание отглагольных номинаций в говорах центральной диалектной зоны прослеживается и на других картах.

В номинации ручек различных орудий труда (цепы, косы, сковороды и т. д.) преобладают слова, мотивированные именами: *ручка, рукоятъ, окосье, кадь, кадка, сковородник* и др. Они широко распространены, занимая большую часть территории русских говоров, что видно на соответствующих картах ДАРЯ. При этом интерес представляют наименования *держáк, держáлень, держáльник, держáлка, держáльня, держáло* ‘ручка цепи’, мотивированные глаголом. Дериваты от корня *-держ-* образуют компактный ареал в южнорусских говорах: курских, орловских, калужских, тульских, воронежских (см. карту 2). В этом же ареале, но шире представлены дериваты *чáпля, цáпля, чáпельник, цáпельник* от глагола *чáпать / чáпать* (древняя вариативность *ц / ч*) в значении ‘приспособление для захвата сковороды’ (в северных и среднерусских говорах употребляется наименование *сковородник*).

Этот ареал продолжается в говорах позднего заселения — русских донских, украинских: харьковских, днепропетровских, донецких, где номинации от гл. *держать* известны и как общее родовое наименование рукоятей различных орудий (Гриценко 1984: 48–50). Небольшие ареалы встречаются в западных украинских говорах (на границе с Польшей), в Закарпатье, в говорах правобережного Полесья (Никончук 1985: 144). Что касается других славянских языков, то производные от корня *держ-* в значении ‘ручка цепи’ зафиксированы в польском, чешском, словацком (ЭССЯ 5).

Выделившийся ареал южнорусских говоров представляется очень значимым, так как в нем отмечен целый комплекс архаических явлений, в том числе и лексических. Здесь распространены следующие наименования: *закúта* ‘помещение для скота’ (карта 12), *кобу́марí* ‘муравьи’ (карта 76), *цепíнка* ‘бьющая часть цепи’ (карта 41), *балáкать* ‘разговаривать’ (карта 95), *жнэ́вьє* ‘сжатое поле’ (карта 48).

Все эти слова относятся к праславянскому лексическому фонду и приведены в Этимологическом словаре славянских языков.

Карта 2

Держак, держало, производные с суф. *-(a)къ* и суф. *-(a)dlo* от гл. **dъržati*, обычно со значением ‘ручка, рукоять’ (ЭССЯ 5).

Закута ‘помещение для скота’. По ЭССЯ, образовано от праславянского корня **kot*, имеющего значение ‘гнуть, искривлять’, самое распространенное значение в славянских языках — ‘угол, закоулок’. В восточнославянских языках распространены и глаголы *кутать, закутать*. В южных русских говорах *закутать* значит ‘закрывать ворота’, ‘закрывать трубу’. В украинском языке, как

отмечено у Гринченко, *закута* встречается со значением ‘хлев’, но ареал распространения нам не известен, более частотны значения ‘угол, убежище, глухое место’ (Гринченко 1907).

Коумарі ‘муравьи’ (карта 76). *Комар* — общеславянское, известно во всех славянских языках со значением ‘мелкое насекомое’, эта лексема в значении ‘муравьи’ зафиксирована в украинских говорах единично.

Цепінка ‘бьющая часть цепа’ (карта 41). Дериват от корня **сѣръ*, родственно гл. **сѣрѣти*. По периферии ареала *цепинка* распространена форма *тепинка* (которую можно трактовать как образование от глагола **терѣти* ‘бить’).

Балѣкать ‘разговаривать’ (карта 95). Общеславянское, приведено в ЭССЯ: отмечено, помимо восточных славян, в сербохорватском, словацком, чешском, польском со значениями ‘беседовать, болтать, шутливо разговаривать’.

Жнёвьє ‘сжатое поле’ (карта 48). На остальной территории — формы с *-и-*: *жнѣва*, *жнѣвьє* и другие дериваты.

Слова *закута*, *держалень* фиксируются в памятниках деловой письменности XVII в. Рассматриваемый пучок изоглосс не соотносится с какой-либо единицей диалектного членения, он объединяет межзональные говоры: оскольские, елецкие, тульские и часть курско-орловских (Захарова, Орлова 1970). Представляется, что с точки зрения диахронии перечисленные говоры не являются межзональными. По мнению археологов и историков, на этих землях обитали вятичи. Первоначальный ареал их расселения — верхнее течение Оки (IX–X вв.), позднее они расширяли свои территории (XI–XIII вв.) на север (вплоть до Москвы) и на юг (Воронежское Подонье). Известный археолог В. В. Седов полагает, что вятичи этнографически были близки к славянам Черниговской земли (Седов 1994).

Мы считаем, что лингвогеографический анализ диалектной лексики может помочь и в верификации словарного материала. В качестве примера рассмотрим карту «Глаголы со значением ‘причитать над покойником’ (карта 96). Этот материал значим как в лингвистическом, так и в культурологическом плане. Традиционный похоронный плач сохраняется до сих пор во многих русских деревнях.

Обрядовый плач, и это регламентируется традицией, включает в себя следующие компоненты: плакать громким голосом, возможно со слезами, при этом произносить текст, определенным образом организованный, импровизированный или заученный, представляющий собой открытую структуру. Глаголы, обозначающие обрядовый плач в русских говорах, отражают наиболее важные смысловые составляющие этого действия: 1. ‘издавать крик, плакать громко’: *голосить*, *выть*, *вопить*, *кричать*, *реветь*, 2. ‘плакать со слеза-

ми, горевать’: *плакать*, 3. ‘приговаривать, произносить текст’: *причитать* (Букринская, Кармакова 2013).

Интенсивность звука — важный элемент, призванный, с одной стороны, отпугнуть смерть, так как громкий голос, по воззрениям древних славян, обладал магической силой, а с другой стороны, «докричаться» до мира мертвых, преодолев границу между этим миром и тем (Голстая 1999). В русских говорах, как видим, именно глаголы с семантикой ‘издавать крик, плакать громко’ являются наиболее распространенными, занимающими большую часть территории. Все эти слова многозначны и этимологически связаны со значением ‘издавать крик, пронзительный звук’. На основе этого значения развивается другое — ‘громко плакать, рыдать’, а также ‘исполнять обрядовый плач’. Эти значения переплетаются, поэтому составители диалектных словарей не всегда их разграничивают. Например, в Деулинском словаре у глаголов *кричать* и *голосить* как самостоятельное значение ‘исполнять обрядовый плач’ не выделяется, хотя по примерам видно, что речь идет именно об обрядовом плаче: похоронном, свадебном, рекрутском.

В СРНГ у гл. *голосить*, *причитать* приведено значение ‘исполнять обрядовый плач’, а у гл. *кричать*, *выть*, *вопить* оно дается лишь наряду с ‘плакать’. В словарях литературного языка значения, связанные с обрядовым плачем, тоже рассматриваются по-разному.

Мы полагаем, что подобная непоследовательная трактовка в диалектных словарях связана с диффузностью семантики глаголов *кричать*, *голосить*, *выть*, *вопить*, т. е. всякий раз возникают трудности в интерпретации материала при недостаточном контексте.

В решении вопроса, выделять ли значение ‘исполнять обрядовый плач’, на наш взгляд, помогает лингвогеографический подход. Каждый из перечисленных глаголов образует компактный ареал. Четкость, локализованность ареалов репрезентативна, она показывает, что у гл. *выть*, *вопить*, *кричать* в русских говорах необходимо выделять значение ‘исполнять обрядовый плач’ как особое, специализированное, тяготеющее к терминологичности.

Таким образом, лексические карты позволяют реконструировать древнее диалектное членение, выявляют территории, противопоставленные по преобладанию того или иного типа мотивации (отглагольная, отыменная, метафорическая и т. д.), а ареальная характеристика лексемы позволяет уточнять семантику слова и корректировать словарные дефиниции.

В заключение еще раз можно сказать, что лексическая карта, представляя собой высшую ступень лингвогеографического обобщения материала, строится на принципах взаимодействия внутренней и внешней структуры языка и предполагает всегда как минимум двумерное, но чаще многомерное описание.

Литература

- Бернштейн 2000 — *Бернштейн С. Б.* Проблемы дифференциации славянского диалектного ландшафта по данным ОКДА // Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.
- Букринская, Кармакова 2013 — *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Глаголы со значением ‘исполнять похоронный обрядовый плач’ // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2013. СПб., 2013. С. 74–83.
- Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.
- Грінченко 1907 — *Грінченко Б.Д.* Словарь української мови. Київ, 1907–1909. Т. 1–4.
- Гриценко 1984 — *Гриценко П. Ю.* Моделювання системи діалектної лексики. Київ, 1984.
- Гриценко 2015 — *Гриценко П. Е.* Лингвистическая география — инструментарий познания языка // Актуальные проблемы русской диалектологии: К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе. Тезисы докладов Международной научной конференции (30 октября – 1 ноября 2015 г.). М., 2015. С. 44–50.
- ДАРЯ III — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Карты. Вып. III. Ч. 1. Лексика. Минск, 1996; Ч. 2. Синтаксис. Лексика. М., 2004; Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат. М., 1996.
- Журавлев 1994 — *Журавлев А. Ф.* Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
- Захарова, Орлова 1989 — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка // Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989. С. 193–217.
- Клепикова 2006 — *Клепикова Г. П.* Названия укладок снопов (в поле) // Восточнославянские изоглоссы. М., 2006. Вып. 4. С. 167–171.
- Мораховская 1996 — *Мораховская О. Н.* Крестьянский двор. История названия усадебных участков. М., 1996.
- Никончук 1985 — *Никончук М.В.* Сільськогосподарська лексика правобережного Полісся. Київ, 1985.
- Пшеничнова 1996 — *Пшеничнова Н. Н.* Типология русских говоров. М., 1996.
- Русские 1967 — Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.
- Седов 1994 — *Седов В. В.* Восточнославянская этноязыковая общность // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 3–16.
- Соловьев, Исаев 2015 — *Соловьев В.Д., Исаев И.И.* Картографическая база данных русских говоров (на материале Диалектологического атласа русского языка) // Актуальные проблемы русской диалектологии: К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе. Тезисы докладов Международной научной конференции (30 октября – 1 ноября 2015 г.). М., 2015.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 1966–. Т. 1–.
- Толстая 1999 — *Толстая С. М.* Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 135–148.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева М., 1974–. Т. 1–.

Goebel 2010 — *Goebel H.* Dialectometry: theoretical prerequisites, practical problems, and concrete applications (mainly with examples drawn from the “Atlas Linguistique de la France”, 1902–1910). *Dialectologia*. Special issue I, 2010.

Summary

*Irina Bukrinskaja,
Olga Karmakova*

The lexical map: source and verification of the study

The article describes the possibility to interpret lexical maps of Dialectological Atlas of the Russian language. The analyzed materials demonstrate the opposition of Russian sub-dialects using verbal or nonverbal motivation.

The areal characteristic of lexeme determines the semantic structure of the word. This idea is regarded on the material of the verbs with the meaning ‘to fulfill funeral ritual weeping’.

Современная региональная диалектная лексикография: традиции и новации

В данной работе не ставилась задача осветить все многочисленные лексикографические труды, представляющие русскую диалектную лексику. К настоящему времени уже опубликованы разнообразные работы, освещающие лексикографическую практику и аналитически осмысляющие некоторые аспекты теории словарного дела. Так, например, в книге В. В. Дубичинского обобщаются достижения последних лет в области теории и практики лексикографии, анализируются различные типы русских словарей, намечаются тенденции развития словарного дела (Дубичинский 2008). В. К. Щербин в своих трудах разрабатывает некоторые аспекты общей теории лексикографии (см. Щербин 2011; Щербин 2007; Щербин 2009). В монографии Сороколетова и Кузнецовой приводится очерк диалектной лексикографии (см. Сороколетов, Кузнецова 1987). Кроме того, в последние годы вышли в свет работы, обобщающие опыт некоторых российских диалектных лексикографических школ (см. Блинова, Демешкина 2012; Козырев, Черняк 2004; Кудряшова 1996; Супрун 1997; Лукьянова 2013; Русинова 2010). Однако постоянное пополнение списка диалектных словарей предлагает новые возможности их анализа, в том числе и в историко-научном контексте.

Начиная с 60-х гг. XX в. русская диалектная лексикография пополняется многочисленными трудами различных типов и видов. После выхода в свет «Краткого ярославского областного словаря» в 1961 г. (Мельниченко 1961), в котором были объединены ярославские лексические материалы ранее составленных словарей с 1820 по 1956 гг., начинается период созидательной деятельности диалектологов в регионах. По охвату обследуемой территории диалектные словари можно разделить на следующие виды.

1. Общетерриториальные, сводные словари — охватывают все говоры русского языка, в том числе и вне основной территории проживания. В истории диалектной лексикографии имеется только три таких труда: «Опыт областного великорусского словаря» 1852 г., «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря» 1858 г. и «Словарь русских народных говоров» (с 1965 г. по 2014 г. вышло 47 томов). Кроме того, было задумано и осуществлено Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря» Ф. И. Покровского и Е. Н. Яценко (1905–1921 гг.), которое, однако, не было опубликовано (Архив РАН, шифр 117–118). В настоящее время в ИЛИ РАН ведется работа над подготовкой труда к печати.

2. Общерегionalные словари — представляют лексику обширных регионов, выходя за пределы одной области. Среди них можно выделить законченный «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» под редакцией А. С. Герда, охватывающий территории Карелии, Мурманской, Вологодской, Архангельской, Ленинградской, Новгородской областей. Кроме максимальной, исторически оправданной широты исследовательского ареала, СРГК стремится и к возможно полному отражению семантики и вариантности описываемых слов, большинство словарных статей проиллюстрировано удачно подобранными контекстами, в словарь вошло немало ценных этнографических данных о духовной и материальной культуре русских, карел, вепсов Крайнего Севера и т. д. Словарь является важным источником не только для изучения языка Русского Севера, но и для исследования целого комплекса проблем, связанных с этногенезом прибалтийско-финских и русского народов. Описание лексики находит надежную основу в богатейшей картотеке, насчитывающей свыше 1,5 млн. карточек. Эта фундаментальная база позволила отобрать и включить в словарь не только собственно диалектизмы, но и массу этнографизмов, профессионализмов, экспрессивных синонимичных рядов (особенно глагольных), префиксальных и суффиксальных образований, идиоматики и т. п. (см. Мокиенко 1997).

Также значителен по охвату территории «Словарь говоров русского Севера» под редакцией А. К. Матвеева (СГРС), описывающий говоры Архангельской и Вологодской областей (т. 1–6). Данный труд в первую очередь отражает узлокальные диалектные лексемы. В словарях довольно часто обильно представлен общеизвестный материал, нередко близкий к просторечному, но нередко отсутствуют специфические для того или иного говора лексемы, прежде всего терминологического характера, а ведь именно такие слова особенно интересны как в собственно лингвистическом, так и в историко-культурном отношении. Именно поэтому, как заявляется в предисловии к словарю, наряду с обычными методами фиксации диалектного материала, для пополнения картотеки шел целенаправленный сбор данных различных терминологических систем с предварительным изучением вопроса об их устойчивости и тенденциях развития, связанных со стиранием диалектных различий (СГРС, 1: 4).

3. Наиболее многочисленны региональные диалектные словари, описывающие лексику отдельных областей (губерний) России.

Архангельский областной словарь (АОС) является самым полным собранием диалектной лексики данного региона. Его картотека в период начала работы над текстом словаря насчитывала около 2 млн. карточек и продолжает пополняться. За этой цифрой стоит огромная систематическая работа боль-

шого коллектива. Значение данного издания для науки весьма велико. Прежде всего, в поле исследования оказались современные архангельские говоры, сохранившие многие черты древнерусских диалектов, в большей части древненовгородского, в меньшей ростово-суздальского. Если принять во внимание также, что эти говоры сохранили многие лексические особенности, не отмеченные памятниками письменности, то возрастает значение данного словаря как источника для изучения не только современного словарного состава архангельских говоров, но и истории языка.

В XIX в. вышли в свет два региональных словаря, авторы которых особый упор делали на описание этнографической составляющей диалектной реалии, специфики народного быта и культуры. После выхода в свет «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, который включил в словник всю совокупность лексических данных как общенародного, так и регионального характера, обнаружилось, что, несмотря на его тезаурусный характер, многих диалектных слов в нем не оказалось. Был напечатан ряд дополнений к словарю В. И. Даля. Именно на фоне сбора дополнительных сведений А. О. Подвысоцкий начал работу над «Словарем областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении», который вышел в 1885¹ г., через два года после смерти автора. В этом же году Г. И. Куликовский начал собирать слова и выражения Олонецкой губернии. Несколькими позже, в 1898 г., вышел в свет его «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении».

В начале XX в. были созданы еще два словаря, с такой же нацеленностью на описание диалектных данных, но, к сожалению, не вышедшие в свет в свое время.

Словарь П. А. Дилакторского², описывающий лексику соседней Вологодской губернии, более объемный, чем предыдущие, он насчитывает около 20 тыс. слов. Автор сам в течение нескольких лет записывал в Вологодской губернии лексику местных диалектов и использовал практически все печатные и рукописные источники по вологодским говорам. Список источников Словаря насчитывает примерно 60 единиц; среди них рукописи А. А. Шахматова и С. П. Обнорского.

¹ На титуле стоит 1885 год, на обороте титула — 1884 с текстом: «Напечатано по определению Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург. Ноябрь 1884».

² *Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. Рукопись СРНГ. Рукопись словаря была издана в 2006 г. в издательстве «Наука» (СПб.) при участии автора этой статьи (Дилакторский 2006).

К этим словарям примыкает весьма важный лексикографический источник по севернорусским говорам: «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова, который был создан в 20-е гг. XX в. Словарь, по мысли автора, должен был заполнить ту нишу, которая образовалась в лексикографическом описании севернорусских говоров после выхода в свет словарей Г. И. Куликовского и А. О. Подвысоцкого. Словарь последнего явно служил определенным образцом, что прослеживается в построении словарных статей, в толковании значений. Обращение к опыту Подвысоцкого понятно и логично: в словаре И. М. Дурова представлены говоры Поморского берега Белого моря, которые территориально примыкают с запада к ареалу архангельских говоров. Его автор — коренной житель Поморья, знаток его говоров и культуры. В словарных статьях с тщательностью и знанием дела прописаны особенности рыболовного промысла, традиционного быта, семейной и праздничной обрядности, а также проявившиеся к 1930-х гг. черты нового быта в поморской деревне. Статьи снабжены примерами из фольклора, фразеологизмами, пословицами и поговорками. Словарь отражает язык и жизнь поморов рубежа XIX–XX столетий, когда в Поморье еще сохранялись местные говоры и традиции поморской культуры. Словарь включает более 12 тысяч слов. При этом в нем, наряду с сугубо диалектными, присутствуют и общелитературные лексемы, которые, однако, снабжены примерами, демонстрирующими их функционирование в диалектном контексте. Кроме того, будучи носителем говора, И. М. Дуров не всегда проводил четкую границу между диалектными и общелитературными словами, так что диалектная лексика нередко используется автором при раскрытии значения слова литературного русского языка. В словаре есть также некоторое количество слов, бытовавших к началу XX в. только в языке фольклора. Они снабжены необходимыми пояснениями и примерами из фольклорных текстов. Как пишет автор в предисловии, «весь словарный материал в 1934 г. заново был, путем выезда в села районов, проверен и проработан на материалах живой крестьянской речи. Произношение и значение каждого слова в словаре обозначено (за текстом объяснения) местом его записи, которое, однако, не говорит за то, что это слово только в данном селе произносится, но оно обозначает то место, где мне удалось его услышать в весьма распространенном произношении» (Дуров 2011: 17). И. М. Дуров, идя вслед за А. О. Подвысоцким и Г. И. Куликовским, дает этнолингвистическое описание материала, напр.: «Гудега, ж. Осенний иней в виде снежинок, густо осевший на дерево или металлические предметы после крепкого мороза. Существуют приметы: если зимою загудевают шляпки гвоздей на обшивке у судна — быть

продолжительной оттепели; много гудеги — к хлебородному году, мало — к неурожайному. Повс.» (Дуров 2011: 90).

Авторы данных словарей не скованы лексикографическими условностями, они сами определяют количество сопроводительного текста этнографического характера, структуру словарной статьи, гнездовой или алфавитный порядок подачи материала, этимологические заметки. Так, например, А. О. Подвысоцкий отмечает, по его мнению, слова финского, карельского, коми-зырянского, ненецкого, саамского происхождения. Так за более чем сто лет сложилась уникальная севернорусская тетралогия А. О. Подвысоцкого, Г. И. Куликовского, П. А. Дилакторского, И. М. Дурова.

4. Имеются также словари, в основе выбора территории которых лежит принцип описания исторически важного географического района. К такого рода трудам относится «Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь» под редакцией А. А. Герда. В нем представлены территории трех областей (Псковской, Новгородской, Тверской), прилегающие к озеру Селигер. К настоящему времени вышли в свет шесть томов. В ряде случаев материалы этого словаря служат ранее недостававшим связующим звеном между севернорусскими и западными псковскими говорами, например: **Рáйна**, ж. Рея. *Мачта ставилась для паруса, а ра'йны распирали ево*. Осташк. Твердякино (Селигер, 6: 36), при **ра́йна** «часть мачты на шняке, к которой прикрепляется вершина прямого паруса» Кольск. (Подвысоцкий 1885, 146); **ра́йно** «шест, с помощью которого растягивают парус» Вытегор., Медвежьегор. (СРГК, 5: 439); **равíйна** «снасть для управления парусом» Гдов. Пск. (ПЛГО).

К такому же типу словарей относится словарь И. С. Меркурьева «Живая речь кольских поморов», в котором описывается лексическая система нескольких поморских деревень (Меркурьев 1997).

5. Получили также распространение словари, описывающие говор одного населенного пункта.

Первым из них был словарь говора д. Деулино (ССРНГ), представляющий собой опыт лексикографической интерпретации лексики одного говора, которая рассматривается как единая система. По мнению авторов словаря, системность лексики, помещенной в словаре, в первую очередь определяется тем, что она находится в реальном употреблении у всех носителей данного говора. В лексической системе говора д. Деулино нет замещающих и взаимоисключающих друг друга лексических фактов, как это наблюдается при сопоставлении лексики двух и более лексических систем. Во вступительной статье к словарю отмечается, что «составление словаря одного говора прежде всего нужно рассматривать не как показ лексики говора именно данного

населенного пункта, а как реализацию потенциальной возможности на языковом материале одного говора показать диалектную лексику, типичную для данной диалектной зоны. Интенсивное собирание лексики именно одного говора и ее последующая лексикографическая обработка представляются единственно практически возможным путем проникновения в такие звенья данной диалектной лексической системы, которые недоступны для исследования при экстенсивном собирании диалектного лексического материала на относительно широкой территории» (ССРНГ: 5).

В 2011 г. вышел в свет 6-й (заключительный) том Словаря говора д. Акчим (СГДА), отражающий лексику живой обиходной речи носителей диалекта, которую на протяжении 30 лет записывали диалектологи Пермского университета. Обращение именно к акчимскому говору обусловлено тем, что это говор самобытный, вполне отчетливо выделяющийся как реальная диалектная единица и вместе с тем типичный для территории относительно раннего заселения Пермской области русскими. Генетически говор связан с речью жителей деревни Чердыни (Перми Великой), основную массу русских первоначальников которой составили выходцы из Вятской, Вологодской, Архангельской и Новгородской земель. Материалы Акчимского словаря, отражающего севернорусский говор, смогут быть соотнесены с данными южно-русского диалекта, представленными в Деулинском словаре. Существенно, что если Деулинский словарь отражает лексику говора деревни сугубо хлебопашеской, то Акчимский словарь показывает лексику говора деревни, типичной для Русского Севера, где крестьянство издавна сочетало хлебопашество с охотой, рыбной ловлей и лесным промыслом. В Акчимском словаре описываются диалектизмы всех типов. В развернутых словарных статьях отражаются не отдельные диалектные лексико-семантические варианты, а семантическая структура многозначного слова в целом. Кроме того, материалы словаря обильно представляют результаты этноязыковых контактов со смежными тюркскими и финно-угорскими народами, например: **Тащ**, обычно мн. та́ши ‘крупные подводные камни’. *Это большие камни вот где-нибудь стоят. Говорят: там в ташах. Обычно рыба, говорит, там стоит, где крупные камни в воде. Они в воде скрыты, большие камни.* Ср. татар. *таш* ‘камень’. **Чира́ть** ‘портиться, приобретать неприятный запах (о продуктах, обычно о мясе, рыбе)’: *Мясо долго сидит — оно чирает, его я чиралым называю* (СГДА, 6: 198). Ср. коми *чирны* ‘горкнуть, прогоркнуть, стать затхлым (о масле, сале)’ (ССКЗД: 413).

Для говоров позднего заселения см. также словарь В. Г. Маслова «Словарь говора Добринки» (Маслов 1993).

5. В последние годы среди диалектных словарей появился новый тип с точки зрения охвата информантов — «словарь одной семьи» (Королева 2000; 2013). Такого рода словарь представляет собой попытку зафиксировать диалектную речь группы носителей одного говора, объединенных между собой семейными узами и находящихся в родственных отношениях с автором. Как пишет автор словаря, первая семья — это бабушка и дедушка, мать, тетка и муж тетки автора. Кроме того, второе издание словаря включает еще трех информантов: это племянница мужа тетки и жена его племянника, а также дочь дедушкиной сестры. Все они состоят между собой в родстве, близком (мать, отец, две их дочери и муж одной из дочерей, племянница отца) или отдаленном (все остальные), и только в этом смысле словарь является словарем одной семьи, а точнее, одного семейного клана. Все информанты — коренные жители Пыталовского района Псковской области.

6. В последние годы активно идет разработка словаря одного диалектоносителя. В Томской диалектологической школе завершилось осуществление многолетнего проекта по созданию «Полного словаря диалектной языковой личности» (под ред. Е. В. Иванцовой — Полный словарь 2006–2012). Записи речи информанта систематически велись с 1981 г. В 1994 г. было начато создание картотеки, в 1996 г. диалектологи приступили к написанию словарных статей, к настоящему времени издание закончено. При наличии собранного в значительном объеме материала возможен синтез различных подходов для того, чтобы отразить разносторонние характеристики идиолектного лексикона. Решение такой лексикографической задачи целесообразно было осуществлять, по мнению авторов словаря, в два этапа: 1) создание базового толкового словаря недифференциального типа; 2) составление серии аспектных словарей. Аспектные словари могут быть как подготовительным этапом к словарю общего типа, так и создаваться уже на его основе.

7. Весьма интересный свод данных представляют собой словари, описывающие лексику замкнутой конфессиональной группы населения. Одним из первых словарей, которые появились после выхода в свет «Пособия-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка» (М., 1960) и «Проекта “Словаря русских народных говоров”» (М.; Л., 1961), был словарь, охватывавший территорию русских говоров Прибалтики: «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» (Рига, 1963). Это завершенный, небольшого объема (около 3500 слов) словарь говоров русского старожильческого (старобрядческого) населения, живущего компактно в трех районах прибалтийских республик (ныне государств). В предисловии к словарю русские прибалтийские говоры определяются как

близкие друг другу акающие говоры, хорошо сохранившие свои особенности. Отбор слов в него происходил не только по дифференциальному принципу, но и по принципу частотности: включались слова и выражения, наиболее употребительные в говорах, хорошо снабженные иллюстративным материалом. В лексике различных тематических разрядов заметно влияние смежных языков. Этот словарь стал первым законченным словарем, в основу которого легли новые специально собранные для словаря диалектные материалы. Живя довольно компактно, замкнуто и изолированно, старообрядцы почти не подвергались влиянию окружающего местного иноязычного населения и до последнего времени сохраняли свою этническую и языковую самобытность.

Еще одно издание подобного рода — «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (Новосибирск, 1999). Словарь представляет лексику сравнительно замкнутой диалектной системы — говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Знаменательно, что в основу их выделения также положен принцип профессиональной принадлежности диалектоносителей, что в условиях достаточно пестрого и разнородного диалектного (иногда и разноязыкового — переселенцы с Украины) ландшафта Сибири значительно повышает ценность данного словаря как собрания данных, принадлежность которых к одному говору не вызывает сомнений. В основу словаря положены материалы диалектологических экспедиций, проводившихся учеными Бурятского государственного университета под руководством сотрудника Института филологии СО РАН Т. Б. Юмсуновой более 20 лет (1977–1998). Основательна база словаря, поскольку обследованы практически все места компактного проживания старообрядцев (семейских) в Забайкалье — в основном это районы Бурятии и один район Читинской области. Совершенно естественно, что в основу словаря был положен (оправдывающий себя с практической стороны реализации издания) дифференциальный принцип описания. Словник содержит 8000 единиц. Лексика, представленная в Словаре, довольно разнообразна тематически, хотя, вне всякого сомнения, по значимости первое место занимают слова религиозно-культурной сферы, показывающие своеобразие старообрядчества семейских: наименования предметов культа и их частей. В словаре достаточно полно и на широком иллюстративном материале представлены все тематические группы лексики, относящиеся к народной жизни. Совершенно справедливо А. П. Майоров работу по выработке формы заголовочного слова называет этимологизацией, и то, что выведенные орфографические заголовки словарной статьи сопровождаются фонетической транскрипцией, является удачной находкой, в настоящее время уже нередко используемой в диалектных словарях. Причем в большинстве случаев авто-

ры обоснованно сводят в одну орфографическую форму фонетические варианты и разводят фонематические, что бывает не всегда просто, см., например: **простоки́ша** (*прастокі́ша, праста́тіша, прыста́тіша*) ‘простокваша’; **потóмача** (*патóмача, патóмча, патóмыча*) ‘спустя некоторое время’. Так, кажется корректным, что приведенные выше материалы подаются под одним заголовочным словом, и в то же время лексемы **пискун** (*лискун*) и **пестун** (*листун*) ‘медвежонок старше года, оставшийся при матери’ разводятся в две словарные статьи, поскольку форма **пискун**, хотя и вторична и может быть связана с **пестун**, является уже лексикализованной единицей с другой мотивирующей основой, вероятно, порожденной народной этимологией. Однако в тех случаях, когда варианты различаются числом фонем, сведение их в одну графическую форму, на наш взгляд, не вполне оправдано. Возможно, что подача данных с «в протетическим» в качестве фонетических вариантов к основному заголовочному варианту с начальным *о* имеет основания, поскольку чередование *во/ов* в начале слова на всем массиве диалектного материала (в том числе в общенародной лексике, не включенной в словарь) является живым фонетическим явлением, и авторы, в деталях знающие живые процессы изучаемых говоров, именно это имели в виду, помещая варианты слов под одной заголовочной единицей. Однако количественный подсчет вариантов с *во/о*, помещенных в словаре, показывает их незначительное число в общей массе слов на **о-** — 7 статей: **обруч** (*вобруч*), **огник** (*вогник*), **окладни** (*вокладни*), **отень** (*вотинь, отинь*), **остродонка** (*астрадонка, вастрадонка*), **охлубень** (*вохлабинь, охлабинь*), **очеп** (*вочип, очап, очип, оцип*); притом что число лексем с начальным **о-** насчитывает примерно 300 единиц. Точно так же можно привести в качестве примера только 7 слов, представленных в словаре на букву «в», в которых начальное *во-* вторично и является вариантным к начальному *о-*: **возерá**, **вомуль**, **вострик** и др., но в словаре отсутствуют этимологически первичные варианты. Таким образом, на наш взгляд, варианты с «в протетическим» стремятся к лексикализации, а как живое явление по данным словаря чередование *во/о* фиксируется преимущественно в Мухоршибирском районе Бурятии. Такой же тщательный подход авторов обнаруживается не только в представлении словника, но и в описании семантики. Весь лексический и фразеологический материал прекрасно истолкован. Для каждого слова, описанного в словаре, имеются ясные, четкие, стилистически безупречные толкования. Данная работа поражает своей системностью, все синонимы или толкуются одинаковым образом, или имеют отсылки, причем выбор слова, являющегося основным в синонимическом ряду, всегда обоснован. Следует отметить, что качественной шли-

фовкой отличаются не только филологические толкования, но и энциклопедические, при представлении которых авторы показывают глубокое знание реалий и самого существа жизни описываемой диалектной группы. К достоинствам словаря следует отнести наличие в нем добротного иллюстративного материала. Каждое слово и значение подтверждается примерами его употребления в живой речи: **комя́га** ‘выдолбленное из цельного ствола дерева длинное корыто для кормления и поения домашнего скота (обычно лошадей)’: *Ане (комяги) бальшыи, метра на три, с цэльнава дерива выдалблины, с лисины абычна. Ане длинны, с круглым оном, их на землю пряма ставили, чурками патпирали, штоп ни кринилась. Для каней тока: вады ли, кармить ли.* Иллюстрации не только подтверждают употребление слова в том или ином значении, но и дополняют толкование, шире раскрывают его бытование.

В еще одном словаре сочетается профессиональный и узкокальный характер обследования — это «Краткий словарь русского островного говора (д. Ульяновка Сигнахского района ГССР)» (Тбилиси, 1977). Краткий словарь деревни Ульяновка относится к дифференциальному типу словарей и включает лексику, которая является достоянием диалектной речи. Изучение русских говоров на территории Грузии было начато членами кафедры русского языка Тбилисского государственного университета В. А. Жидко, М. И. Мулкиджанян, А. А. Хидешели в 1940 г. по предложению акад. Г. С. Ахвледзиани. Русские говоры были всесторонне изучены, и собранный в результате долголетней работы богатый материал дал возможность заняться составлением регионального словаря. Выбор пал на деревню Ульяновка, которая представляет собой одно из крупных русских поселений в Грузии. Среди поселений сектантов имеются такие, говоры которых гомогенны, потому что носители переселялись из одной местности. Говор деревни Ульяновка Сигнахского района Грузинской ССР как раз относится к говорам такого типа, так как деревня заселялась в 40-х г. XIX в. молоканами, выходцами из села Грачевка бывшего Балашовского уезда Саратовской губернии. Оторванный от основного языкового массива, этот говор, помимо других специфических особенностей, характеризуется наличием лексики, заимствованной из грузинского языка.

В настоящее время в русской диалектной лексикографии после длительного этапа составления дифференциальных алфавитных словарей, наметился переход к другим типам. Довольно часто такого рода переключение обусловлено новыми исследовательскими задачами и исчерпанностью (в какой-то мере) традиционных методов. Кроме того, значительно возросший интерес к изучению лексического состава русского языка с точки зрения его про-

исхождения, идеографического наполнения и включения полученных в результате анализа данных в новейшие научные парадигмы выводит в качестве популярного типа тематический словарь; см., например, «Тематический словарь вятских говоров» (Тематический словарь 2013).

Кроме того, в настоящее время стали выходить в свет ремесленные словари, небольшие словарики, составленные любителями русского слова, которые вносят посильный вклад в описание неисчерпаемого лексического богатства народной речи.

В любом словарном тексте можно выделить сущностные параметры словаря (заголовочное слово, смысл толкования) и интерпретационные (омонимия, иерархия значений, вариантность, стилистика толкования). Следует отметить, что намеченная нами трактовка параметров словаря не может быть постоянной в силу того, что в ряде случаев, в зависимости от организации материала, возможен переход интерпретационных параметров в сущностные. Так, например, показ вариантов слова в СРГК таким образом, что установка географической локализации слова не представляется возможной, переводит этот параметр в разряд сущностных.

В настоящее время, например, весьма различно представляется омонимия в диалектных лексикографических трудах³. Например, Б. И. Осипов пишет о «Словаре старожильческих говоров среднего Прииртышья», что в основной его части «хроническая болезнь всей нашей лексикографии — непоследовательность в разграничении омонимии и полисемии — дает себя знать не меньше, чем в любом другом лексикографическом труде, основанном на идее о необходимости такого разграничения. Почему, например, *завариха* ‘закваска’ и *завариха* ‘мучная каша’ — одно и то же слово в двух значениях, а *белянка* ‘белый груздь’ и *белянка* ‘сорт картофеля с белыми клубнями’ — омонимы? В дополнениях (к ССП. — С. М.) эта проблема в известном смысле снята: каждое новое значение оценивается как новое слово, как омоним. Иначе говоря, метонимия, метафора и конверсия рассматриваются как разновидности словообразования» (ССП Дополнения, 1: 3). См., например, словарные статьи этого словаря, представленные в виде омонимов:

СБОИНА¹, *-ы*, мн. ч. не употр., ж. Смесь муки с кожурой, один из хлебных суррогатов. *Сбоина* — с *кежурками* *мука*. (Мур. Гур.).

СБОИНА², *-ы*, мн. ч. не употр., ж. Пахта — обезжиренная сметана, образующаяся после сбивания масла. *Масло собьют* — *сбоина это, с ней хлеб пекли*. (Мур. Гур.) (ССП Дополнения, 1: 130).

³ Данная проблема уже рассматривалась автором ранее (Мызников 2001).

Данные диалектных словарей не только составляют важный компонент при историко-этимологических исследованиях, но и нередко служат основным материалом для различного рода штудий в мотивологии, словообразовании, морфемике и т.п. Получение нового качественного диалектного лексического материала в ходе полевых сборов вызывает сейчас большие затруднения и заставляет интенсивнее использовать диалектные словарные и рукописные источники. Привлекая те или иные словарные лексические данные как дополнительный материал для анализа, мы не подвергаем сомнению их научную достоверность, хотя в последнее время многие диалектные лексикографические источники подвергаются всесторонней критике. Однако рассмотрение этого вопроса не входило в наши задачи.

Литература

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецевой, Е. А. Нефедовой. М., 1980–2015. Вып. 1–16.
- Блинова и др. 2002 — *Блинова О. И., Гордеева О. И., Гынгазова Л. Г.* Практикум по русской диалектологии. 2-е изд., перераб. и доп. Томск, 2002.
- Блинова, Демешкина 2012 — *Блинова О. И., Демешкина Т. А.* Томская лексикографическая школа начала XXI в. (2002–2012 гг.) // Вопросы лексикографии (Journal of lexicography). 2012. № 1. С. 104–110.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863–1866. Т. 1–4 (1-е изд.); *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4 (2-е изд.); *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. СПб., 1903–1909. Тт. 1–4 (3-е изд.).
- Дилакторский 2006 — *Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия по рукописи П. А. Дилакторского. СПб., 2006.
- Дуров 2011 — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.
- Дубичинский 2008 — *Дубичинский В. В.* Лексикография русского языка: учеб. Пособие. М., 2008.
- Иванцова 2012 — *Иванцова Е. В.* Методологические проблемы создания словаря языковой личности // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 27–51.
- История 1998 — История русской лексикографии / Под ред. Ф. П. Сороколетова. СПб., 1998.
- Козырев, Черняк 2004 — *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Русская лексикография. М., 2004.
- Королева 2000 — *Королева Е. Е.* Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). Daugavpils, 2000. Ч. 1–2.
- Королева 2013 — *Королева Е. Е.* Диалектный словарь одной семьи – 2 (Пыталовский район Псковской области). Daugavpils, 2013.

- Краткий словарь 1977 — Краткий словарь русского островного говора (д. Ульяновка Сигнахского района ГССР). Тбилиси, 1977.
- Кудряшова 1996 — *Кудряшова Р. И.* Слово народное: Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем: Учеб. пособие. Волгоград, 1996.
- Кудряшова 1998 — *Кудряшова Р. И.* Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). Волгоград, 1998.
- Куликовский 1898 — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Лукьянова 2013 — *Лукьянова Н. А.* Новосибирская лексикографическая школа: история, теория, практика // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 94–114.
- Маслов 1993 — *Маслов В. Г.* Словарь говора Добринки (на материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области). Шуя, 1993.
- Материалы 1963 — Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
- Мельниченко 1961 — *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956). Ярославль, 1961.
- Меркурьев 1997 — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1997. 2-е изд., перераб.
- Мокиенко 1997 — *Мокиенко В. М.* [Рец.] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 181–185.
- Мызников 2001 — *Мызников С. А.* Омонимы в областных словарях // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). Псков, 2001. С. 145–156.
- ПЛИГО — Полевое лингвогеографическое обследование автора.
- Подвысоцкий 1885 — *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Полный словарь 2006–2012 — Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск, 2006. Т. 1: А–З; 2007. — Т. 2: И–О; 2009. Т. 3: П–Р; 2012. Т. 4: С–Я.
- Полный словарь 1992–1996 — Полный словарь сибирского говора / Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1992–1996. Т. 1–4.
- Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. М., 1960.
- Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961.
- Русинова 2010 — Русинова И. И. Пермская диалектная лексикография: результаты и перспективы // Вестник Пермского университета, 2010. Вып. 17. С. 106–112.
- СГДА — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь, 1984–2011. Вып. 1–6.
- СГРС — Словарь говоров русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–2011. Т. 1–5; Под ред. М Э. Рут. Екатеринбург, 2014. Т. 6.
- Селигер — Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А. А. Герда. СПб., 2003–2014. Вып. 1–6.

- Словарь 1999 — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Сост. Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова, М. Б. Матанцева, И. Ж. Степанова, Е. И. Тынтуева, О. М. Козина; под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.
- Сороколетов, Кузнецова 1987 — *Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д.* Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А. С. Герда. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. М.; Л., СПб., 1965–2014. Вып. 1–47.
- ССГП Дополнения — Словарь старожильческих говоров среднего Прииртышья. Дополнения / Под ред. Б. И. Осипова. Омск, 1998, 2003. Вып. 1, 2.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- ССРНГ — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Осовецкого. М., 1969.
- Супрун 1997 — *Супрун В. И.* Составные части региональной лингвистики // Русские народные говоры: проблемы изучения: Тез. докл. межвуз. научн. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. Г. Г. Мельниченко / Отв. ред. Т. К. Ховрина. Ярославль, 1997. С. 25–27.
- Тематический словарь 2013 — Тематический словарь вятских говоров / Отв. ред. З. В. Сметанина. Киров, 2013.
- Шчэрбін 2011 — *Шчэрбін В. К.* Некоторые аспекты агульнай тэорыі лексікаграфіі // Слово и словарь. *Vocabulum et vocabularium*: сб. науч. трудов по лексикографии. Вып. 12. Ред. В. В. Дубичинский и Т. Ройтер. Харьков, 2011. С. 10–14.
- Щербин 2007 — *Щербин В. К.* Структура восточнославянской лексикографии в конце XX столетия // Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularium*: Сборник научных трудов по лексикографии / Отв. ред. Л. В. Рычкова, В. Л. Воронович. Гродно, 2007. С. 24–27.
- Щербин 2009 — *Щербин В. К.* Роль теоретического знания в структуре современной лексикографии // Новое в теории и практике лексикографии: синхронный и диахронный подходы: материалы VIII Международной школы-семинара. Иваново, 2009. С. 282–286.

Summary

Sergej Myznikov

Modern dialect lexicography traditions and innovations

This article presents an analysis of dialect dictionaries in the context of the history of lexicography in Russia. It is proposed to analyze different types of dictionaries. It is noted that currently after a long phase of differential alphabetical dictionaries in the Russian dialect lexicography, there has been a shift to other types.

К вопросу о способах фиксации лексики диалектов

Устройство любого языкового идиома, являющегося естественным средством общения, может рассматриваться как комбинация двух основных компонентов. Это грамматическая структура и лексический фонд. В соответствии с этим, описание языка как синхронно функционирующей системы должно содержать информацию о правилах использования единиц грамматического, т. е. фонетического и морфемного уровней, а также давать сведения о словарном составе идиома. Эта идеальная по своему содержанию задача имеет разные возможности для своего разрешения в грамматическом и лексическом секторах.

Грамматический сектор языка состоит из фиксированного количества единиц, какими являются звук/звукотип, парадигма, неизменяемые части речи. На грани грамматики и лексики существуют словообразовательные морфемы. Создание адекватной грамматической модели идиома возможно благодаря тому, что сегменты, образующие эту модель, доступны достаточно полному непосредственному наблюдению и при этом связаны определенными системными отношениями. При использовании специальной грамматически ориентированной программы обследования идиома (диалекта) можно получить знания о составе грамматических сегментов, о правилах их сочетания в линейной последовательности и правилах их совместимости/несовместимости в составе разных текстов. Представление о грамматическом устройстве языкового идиома интуитивно присутствует в сознании всех лиц, которые пользуются им как средством общения. Идее грамматического сектора как целостного устройства не противоречит вариативность отдельных его компонентов. В диалекте такая вариативность может быть реакцией на контакты с литературным языком и результатом собственно структурной динамики диалекта.

Грамматика языка — это та система, сообразно которой организуется речевая деятельность носителей соответствующего языка.

В славянской диалектологии имеется опыт моделирования грамматических фрагментов системы диалектов. Можно назвать такие примеры, как синхронное описание болгарских диалектов в фонетическом и фонологическом аспектах (Калнынь, Попова 2007); описание морфемных моделей производных существительных в смоленских говорах (Луныкова 2013).

Грамматические правила накладываются на тот раздел языка, который в речевой реализации собственно и отражает картину мира, присутствующую в сознании носителей языка/диалекта, т. е. на лексику. Вместе с тем для изу-

чения устройства лексической составляющей идиома отсутствуют те предпосылки, которые делают доступным грамматическое моделирование.

Прежде всего это обусловлено особенностями организации лексического компонента в языке/диалекте. В этой связи сто́ит скептически отнестись к мнению, согласно которому к лексике применима системная интерпретация. Так, в (ЛЭС 1990: 260) сказано: «Лексикология изучает лексику языка как систему систем. Группы слов, образующие систему, могут различаться по объему, по тому, что лежит в основе их общности (форма или содержание), по степени сходства форм или значений лексических единиц, по характеру отношений (парадигматических или синтагматических) между лексическими единицами». В то же время отмечается, что «лексическая система наименее жесткая из всех подсистем языка, границы между группировками слов нечетки, одно и то же слово может в разных своих значениях и употреблениях относиться к разным категориям лексических единиц».

Из сказанного трудно сделать вывод о том, что лексика организована как языковая система, компоненты которой взаимосвязаны/взаимобусловлены и распределены по определенной схеме. Более правдоподобно, что речь может идти о классификации лексики в идиоме по разным признакам — семантика, стилистика, хронология, локализация в определенном идиоме (диалектная, литературная, просторечная, сленговая и др.). При этом каждая группа остается открытой и не исключает как пополнения, так и утрат.

Различные группы лексики составляют содержание разных типов словарей, в том числе и диалектных. Диалектный словарь может быть полным или дифференциальным. В полном словаре в принципе должна быть представлена вся лексика, обслуживающая среду обитания, труд, быт, духовные ценности, традиции, т. е. картину мира, существующую в сознании носителей диалекта. Насколько известно, именно такая лексикографическая задача лежит в основе создаваемого на филологическом факультете МГУ «Архангельского областного словаря».

Другой подход к отбору лексики реализуется в дифференциальном диалектном словаре. Этому соответствует определение лексического состава говора как «целостного единства, обслуживающего носителей данного говора» и в своем составе не совпадающего полностью с лексикой говора какого-либо другого населенного пункта; тем более в словаре исключена лексика, совпадающая с литературной по форме и семантике. Это — определение из словаря д. Деулино (Словарь 1969: 9, 26).

Любой диалектный словарь (как, впрочем, и литературный) содержит объем слов, количественно не совпадающий с тем составом лексики, которая ре-

ально используется в речи отдельных носителей идиома. Чаще всего лексический репертуар отдельных лиц уже общего словарного состава идиома — индивидуальная речь основана на выборе определенной части из общего лексикона. И это понятно, поскольку общий словарь избранного идиома составляется на основе речи многих его носителей, имеющих разный уровень образования, живущих в разной среде, характеризующиеся разным восприятием картины мира. Среди них — лица, которые не только используют современную лексику, но и употребляют редкие или выходящие из употребления, но сохранившиеся в памяти немногих, слова. Лицам, говорящим на одном языке/диалекте, свойственны разные лексические предпочтения. Это отражается уже в том, что отдельные носители языкового идиома, в том числе и диалекта, пользуются в своей речи разным количеством слов.

Проблеме количественного состава лексикона отдельного носителя языка посвящены специальные исследования. Приведенные далее наблюдения взяты мною из статьи (Коготкова 1975: 295), где она, в свою очередь, цитирует работы других исследователей. Так, в статье (Скитова, Огиенко 1971: 30–31) показано, что активный запас слов известного им носителя диалекта превышает 8000; словарь интеллигента — 15 000 слов; не интеллигента — от 1000 до 2000 слов и др. Как сказано в статье в *АиФ* (2014 г., № 35), современный трудовой мигрант (гастарбайтер) для легализации своего статуса в России должен знать не менее 1300 слов русского языка.

Количественная характеристика употребляемой лексики соотносится с социологическими оценками. В качестве комического примера сокращения лексикона до 30 слов приводят И. Ильф и Е. Петров речь Элочки-Людоетки в романе «Двенадцать стульев». Политика планомерного сокращения состава лексики под названием «новояз» описана Оруэллом в романе «1984». Достигается это в основном устранением синонимов — для двух слов придумывается замена в виде одного слова. Цель новояза — социальная унификация общества, в том числе и в речевом поведении. «Новояз был призван не расширять, а сузить горизонты лексики, и, косвенно этой цели служило то, что выбор слов сводился к минимуму» (Оруэлл 1989: 234).

Лексика личности с очевидностью эксплицирована в литературных текстах одного автора. Примером этого являются словари писателей. Например, словарь языка Пушкина (21290 слов) (Словарь Пушкина). Но в таких словарях не исключено, что автор текста, подвергнувшегося словарной обработке, в своей речевой практике использовал и такую лексику, которая не вошла в письменные тексты.

И наоборот, возможна ситуация, когда автор включает в текст произведения слова, которые он в своем повседневном общении не использует. Напри-

мер, писатель В. Личутин в своих произведениях широко использует лексику своего родного севернорусского мезенского диалекта. Однако вряд ли в своем повседневном общении, тем более в официальном, к тому же в городской среде, В. Личутин пользуется словами *взаболь* 'вправду', *вытонял* 'похудел', *говоря*, *назлить* 'надерзить' и под. Примеры взяты из романа В. Личутина «Долгий отдых» (изд-во «Современник», М., 1977, 333 с.); более подробный анализ лексики этого произведения дан в (Калынь 1998).

Если в применении к современному автору предположение о различии в составе лексики, отраженной в тексте, с одной стороны, и используемой в речи, с другой, вполне вероятно, то относительно авторов прошлого это не так очевидно. Так, Лесков в повести «Запечатленный ангел» использует слова: он был *средовек* 'среднего возраста', брови *хохловатые*, *суеречить* 'пустословить', *обмогнуться* 'выздороветь', *нетяг* 'плохой работник', [как ужасно его *изневяствовали* 'исказили'] и др. (Лесков. Собр. соч.). Неизвестно, употреблял ли Лесков эти слова в своей речи. В то же время следует иметь в виду, что лексика писателя, используемая только в тексте, является частью общего лексикона писателя, но востребована она только в определенной ситуации. При обычном языковом общении эта часть лексики находится как бы в анабиозе. В этой связи интересно наблюдение Т. С. Коготковой, сделанное ей применительно к иной, чем литературный текст, ситуации. Она обнаружила, что у бывшего носителя диалекта, овладевшего литературным языком, в преклонном возрасте оживает диалектная лексика. Это описано автором как «возрастные явления возврата к материнской основе речи» (Коготкова 1970: 140–143).

То обстоятельство, что отдельные носители языка/диалекта используют в своей речи индивидуальный набор лексических средств, выбранных из общего лексического фонда, лежит в основе идеи описания лексикона личности. Такой словарь может быть составлен в результате наблюдения над живой речью одного индивидуума. В русской диалектологии словарем такого типа является составленный В. П. Тимофеевым «Диалектный словарь личности» (Тимофеев 1971). Словарь состоит из 2705 слов. Анализ этого словаря содержится в статье (Коготкова 1975). На эту статью я далее ссылаюсь.

Словарь составлен на основе долговременного наблюдения (20 лет) над речью носителя диалекта, язык которого подвергся влиянию литературного языка. Использовался не только метод наблюдения над речью информанта, но и метод прямого опроса. Долговременное наблюдение над речью диалектоносителя было направлено на выявление диалектной части лексического фонда информанта, т. е. лексики, не входящей в стандарт. Метод же опроса

(сравнение со словарем Ожегова) направлен на выявление слов стандарта, узанных диалектоносителем. Не все из этих слов входят в активный фонд лексического набора информанта.

В конечном итоге, как отмечает Т. С. Коготкова (1975), «демонстрация индивидуальных свойств словаря обследуемой личности осуществляется в диалектной части ее лексикона». Это — набор собственно диалектных слов и семантических диалектизмов (по форме литературное слово, по значению диалектизм), составляющий лексический портрет личности. Поскольку портрет индивидуальный, то априорно не все в лексике этой личности совпадает с лексикой того диалектного коллектива, к которому относится информант.

В чем значение описания лексики отдельной личности? Язык существует как общее средство коммуникации в определенном коллективе. Но в своем синхронном использовании, т. е. в речи конкретных членов этого коллектива, язык индивидуализирован. В особенности это относится к лексике как компоненту языка, наиболее очевидно формирующему картину мира в сознании говорящих. В своем полном составе лексика идиома никогда не входит в лексикон отдельной личности. Лексический состав языка/диалекта предоставляет говорящему индивидууму возможность выбора. При этом выбор в диалекте, в отличие от выбора в литературном языке, не обременен фактором нормативности. Важно выяснить, насколько могут быть масштабны расхождения в использовании лексики диалекта разными его носителями. В конечном счете могут быть выяснены и причины такого расхождения — социологические, генерационные, контакты с другими языками.

Установление вариантов лексикона отдельных личностей не только создает картину особенностей использования лексики в рамках определенного диалекта. В дальнейшем эти данные могут помочь понять динамику этого диалекта.

Литература

- Калнынь, Попова 2007 — *Калнынь Л. Э., Попова Т. В.* Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации. М., 2007.
- Калнынь 1998 — *Калнынь Л. Э.* Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка // Вопросы языкознания, 1998, № 6. С. 58–67,
- Коготкова 1970 — *Коготкова Т. С.* Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 104–152.
- Коготкова 1975 — *Коготкова Т. С.* Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи (по материалам современных областных словарей) // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 285–301.

- Лесков (Собр.соч.) — Лесков Н. С. Собр. соч. М., 1989. Т. 1.
- Луныкова 2013 — Луныкова Е. С. Опыт описания частной морфемной модели в смоленских говорах // Исследования по славянской диалектологии. М., 2013. Вып. 16. С. 247–156.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Оруэлл 1989 — Дж. Оруэлл. 1984. М., 1989.
- Скитова, Огиенко 1971 — Скитова Ф. Л., Огиенко Е. А. Из наблюдений над словарным запасом одного человека // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1971. Вып. II. С. 26–39.
- Словарь Пушкина — Словарь языка Пушкина / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1956–1961. Т. 1–4.
- Словарь 1969 — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанский район Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Тимофеев 1971 — Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.

Summary

Lyudmila Kalnyň

On methods of registering dialect lexis

Dialect lexis is registered in dictionaries of different types — so called complete and differential dialect dictionaries. Such dictionaries provide information on lexicon of a dialect in general. However, the vocabulary of particular dialect speakers does not necessarily coincide with the entire lexicon and is usually limited to some of its fragments. This makes so called *personal dictionaries* an important part of dialect lexis studies. By comparing several personal dictionaries one can analyze the differences between individual dialect vocabularies. This may help to clarify the reasons of such divergence — sociological, generational or caused by contacts with other languages. Describing varieties of personal dialect vocabularies is necessary for studying the dialect lexicon.

Диалектная лексика в новейших словарях белорусского языка

1. Лексикографическая работа всегда считалась очень важной и необходимой для развития белорусистики, а также функционирования языка в целом. Это понимали и не раз подчеркивали ведущие отечественные языковеды. «Литературные языки на современном этапе развития общества успешно могут выполнять свои общественно-культурные функции при условии, что они обеспечены основными необходимыми словарями», — писал историк белорусского языка А. И. Журавский (Журавский 1988). Лексикографическая деятельность признавалась приоритетной: были созданы многочисленные специализированные справочники (энциклопедические, нормативные, толковые), этимологический и исторический словари, диалектологические словари, представившие лексику практически из всех белорусских регионов. Российским диалектологам это лексикографическое направление известно прежде всего по работам «Лексика Полесья: Материалы для полесского диалектного словаря» (1968), «Тураўскі слоўнік» в 5 т. (1982–1987), «Слоўнік гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча» в 5 т. (1976–1986).

В 2010 году был принят закон «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі», вводящий в действие новую редакцию правил. Это выдвинуло на первый план задачу привести в соответствие с новыми правилами справочную и учебную литературу и обеспечить применение на практике новых правил во всех сферах функционирования литературного языка (в системе образования, в СМИ, научной гуманитарной сфере). Результатом плодотворной работы академических языковедов стал опубликованный «Словарь белорусского языка» (СБМ 2012), подготовленный коллективом авторов под редакцией А. А. Лукашанца и В. П. Русак. Названный словарь — это фундаментальный справочник по лексике белорусского языка, включающий почти 150 тысяч слов и реализующий на практике новые правила белорусской орфографии и пунктуации.

Этот словарь в определенной степени является показателем вхождения диалектной лексики в современный белорусский литературный язык. Основания для такого утверждения следующие. Новый словарь был подготовлен на базе «Словаря белорусского языка» (СБМ 1987), вышедшего под редакцией Н. В. Бирилло. Чтобы подчеркнуть эту преемственность, решено было сохранить название словаря для издания 2012 года — ведь на протяжении 25

лет СБМ 1987 был основным, а точнее сказать, единственным нормативным справочником, допускавшим вариативность в использовании слов и словоформ. Бесперывная эволюция элементов всех уровней языковой структуры белорусского языка, литературную основу которого составили говоры центральной части территории Беларуси, позволила тогда включить в словарь лексемы с пометой *областное* (*абласное* — *абл.*), распространенные в говорах различных белорусских регионов. Однако сейчас все же можно судить, что при отборе лексических средств для фиксации в словаре приоритет отдавался говорам северо-западной и центральной Беларуси, потому что даже среди редкоупотребимых диалектных лексем единицы с этих территорий составляют подавляющее большинство. Получив же лексикографическую фиксацию в нормативном словаре, основной массив этой региональной лексики стал активнее использоваться в языковой практике, и, исходя из этого, было решено включить его в новейшее издание. Так, например, из 30 слов на букву А с пометой *абл.* в словаре 1987 г. — 26 слов конкретной и абстрактной лексики вошли в новый нормативный словарь 2012 г. Ср. *аблетак*, *аблуда*, *аблудны*, *абмылка*, *аброк*, *авохці* (выкл.), *агрэбкі*, *алёс*, *алёсавы*, *альсовы*, *аплік*, *аполец*, *апрастаны*, *апрастацца*, *апростванне*, *апроствацца*, *апростваць*, *аса-вік*, *асва*, *асвер*, *асвіны*, *асклізы*, *аснач*, *асначыць*, *ашаламаніцца*, *ашаламаніць* зафиксированы в новом издании словаря, но только уже без помет, а на правах общеупотребительной кодифицированной лексики. И только 4 лексемы — *аблонь*, *аблублицца*, *абыраць*, *адале* — не были включены в новый словарь, поскольку сохранили выраженную региональную окраску и не получили широкого распространения. Таким образом, определенная часть диалектной лексики получила фиксацию в новейшем нормативном словаре белорусского литературного языка.

Почти одновременно со словарем (СБМ 2012) вышел в свет «Вялікі слоўнік беларускай мовы: арфаграфія, акцэнтацыя, парадыгматыка» под ред. Ф. А. Пискунова (ВСБМ 2012). В реестр словаря включено около 223 тысяч слов, однако надо учитывать, что сюда вошли и диалектные слова из напечатанных ранее областных словарей: *зекры* ‘вочы’, *дуйка* ‘завіруха’ (могилевские говоры), *абэлтух* (простореч.), *кагадзе* ‘только что’ (говоры Слуचчины). В издании ни распространение лексем, ни их стилистическая окрашенность, а также нормативная фиксация автором не учитывались. Зачастую совсем неоправданными представляются рекомендации словаря, подающие, например, архаические формы Дат. п. мн. ч. *паплавом*, Мест. п. мн. ч. (на) *паплавох* и т. д. Однако важно подчеркнуть, что в этом словаре зафиксирован основной массив диалектных белорусских лексем.

2. Академическим лексикографам, учитывая специфику формирования белорусского литературного языка на народной основе, представляется необходимым пополнить реестр 2-го издания современного нормативного справочника более широким включением общеупотребительной лексики из опубликованных диалектологических источников. Ведь со времени так называемых нулевых годов диалектологи института издали несколько тематических словарей — «Жывёльны свет» (1999), «Раслінны свет» (2001), «Чалавек» (2006). В них представлены выбранные из разных ранее изданных словарей региональные народные названия животных, растений, человека и лексика, связанная с их характеристиками и жизнедеятельностью. При высокой степени распространения на белорусской диалектной территории многие местные (региональные) слова в словарных статьях сопровождаются пометой «общеупотребительное» (*агульнае* — *агульн.*): *сухазелле, віка* и др. Введение их в литературный язык пополнит отдельные тематические группы слов.

3. Благодаря сложившемуся сотрудничеству академических языковедов и сотрудников Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси некоторые задачи лингвистического исследования мы теперь можем автоматизировать, имея возможность шире использовать методы и средства компьютерной лингвистики для оптимизации процессов лингвистического исследования. Так, например, нами уже реализована возможность вычленения из корпуса белорусского языка лексики, которая находится за пределами норм литературного языка, в том числе диалектизмов разного уровня (диалектные восклицания и диалектная лексика). Для текстологического анализа диалектизмов были выбраны романы трилогии И. Мележа «Палеская хроніка». Для выполнения поставленной задачи с помощью программы Nooj была создана так называемая «синтаксическая грамматика», а если сказать проще, нами были расписаны возможные синтаксические алгоритмы построения словосочетаний (см. рис. 1). Их цель — искать в корпусе восклицательные, восклицательно-вопросительные предложения и создавать из них конкорданс, выделив диалектные слова (типа *ну во, ану, вось-цо-да*). Для работы с текстом в основу алгоритма положено полное описание структуры белорусского предложения (Hetseвич 2012: 30; Гецэвіч 2012: 260).

На рис. 1 можно видеть подобные алгоритмы SentenceStructure. В этом алгоритме выделяются два блока: внутренний состав предложения и знаки препинания его конца. Так, в первом блоке описаны все возможные для середины предложения знаки, такие как запятая, тире, скобки, а также учтено, что некоторые из символов конца предложения могут встречаться в середине, например, если в предложении есть прямая речь. Чтобы избежать оши-

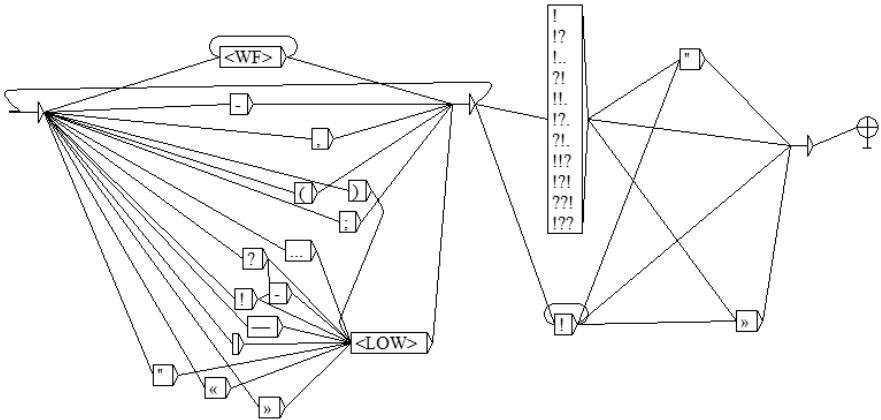

Рис. 1. Синтаксические алгоритмы SentenceStructure.

бок, в алгоритме указано, что восклицательный знак, вопросительный знак и т. д. считаются символами середины предложения только тогда, когда слово после них начинается со строчной буквы (<LOW>). В блоке знаков конца предложения перечислены все варианты постановки восклицательных или вопросительных знаков в восклицательно-вопросительных предложениях. Таким образом, составленные синтаксические алгоритмы позволяют найти в тексте последовательность слов (возможно разделенных знаками препинания из первого блока) ограниченных любой комбинацией символов из второго блока с обязательным наличием хотя бы одного восклицательного знака.

Результаты работы алгоритмов проверялись на корпусе художественных текстов белорусских авторов XX и начала XXI века, которые потенциально содержат большое количество восклицательных предложений и, соответственно, первичных и производных междометий. Объем корпуса составил 340696 словоупотреблений. Авторы статьи — эксперт-филолог и программист — обработали полученные данные.

Программа алгоритмов SentenceStructure нашла 6414 восклицательных и восклицательно-вопросительных предложений, например: бел. *Эх ты, эмбрыён! Ах ты, бедненькі! Ох, гэтае свежае паветра! – Ану, наспрабуўце, вазьміце! – А-а-а!!! Ну во!.. Э, што там такое! К урадніку, гіцаль, вось-цо-да!* Было подсчитано, что в корпусе 6471 звательное или восклицательно-вопросительное предложение, а еще среди предложений, найденных программой,

49 содержат явные ошибки. Так, средняя гармоническая величина составила 99%. Итоговый конкорданс (6471 предложение) был передан программисту, который отобрал предложения с междометиями и восклицаниями. Общее количество составило 841, среди них 256 с непроизводными междометиями и 585 с восклицательно-вопросительными словами.

Детальный обзор корпуса подтвердил тот факт, что чаще всего междометия и восклицания содержатся в восклицательных (67%) предложениях, в восклицательно-вопросительных предложениях их количество составило 3%. Для дополнительной проверки поиска всех междометий и восклицаний был просмотрен общий корпус упомянутых художественно-литературных текстов. В составе общего корпуса были зафиксированы междометия и восклицания в повествовательных предложениях (30%). Составленный корпус и дополнительные меры по оптимизации работы с ним исследователей позволили облегчить процесс классификации междометий и восклицаний, а также установления статистики их применения в текстах.

В вышеназванной программе NooJ был проведен лексический анализ «Палескай хронікі» И. Мележа на основании словаря общеупотребительных слов белорусского языка, составленного по тексту первых 12 глав «Каласоў пад сярпом тваім» В. Короткевича. После лексического анализа ряд слов попал в категорию «Неизвестные» (5305 словоформ). Из списка были удалены собственные имена и явные опечатки. Таким образом, все оставшиеся слова или нормативные, но не зафиксированы в словаре, или ненормативные, в том числе диалектизмы.

Before	Seq.	After
наводдаль, блізка ад	падрослага	куста, у Васіля
зайздрослівае: «Там!.. ...	було	!..» Адразу, нібы зусім
радасць успаміну ўлез,	зашчымеў	нядобры жаль, і
чым! Як жарабя,	катораму	шчэ рана ў
Як жарабя, катораму	шчэ	рана ў аглоблі
заявіў сам сабе: «	Було	— сплыло! Дак значыць
сабе: «Було — сплыло!	Дак	значыць: як і
як і не	було	!..» З гэтым настроем
сам выняў касу,	мянташку	, торбу з салам
траве, з вераўчаным	путам	у руцэ павёў
Спутай, пусціў пасвішч	Штоб	спадзей лобна... вярпей

Query 27143/27143

Рис. 2. Результаты поиска диалектизмов по словам из категории «Неизвестные».

Список наиболее употребительных «неизвестных слов», например: *ето, от, дак, шчэ, ужэ, штоб, було, мабуць, нічога*, возглавляют те, которые являются примерами территориального изменения фонетического состава слов, обусловленного вариантностью вокалических систем полесских диалектов.

Таким образом, мы убедились в возможностях дальнейшей обработки, уточнения и настраивания под конкретные задачи инструментов программы Nooj. Это может быть полезным для исследователей-диалектологов, которые работают с письменным текстом.

4. Еще в одном новом для белорусистики типе словаря применяется компьютерная обработка реестра — при создании первого полного «Обратного словаря белорусского языка». Учитывая, что основной реестр словаря был составлен в конце 1980-х — начале 1990-х годов и в него включена диалектная лексика с указанием словаря-источника (Тураўскі слоўнік, Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны і др.), например: *патарáплівацца* Ю²; *задаўнівацца* лит. — *побач удаўнівацца* Б, *нахму́рвацца* лит. — *побач уну́рвацца* К, *салóха* К, Кч — *побач плóха* Бч, Сч; *падво́ра* Бч, Ю¹, — словарь получается объемный (в нем насчитывается более 90 уч.-изд. л.); кроме того, требуется пополнить его новой лексикой, как литературной, так и диалектной. Для усовершенствования результатов работы и ускорения издания словаря будут применяться компьютерные программы обработки материалов.

5. Создание больших и малых фундаментальных и специальных нормативных или диалектных словарей невозможно без учета традиций, накопленных в науке знаний, без обобщения и теоретического осмысления лексикографического опыта. Лексикографические идеи предшественников легли в основу «Сводного полного словаря белорусского языка», над которым в настоящее время ведут работу белорусские диалектологи.

6. Специально для качественного построения первого орфоэпического словаря белорусского языка был разработан Интернет-сервис «Генератор орфоэпического словаря» (<http://corpus.by/orthoepicDictionaryGenerator/>). Он принимает на вход списки слов (в алфавитном порядке, каждое следующее — с нового абзаца) с ударениями и выбранный режим работы. Пользователь может выбрать один из следующих двух режимов:

1) обработка первой формы слова: сервис выделит первое слово в каждом абзаце и выведет список полученных слов вместе с их транскрипциями;

2) обработка всех форм слова: сервис выделит все слова из входного текста и после каждого слова присоединит его фонетическую транскрипцию.

Результаты работы алгоритма выдаются пользователю в зависимости от выбранного режима в виде списка первых слов каждого абзаца с их транск-

Orthoepic Dictionary Generator

Please input a text
Калі ласка, увадзіце тэкст

Clear / Ачысціць!

Please input stop-words
Калі ласка, увадзіце стоп-слывы

сакалянн [сакаленн (нэ), РДМ сакаляннці, сакаленнм; мн. сакалянны, РВ сакаляннц, сакаляннтам, сакаляннтамі, сакаляннцах
сакаляннта н. НВ сакаляннта, сакаляннці, ДМ сакаляннту, сакаляннтам; мн. сакаляннці, РВ сакаляннтак, сакаляннтакам, сакаляннтамі, сакаляннтах
сакалтнн м. РВ сакалтніка, ДМ сакалтніку, сакалтнікам; мн. сакалтнікі, РВ сакалтнікаў, сакалтнікамі, сакалтнікамі, сакалтніках

H
P
Д
В
Т
М

- Апрацоўка першай формы слова
- Апрацоўка ўсіх формаў слова

Get text with transcriptions! / Атрымаць тэкст з транскрыпцыямі!

сакалянн [сакал'ан'нэ] **сакаленн** [сакал'ан'нэ] **НВ** сакалянн [сакал'ан'нці], сакаленнм [сакал'ан'ном]; **мн.** сакаляннцы [сакал'ан'нцэ], сакаленнтам [сакал'ан'нтам], сакаляннтамі [сакал'ан'нтамі], сакаляннцах [сакал'ан'нцах]

сакаляннта [сакал'ан'н'атка] **н.** **НВ** сакаляннта [сакал'ан'н'атка], сакаляннтак [сакал'ан'н'атка], сакаляннтамі [сакал'ан'н'атамі], сакаляннтах [сакал'ан'н'атках] **мн.** сакаляннці [сакал'ан'н'аткі], **РВ** сакаляннтак [сакал'ан'н'атка], сакаляннтамі [сакал'ан'н'атамі], сакаляннтах [сакал'ан'н'атках] **м.** **РВ** сакаляннтак [сакал'ан'н'атка]

сакалтнн [сакал'ан'н'ік] **м.** **РВ** сакалтніка [сакал'ан'н'іка], сакалтнікам [сакал'ан'н'ікамі], сакалтнікі [сакал'ан'н'ікі], **РВ** сакалтнікаў [сакал'ан'н'ікаў], сакалтнікам [сакал'ан'н'ікамі], сакалтніках [сакал'ан'н'іках] **сакас** [сак'ас] **м.** **НВ** сакас [сак'ас], сакасу [сак'асу], сакасам [сак'асам], сакасе [сак'асэ]

сакатанне [сакатан'нэ] **н.** **НВ** сакатанне [сакатан'нэ], сакатанню [сакатан'нэ], сакатаннем [сакатан'нэм], сакатанні [сакатан'нэ]

сакатун [сакатун] **м.** **РВ** сакатуна [сакатуна], сакатуну [сакатуну], сакатунам [сакатунам], сакатунай [сакатунай], **РВ** сакатуну [сакатуну], сакатуну [сакатуну], сакатунам [сакатунам], сакатунай [сакатунай]

сакатуха [сакату'а] **ж.** **Р** сакатухі [сакату'хі], **ДМ** сакатусе [сакату'сэ], сакатуху [сакату'ху], сакатухай [сакату'хай] (-аю); **мн.** сакатухі [сакату'хі], **РВ** сакатух [сакату'а], сакатухам [сакату'хам], сакатухамі [сакату'хамі], сакатухах [сакату'хах]

саква [саква] **ж.** **Р** саквы [сак'вы], **ДМ** саквай [сак'вай] (-аю); **мн.** **НВ** саквы [сак'вы], саквай [сак'вай], саквам [сак'вам], саквамі [сак'вамі], сакваў [сак'ваў]

рипциями, либо сплошного входного текста с транскрипциями после каждого слова, а также эксперту-лингвисту и инженеру-программисту — в виде всех введенных входящих, итоговых и аналитических (величина текста, IP-адрес, время и т. д.) данных для оперативного исправления ошибок сервиса и общего статистического анализа его использования.

С помощью Генератора обработаны все начальные формы слов для электронного орфоэпического словаря белорусского языка, который уже размещен в Интернете. Кроме того, на его основе подготовлено издание первого «Орфоэпического словаря белорусского языка», который будет в ближайшее время напечатан в издательстве «Белорусская наука».

Таким образом, объединив усилия двух заинтересованных академических коллективов, мы можем теперь интенсивнее и качественнее продолжать нашу лексикографическую деятельность, а также усовершенствовать программу синтеза и распознавания речи.

Литература

- ВСБМ 2012 — Вялікі слоўнік беларускай мовы: арфаграфія, акцэнтацыя, парадыгматыка / Пад рэд. Ф.А. Піскунова. Мінск: Зміцер Колас, 2012.
- Гецевіч 2012 — *Гецевіч Ю. С.* Ідэнтыфікацыя выразаў з адзінкамі вымярэння ў навукова-тэхнічных і прававых тэкстах на беларускай і рускай мовах // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации (РИНТИ-2012) : доклады XI Международной конференции (Минск, 15 ноября 2012 г.). Минск: ОИПИ НАН Беларуси, 2012. С. 260–265.
- Журавский 1988 — *Жураўскі А. І.* Беларускае савецкае мовазнаўства: здабыткі, праблемы, шляхі развіцця // Беларус. мова і літ. у школе. 1988. № 2. С. 9–15.
- СБМ 1987 — Слоўнік беларускай мовы: Арфаграфія. Арфаэпія. Акцэнтацыя. Словазмяненне / Пад рэд. акад. М. В. Бірылы. Мінск, 1987.
- СБМ 2012 — Слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; уклад. Н. П. Еўсіевіч [і інш.]; навук. рэд. А. А. Лукашанец, В. П. Русак. Мінск: Беларуская навука, 2012.
- Hetseвич 2012 — *Hetseвич Y.* Overview of Belarusian And Russian dictionaries and their adaptation for NooJ //Automatic Processing of Various Levels of Linguistic Phenomena Selected Papers from the NooJ 2011 Intern. Conf. / Eds. Vučković Kristina, Bekavac Božo, Silberstein Max. Newcastle : Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 29–40.

Summary

Valentina Rusak, Yuryj Getsevich

Dialect Vocabulary in the Newest Dictionaries of the Belarusian Language

This article discusses issues related to fixation of dialect words in standard dictionaries of the Belarusian literary language. The positive dynamics of appending dialect lexemes to modern registries have been noticed. Specific examples of such dynamics have been given. Software capabilities of lexicographic words fixation at the present stage have been described.

Производная лексика смоленских говоров (на материале существительных, обозначающих артефакты)

Смоленские говоры имеют длительную и сложную историю существования. В ходе развития в них происходили естественные для любой формы языка изменения, обусловленные как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

По происхождению это северновеликорусские говоры (говоры кривичей верхнего Поднепровья), они принадлежат к северной группе восточнославянских племенных диалектов. Вторичная основа смоленских говоров — южновеликорусская. В настоящее время смоленские говоры относятся к Западной и Верхне-Днепровской группам южновеликорусского наречия (Захарова 2004).

Географическое положение смоленских говоров способствовало их тесным контактам с северновеликорусскими, южновеликорусскими и среднерусскими переходными говорами. В разное время смоленские говоры испытывали влияние польского и белорусского языков. Кроме того, в смоленских говорах сохранился существенный пласт древнерусской лексики.

Эти и некоторые другие обстоятельства привели к тому, что на территории Смоленщины сформировалась и до настоящего времени функционирует весьма непростая и в высшей степени интересная диалектная структура, обладающая яркими особенностями на разных уровнях, в том числе и в лексике.

Состав лексики смоленских говоров можно условно поделить на три группы: наименования артефактов, натурфактов и наименования лиц.

Артефакты обозначают 6649 слов (для обобщенной характеристики можно использовать иные данные — примерно 6700 слов), функционирующих в пределах лексической системы смоленских говоров (материалы взяты из 'Словаря смоленских говоров' и картотеки словаря). Из них 4475 слов являются производными и находятся в центре внимания в данной статье. Производные слова мотивируются самыми разными частями речи и сочетаниями слов, в частности, было выявлено:

- 1994 отсубстантивных,
- 1732 отглагольных,
- 596 отадъективных,
- 117 сложных слов,
- 32 отнумеративных,

- 2 отместоименных,
- 2 отнаречных слова.

Словообразовательная производность диалектных слов устанавливается в соответствии с критерием формального и семантического соответствия производящих и производных основ, сформулированным Г. О. Винокуром (Винокур 1946). Различия между синхронными и диахроническими словообразовательными связями, наблюдаемыми в производных диалектных единицах, проводится с учетом применения к исследованию языковых явлений деривационного, системно-парадигматического и функционального аспектов (Николаев 2010: 3–20), причем факты, соответствующие по этой терминологии деривационному (историческому) аспекту, остаются за пределами данной статьи.

Установление производности диалектного слова производится каждый раз с учетом живых словообразовательных связей внутри смоленского диалекта, поэтому к непроизводным (но иногда при этом членимым на морфемы) словам относится достаточно большое количество единиц, не соотносимых с производящими по причине утраты последних в говорах — такие слова отсутствуют в ‘Словаре смоленских говоров’, картотеке словаря, а также в источниках, описывающих смоленский диалект на протяжении последних полутора сотен лет. Этот факт не исключает возможности функционирования диалектного слова в соседних со смоленскими группах говоров, где у него могут обнаруживаться необходимые производящие основы и живо сохраняются словообразовательные связи — в таком случае можно говорить о производности диалектной единицы именно в данной группе говоров. Можно предположить, что процессы опрощения и переразложения диалектных основ на разных участках деривационных подсистем разных групп говоров происходят с разной степенью интенсивности, что объясняет большое количество условно членимых, но при этом непроизводных слов в смоленских говорах.

Обращает на себя внимание разнообразие отношений производности в каждой из выделенных подгрупп: производящие слова принадлежат как смоленским говорам, так и общерусскому языку, оформляются самыми разными частями речи. Очевидно, специфика словообразовательных отношений для слов, формирующих производную лексику смоленских говоров, связана именно с разнообразием этих отношений.

Непроизводных существительных в группе с предметной семантикой совокупно обнаруживается 2174 слова, т. е. в два с лишним раза меньше, чем производных. Непроизводные слова заслуживают особого внимания, поско-

льку многие из них сохранили слабую степень членимости и могут иллюстрировать факты диахронического диалектного словообразования (например, условно членимое *баргаллик* ‘ковшик’ и под.).

Производные и непроизводные диалектные слова возможно классифицировать разными способами с учетом их лексического значения, проводить обобщения на основании самых различных признаков (Оссовецкий 1982; Козырев 1984; Осадчий 2009). В данной работе использовалась классификация лексики на основе таксономического и мерологического деления деноменов, которая, как представляется, может быть использована для дальнейшего решения задач диалектного словообразования. В основе данного противопоставления лексических единиц лежит представление о предмете как о явлении объективной действительности и части данного предмета. В смоленских говорах на 4761 слово, называющее целый предмет, сделанный руками человека, приходится 1888 слов, называющих части этих предметов (в данном разграничении характер производности не учитывается), т. е. соотношение составляет примерно пять слов к двум.

В рамках одной большой группы существительных со сходным предметным значением согласно таксономической классификации лексики были выделены десять лексико-семантических подгрупп: ‘Пространство’, ‘Здания и сооружения’, ‘Еда и напитки’, ‘Инструменты и приспособления’, ‘Посуда’, ‘Транспорт’, ‘Мебель’, ‘Одежда и обувь’, ‘Музыкальные инструменты’ и ‘Оружие’, причем две последние подгруппы крайне малы по составу. Остальные восемь подгрупп различаются по наполнению словами.

Необходимо заметить, что количественные характеристики подгрупп в данном случае, как и общие подсчеты единиц лексики, называющей артефакты, носят достаточно условный характер: в ходе дальнейших полевых исследований, уточнения материалов картотеки возможны как добавления, так и исключения определенных слов в той или иной подгруппе. Наконец, нужно упомянуть о неизбежной субъективности, связанной с разграничением семантики диалектных слов в условиях размытых контекстов.

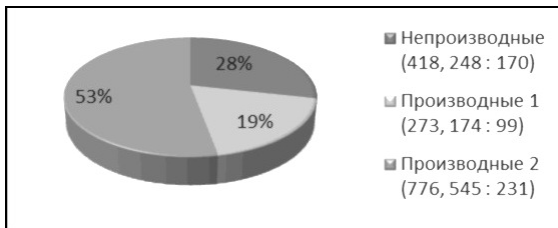
Гораздо важнее, на наш взгляд, соотношение производных и непроизводных слов в рамках каждой из выделенных подгрупп — именно эти пропорции являются индикаторами своеобразия каждой диалектной подгруппы и, можно предположить, не будут существенно изменяться в дальнейшем.

Рассмотрим каждую из подгрупп подробнее, расположив их в порядке убывания количества слов. В качестве лексических иллюстраций в каждой подгруппе приводятся существительные, выбранные произвольно (по объективным причинам невозможно давать в каждом случае подробные списки

слов) — как производные, так и непроизводные, поскольку последние важны для общей характеристики лексики смоленских говоров и позволяют представить содержание лексико-семантических подгрупп во всем многообразии.

На диаграммах, обобщающих сведения по подгруппам, обозначено соотношение слов в каждом случае: непроизводных, производных I типа (с диалектными производящими основами) и производных II типа (с общерусскими производящими основами). Для каждой подгруппы в скобках дается указание количества существительных и их таксономической/мереологической характеристик (например, на диаграмме, характеризующей группу 'Инструменты и приспособления', данные «Непроизводные 418, 248:170» читаются следующим образом: всего в группе, называющей инструменты и приспособления, 418 непроизводных слов, из них 248 называют целые предметы, 170 — части предметов).

1. Инструменты и приспособления — 1467 слов:

Непроизводные слова: *барс* 'большой деревянный молот, употребляющийся на стройке', *воги* 'деревянные бруски, вставляемые в ременный привод молотилки', *ганавода* 'катушка, на которую наматывается пряжа', *ганавуя* 'стержень, на который надевалась катушка в самопрялке', *гачки* 'инструмент, служащий для снятия коры; скобель', *едя* 'приспособление из двух валиков для обмолотки льна', *гумба* 'длинный шест с переладиной на конце для ловли рыбы', *жак* 'рыболовный снаряд, представляющий собой конусообразный с двумя крыльями плетённый мешок, натянутый на 3–5 обручей', *завор* 'засов', *кивер* 'нож для шипания лучины', *луб* 'кузнечный инструмент, с помощью которого нарезали винты', *коточиг* и *коточига* 'инструмент в виде плоского изогнутого шила для плетения лаптей', *кош* 'рыболовный снаряд в виде корзины, сплетенной из прутьев, суживающейся кверху', *крезало* 'нож в плуге', *крижа* 'рыболовная снасть', *месар* 'большой нож для разделки мяса', *оротивье* 'рукоятка', *нажельница* 'челнок в ткацком стане', *прас* 'утол', *повирица* 'чугунная плита для веретена (в ручной мельнице)', *ратовля* 'де-

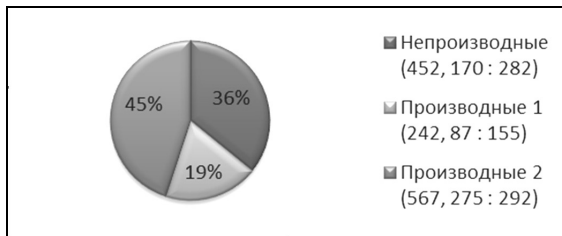
ревянное основание, колодка с зубьями у грабель’, *сугак* ‘челнок в ткацком стане’, *таран* ‘приспособление для выжимания масла’, *шпуна* ‘шпулька’.

Производные с диалектными мотивирующими основами (Производные 1): *вибочек* ‘приспособление в виде крючка, которым мотают пряжу’ (от *вирок* ‘то же’, далее от *вир* ‘водоворот’), *гбало* ‘деревянный круг, на котором стигали дуги, полозья’ (от *гбать* ‘гнуть’), *грабарка* и *грабарник* ‘совковая лопата для земляных работ’ (от *грабарить* ‘выполнять земляные работы’), *жигало* ‘лезвие косы’ (от *жигать* ‘быстро перемещаться’), *забучник* ‘металлический предмет, употребляемый для накаливания в печи при стирке (бучении) белья’ (от *бучить* ‘стирать’), *истрило* ‘брусок, которым точат косу’ (от *истрить* ‘делать острым’), *копыльник* ‘мотыга’ (от *копыл* ‘то же’), *косильнице* ‘древко косы, косовище’ (от *косильно* ‘то же’), *моторцовка* ‘кормысло’ (от *моторец* ‘кормысло’), *мотулка* и *мотулка* ‘приспособление для перематывания пряжи в мотки’ (от *мотула* ‘то же’), *пахтанка* ‘маслобойка’ (от *пахтать* ‘сбивать масло’), *подсвир* ‘приспособление для поднятия тяжести’ (от *свиричь* ‘быть тяжелее по весу, перетягивать’), *припружка* ‘деталь ткацкого стана, с помощью которой укрепляется пришва в неподвижном положении’ (от *пруг* ‘приспособление в ткацком стане для натягивания полотна’), *проторк* ‘то, чем протыкают (игла, шило и под.)’ (от *проторкать* ‘проколоть, проткнуть’) и с тем же значением *протырь* и *протыратка* (от *протырять*), *резвины* ‘приспособление для переноски сена, соломы скоту’ (от *резвы* ‘то же’), *рухтовка* ‘приспособление, которым чистят улыи’ (от *рухтить* ‘ворошить’), *сверделка* ‘сверло’ (от *свердёл* ‘сверло’), *секарик* ‘небольшой топор’ (от *секера* ‘топор’), *смычина* ‘борона из еловых макушек, бревен с сучьями’ (от *смык* ‘то же’), *сукало* ‘приспособление для наматывания пряжи с клубка на цевку’ (от *сукать* ‘сучить пряжу, нитки’), *цапа* ‘мотыга’ (от *цапать* ‘окучивать’), *шершенка* ‘шерхебель’ (от *шершень* ‘шерхебель’), *шулега* ‘рукоятка сохи’ (от *шула* ‘столб’), *шулены* ‘приспособление для вязания прощв по сетке’ (от *шула* ‘столб’).

Производные с общерусскими мотивирующими основами (Производные 2): *бирка* ‘льнотеребилка’ (от *брать*), *бороздник* ‘мотыга’ (от *борозда*), *брызгалка* ‘лейка’ (от *брызгать*), *возилка* ‘доска со вставленной в центре палкой для сгребания зерна в кучу’ (от *возить*), *восьмиручка* ‘вид косы, на лезвии которой восемь раз укладывалась сжатая в кулак кисть руки’ (от *восемь* + *рук*), *выжим* ‘самодельный пресс’ (от *выжимать*), *гвоздюки* ‘самодельный гребень, на котором чесали лен’ (от *гвоздь*), *двоерожки* и *двурожки* ‘вилы с двумя зубьями’ (от *два* + *рог*), *доёнка* ‘подойник’ (от *доить*), *железняк* ‘железная лопата’ (от *железный*), *жимки* ‘приспособление для выдавливания сока из чего-либо;

тиски' (от жать), *загрёбка* 'кочерга' (от загребать), *капка* 'мотыга' (от копать), *клепло* 'металлическая наковаленка для отбивания косы' (от клепать), *ладило* 'станок, используемый в бондарном деле для выравнивания, обстругивания, представляющий собой доску с отверстием посередине, куда вставляется фуганок' (от ладить), *маховина* 'коловорот для скручивания березовых прутьев, которыми связывали плоты' (от маховый), *моталины* 'приспособление для перематывания пряжи в мотки' (от мотать), *мяло*, *мяха* и *мятёха* 'самодельный деревянный станок, на котором мяли лён или коноплю' (от мять), *навивки* 'приспособление для навивания ниток' (от навивать), *наколошка* 'шило' (от наколоть), *обдирня* 'крупорушка' (от обдирать), *пенькач* 'приспособление для обработки льна и конопли' (от пенька), *погнутка* 'коромысло' (от погнуть), *подволока* 'сеть для ловли рыбы' (от подволочь), *подметало* 'веник' (от подметать), *пролив* 'лейка' (от проливать), *разбрасывальник* 'машина, разбрасывающая навоз' (от разбрасывать), *сгрёбка* 'грабли' (от сгребать), *строгуль* 'рубанок' (от строгать), *тискуха* и *тискуш* 'пресс для выжимания масла, сока и др.' (от тискать), *четверня* 'вилы с четырьмя зубьями' (от четверо), *щепель* 'нож для щипания лучины' (от щепать).

2. Здания и сооружения — 1261 слово:

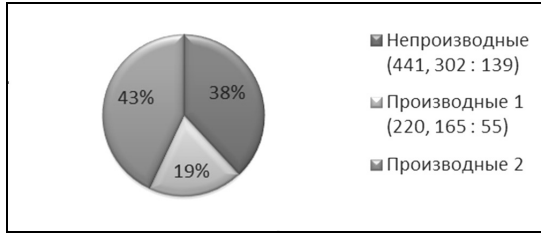
Непроизводные слова: *байна* 'баня', *буда* 'здание, постройка', *ворок* 'хлев, сарай для скота', *евня* 'помещение для сушки снопов; для хранения сена', *закут* 'кладовая', *котух* 'хлев', *курень* 'сарай', *курчина* 'длинная полка под потолком от печи до стены, на которую клали шапки, рукавицы, выпеченный хлеб', *люфт* 'окошечко в фундаменте', *панкур* 'изба, врытая в землю; землянка', *плёха* 'баня', *подлова* 'чердак', *режа* 'нижний венец дома, лежащий на фундаменте; деревянный фундамент'; *рея* и *рей* 'гумно', *рушты* 'леса при строительстве дома', *самец* и *шанец* 'гребень крыши', *собник* 'помещение для скота', *тарапа* 'крытый ток', *тырла* и *тырло* 'огороженный загон для скота', *хибина* 'изба, хата', *хибута* 'ветхая, плохая изба', *шалгавина*

‘жердь, которой закрепляется солома на крыше’, *шора* ‘постройка для хозяйственного инвентаря’, *шоха* ‘крытая (со стенами или без стен) площадка для молотьбы, просушки снопов и т. д.’.

Слова с диалектными мотивирующими основами (Производные I): *барканник* ‘толстое бревно, подкладываемое под нижние венцы дома в качестве фундамента’ (от *баркан* ‘то же’), *взганки* ‘крыльцо’ (от *ганка* ‘ступенька’), *горожня* ‘загон для скота’ (от *горожа* ‘изгородь, забор’), *грубка* ‘небольшая печь с лежанкой при общем дымоходе с русской печью’ (от *груба* ‘то же’), *котушок* ‘сарайчик, небольшой хлев; стойло для животных в хлеву’ (от *котух* ‘хлев’), *кутник* ‘красный угол’ (от *кут* ‘то же’), *мостки* ‘крыльцо’ (от *мост* ‘пол’), *мишаник* ‘утепленный хлев для домашних животных’ (от *мишаний* ‘из мха’), *одринка* ‘сарай’ (от *одрина* ‘место под дворовым навесом для коровы’), *поветка* ‘помещение под навесом для хранения инвентаря’ (от *поветь* ‘то же’), *подловка* ‘чердак’ (от *подлова* ‘чердак’), *подмост* ‘погреб’ (от *мост* ‘пол’), *потяжка* ‘последний венец в срубе’ (от *потяга* ‘то же’), *прибайник* (от *байна* ‘баня’) и *прилазник* (от *лазня* ‘баня’), *примыльник* и *примыльня* (от *мыльня* ‘баня’) — все четыре слова со значением ‘предбанник’, *прибудник* ‘пристройка, кладовая’ (от *буда* ‘постройка’), *приклетник* и *приклетье* ‘пристройка, кладовая’ (от *приклет* ‘пристройка’), *стольня* ‘потолок в избе’ (от *столь* ‘то же’), *тычинник* ‘изгородь, тын’ (от *тычина* ‘кол из тына’), *хибурка* ‘ветхая изба’ (от *хибура* ‘старая или маленькая постройка’).

Слова с общерусскими мотивирующими основами (Производные II): *бычатник* ‘помещение для быков’ (от бык), *загорожь* и *загородь* ‘изгородь’ (от загородить), *застенок* ‘пристройка к дому’ (от стена), *кладь* ‘балка, поддерживающая настил пола’ (от класть), *курник* ‘курятник’ (от куры), *насенник* ‘чердак над сенями’ (от сени), *обруб* ‘сруб’ (от обрубить), *овощевник* ‘невысокая изгородь, плетень из тонких прутьев для защиты гряд от ветра’ (от овощ), *овчарка*, *овчарок* и *овчарух* ‘хлев для овец’ (от овца), *перелаз* ‘невысокий забор’ (от перелазить), *постройчина* ‘постройка’ (от постройка), *пригород* ‘палисадник’ (от пригородить), *прислонь* ‘сарай для сена или соломы, пристроенный одной стороной к дому’ (от прислонить), *ржаник* ‘сарай для ржаной соломы’ (от ржаной), *свинарок* ‘свинарник’ (от свинья), *сечище* ‘место возле дома, предназначенное для рубки дров’ (от сечь), *соломенница* ‘постройка для соломы’ (от соломенный), *теплица* ‘утепленный сарай’ (от теплый), *хлеварок* и *хлевье* ‘хлев’ (от хлев), *хомутарка* и *хомутарня* ‘огороженная часть конюшни для хранения хомутов’ (от хомут), *ямище* ‘углубление под полом, погреб’ (от яма).

3. Одежда и обувь — 1160 слов:

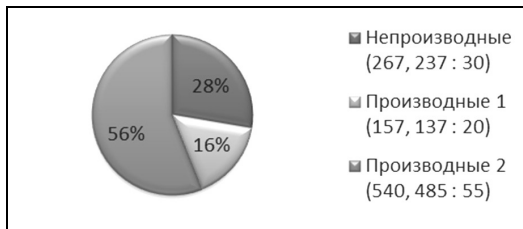

Непроизводные слова: *борсни* 'легкая резиновая обувь', *жулейка* 'теплый жилет на вате или на меху', *заполок* 'фартук', *запон* 'фартук с нагрудником', *ирьха* 'кожаная куртка', *кабат* 'жилет', *калижска* 'портянка', *кеврик* 'туфля', *колуменка* 'ситцевая праздничная юбка', *колявка* 'мужской ботинок', *кошуля* 'вышитая рубашка', *кунтыши* 'женское пальто без воротника', *курпай* 'брезентовая рабочая куртка', *люшинка* 'праздничная одежда', *пантофля* 'башмак', *пасок* 'пояс', *рижса* 'вышитый шелковый платок', *руба* 'рубаха', *татаур* 'пояс', *фуф* 'старая одежда', *харпак* 'куртка, пиджак', *хиндяк* 'пиджак', *холява* 'сапожное голенище', *чарышка* 'тапка', *чеверик* 'вязаная тапочка', *чухмень* 'верхняя одежда', *шантопель* 'старая поношенная обувь', *шинтяк* 'ремень'.

Слова с диалектными мотивирующими основами (Производные I): *гарнистик* 'праздничный шерстяной платок' (от *гарнистый* 'нарядный, хороший'), *гарушник* 'пояс, сплетенный из шерстяных ниток' (от *гарс* 'гарус'), *заборница* 'женская рубашка, блуза со сборками и вышивкой' (от *заборный* 'имеющий сборки'), *запонка* 'фартук' (от *запон* 'фартук с нагрудником'), *кираска* 'женская кофта в талию, со сборками сзади' (от *кирас* 'то же'), *ковнерёк* 'небольшой воротник' (от *ковнерь* 'воротник любой одежда'), *ковнерка* 'мужская рубашка-косоворотка' (от *ковнерь*), *куртик* 'короткая верхняя одежда (куртка, жакет, пиджак)' (от *курта* 'верхняя одежда'), *кухтейка* 'фуфайка' (от *кухтать* 'укутывать'), *подхлопень* 'лапоть' (от *хлоп* 'отходы, остатки при обработке льна, конопли' — *хлоп* служил материалом, из которого ткали портянки), *поликонья* 'рубашка из белого полотна с красными вставками на рукавах' (от *полик* 'расшитый наплечник женской рубашки, сарафана'), *рубёнка* 'рубашка, рубашонка' (от *руба* 'рубаха'), *смерётница* 'одежда, приготовленная на смерть' (от *смерётный* 'предназначенный для умершего'), *сукманина* 'сарафан из холста' (от *сукман* 'то же'), *суцельница* и *цельница* 'цельнокроеная женская одежда' (от *цельный* 'из целого полотна, цельнокроеный'), *фирябетина* 'повседневная или поношенная, старая одежда' (от *фиряба* 'то же').

Слова с общерусскими мотивирующими основами (Производные II): *ватовка* ‘ватник, фуфайка’ (от вата), *грудник* ‘фартук с нагрудником’ (от грудь), *дубка* ‘дублёный полушубок’ (от дубить), *исподка* ‘вязаная варежка, обычно одеваемая под другую’ (от испод), *катанок* ‘валенок’ (от катаный), *коротайка* ‘короткая безрукавка со сборками в талии’ (от короткий), *крытик* и *крытка* ‘полушубок, крытый материалом’ (от крытый), *льнянуха* ‘одежда из льна’ (от льняной), *набедренник* ‘фартук’ (от набедренный), *обужа* и *обуй* ‘обувь’ (от обувь), *опоясина* ‘пояс, кушак’ (от опоясать), *переплавок* ‘одежда, переделанная из старого’ (от переплавить), *плетенёк* ‘плетёный пояс’ (от плетёный), *прижимка* ‘бюстгальтер’ (от прижимать), *распашень* и *распашня* ‘широкая верхняя одежда’ (от распахнуть), *ступнёвка* ‘портянка’ (от ступня), *шалет* ‘шаль, большой платок’ (от шаль), *шалик* ‘шарф’ (от шаль), *шахтёрка* ‘клееная галоша’ (от шахтёр), *шубарка*, *шубинка* и *шубница* ‘рукавица из овчины’ (от шуба).

4. Еда и напитки — 964 слова:

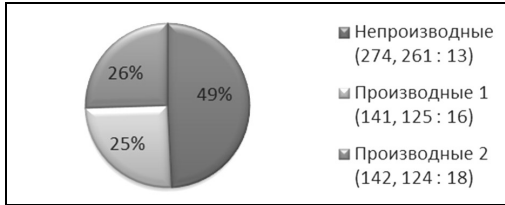
Непроизводные слова: *балиха* ‘каша из муки, сваренная на воде или на молоке, сдобренная приправами’, *бубаки* ‘картофель, сваренный целиком’, *буката* ‘буханка хлеба’, *дадела* ‘оладьи из прошлогоднего картофеля’, *ермуси* ‘кушанье из хлеба, накрошенного в сладкую воду или молоко’, *жсндрик* ‘оладья, лепешка из тертого картофеля’, *кандей* и *кандюр* ‘суп из просяной муки’, *кардодым* ‘лепешка из картофеля’, *кокора* ‘оладья из мерзлого картофеля’, *колковуха* ‘яичница с салом’, *кондубрик* ‘блин для поминок’, *кукуёк* ‘пирожок, начиненный картошкой с крупой’, *кундук* ‘толстая лепешка’, *лапырь* ‘большой ломоть хлеба’, *латурик* ‘блин, оладья из картофеля’, *локиа* ‘суп из лапши’, *малында* ‘жидкое варено, обычно постное’, *мандрыка* ‘ватрушка’, *ме-зга* ‘березовый сок’, *мусак* ‘напиток, представляющий собой охлажденную воду с добавлением варенья или сиропа’, *oley* ‘растительное масло’, *пьявка* ‘пресная лепешка’, *прондивка* ‘кушанье, приготовленное из теста, обжаренного с салом на сковороде, с добавлением вареной свеклы’, *ряпа* ‘соль’, *сбытитень* ‘кипяченое молоко’, *стрончик* ‘пирог с картошкой’, *сыт* ‘мед’, *терен-*

тюдк 'обрядовое печенье', *транцуй* и *транчук* 'яичница, разведенная молоком, мукой, и зажаренная на сале', *тюдтя* 'кутья', *уеж* 'овсянный кисель', *цукера* 'конфета', *чечоха* 'лепешка', *шелома* 'брага'.

Слова с диалектными мотивирующими основами (Производные I): *бульбяки* 'картофель, сваренный целиком' (от *бульба* 'картофель'), *бульбяник* 'пирожок, котлета и под. из картофеля или с картофельной начинкой' (от *бульбяный* 'картофельный'), *бурачник* 'свекольный квас' (от *бурачный* 'свекольный'), *горохвинник* 'гороховый суп, похлебка' (от *горохвинный* 'гороховый'), *жамка* 'пряник' (от *жамкать* 'жать', возможно и от другого значения 'медленно есть, жевать'), *зачинка* 'начинка' (от *зачинить* 'утворить'), *комовник* 'пирог с гороховой начинкой' (от *комы* 'кушанье типа пюре из вареного гороха'), *крупеница* 'суп из крупы или с добавлением крупы, сваренный на воде или молоке' (от *крупеня* 'то же'), *лёпка* 'оладья из тертого картофеля' (от *лёпать* 'делать что-либо (стряпать, лепить, обмазывать), ударяя по чему-либо мягкому или упругому'), *лустовка* 'небольшой кусочек хлеба' (от *луста* 'кусоч, ломоть хлеба'), *подколота* 'пахта' (от *подколота* 'пахта'), *пряжесня* 'каша из пшеничной или ржаной муки' (от *пряжесить* 'жарить в масле'), *рульник* 'кулеш из кислого теста' (от *рули* 'кушанье из хлеба или сухарей, покрошенных в подсоленную воду'), *сычина* 'подслаженная медом вода' (от *сыт* 'мед'), *тварево* 'тесто' (от *творить* 'замешивать тесто'), *толканина* 'кушанье из толченого картофеля или лука' (от *толканный* 'толченый'), *цибульник* 'пирог с начинкой из лука' (от *цибуля* 'лук').

Слова с общерусскими мотивирующими основами (Производные II): *варь* 'название любого вареного кушанья' (от варить), *выквашень* 'блин' (от квасить), *глытик* 'тонкий блин' (от глотать), *гречаник* 'печеное изделие из гречневой муки' (от греча), *драндуля* 'печеное изделие из тертого картофеля с мукой' (от драный), *желудатина* 'кушанье, приготовленное из желудка свиньи, начиненного мясом' (от желудок), *забела* 'сметана, сливки' (от забелить), *завар* 'заварка (чая)' (от заварить), *крашесень* 'крашеное яйцо' (от крашенный), *лапшевник* 'суп из лапши' (от лапша), *лысык* 'пирог без начинки' (от лысый), *мочанка* 'топленое сало с луком' (от мочить), *преснак* 'пирожок, лепешка из пресного теста' (от пресный), *притираха* 'щи из свежей или квашеной капусты, заправленные мукой' (от притирать), *свежеколочина* 'сметана' (от свежий + колотить), *творожанка* 'сырник, творожник' (от творог), *супеня* 'суп из крупы' (от суп), *толстёна* 'оладья' (от толстый), *толкенья*, *толча* и *толчевня* 'картофельное пюре' (от толочь), *топчак* 'блюдо из толченого картофеля' (от топтать), *тушёники* 'тушеный с мясом картофель' (от тушенный), *хлебаш* 'жидкое кушанье' (от хлебать), *хлебесц* 'плохой, жидкий мед' (от хлебать), *хлебина* 'буханка хлеба' (от хлеб).

5. Посуда — 557 слов:

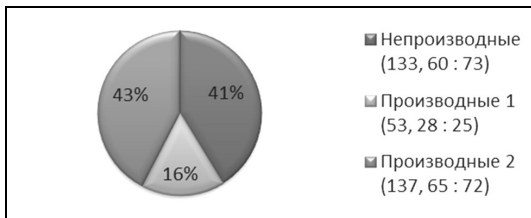
Непроизводные слова: *бадня* ‘металлическое или деревянное окованное ведро’, *баргалик* ‘ковшик’, *борошень* ‘большая корзина’, *глѣк* и *гляк* ‘глиняный кувшин с узким горлом для жидкостей’, *ендова* ‘большой глиняный сосуд’, *калгиска* и *калгушка* ‘глиняная или деревянная чашка’, *кантук* ‘бочонок’, *кляга* и *калган* ‘деревянный сосуд для хранения жидкости, жбан’, *койма* и *комья* ‘деревянное ведро, бадья’, *комяга* ‘деревянное долбленое корыто, из которого поят или кормят скот’, *коновка* ‘кружка любого размера’, *кубарь* ‘глиняный горшок’, *кубел* и *кубла* ‘кадка или ушат с крышкой для хранения сала и других мясных продуктов’, *курган* ‘ларь для хранения муки’, *кухоль* ‘горшок’, *лабодня* ‘деревянное ведро’, *лазбень* ‘липовый долбленный бочонок с крышкой для хранения продуктов, особенно меда’, *лоба* ‘деревянная чашка’, *лута* ‘лукошко из лыка’, *махотка* ‘два горшка, скрепленных общей ручкой’, *можжер* ‘глиняный горшок для жидкостей’, *ночва* ‘корытце, долбленный деревянный лоток’, *накол* и *покол* ‘кадушка, бочка’, *саган* ‘большая чашка’, *талера* ‘талерка’, *труман* и *турлик* ‘глиняный кувшин, кринка’, *турканчик* ‘бидончик’, *ханка* ‘чашка больших размеров’.

Слова с диалектными мотивирующими основами (Производные I): *водянка* ‘сосуд для воды’ (от *водяный* ‘водяной’), *вотриница* ‘корзина для переноски корма скоту’ (от *вотрина* ‘обмолоченные колосья, мелкая солома после молотбы; полова’), *гусиница* ‘корзина, в которой гусыня высидывает гусят’ (от *гусина* ‘гусыня’), *доробейка* ‘короб, лукошко из лыка или бересты’ (от *дороб* ‘короб из лыка, бересты’), *кошик* ‘корзиночка’ (от *кош* ‘корзина’), *кублѣнка* ‘ушат, кадка’ (от *кубел* ‘кадка или ушат с крышкой для хранения сала и других мясных продуктов’), *кухлик* ‘глиняный горшок’ (от *кухоль* ‘кувшин’), *лагунка* ‘деревянный закрытый бочонок с отверстием вверху для хранения дегтя’ (от *лагун* ‘деревянный бочонок, кадка’), *лобовка* ‘деревянная ложка’ (от *лоба* ‘деревянная чашка’), *лобырь* ‘деревянная чашка, миска’ (от *лоба*), *лопешка* ‘деревянный ковш’ (от *лопеха* ‘то же’), *ночевья* ‘глиняная посуда в виде двух горшочков, скрепленных общей ручкой’ (от *ночва* ‘корытце, долбленный деревянный лоток для различных хозяйственных надобнос-

тей'), *oleyница* 'сосуд для масла' (от *oley* 'растительное масло'), *оторница* 'короб, корзина больших размеров для переноски корма скоту' (от *оторя* 'мякина, отходы при обмолаоте снопов'), *пекельня* 'форма для пирогов' (от *пекла* 'деревянная лопата, с помощью которой сажают пироги, хлеб в печь'), *полатки* 'сито' (от *полать* 'веять вручную'), *расчина* 'квашня' (от *расчинить* 'развести закваску'), *творильница* и *творильня* 'квашня' (от *творить* 'ставить тесто'), *чепельник* и *чеплишка* 'сковородник' (от *чепел* 'сковородник'), *цебарка* 'деревянное ведро, ушат' (от *цебар* 'то же').

Слова с общерусскими мотивирующими основами (производные II): *бадяга* 'деревянная посуда (ведро, кадка)' (от *бадя*), *берестень* 'глиняная посуда, чаще кувшин, обернутая берестой' (от *береста*), *блинница* 'посуда, в которой готовят тесто для блинов' (от *блин*), *водонос* 'ведро' (от *вода* + *носить*), *двоёнки*, *двоешки*, *двойки* 'приспособление для переноски кушанья в виде двух горшочков, скрепленных общей ручкой' (от *двое*), *капустница* 'бочка, в которой заквашивали капусту' (от *капуста*), *кваснина* 'бочка для приготовления и хранения кваса' (от *квасной*), *квашница* 'квашня' (от *квашня*), *липница* 'липовый бочонок' (от *липа*), *медовица* 'глиняная банка для меда' (от *медовый*), *мучница* 'небольшая дежка или кадка, используемая для непродолжительного хранения муки' (от *мучной*), *оладница* 'сковорода для оладий' (от *оладья*), *парушка* 'котел, в котором варят и запаривают корм скоту' (от *парить*), *перерез* 'кадка из перерезанной пополам бочки' (от *перерезать*), *сальник* и *сальница* 'ящик для хранения сала' (от *сало*), *тройнёвки* и *тройнята* 'три глиняных горшочка, соединенных одной ручкой' (от *трое*), *ушаник* и *ушарь* 'кадка с ушками, ушат' (от *ухо*).

6. Транспорт — 323 слова:

Непроизводные слова: *груды* 'удила', *даран* 'повозка для сена', *зерёда* 'возок со спинкой в виде решетки', *клубы* 'телега со специальными приспособлениями для перевозки бревен', *клюшни* 'планки в раздвижной телеге, скрепляющие передок телеги с ее задней частью', *ковыр* 'нижняя часть хомута, соединяющая обе его части', *комлатка* 'тележка с прямыми краями

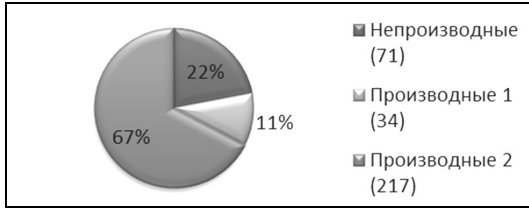
для перевозки навоза', *лайба* и *лайма* 'лодка', *лантухи* 'сани-розвальни', *ледры* 'боковые стенки телеги', *мажара* 'телега с боковыми решетчатыми стенками для перевозки сена, снопов', *мара* 'боковые решетчатые стенки на повозке', *оследь* 'продольные боковые брусья в телеге', *пелагеи* 'боковые части саней', *пожилень* 'жердь, соединяющая нижние части передней и задней подушки телеги', *редель* и *редлы* 'боковые решетки у повозки', *сомлятка* 'тележка для перевозки навоза', *стольвага* и *стольмага* 'оглобля', *толмажка* 'телега', *устюгна* 'планка, вязь, соединяющая головки саней', *шарабаз* 'повозка с обшивкой и без нее', *шпендель* 'ось'.

Слова с диалектными мотивирующими основами (производные I): *бедарка* 'двухколесная повозка' (от *беда* 'то же'), *выпряжня* 'сбруя' (от *выпряжь* 'сбруя'), *грабарка* 'телега с высокими бортами для перевозки земли, песка и т. п.' (от *грабарить* 'выполнять земляные работы'), *груздила* 'удила' (от *грузды* 'удила'), *драбки* 'выездные сани со спинкой' (от *драба* 'телега с боковыми решетчатыми стенками'), *драбилина* 'боковая стенка повозки в виде решетки' (от *драбила* 'то же'), *kozyрьки* и *kozyрянки* 'легкие узорные сани с крутыми полозьями' (от *kozyри* 'сани'), *копаники* 'сани, полозья у которых изготавливались из ствола с продолжающейся загнутой частью корня' (от *копани* 'то же'), *кошевня* 'плетеный кузов для саней' (от *кошева* 'широкие и глубокие сани с высоким задком, обитые рогожей'), *марина* 'одна из двух боковых решеток повозки (мары)' (от *мара*), *намуздок* 'уздечка' (от *музда* 'узда'), *наотосник* 'металлическая гайка, накладка на конце оси' (от (*на*) *отосу*, где *отоса* — 'металлический прут (проволока, веревка), соединяющий в телеге ось с оглоблей'), *обротка* и *обротье* 'конская узда без удил; недоуздок' (от *оброть* 'то же'), *отосина* и *отосье* 'металлический прут (проволока, веревка), соединяющий в телеге ось с оглоблей' (от *отоса*), *устужина* и *устюжень* 'планка, вязь, соединяющая головки саней' (от *стужить* 'соединить').

Слова с общерусскими мотивирующими основами (производные II): *бегушки* 'легкие сани, повозка' (от беговой), *бестарка* 'телега, приспособленная для перевозки зерна, овощей без тары' (от (без) тары), *волочанка* 'телега для перевозки снопов и сена' (от волочить), *волочуга* 'приспособление для перевозки сена, соломы и т. д., сделанное из двух жердей, скрепленных прутьями или веревками' (от волочить), *вязьмо* 'гибкий прут, соединяющий полозья саней' (от вязать), *дуплянка* 'круглой формы салазки, сделанные из старого решета, залитые водой, коровьим пометом и замороженные' (от дупло), *колесня* 'повозка, тележка' (от колесо), *кривины* 'тележка для перевозки бревен' (от кривой), *навозник* и *навозница* 'повозка в виде ящика, в котором перевозили навоз' (от навоз), *наморжни* 'планки, которые крепятся на полозья саней, чтобы на них не

намерзал лед' (от наморозить), *окрылок* 'крыло над колесом телеги' (от крыло), *пассажи́рка* 'пассажирский автобус' (от пассажир), *плетя́шки* 'маленькие сани' (от плести), *подплужник* 'приспособление, на котором перевозили плуг' (от плуг), *полозки* 'легкие сани' (от полоз), *ход* и *ходы* 'телега' (от ходить).

7. Пространство — 322 слова:

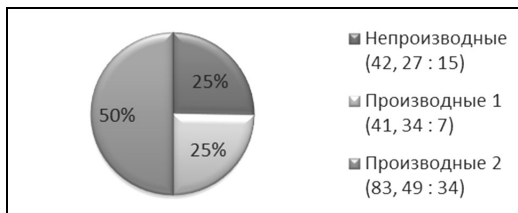
Непроизводные слова: *визира* 'просека', *дербак* 'запущенная пашня', *кон* 'участок земли', *ланка* 'участок поля', *лека* 'межа', *ленда* 'узкая полоска земли', *лизерт* 'полоса земли по обе стороны дороги шириной около 15 метров', *лика* 'поле единоличника', *лощевень* 'место, отведенное для огорода', *ляда* и *лядо* 'место в лесу, вырубленное и раскорчеванное под пашню', *маржок* 'полоса сенокосного луга', *облога* 'запущенная, покрытая дерном пашня', *перелог* 'давно не паханное поле', *постать* 'полоса ржи, льна и под., отведенная одному работнику', *приволье* 'пастбище, выгон', *рёлка* 'участок земли на одного человека', *рышит* 'борозда на грядке', *садиба* 'участок земли, занятый домом и огородом', *таринье* 'пастбище', *уволока* 'надел, участок земли', *усад* 'садовый участок', *чётка* 'участок земли, пашни, луга, выделенный кому-либо', *ярь* 'яровое поле'.

Слова с диалектными мотивирующими основами (производные I): *бульбянице* 'картофельное поле' (от *бульбяный* 'картофельный'), *выгорожка* 'огороженное место в поле для скота' (от *выгорожь* 'то же'), *горохвинице* и *горохвинье* 'гороховое поле' (от *горохвина* 'горошина'), *жнивенник*, *жнивенье* и *жнивнице* 'сжатое поле' (от *жниво*), *картофлянице* 'картофельное поле' (от *картофляный* 'картофельный'), *личок* 'маленький участок земли' (от *лика* 'поле единоличника'), *лядина* 'место в лесу, вырубленное и раскорчеванное под пашню' (от *ляда* 'то же'), *наветка* 'место, где находится дом с хозяйственными постройками' (от *навет* 'навес над частью крестьянского двора, где хранится хозяйственный инвентарь'), *обложина* и *обложка* 'участок запущенной пашни' (от *облога* 'запущенная, покрытая дерном пашня'), *орань* 'вспаханная земля' (от *орать* 'пахать'), *паствице* 'пастбище' (от *пастивить* 'пасти'), *пелестина* 'длинный узкий участок земли' (от *пелеса* 'тонкая длинная полоска какого-либо материала'), *придир* 'присоединенная к земельному массиву рас-

паханная целина' (от *придирать* 'припахивать'), *ральё* 'вспаханная земля' (от *орать* 'пахать'), *ржевник* и *ржевнице* 'ржище' (от *ржесвя* 'ржище'), *сурновка* 'место, предназначенное для сбора мусора; свалка' (от *сур* 'мусор').

Слова с общерусскими мотивирующими основами (производные II): *банище* 'место, где находилась баня' (от баня), *бороновнице* 'проборонованная часть поля' (от бороновать), *валище* 'место, утоптанное лошадьми' (от валить), *вздир* 'вспаханная земля' (от вздирать), *взмежек* 'земля вдоль межи' (от межа), *выгорь* 'участок выгоревшего леса, используемый под пашню или сенокос' (от выгореть), *выпашь* 'участок истощенной земли' (от выпахать), *грецковье* и *гречанице* 'поле, с которого убрана гречиха' (от греча), *гуменник* 'место, где находится гумно' (от гумно), *гуменье* и *гумнице* 'место, где раньше стояло гумно' (от гумно), *дворище* 'место, занятое домом и хозяйственными постройками' (от двор), *дворница* 'пространство между домом и хлевом, находящееся под крышей' (от двор), *деляна* 'надел земли, луга для пользования' (от делить), *дровольня* 'место для хранения дров' (от дрова), *жневень* и *жневник* 'сжатое поле' (от жать), *загуменье* 'место с постройками и без них за гумном' (от (за) гумном), *заполь* и *заполье* 'дальние участки вспаханной земли' (от (за) полем), *избище* 'место, где была изба' (от изба), *ильнице* 'поле, с которого убран лен' (от лен), *истлице* 'луг, на котором расстилали лен' (от стлать), *мешанина* и *мешань* 'поле, вспаханное во второй раз' (от мешаный), *овощевень* 'участок огорода, занимаемый грядками для овощей' (от овощ), *паство* 'пастбище' (от пасти), *церковище* 'место, где стояла церковь' (от церковь).

8. Мебель — 166 слов:

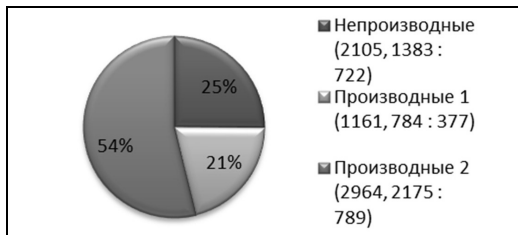
Непроизводные слова: *гузик* 'небольшая скамейка для ног', *задружка* 'лавка, доска, укрепленная у стенки печи', *казёнка* 'небольшая скамеечка', *канана* 'небольшой диван', *крама* 'лавка', *кут* 'лавка, стоящая в красном углу', *лава* 'скамья', *палица* 'деревянный настенный шкафчик для посуды', *переной* 'скамья, покрытая вышитым полотенцем, на которой лежит хлеб и соль; она закрывает дорогу свадебному поезду до тех пор, пока жених не откупится', *перепелица* 'полка для печеного хлеба', *перепёлка* 'спинка кровати',

позенки ‘деревянный настил, на котором спали’, *полик* ‘деревянная скамейка’, *скуток* ‘небольшой шкаф для посуды’, *слон* и *слоня* ‘скамья’, *стужечка* ‘скамейка’, *шафа* ‘подвесной шкафчик для хранения посуды и продуктов’.

Слова с диалектными мотивирующими основами (производные I): *байка* ‘колыбель, люлька’ (от *байкать* ‘баюкать’), *канапка* ‘небольшой деревянный диван’ (от *канапа* ‘то же’), *козюлёвка*, *козюлька* и *козюльчик* ‘небольшая скамеечка’ (от *козюля* ‘скамейка’), *кутила* ‘лавка, стоящая в переднем углу’ (от *кут* ‘передний угол’), *лавицы* ‘деревянная скамейка, лавка’ (от *лава* ‘скамейка’), *накутник* ‘полочка треугольной формы в углу под иконой’ (от *кут* ‘передний угол’), *подполчник* ‘деревянная полка’ (от *полик* ‘деревянная скамейка’), *прилавник* ‘полка для посуды’ (от *лава* ‘скамья’), *примостка* ‘лавка, скамья’ (от *мост* ‘пол’), *сиданец* ‘маленькая скамейка’ (от *сидать* ‘садиться’), *слонец* ‘скамья’ (от *слон* ‘скамья’), *стольничина* ‘крышка стола’ (от *стольница* ‘то же’), *судёнка* ‘Лавка для посуды’ (от *суд* ‘посуда’), *талерник* ‘кухонный шкаф’ (от *талера* ‘тарелка’), *услонец* ‘большая скамейка’ (от *услон* ‘скамейка’).

Слова с общерусскими мотивирующими основами (производные II): *блюдник* и *наблюдник* ‘полка или шкаф для посуды’ (от блюдо), *взголовьё* ‘изголовье’ (от голова), *забожник* ‘полка с иконами’ (от Бог), *заложечник* ‘прикрепленная к стене планка, полка, за которую закладывали ложки, миски и т. п.’ (от ложка), *качка* ‘качающаяся кровать для ребенка’ (от качать), *колыханка* и *колыхачка* ‘колыбель’ (от колыхать), *корбуля* ‘колыбель для младенца, подвешенная к потолку’ (от короб), *косик* ‘полочка треугольной формы, которая прибивалась в углу’ (от косой), *ложечник* ‘прибитая к стене полка для хранения ложек, ножей и т. п.’ (от ложка), *подыконник* ‘полка в переднем углу избы, на которую ставят иконы’ (от (под) иконы), *сголовище* ‘изголовье’ (от голова), *столеница*, *столешина*, *стольник* и *стольница* ‘крышка стола’ (от стол), *стулка* ‘стул, табурет’ (от стул), *супица* ‘кухонный стол’ (от суп), *уголовень* ‘возвышение для головы, изголовье’ (от голова).

Обобщение данных из всех подгрупп позволяет получить следующие результаты:

Таким образом, в смоленских говорах значительно преобладает производная лексика (75% всех слов), причем наиболее частотны слова с общерусскими основами (54% от общего количества).

Отметим особенности отдельных подгрупп.

Непроизводных слов больше в следующих подгруппах: ‘Посуда’ (49%), ‘Транспорт’ (41%), ‘Одежда и обувь’ (38%).

Производных слов первого типа, с диалектными мотивирующими основами, больше в подгруппах ‘Посуда’ и ‘Мебель’ (по 25% в каждой).

Производных слов второго типа, с общерусскими мотивирующими основами, больше в подгруппах ‘Пространство’ (67%), ‘Еда и напитки’ (56%), ‘Инструменты’ (53%).

Исследование диалектной лексики с учетом ее производности представляется важным для дальнейшего изучения диалектного словообразования. Направления возможных исследований могут выглядеть следующим образом: изучение функционирования словообразовательных моделей внутри каждой из подгрупп и установление их специфики, что поможет утвердить или опровергнуть факт специфичности диалектных словообразовательных моделей в рамках подгруппы; установить общерусские/диалектные модели, формирующие слова с заданной семантикой.

Вытекает из поставленной выше проблема отражения в смоленских говорах на словообразовательном уровне значения ‘часть целого’ (мереологическая классификация производной лексики выявила значительное количество таких слов) и выделения отдельных словообразовательных типов или моделей с модификационной словообразовательной семантикой, выражающей этот тип отношений.

Можно предположить, что выявление определенных моделей номинации диалектной лексики, часто выражаемых словообразовательными моделями в рамках той или иной лексической подгруппы, выделенной на основании общности лексического значения и с учетом таксономической/мереологической классификации, поможет уточнить понятие диалектной нормы применительно к смоленским говорам. Совокупность производных слов, построенных по одному принципу, отражает процесс кодификации, протекающий в говорах в иной форме, нежели в русском литературном языке, в силу исключительно бесписьменной формы существования говоров.

Выделенные лексические подгруппы часто демонстрируют конкуренцию суффиксов в производных словах, например: *набожник* и *набожница* ‘полка для икон’, *топник* и *топница* ‘горшок, в котором топят масло’ или *отбитик*, *отбитух*, *отбитень* и *отбитыш* ‘горшок с отбитым краем’ — встает

вопрос о видах словообразовательной синонимии и причинах, ее вызывающих, в рамках отдельно взятых лексических подгрупп.

Ряд словообразовательных проблем, которые порождает анализ диалектной производной лексики смоленских говоров, может быть продолжен.

Таким образом, диалектная лексика, отражая специфику отдельно взятой группы говоров и находясь в тесной связи с диалектным словообразованием, может послужить для решения многих актуальных вопросов последнего.

Литература

- Винокур 1946 — *Винокур Г.О.* Заметки по русскому словообразованию // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1946. Т. V. Вып. 4. С. 315–332.
- Захарова 2004 — *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. Изд. второе, стер. М., 2004.
- Козырев 1984 — *Козырев В.А.* Лексика современных русских народных говоров: Лекция. Л., 1984.
- Николаев 2010 — *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Изд. 2-е, доп. М., 2010.
- Осадчий 2009 — *Осадчий М.А.* Однокоренная лексика русских народных говоров: фреймовая структура гнезда. М., 2009.
- Оссовецкий 1982 — *Оссовецкий И.А.* Лексика современных русских народных говоров. М., 1982.
- Словарь смоленских говоров / Под ред. А. И. Ивановой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.

Summary

Jekaterina Lunkova

Derived Lexicon of Smolensk Dialect

Derived Lexicon of Smolensk Dialect is a complex formation with some specific linguistic features, based on dialect's history. General amount of derived and non-derived dialect words was established, and all derived words were grouped into 10 units according to the taxonomical classification and described in the article.

К вопросу об исследовании предлогов в македонских диалектах*

В работах по македонским диалектам предлоги крайне редко становились отдельным предметом исследования. Чаще всего они привлекали внимание ученых при реализации своих грамматических значений, релевантных для диалектной дифференциации македонского языка (например, употребление предлога *на* в *на*-конструкции для выражения косвенного объекта, а иногда и прямого)¹. В качестве релевантных черт также встречается указание на отсутствие или наличие тех или иных предлогов в отдельных говорах. Крайне редко в качестве такой черты отмечается конкретное значение предлога (например, посессивное значение у предлога *од* в западных говорах). Полный анализ семантики предлогов в этих работах отсутствует. Дополнительную информацию о семантике отдельных предлогов в македонских диалектах можно получить из работ по употреблению предлогов в народной поэзии, а также некоторых трудов по исследованию предлогов в литературном языке. Богатый материал дают собственно диалектные тексты, где значение предлога можно определить по контексту, в котором он употребляется. К сожалению, объем текстов ограничен, поэтому не всегда можно точно определить все значения и даже составить полный реестр предлогов определенного говора. Кроме того, анализ текстов не всегда может дать ответ на вопрос о дифференциальных признаках предлогов, употребляемых в близких значениях, и их синонимии. Для этого необходимы дополнительные методы сбора информации — предъявление сконструированных исследователем предложений для оценки их правильности/неправильности, рассказы по картинкам и т. д. В настоящей работе мы хотим проанализировать, какие данные о предлогах и их семантике в македонских диалектах известны на примере западных говоров (как наиболее исследованных), и предложить возможные пути сбора недостающей информации.

* Статья написана при поддержке гранта РФФ 14-18-03270 («Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира») в рамках работы в ИСЛИ МГГУ имени М.А. Шолохова.

¹ Вопрос о грамматической или лексической природе значения предлога до сих остается нерешенным (Языкознание: 394–395). В настоящей работе принимается точка зрения, согласно которой значения предлога являются грамматикализованными, т. е. находящимися в процессе грамматикализации — перехода от лексических к грамматическим или от менее к более грамматическим (Ганенкова 2015: 12–16). При этом предлоги являются частью лексикона, что оправдывает их рассмотрение в рамках лексики.

1. Данные описаний македонских диалектов

Классической и, наверное, наиболее объемной работой по македонским диалектам является трехтомное исследование Б. Видоецкого «Дијалектите на македонскиот јазик» (Видоески 1998; 1999а; 1999б).

В качестве общих дифференциальных признаков западных говоров Б. Видоески указывает следующие: предлог **vъ* встречается только в форме *в*, *во* (*во Скопје* «в Скопье»²; *в грат* «в городе»), предлог *со* не удваивается (*со сила* «с силой»), предлог *врз* не употребляется, предлог *кон* встречается в большинстве говоров, *од* имеет посессивные значения (*детето од сестра ми* «ребенок моей сестры»; *куќата од мајка ми* «дом моей матери») (Видоески 1998: 69). В западных периферийных диалектах отмечается пропуск предлога *во* и использование предлога *на* для указания места и направления (*оди на Солун* «идет/едет в Салоники»; *беше на Солун* «был в Салониках») и для введения прямого объекта, что может объясняться влиянием албанского и арумынского языков (Видоески 1998: 115–121).

При анализе конкретных западных говоров Видоески указывает, что употребление предлога *кеј* (*кај*) характерно для всех говоров Полога (гостиварский, тетовский и вратнический), а также для дебарского. В гостиварском и дебарском говорах используется предлог *кон* для обозначения направления движения, сохраняется синтетический датив у имен и существительных, обозначающих родственные отношения (что означает отсутствие у предлога *на* такой функции). Во вратническом говоре предлог *у* употребляется на месте **vъ* (*иде у Тето* «идет/едет в Тетово»), для выражения косвенного объекта и посессивного значения используется синтетический датив, употребляются предлоги *врз*, *више*, *уз*. Предлоги *врз*, *више*, *уз* характерны и для всего Горни-Полога (гостиварский). Относительно предлогов в тетовском говоре отмечается лишь использование *у* на месте **vъ* (*иде у грат* «идет/едет в город») (Видоески 1998: 151–159).

При сравнении скопских блатских говоров (где в основном представлены черты западных диалектов) и скопскоцрногорских (близких к северным диалектам) отмечается, что в скопских блатских говорах **vъ* и **vъзь* почти везде дали *у* и *уз* (*отиде у Скопје* «пошел/поехал в Скопье»; *пројде ус куќу/куќа* «прошел мимо дома»), однако в каршияческих селах (входят в скопский блатский регион) встречается и форма *во/в* (*беше во Скопје* «был в Скопье»). В скопскоцрногорских **vъ* в начальной позиции дал *у*. Изоглосса предлога *у* проходит по линии Шишево — Горно-Соне — Добри-Дол — Драчево — Гра-

² Переводы на русский язык сделаны нами.

довци. Предлог *уз* встречается во всех каршияческих селах, и его изоглосса идет дальше в регион Поречье. Синтетический датив сохранился только в западных скопскоцрногорских селах и каршияческих селах, на остальной скопской территории косвенный адресат выражается *на*-конструкцией (в скопскоцрногорских говорах на северо-восток от линии Кучково — Бутел — Стайковци *на*-конструкция используется и с полными местоимениями: *на мене ми рече* «мне сказал»). В скопскоцрногорских говорах употребляются предлоги *из, проз, испод* (*искочил из шуму* «выскочил из леса»). Предлог *врз* очень редко встречается в районе Каршияк, в селах Яболци и Нова-Брезница не отмечен. Удвоенный предлог *сос* (в скопскоцрногорских *сѝс*) преобладает в городском и в блатском говорах на западе до Вардара. В каршияческих селах употребляется форма *со*. Отдельно отмечается, что употребление предлога *од* в посессивном значении связывает скопский говор с западными диалектами, изоглосса проходит по линии Рудник (обл. Велес) — Катланово — Миладиновци — Арачиново — Страчинци и захватывает и скопскоцрногорские села (Видоески 1998: 167–188).

При анализе центральных западных говоров (область Пелагония, Кичевская, Поречская и Скопская долины (без района Скопской Црна-Горы), область Велес в долинах рек Тополки и Бабуны) Видоески указывает, что в них, как и в других западных говорах, датив у полных местоимений выражается синтетически, а у нарицательных существительных — аналитически при помощи предлога *на*. При описании признаков, релевантных для дифференциации отдельных центральных говоров, отмечается, что в кичевском диалекте дативная форма имен используется в посессивном значении. В северных поречских говорах есть предлоги *више* (*помина више кука* «прошел в месте, которое находится над/выше дома»), *уз* (*ус кука замина* «ушел вдоль/мимо дома»); *уз него стојеше* «рядом с ним стоял»), *изучи* (*не се работи изучи недел'а* «не работают накануне воскресенья»), а помимо предлога *у* встречается *ву* (*работата је ву мени а не кај вас* «проблема во мне, а не в вас») (Видоески 1998: 189–199). В области Велес происходит разграничение предлогов *в/во* и *у* (*во Велес / у Велес* «в Велес(е)») (Видоески 1998: 206).

При анализе периферийных западных говоров Видоески пишет о том, что в целом в дебарских говорах дательный косвенного объекта у местоимений и имен выражается синтетически, предлог *од* используется в посессивном значении (*детето од Марка* «ребенок Марко»). Для всех дебарских и положскостружских говоров характерен предлог *кон* (иногда *кун*) (Видоески 1998: 216).

В части дебарских говоров (область Поле и Жупа) параллельно с синтетическим дативом употребляется и аналитический (*му рекол на Аврама* «ска-

зал Аврааму»), встречается употребление предлога *на* для выражения прямого объекта (*го видел на Сарета* «увидел Сару») — с именами существительными и наименованиями родственников, изредка с одушевленными существительными и никогда с неодушевленными (Видоески 1998: 225). Крайне важным является замечание Видоеского о том, что все предлоги, существующие в литературном языке, употребляются и в дебарских говорах, кроме предлога *врз*, при этом предлог *низ* имеет форму *из* (*оди из река* «идет через реку»; *излезе из врата* «вышел через дверь»; *помина ис село* «прошел сквозь деревню»; *се шетат ис куќи* «гуляют по домам»), предлог *каде* имеет варианты *кеде*, *кеј*, *ке*, а предлог *кон* — *кун*. Единственный вопрос, возникающий у исследователя предлогов, состоит в том, какие единицы, по мнению Видоеского, входят в реестр предлогов литературного македонского языка, поскольку состав реестра различается у разных авторов: Х. Лант выделяет 38 предлогов (Lunt 2003), Б. Конески — 48 (Конески 1967), в Орфографическом словаре (Правопис 1979) — 42.

В дримколско-голобрдовских говорах отмечается синтетический датив у местоимений и личных имен (Видоески 1998: 241).

Охридско-стружские говоры объединяет с другими западными говорами среди прочего употребление предлогов *кон/кун* и *из* 'сквозь, через'. В охридском городском говоре, в пештанском и говоре Дебарцы для выражения косвенного объекта у местоимений, имен и наименований родственников используется синтетическая форма, а в Любаниште у местоимений в третьем лице чаще используется аналитическая форма с предлогом *на*. В стружском говоре косвенный объект регулярно вводится предлогом *на*, а в стружском городском говоре в речи молодого поколения (данные 1984 г.) предлог *на* также используется для введения прямого объекта (*го фати на Кузета за рака* «схватил Кузе за руку»). Для стружского говора в качестве отличительных черт указывается наличие предлогов *из*, *ке*, *кун*, *накун*, *отсем* (*шеташе из-двор* «гулял по двору»; *ке си дојт ке Велигден* «придет/приедет к Пасхе»; *ќ-ода ке татка ми* «пойду/поеду к моему отцу»; *ке се вратит кун недел'а* «вернется к воскресенью»; *накун Враниште се свърте* «повернул к Враниште»; *немаше друг отсем него* «не было никого другого, кроме него») и частое использование предлога *од* для выражения посессивных значений (*му рече на брат му од Стојана* «сказал брату Стояна»). В вевчанско-радожском косвенный объект вводится предлогом *на* (Видоески 1998: 247–275).

В преспанском регионе для северных горнопреспанских говоров (ресенского) указывается наличие синтетического датива от местоимений и имен и использование его в посессивной функции, предлогов *кај*, *мејѓу*, *кон*, *прекај*,

kǎrz / kǎrs (в значении предлога *низ*: *помина kǎrs село* «прошел сквозь село»), пропуск предлога *во* (*ка-ода планина* «пойду в гору»; *јаска ојдоф Брајчино* «я пошел в Брайчино»). В долнопреспанском и любойнско-германском говорах косвенный объект выражается при помощи предлога *на*. В говоре села Брайчино у личных имен помимо *на*-конструкций используется и синтетический датив для выражения косвенного объекта (Видоески 1998: 277–306).

Отдельно Видоески рассматривает говоры исламизированных македонцев в западной Македонии. Он отмечает, что, так же как и в большинстве других западных говоров, здесь сохраняется синтетический датив у местоимений, личных имен и наименований родственников. В горанских говорах сохранился синтетический датив у нарицательных существительных и даже прилагательных в единственном и множественном числе. В ростушском говоре предлог *на* используется для выражения прямого объекта (*чоекот (зо) исече на арсланот* «человек разрубил льва»). В дебарском диалекте в речи мусульманского и православного населения косвенный объект выражается синтетически (местоимения, личные имена, наименования родственников), молодое поколение (в основном мужчины — данные 1991 г.) иногда использует предлог *на* для выражения прямого объекта (Видоески 1998: 309–338).

Таким образом, из вышеуказанных работ Видоеского можно извлечь информацию в основном о наличии (и намного реже — отсутствии) тех или иных предлогов в различных диалектах, если эта черта является релевантной для диалектной дифференциации. Довольно часто встречается указание на фонетический облик отдельных предлогов, когда он отличается от литературной нормы. Значение предлога упоминается, по-видимому, тоже только в случае отличия от стандарта. Поскольку способ выражения косвенного объекта, а иногда и прямого — при помощи предлога *на* или другими средствами, — является одной из основных дифференциальных черт, эта информация дается для каждого говора. В одном случае дается более полное представление о реестре предлогов в отдельном говоре — для дебарского указывается, что в нем присутствуют все предлоги, что и в литературном, кроме предлога *врз*. Как мы уже упоминали, реестр предлогов у разных авторов отличается, хотя, безусловно, основная часть не меняется.

Помимо Видоеского над исследованием македонских диалектов работали З. Тополинска, К. Пеев, М. Каранфиловски, Л. Минова-Гюркова, А. Поповски, С. Бойковска, В. Дрвошанов, В. Лаброска, Е. Стоевска-Денчова, Г. Цветановски и многие другие ученые. Для того чтобы понять, какие данные о предлогах можно извлечь из монографического описания конкретного диалекта, мы проанализируем работу Веселинки Лаброской «Кичевскиот говор» — од-

но из наиболее полных исследований по центральным западным македонским диалектам с приложением в виде диалектных текстов.

В. Лаброска вслед за З. Тополинской под падежными отношениями понимает отношения грамматической зависимости в рамках одного предложения, т. е. способы введения аргументов (Тополинска 1995: 42; Лаброска 2008: 134). При анализе дативных отношений Лаброска указывает, что датив употребляется в основном с глаголами речи, глаголами типа *давать*, *брать* и т. д., т. е. для выражения значений адресата, реципиента и бенефактива³. У местоимений, личных имен и наименований родственников дативные отношения в речи старшего и среднего поколения выражаются синтетически, в речи молодого поколения — в основном при помощи предлога *на*. Другие нарицательные существительные вводятся предлогом *на* (*му-д'адоф на-'еден пр'ујател н'ари* «я дал деньги приятелю»). Отмечается также, что при выражении бенефактива в кичевском диалекте чаще используется *на*-конструкция, нежели предлог *за* (чаще *Д'ана и-ш'иет с'ега бл'уза на-Мар'ина* «Дана сейчас шьет блузу Марине», чем *ш'ија бл'уза за-Мар'ина* «шью блузу для Марины») в отличие от литературного языка (В. Лаброска опирается на данные Интенционально-синтаксического словаря [Интенцијално-синтаксички речник 2001: 122]). Предлог *на* также используется для выражения отношения внешнего possessора (*и-е-б'аци р'аката на-Д'онка* «поцеловал руку Донке»). Из примеров видно, что экстраполяция possessора возможна, если собственность является неотчуждаемой и отчуждаемой. Если обладаемое является неотчуждаемой собственностью (часть тела), то при логическом выделении внешний possessор может вводиться предлогом *од* (*М'оре; од-Д'онка р'аката е-б'аци, а-н'е м'ојва!* «Ух, Донки руку поцеловал, не мою») (Лаброска 2008: 134–150).

При анализе именных синтагм, зависящих от предиката и выражающих совместность, средство и способ действия, В. Лаброска пишет о том, что основным средством выражения инструментальных отношений является предлог *со*, при этом, в отличие от предлога *на* в дативе, «он не лишен семантики» (Лаброска 2008: 151). Автор, скорее всего, здесь имеет в виду лексическую семантику, мы же такие значения предлогов называем менее грамматикализованными (подробнее см. [Ганенкова 2015: 15–16]). Предлог *со* также используется в позиции так наз. двойного прямого объекта — чаще всего у трехвалентных предикатов типа *X го полии У со Z* «X наполняет У Z-ом», где X — каузатор действия, У — контейнер, а Z — то, что окажется в У после действия.

³ В. Лаброска не использует термины *адресат*, *реципиент*, *бенефактив*, *внешний и внутренний possessоры* и т. д. Последние являются нашим добавлением. В бенефактив мы включаем и малефактив.

Встречаются, однако, примеры, где предлог *со* в подобных случаях не используется (*И-д'ојде мама р'ече, л'еле, н'ифчето т'ука пл.но-е к'омпири* «и пришла мама, сказала, о-хо-хо, поле здесь полно картошки»). Часть глаголов имеет двойное управление — с предлогом *со* и прямым объектом (*ф'рли к'амен / со-к'амен* «кинуть камень / камнем»; *свири виолина / со виолина* «играть на скрипке»; *јава коњ / со коњ* «ехать верхом на коне») (Лаброска 2008: 151–153).

Под локативным отношением В. Лаброска вслед за З. Тополинской понимает семантическое отношение между предикатом и/или предикатно-аргументной структурой и локализатором соответствующего действия (Тополинска 1995: 88; Лаброска 2008: 153). Говоря о локативных отношениях, Лаброска указывает, что локативная именная синтагма чаще всего бывает предложной, в редких случаях — беспредложной. Для выражения направления движения в пространстве с известными наименованиями населенных пунктов чаще всего используются беспредложные синтагмы (*ојт Ск'онје* «идет / едет в Скопье»), однако встречаются и синтагмы с предлогом *во/за*, *за* и *на* (*во-Ск'онје / ф-Ск'онје* «в Скопье»; *тргаме за-Охрит* «отправляемся в Охрид»; *не на-Тасос да си одат* «не на Тасос чтобы поехали»). В других случаях обычно используется *во/во* (*з'аминаф ф-с'ело* «я уехал в село»). С существительными, обозначающими открытое пространство, употребляется предлог *на* — и с глаголами движения, и с глаголами нахождения (*з'амина н'анива* «ушел на ниву / в поле»; *појдофме на-р'ека* «мы пошли на реку»; *и тој го-обесил к'отлето, на-некој-емиш, на-н'екое ј'аблко, горе* «и он повесил котел на какое-то фруктовое дерево, на какую-то яблоню, наверх»). Из последних двух примеров можно заключить, что понятие «место» используется в данной работе весьма широко и включает в себя пространство, входящее в зону влияния / контроля локализатора, и опору, соответственно. Далее Лаброска отмечает, что если место определенное, то чаще используется предлог *кај* с существительным, положительно маркированным по определенности (*игравме кај рекана* «мы играли у той реки»; *го загубиф клучот кај школоно* «я потерял ключ у той школы»; *н'а-д'уќан кај-т'атко-ми* «в лавке моего отца»). *Кај* является основным средством выражения, если локализатор одушевленный, намного реже (в юго-восточных кичевских селах) используются предлоги *при*, *у*, *ву* (*отидоа при мајка си* «поехали к своей матери»; *види да не је ву тебе нусул'чето* «посмотри, не у тебя ли записочка»).

О предлоге *во* Лаброска пишет, что он употребляется для «точной локализации» (*во дворон од школоно* «во дворе школы»; *вл'езе во-ч'амец* «залез в лодку») — из примеров видно, что речь идет о локализаторах с релевантным признаком 'наличие боковых сторон / границ / объема'.

Адлативная и аблативная функции выражаются при помощи предлогов *до* и *од*. Для выражения значения движения по поверхности или по длине локализатора используется предлог *по*, значения нахождения / движения по внутренней части локализатора — предлог *низ*, локализации в передней зоне локализатора — предлог *пред*, локализации под локализатором — предлог *под*, локализации над локализатором — предлог *над*.

Лаброска приводит также два интересных примера с локативной беспредложной синтагмой: *се д'отерал Пепл'ешарко и-ојт в'ојна* «принарядился Пеплешарко и идет на войну»; *го-пр'ашале дали р'еката т'ечет з'ато* «его спросили, течет ли в реке золото».

В заключение анализа локативных именных синтагм указывается, что большинство описанных предлогов используются для выражения временных отношений (Лаброска 2008: 153–157).

При анализе предикативных именных синтагм отмечается, что прилагательные также могут иметь зависимые предложные синтагмы (*ст'ана н'озната и-во-Македонија за-з'емање најтешки случаи* «она стала известной в Македонии, поскольку брала самые тяжелые случаи»; *та: ко-м'ала ептен б'еше мер'аклија за-кач'ување* «когда она была маленькой, была большим любителем забираться на что-нибудь»), а предложные синтагмы употребляются и при деривации предложения с именным сказуемым (*и-го-з'ел за престолон'аследник* «взял его престолонаследником» из *го зеле за да биде престолонаследник* «взял его, чтобы он стал престолонаследником») (Лаброска 2008: 157–160).

Анализируя именные синтагмы, используемые для выражения генетивных отношений, Лаброска пишет, что в генетивных отношениях находятся именные синтагмы, зависимые от других именных синтагм. Она отмечает, что генетивные отношения включают отношения обладания, части – целого, родства. Для выражения собственно обладания используется в основном предлог *од* (*нивјено од Вецкота* «та нива Вецко»), реже притяжательные прилагательные. Отношение «часть – целое» также выражается при помощи предлога *од* (*така д'ошле на-м'остот од-р'еката* «так они пришли на мост реки»), причем предложная синтагма с предлогом *од* может использоваться и в качестве самостоятельного прямого объекта (*до'неси-ми од-д'уѓине* «принеси мне немного айвы»). В примерах типа *парче леп* «кусочек хлеба» реализуется отношение экземпляра и количества⁴.

⁴ В. Лаброска не употребляет данные термины, заимствованные нами из классификации генетивных отношений, разработанной коллективом под руководством А. Е. Кибрика на материале русского языка (Кибрик и др. 2006: 24–25) и подходящей для анализа македонского материала (подробнее см. [Ганенкова 2015: 63–74]).

Отдельно Лаброска анализирует синтагмы с предлогом *од* в значении 'принадлежавший ранее X-у', 'полученный от X-а' и 'бывший частью X-а' (*л'икер од в'ишни* «ликер из вишни»; *плот от-штици* «забор из досок»; *буре од-р'акија* «бочка из-под ракии»). В нашей терминологии речь идет об отношениях 'материал' и 'смежная сущность'.

Отношение родства выражается при помощи предлогов *на* и *од*, иногда дативной синтетической формой в адноминальной позиции (Лаброска 2008: 160–164).

Отдельно В. Лаброска рассматривает предлоги в предложных трансформациях. Сочетание предлога *со* с глагольным существительным обычно используется для указания на действие, сопровождающее основное, выраженное финитным глаголом (*а тој со-в'икање е-пр'ашувал* «он спрашивал, крича»). Лаброска отмечает, что в текстах не встречаются сочетания предлога *со* с глагольным существительным во временном значении (ср. в литературном языке *со отворањето на вратата вревата нарасна* «при открытии дверей галдеж стал громче»).

Сочетание предлога *во* с глагольным существительным главным образом выражает одновременное с главным действие (*како ви-т'екнало с'ега на-г'ости в-'ова пукање да-'идете, в-ов'а-време?* «как вам пришло на ум сейчас в гости при такой стрельбе идти, в такое время?»), однако может иметь и целевое значение (*б'еше во лозјекр'оење* «был на подрезании винограда»).

Сочетание предлога *по* с глагольным существительным встречается в текстах, анализируемых В. Лаброской, один раз (*по-кар'ањето, што-се-к'арале. И-се-закан'увала та:* «после ссоры, как поссорились. Она ей угрожала»). Она указывает, что возможна как временная, так и причинно-следственная интерпретация.

Сочетание предлога *од* с глагольным существительным имеет в основном причинно-следственное значение, однако иногда выражает временную последовательность (*тој се освети од зашутруањето и ја загрна да ја бацует* «он оправился от ошеломления и обнял ее, чтобы поцеловать»).

Сочетание предлога *на* с глагольным существительным используется для обозначения цели действия (*Да-д'оји на-б'ерење гр'озје!* «Чтоб ты пришел на сбор винограда!»), кроме того такие предложные синтагмы имеют дополнительное локативное значение, а иногда и временное (*на-вр'акање го-преч'екала најмалат'а-керка и го-запр'ашала* «возвращаясь, она встретила самую младшую дочь и спросила ее»).

Примеры сочетания предлога *за* с глагольным существительным уже приводились выше (*ст'ана п'озната и-во-Македонија за-з'емање најтешки слу-*

чаи «она стала известной в Македонии, поскольку брала самые тяжелые случаи»; та: *ко-м'ала ептен б'еше мер'аклија за-кач'ување* «когда она была маленькой, была большим любителем забираться на что-нибудь»). Они используются для выражения в основном значения цели (*п'осле ко-д'ојде за-пол'агање* «потом, когда придет на сдачу [экзамена]») (Лаброска 2008: 192–198).

Отдельно Лаброска рассматривает предложные трансформации, где матричное предложение и второй аргумент связаны только при помощи предлога, без глагольной предиката. Примеры уже приводились выше (*и-го-з'ел за престолон'аследник* «взял его престолонаследником» и *го зеле за да биде престолон'аследник* «взял его, чтобы он стал престолонаследником»). Предлог за также встречается в комбинации с другими предлогами (*знајт кога-евр'еме за-по-смер'ека* «знает, когда время собирать можжевельник (букв. для за можжевельником)»). Предложные трансформации также могут быть вторичной формализацией аргумента глагола движения (*не, д'етиште, Борче, по-р'иби ојше, по-р'иби* «нет, мальчишка наш, Борче, за рыбами ходил, за рыбами»). Лаброска также приводит несколько подобных примеров с предлогом на (*имат м'ајка м'ила к'ерка, је-пр'атила н'а-вода* «у матери есть доченька, отправила она ее по воду»), а также с временной интерпретацией (*или л'ажел н'а-карти па-го-убиле < кога играл карти, лажел* «или он обманывал в карты, и его убили» < «когда он играл в карты, он обманывал»). Здесь же приводятся примеры, где союз *ко* (< како) выступает в функции предлога (*саде забит ему светеа, ко бисер* «только его зубы были видны [в темноте], белые как жемчуг») (Лаброска 2008: 198–200).

В данной монографии, таким образом, предлоги рассматриваются в рамках предложных синтагм и функций, которые они выполняют. Несмотря на то, что многие значения описываются весьма широко (см. например, описание значение локативных синтагм с предлогом *на* — место, а с предлогом *во* — «точная локализация»), данная работа дает представление об основных значениях основных предлогов.

2. Данные из диалектных текстов

Безусловно, основным источником информации по предлогам в диалектах являются диалектные тексты. Рассмотрим, какие данные можно получить о предлогах, их употреблении и значениях из текстов на кичевском диалекте (Лаброска 2008: 274–314).

Предлоги *на* и *во*, как и в литературном языке, являются основными средствами выражения локативных отношений — и с глаголами движения, и со статическими глаголами. Для *на* релевантен признак 'отсутствие боковых сто-

рон / границ' и 'отсутствие объема' (*бев н'а-нива ја* «был в поле я»; *и-си-'избега на-'улица* «и выбежала на улицу»), а для предлога *во* — 'наличие боковых сторон / границ' и 'наличие объема' (*со-Турчинки н'орано, во-'ист с'окак р'астеле* «с турчанками раньше в одном переулке росли»; *П'авле, баи-С'ара со-едно-т'акво н'р'скалче от-н'отрошен ш'ампон си-н'р'скал в-р'ека* «Павле, и Сара точно, из одной такой брызгалки из-под шампуня брызгают в реку). При этом предлог *во* вообще может опускаться при условиях, описанных выше (*оди Тетово* «идет / едет в Тетово»).

Предлог *на* также используется, когда объект локализуется на поверхности локализатора и/или локализатор является опорой (*таму н'а-стол б'еше Б'оре* «там на стуле был Боре»; *на т'ие г'оре бе: к'ачени ко-маг'ариња наб'андера* «ну они наверху повисли как ослы на столбе»), когда часть локализатора кодируется в качестве опоры (*и-се-св'ртев, н'а-грб л'егнаф* «и я перевернулся, на спину лег»), когда объект локализуется в пространстве, входящем в зону влияния / контроля локализатора (*и 'оттука 'одат н'а-река* «и отсюда идут на реку»; *н'очна да-в'ика: „Број три, број три!„. На-н'енциере, за-д-им-д'а:т, да-д'ојдат, д-зн'а:т кај-д'а-дојдат нос'ачиве* «начали кричать: “Номер три, номер три!” У окна, чтобы им дать, чтобы пришли, чтобы знали носильщики, куда прийти») или открытым воздействием некоторого явления (*и з'агледа 'аргати к'ајито жн'еат на-ж'ешко с'лнце* «и увидела батраков, которые жали под солнцем/на солнцепеке»). Предлог *на* также используется для выражения общей идеи движения (*'ама м'ама вл'егла нај'осади и н'есот т'ргал со-сиц'имката и се-'откинал и на-м'ама* «но мама вошла самой последней, и собака кинулась с цепью, и отцепилась, и на маму»; *'арно 'ама, нап'аднала н'екоја д'ржава на-'ова: д'ржава к'ајито живејт Пепл'ешарко* «однако какое-то государство напало на то государство, где живет Пеплешарко») и движения к локализатору (*Т'ури-му в'ода, нав'едни-го ш'ишево, на ке-з'ап'рскал. Водава одн'еси-му-ја на-'отвороф* «Плесни туда водой, наклони бутылку, и она станет брызгать. Воду подведи к отверстию»). Предлог *на* также регулярно обозначает локализацию в некотором событийном фрейме (*се-'идеше за-ч'ест на-сл'авата, а н'е за-ј'адење* «чтобы оказать честь, ходили на праздник в честь покровителя семьи, не для еды»), дистанцию (*на-километри на'околу ни-к'ука, ни-л'уге* «километры вокруг — ни дома, ни людей»), на временной или другой отметке (*на-тр'иесет 'и-три г'одини си-'умре* «в 33 года умер»).

Отдельно выделим значения адресата (*'оди на-м'ама д-и-к'ажеш, ја 'излегов партиз'ани* «иди скажи маме, что я ушел в партизаны»), реципиента (*и-му-го-д'ават на-к'умот во-пл'атното* «и дают его [ребенка] крестному в отрезе

полотна»), бенефактива (*ако-е Кржика 'уште нез'аминат, да-дојт, да-му-н'о-могнет на-ч'ојкоф* «если Кржич еще не уехал, пусть придет, пусть поможет человеку»), экспериенцера (*Почнале да реш'ава:т што-д'а-пр'а:т со-комишја. На-м'ажот-је му-т'екнало и и-р'екол на ж'ената...* «Они начали решать, что им делать с соседом. Мужу в голову пришла идея, и он сказал жене»; сюда же мы включаем примеры с «невольным» агенсом типа *му-се-с'ојало на-кр'алот луб'еница ср'ет-зима* «королю захотелось арбуза среди зимы»), внешнего процессора (примеры даны выше). Поскольку выше был описан анализ В. Лаброской конкуренции предлогов *на* и *од* при выражении посессивных отношений обладания, части – целого, родства, отметим только, что предлог *на* используется и для выражения отношения объекта действия (*то:-е крштив'ање на-Исус Христос* «это крещение Иисуса Христа»). К сожалению, объем текстов не позволяет выяснить, какой предлог используется для выражения других посессивных отношений (членство, смежная сущность, продукт и источник, символ, параметр, атрибут, метафорически связанные объекты, субъект).

Помимо основного локативного значения предлог *во* также используется для выражения временного значения (*с'ега во-н'едела беф ф-црква* «тут в воскресенье я была в церкви»), локализации в некотором состоянии (*е на-то: три д'ена, б'ебе, и то: во-ст'удено вр'еме, во-д'ождлио, 'есење било* «[ребенок] три дня, младенец, он в холодное время, в дождливое, осенью был [брошен]») или действия/события (*и-ц'арот н'аредил с'ите м'ашки... да-'одат во-б'орба против неприј'ателот* «и цар приказал, чтобы все мужчины пошли на борьбу с неприятелем»; *И т'ука д'ават к'умот в'ечера, и-н'овиот кум пр'еземат. Во то: през'емање тој н'осит н'огача* «И тут кум дает ужин, а новый кум принимает [обязанности]. Во время этой передачи он несет лепешку»), обозначения параметра (*и ко-се-кр'енал см'окот 'олкав во-гл'а:та бил* «и когда поднялся змей, вот с такой был головой [букв. вот такой был в голове]»).

Предлог *за* встречается в текстах и в локативном значении — охват локализатора объектом (*и-Л'ела ме-зд'рпа за-'алишта* «и Лела схватила меня за одежду»), и в своем основном значении цели движения и цели действия (*а-од-Б'уба т'атко-е т'ргнал да-б'егат за-Б'угарија* «Бубы отец отправился в побег в Болгарию»; *се-'идеше за-ч'ест на-сл'авата, а н'е за-ј'адење* «чтобы оказать честь ходили на праздник в честь покровителя семьи, не для еды»). Как и в литературном языке, предлог *за* используется для выражения значений предназначения (*ж'ената му-предл'ожила да-е-кл'а:т најгол'емата к'а-ца со-р'асол и да-си-'има:т б'олук за-ј'адење* «жена предложила ему, чтобы они заквасили капусту в самой большой бочке, чтобы у них было много еды на всю зиму»), бенефактива (*и-р'екол на-ж'ена-му... да-д'онесет в'ино за-*

г'остинот «и он сказал своей жене... чтобы они принесла вино для гостя»), временного периода (*ке-си-имаше за-ц'ела з'има м'есо* «у него было бы мясо на всю зиму»), объекта мысли и речи (*н'екој 'овчар н'е-знајл н'ишто ни за-Ве-лигден ни за-Р'истоса* «один пастух ничего не знал ни о Пасхе, ни о Рождестве»), разницы (*кај к'е-вртит од'околу за-м'алку не-м'ојме да-ст'игнеме* «как бы не нарезал круги, чуть-чуть не хватает, чтобы мы доехали»), тождества и причины (*за-одр'едена п'арична над'окнада ке-ги-гл'еда:т [децата]* «за определенную денежную компенсацию они будут присматривать [за детьми]»).

Для предлога *кај* характерно введение локализатора, в зоне влияния которого находится объект или движется туда, при этом, в отличие от литературного языка, движение может быть и к неодушевленному локализатору (*ти б'еше кај-Пеплеи'аркота* «ты была у Пеплешарко»; *и-одат се: кај-ц'арот* «идут они сейчас к царю»; *'отиде кај порт'ичето* «она отошла к двери»). При этом предлог *кон* (всего 3 примера) также изредка употребляется для обозначения движения к неодушевленному локализатору (*к'укиче ко-к'ојш д'есно кон-гробн'ицана* «домик, как когда идешь направо к могиле»). К сожалению, материал не позволяет выяснить условия дистрибуции. Под вопросом остается использование предлога *кај* для выражения значения приблизительного количества и предлога *кон* в значении бенефактива и временного значения (момент времени, при достижении которого или незадолго до него заканчивается действие)⁵.

Предлог *околу* встречается в значении 'вокруг' (*к'олку п'ати си-го-изне-в'ерила м'аш-ти, т'олку п'ати да-св'ртиш 'околу ц'рквава* «сколько раз ты изменила мужу, столько раз обойди вокруг церкви»). Не ясно, используется ли он для выражения приблизительного времени, количества и информации, опосредованно связанной с локализатором.

Предлог *до* вводит конечный пункт движения, предел (*ј-однесоф до-пл'отот* «я отнесла ее до забора»; *до-л'ани ст'ојше кај-Мар'ина порт'чето* «до прошлого года стояла у Марины дверца»), а также локализует объект рядом с локализатором (*заст'ана: д'ецава, с'ите д'о-мене ост'ана:* «остановились дети, все около меня остались»). В значении адресата в анализируемых текстах предлог *до* не встречается.

Основным значением предлога *од* является аблатив (*д'ошле кај-сокол'анана црвенон'ерки от-Тр'еска* «приплыли к залу "Соколана" красноперки из Трески»). Предлог *од* также используется для обозначения источника полу-

⁵ Эти значения характерны для литературного языка. При ссылке на реестр предлогов в литературном языке и их значения мы опираемся на работу (Ганенкова 2015).

чения (*во-пл'атното от-к'умот* «в отрезе полотна от кума»), потери контакта (*што-д'а-ст'орит да-се-к'уртулит од-м'ажот* «что сделать, чтобы избавиться от мужа»), нежелательности контакта (*се-вакцин'ира:т с'ега од-ш'арлах* «сейчас делают прививки от скарлатины»), начального этапа трансформации и материала (*п'етлиња од-ш'екер* «петушки из сахара»), происхождения (*'од-б'ифшиата Југосл'авија л'екар 'имало Кр'ожик* «был доктор Кржич из бывшей Югославии»), точки отсчета (*Нос'ачите т'огаи на-ст'арана жел'езничка со-бр'ојој бе: . Од-'еден да-р'ечеме до-петн'ајсет* «Носильщики тогда на старой железнодорожной станции с номерами были. От одного, скажем, до пятнадцатии»), сравнения (*ти в'ака, д'емек, п'оубаф от-п'опоф* «ты, вроде бы, красивее попа»), части – целого (*н'икоја 'од-ниф* «ни одна из них»), содержимого (*дур-'имат п'отреба от-то:* «пока у них есть в этом необходимость»), причины (*жл'чката му-п'укна от-стр'аф* «у него желчный пузырь от страха лопнул») и агенса в пассивных конструкциях (*си-бе: т'ие од-стани'цата пост'авени* «они были назначены станцией»). Как уже отмечалось ранее, предлог *од* также конкурирует с предлогом *на* при выражении посессивных отношений.

Относительно часто встречается предлог *по* — в значениях траектории движения (*сл'езе по-ск'алата* «слез по лестнице»), последовательности (*ти, ж'ена к'оји н'апред ја ке-ти-п'омогна, ке-'ида п'о-тебе* «ты, жена, пойдешь вперед, а я тебе помогу, пойду за тобой»), дистрибуции (*з'ато: и-парал'елките по четер'иесет ги-пр'аја* «поэтому параллельные классы делали по сорок [человек]»), цели движения (*'ајде, В'есо д'ојме по-к'апинки* «давай, Веса, пойдём за ежевикой»), соответствия (*то:-е к'азан, а т'ие по-ст'аро ар'анија го-в'икале* «это казан, а по-старому его “арания” называли») и то, насколько раздет объект (*Б'орче 'идет по-ч'орати* «Борче идет, в одних носках»). Не известно, используется ли *по* в значении места воздействия, стимула «грустных эмоций», инструмента, сравнения, причины (выше мы писали о замечании Лаброской, что иногда примеры помимо временной имеют и причинную интерпретацию, однако в анализируемых текстах нет примеров, где интерпретация *по* была бы однозначно причинной).

Предлог *преку* употребляется для обозначения траектории движения через локализатор (*прек'у-река, преку-пл'анина и 'одма си-во-Буг'арија* «через реку, через гору, и ты уже в Болгарии»), нахождения и движения поверх локализатора (*З'ошто сте-д'ојдени, к'ако-сте, Др'агана униф'ормата прек'у-рака:* „За-з'авршен 'истит, за-пол'агање, – „Вл'езете, „ «“С какой целью вы пришли, как у вас дела?” — Драгана униформу через руку. — “На заключительный экзамен, на сдачу”. — “Проходите”») и время действия (*'имаше 'овде јасич'иња: ко-ки-п'оминеш 'една ко-б'ара и-т'а:, прек'у-лето пресуш'ујше*

«тут были осины, а как пройдешь — лужа, и летом она высохла»). Не ясно, имеет ли *преку* значения ‘инструмент, соединяющий участников ситуации’ и ‘большее количество’.

Предлог *низ* имеет значения ‘траектория движения сквозь локализатор’ (*и-Буба пон'асурат низ-вр'атниче* «и Буба посматривает сквозь дверцу») и ‘место действия’ (*ми-се-вр'тит ф'илмоф све к'ај-вр'еф нис-пл'ажа*: «и я прокручиваю в голове, где же я шла по пляжу»).

Предлог *покрај* встречается только в значении нахождения / движения рядом с локализатором (*д'еца покр'ај-река р'астени* «дети, выросшие у реки»). Примеров на значения совместности и противоречащей совместности мы не нашли.

Предлог *над* обозначает локализацию над локализатором, предлог *под* — под (*„Бар'ајте-го кл'учот,.. И-п'очнаф, п'от-клути, н'ат-клути* «Ищите ключ», — и я начала — под лавками, над лавками»). Предлог *под* также используется в значении ‘воздействие’ (*ко-пот-ком'анда с'ите си-е-др'же: чи-ста р'екава р'азбираш* «все под контролем ее держали — чистая река, понимаешь»). Примеры на значение ‘меньшее количество’ у предлога *под* и ‘большее количество’ у *над* в анализируемых текстах отсутствуют.

Предлог *пред* встречается в значении ‘нахождение/движение перед локализатором’ (*ц'ело вр'еме пред-б'олница с'едиме* «все время перед больницей сидим»), ‘действие происходит в присутствии одушевленного локализатора’ (*ај да-н'е-бида см'ешен с'ега, да-н'испадна см'ешен пред-д'ецава* «ну чтобы я сейчас не был смешным, чтобы не оказался смешным перед детьми») и ‘нахождение в последовательности перед локализатором’ (*баш Пеца е-пр'ашував пред-некој-д'ен* «как раз у Пецу я спрашивала несколько дней назад»).

В тексте есть только один пример с предлогом *позади* — в значении нахождения за локализатором (*отишол пр'ед-неја ф-ц'рква и се-скр'ил позади-олтарот* «пришел раньше нее в церковь и спрятался за алтарем»). Не известно, насколько релевантен признак высоты локализатора для этого предлога (в литературном языке предлог *позади* не может быть употреблен с локализаторами, высота которых условна равна нулю) и каковы условия дистрибуции с предлогом *зад*.

Предлог *меѓу* встречается только один раз — в значении ‘нахождение между локализаторами’ (*т'аму н'а-стол б'еше Б'оре... Л'азо б'еше меѓу-нас и-м'ама* «на стуле был Боре... Лазо был между нами и мамой»). Под вопросом остается употребление этого предлога в значениях ‘движение между локализаторами’, ‘связь между объектами’, ‘равноправное положение с другими участниками ситуации’.

Предлог *сред* встречается два раза — в значении ‘нахождение в середине локализатора’ (*ко-не-в’иде со-Ф’ерчота ср’ет-град во-’еден с’атот...* «когда она нас увидела с Ферчо посреди города в час [ночи]») и ‘локализация в середине временного отрезка’ (*му-се-с’ојало на-кр’алот луб’еница ср’ет-зима* «королю захотелось арбуза среди зимы»). Кроме того, есть пример с *насред* (*и-з’астанаф н’асрет т’обоган* «и я остановился на середине водной горки»). Не ясно, является ли *насред* сочетанием предлогов *на* и *сред* или же синонимичен предлогу *сред* (следовательно, может считаться его вариантом).

Предлог *без* используется для обозначения отсутствия (*Б’або, з’ошто б’ефме бес-т’елефон?* «Бабушка, почему мы были без телефона?»).

Предлог *со* имеет значения ‘совместность’ (*ко-не-в’иде со-Ф’ерчота ср’ет-град во-’еден с’атот...* «когда она нас увидела с Ферчо посреди города в час [ночи]...»), некоторые посессивные значения (‘часть-целого’ (*к’ондури со-шт’икли* «сапоги на каблуке»), ‘содержимое’ (*и-р’екол... да-си-кл’ајт една к’аца г’олема со-р’асол* «и сказал... чтобы она открыла большую бочку с квашеной капустой»), ‘инструмент’ (*наг’ајки од’озгора ко-со-п’адобран* «падая сверху как с парашютом»), ‘каузируемый объект, кодирующий действие’ (об этом значении в свете валентностей глагола пишет Лаброски, см. выше).

Предлог *сосе* употребляется в значении ‘в полном составе’ (*и-се-к’утнала со-се-к’апинки...* «и кувыркнулась со всей ежевикой...»).

Предлог *наместо* встречается только в одном примере — в составе разрывного союза *наместо да* в значении замещения (*ја, н’аместо д-се-’одмора т’аму ц’ело време го-п’оминаф од-то...* «вместо того чтобы там отдыхать, я все время провела за этим...»).

В текстах есть один пример с предлогом *против* в значении ‘агрессивные действия по отношению к локализатору’ (*и-ц’арот н’аредил с’ите м’ашки... да-’одат во-б’орба против неприј’ателот* «и царь приказал, чтобы все мужчины пошли на борьбу с неприятелем»), один пример с предлогом *заради* (в форме *зарди*) в значении причины (*ко-го-в’идела м’ама Ст’ојмира со-пат’ерици и-с’акала да-му-д’ајт от-к’апинките... гас прек’у-гла: и-се-к’утнала со-се-к’апинки... И-п’осле, тој ко-в’идел, Ст’ојмир Пат’рикон, ко-в’идел зарди-н’его што напр’ајла м’ама...* «когда мама увидела Стоймира с костылями, она хотела дать ему немного ежевики... через голову кувыркнулась вместе со всей ежевикой»). Остается под вопросом, употребляется ли предлог *зарди* для обозначения цели и бенефактива.

В текстах встретились предлоги, отсутствующие в литературном македонском языке: *кариши* в значении ‘напротив’ (*к’арши офици’ерски дом с’едеше Ст’ојмир Пат’рикон* «напротив офицерского дома сидел Стоймир Патрикон»),

ради в значении причины (*и-тој, к'уј-знајт к'ако р'ади сост'ојбава р'екол...* «и он неизвестно как, ради ситуации, сказал...»), *уз* в значении 'вдоль' (*т'рг-нале н'агоре уз-река* «они тронулись вверх по течению реки») и 'сопровождающее действие' (*п'осле пра:т ск'ара, 'онака уз-с'еденка, ус-п'еенка* «а потом делают шашлыки, с посиделками, с песнями») для выражения сопутствующего действия и *после* для выражения временной последовательности.

Что касается предлогов, присутствующих в литературном языке, но не встреченных в тексте, отметим следующие: *отаде, крај, вдолж, ширум, спроти, наспроти, спрема, според*. Предлог *врз* в анализируемых текстах не встречается, при этом в контекстах, характерных для употребления *врз* в литературном языке, используется предлог *на* (*од'озгора н'а-него п'аднал* «сверху на него упал»). В рассмотренных нами текстах также нет примеров на *при* (см. однако замечание В. Лаброской выше о том, что изредка в юго-восточных кичевских селах используются предлоги *при, у, ву*).

Таким образом, несмотря на то, что тексты являются прекрасным источником данных, они обладают рядом недостатков. Объем текстов, особенно диалектных, зачастую ограничен. Кроме того, тексты не дают «отрицательной» информации — об отсутствии некоторого предлога или значения — и возможности с точностью выяснить ограничения, накладываемые на употребление предлога (неважно, вызванные ли типом управляющей лексемы, зависимой синтагмы или особенностями локализатора, локализуемого объекта и отношениями между ними).

Помочь выяснить информацию о наличии тех или иных предлогов, их значениях, условиях дистрибуции с другими предлогами может метод опроса — прямые вопросы о наличии слова, в данном случае предлога, в языке. При исследовании кичевских диалектов следует задать вопросы о наличии предлогов *отаде, вдолж, ширум, спроти, спрема, според* и *врз*.

Для выяснения информации о способе выражения предложных значений, которую невозможно извлечь из имеющихся исследований и доступных диалектных текстов, мы предлагаем сначала сконструировать предложения на диалекте, основываясь на примерах из литературного языка (примеры разных значений см. в [Ганенкова 2015]). Например, для выяснения, каким предлогом выражается значение 'равноправное положение с другими участниками ситуации', можно сконструировать диалектный аналог предложения *Имаме многу добри комшии, има тројца меѓу нив што многу ни помагаат* «у нас очень хорошие соседи, среди них трое, которые очень нам помогают». Помимо самостоятельного конструирования примеров на основе имеющихся данных о диалекте можно также обратиться к информантам с прось-

бой «перевести» литературное предложение на диалект. Все полученные предложения следует проверять (можно так сказать или нет, если нет, то как сказать правильно). Кроме того, интересные результаты получаются при просьбе заполнить пропущенный предлог (*Имаме многу добри комииши, има тројца ... нив што многу ни помагаат*). В некоторых случаях информанты допускают использование нескольких предлогов. Такие случаи следует проверять с различными типами локализаторов. Например, для выявления условий дифференциации предлогов *зад* и *позади*, зачастую употребляющихся как синонимы, следует проверить возможность употребления *позади* в предложениях с локализаторами, не имеющими высоты (вопрос: можно ли сказать по-вашему: *нашата куќа беше зад/позади рекана* «наш дом был за той рекой»). При уточнении локативных значений и способов их выражения большим подспорьем оказываются визуальные материалы.

Литература

- Видоески 1998 — *Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1998. Т. 1.
- Видоески 1999а — *Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1999. Т. 2.
- Видоески 1999б — *Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1999. Т. 3.
- Видоески 2000 — *Видоески Б.* Прашалникот за собирање материјал за Македонскиот дијалектен атлас. Скопје, 2000.
- Ганенкова 2015 — *Ганенкова Т.С.* Семантичка структура предлогов в современном литературном македонском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Кибрик и др. 2006 — *Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н.* Русские possessивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1.
- Конески 1967 — *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1967.
- Лаброска 2008 — *Лаброска В.* Кичевскиот говор. Скопје, 2008.
- Правопис 1979 — Правопис на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1979.
- Тополинска 1995 — *Тополинска З.* Македонските дијалекти во Егејска Македонија. Скопје, 1995. Кн. 1. Синтакса. [Т.] 1.
- Языкознание — Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998. – 2-е изд.
- Lunt 2003 — *Lunt H.* Grammar of the Macedonian Literary Language // Две американски граматики на современниот македонски стандарден јазик од Хорас Г. Лант и Виктор А. Фридман / Ред. Љ. Спасов. Скопје, 2003.

*Summary**Tatyana Ganenkova***On researching prepositions in the Macedonian dialects**

This paper investigates data sources related to prepositions, list of them in the Macedonian dialects, their meanings and conditions of distribution. General studies on dialects (Mr. B. Vidoeski's studies are being used as an example) usually provide information about prepositions especially if it is used for the differentiation of dialects: information about presence or absence of some prepositions in different dialects, the phonetic form of some of them. Semantic description is mentioned only if it differs significantly from the Standard Macedonian or it is important for a dialect differentiation (use / non-use of the preposition *na* for expression of direct or indirect object). Studies concerning certain dialects ("Kichevski dialect" by V. Labroska is used as an example) usually carry descriptions of meanings of main prepositions. By exploring this data we are able to assess what information about prepositions can or can not be obtained from the dialect texts (for instance: presence / absence of certain prepositions, certain meanings of some prepositions, conditions of the distribution). This paper shows that the interview is an important addition to the analysis of the dialect texts.

Лексика польских говоров Сибири (архаизмы и инновации)*

Языковое содержание понятий «архаизм» и «инновация» зависит от точки отсчета. В статье под *архаизмами* в переселенческих островных польских говорах Сибири (а материалом здесь являются данные главным образом польского говора деревни Вершина под Иркутском и в меньшем объеме деревень Александровка и Знаменка под Абаканом) понимается специфическая для материнского польского говора лексика, которая сохранилась в утратившем контакты с этим говором после переселения в Сибирь диалектном идиоме. Под *инновациями* имеются в виду те лексемы, которые появились в островных польских диалектах после переселения их носителей на территорию Сибири. Таким образом, к архаизмам в говоре деревни Вершина относятся характерные для малопольско-силезского ареала лексемы, сохранившиеся в говоре, носители которого более ста лет тому назад переселились в Сибирь из Домбровского угольного бассейна, а к архаизмам Знаменки-Александровки — типично мазовецкая лексика. При этом в состав архаизмов, выделяемых для Вершины и Знаменки-Александровки, входят в том числе специфические для этих говоров заимствования, возникшие вследствие их контактов на исторической территории (т. е. до переселения) с другими идиомами. Для вершинского говора — это словакизмы, а для говора Александровки-Знаменки — германизмы.

Заметим, что, выделяя диалектные лексические архаизмы, мы не учитываем лексику, которая совпадает с общепольской (литературной), отличаясь от нее представленностью специфических диалектных фонетических или морфонологических закономерностей. Например, в говоре Вершины *pot'etco* «помело» или *t'etca* «метла» отличаются от литературных форм *potiotło* и *miotła* малопольско-силезским отсутствием результата перехода 'e > 'o перед t, d, s, z, n, r, l (ср. то же в глагольных формах *b'ere* — литер. *biorę*, *b'ero* — литер. *biorą*, *p'ere* — литер. *piorę*, *p'ero* — литер. *piorą*, *v'eze* — литер. *wiozę*, *v'ezum* — литер. *wiozą* и т.д.). В том же диалекте вследствие частотности o на месте общепольского a (из a долгого и по аналогии) представлены формы *jojko* — литер. *jajko* и *žel'osko* — литер. *żelazko*. Или, например, общепольское

* Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (<http://wwwffli.ru>), проект № А-54 «Славянские переселенческие говоры в России (чешские, польские, украинские)».

węgiel вследствие узкого произношения носового переднего ряда произносится жителями Вершины как *wyng'el'*, а общепольское *dzień, len* и *chleb* в результате перехода *e* долгого в *i/y*, а также сужения *e* перед *n* представлены в виде форм *dżin', lin* и *xlip/xlyp*. Одновременно два фонетических процесса отражены в диалектной форме *zygor* — литер. *zegar*. В говоре Знаменки-Александровки вследствие наличия мазурения и начального *je-* (соответствующего литературному *ja-*) представлена форма *jebusk'i* — литер. *jabluszka*, а литературному *siostra* вследствие частотной замены общепольского *ś* на *š* соответствует форма *šostra*. Таким образом, все подобные случаи специфического фонетического облика лексемы, совпадающей с общепольской (литературной), в статье не рассматриваются.

Приведем примеры архаизмов из польского говора деревни Вершина (то есть малопольско-силезских и некоторых полидиалектных, встречающихся и за пределами малопольско-силезского региона лексем; малопольско-силезские слова приводятся без соответствующей пометы, а к полидиалектным дается помета «диал.»).

1. Существительные.

1) *Nomina personalia* (названия лиц): *dżouxa* // *dżouška* «девочка, девушка» (*xopok* з *dżouxo*), германизм *buŋk* «nieślubne dziecko» (*nal'otaqa se buŋka*), диал. *xop* 'chłop' «муж», диал. (известное некогда и литературному языку) *švoc-ka* 'szwaczka' «портниха».

2) Названия представителей фауны, включая названия домашних животных: *myntopuś* 'nietoperz' «летучая мышь», *glizda* «червяк», *pošyca* 'płoszczycza' (*down'ij pošyca* 'то же, что pluskiew', т. е. «клоп», а не «водяной скорпион», как в литературном языке), словакизм-богемизм *rusy* 'prusaki' «тараканы», *gażina* 'bydło' «скот», *dżin'dżul* (*dżin'dżouy sum*) 'dzięcioł' «дятел», *zrubek* 'żrebię' «жеребенок».

3) Названия растений: словакизм *modżyn'* 'modrzew' «лиственница» (такие экстралингвистические факторы, как наличие этого дерева и на исторической родине, и в Сибири, частое возведение домов из этой самой прочной древесины, способствовали сохранению лексемы, ее частотному употреблению — ср. *čaga na modżyn'u*, *uoklat z modżyn'a* и мн. др., а также развитию словообразовательного гнезда: уменьшит. *modżyn'ek*, прилагат. *modżyn'owy* и т. п.), соотносящееся с чешским и словацким *uoxyn'e* 'borówka' «голубика», диал. юго-зап. *angres* 'agrest' «крыжовник», диал. *pudżumki* 'poziomk'i' «земляника» (з *pudż'umkuf l'isće*), диал. *koścanka* 'czeremcha' «черемуха». В «Варшавском словаре» приводится значение 'rubus saxatilis malina kamionka' и 'ягоды' от этого куста [Sł. War. II: 498], *tatarka* 'gryka' «гречиха».

4) Номинации различных предметов (домашнего обихода, хозяйственного предназначения и т. п.): *uopsatka* 'piógo' «ручка (вставочка)», *skrobaxa* 'stara miotła' «старая метла» (встретилось только в сравнительном обороте '*xudy jak skrobaxa*' «тощий как старая метла»), германизм *fajerka* 'doniczka' «горшок для домашних цветов», диал. *gorcek* 'kubek' «кружка», *lachy* 'bielizna' «белье», диал. *rustelko* с перестановкой *r-l* 'lusterko' «зеркало», *pušofek* (реже *pušovek*) 'mała szafka' «полушкафчик» (в «Варшавском словаре» приводятся диалектные образования подобной структуры — с выпадением *t*: *póskrzynek* 'перегородка в сундуке или часть его за перегородкой' [Sł. War. IV: 963], в вершинском говоре есть еще одна лексема подобной структуры: *pušubek* // *pošubek* диал. '*pólszubek*', о которой см. ниже), диал. *antrament* 'atrament' «чернила».

4) Номинации одежды: *lachy* 'ubranie' «одежда», диал. *palito* (уменьшит. *palitka*) 'palto' «плащ, пальто», диал. (устаревшее в литературном языке) *portk'i* 'spodnie' «портки, штаны», *pušubek* // *pošubek* (ср. мн. ч. *pušupk'i*) (на первый взгляд кажется, что это русизм с типичным для вершинского говора выпадением *to* // *tu* «полушубок», на самом же деле польскому известна лексема *pólszubek* [Sł. War. IV: 957], *obl'ecen'e* 'ubranie' «одежда, облачение» (соотнесится с глаголом *oblykać się* «одеваться, облачаться во что-л.»).

5) Названия блюд: диал. *garal'eta* // *garalyta* (с метатезой *r-l*) 'galareta' «желе; студень», *bens* // *bync* // *benc* (происхождение не ясно) 'блюдо из протертых вареного картофеля, гороха и капусты' (по составу блюда не исключен немецкий источник лексемы; в «Варшавском словаре» представлена номинация *bęcofy* 'kluski kartoflane' «картофельные клецки», к которой приведена под знаком вопроса фантастическая этимология — от *Bucefal* [Sł. War. I: 141]).

6) Название праздника *Lejk'i* 'lanu poniedziałek' (второй день после Пасхи, когда, по традиции, все обливают друг друга водой). Как вспоминает жительница Вершины, преподаватель польского языка в местной школе Людмила Фигура (Вежинтас) в работе «Historia i terażniejszość polskiej syberyjskiej wsi», «W Wierszynie prawie nikt nie przestrzega postu, ale zawsze pamięta się o Lejkach... W dawnej tradycji polskiej... poniedziałek wielkanocny często zwano dniem Świętego Lejka, oblewanką czy polewanką» [Figura 2003: 71–132; информация о дне Св. Лейка цит. по: *H. Zadrożyńska. Powtarzać czas początku. Warszawa, 1985: 108*].

7) Название стороны света и времени дня: *polednie* 'południe' «юг; полдень».

2. Глаголы, номинирующие различные физические действия человека и других живых существ: *ćepnun'ć* «бросить, ударить», диал. юго-зап. *pl'ev'ić* 'pleć' «полоть» (ср. мн.ч. *pl'ev'il'i* и т. д.), *taplać* 'moczyć' «мочить» (ср.: у ро-

дившегося в малопольской деревне писателя В. Мысливского этот глагол употребляется в произведении «Widnokrąg» («Горизонт»): *taplać w błocie, taplały*, *furgać* (несов. в.) — *furgnuć* (сов. в.) ‘fruwać — frunać’ «порхать, летать» (*uny furgaju, furganyu*), *oblykać się* ‘oblekać się, ubierać się’ «одеваться». Своеобразная сочетаемость представлена для глаголов *beczeć* ‘beczeć’ и *kficyć* ‘kwiczeć’. В польском литературном языке, как правило, «becзу» овца, а «kwicзу» свинья. В вершинском говоре *krova bescu* «корова мычит» (литер. *krówa guszy*), а *kun’ kficy* (литер. *koń gzy*). Хотя в «Словаре польского языка» под редакцией М. Шимчака отмечается, что редко глагол *kwiczeć* и существительное *kwik* употребляются и по отношению к лошади («zadziej») [Słownik język. p. Tom pierwszy. 1978: 1101–1102], полагаем, что такое употребление связано с малопольским регионом, на что косвенно указывает использование подобной сочетаемости в уже упомянувшейся повести В. Мысливского: «Miałem przed oczyma jedynie krwawe kłębowisko, spowite w tumanach kurzu, rozdzierane krzykami, jękami, *kwikiem koni*» [Myśliwski 2003: 73].

3. Наречия: полифункциональный юго-западный германизм *fes(t)* «много; сильно; быстро», *do teraska* ‘до dziś’ «до сегодняшнего дня» (с юго-западным диалектным расширением морфемой *k*, ср. диал. *teraski* и *jojka krasil’i do teraska*, *krašo*, *tama naša do teraska*), *kaj* ‘gdzie; dokąd’ (ср.: *xto kaj ujeżdżajon* «кто куда уезжают», *kaj co* «где что», *n’e było kaj chodzić* «не было куда ходить», *ješe kaj pujdżece?* «еще куда пойдете?», *kaj te dževo zeźn’e* «где это дерево срубит (букв. срежет)», *kaj mašyna na tamtej strun’e* «где машина на той стороне») и производные от него *kajś* ‘gdzieś; dokądś’ «где-нибудь; где-то; куда-нибудь, куда-то» (ср.: *kajś pośua* «куда-то пошла») и *nikaj* ‘nigdzie’ «никуда, нигде» (*n’e хозе n’ikaj* «я не хожу никуда»), *k’ej* ‘kiedy’ «когда». О ярком малопольско-силезском характере лексем *kaj* и *kiej* свидетельствует их постоянное употребление в художественной литературе, описывающей, в частности, жизнь малопольских гуралей (ср., например, «Na skalnym Podhalu» К. Тетмайера).

4. Предлоги: диал. (в том числе и юго-западный) предлог *bez* ‘przez’ (пространственный «через», временной «в течение») (*bez noc* ‘przez noc’ «в течение ночи», *bez dzień* ‘przez dzień’ «в течение дня») и *bez źel’ony l’as* ‘przez zielony las’). Смешение *przez* и *bez* широко представлено в древнепольских памятниках (ср. *przezmierny* ‘bezmierny’ в «Свентокшиских проповедях», *przewodzie* ‘bezwodność’ в «Пулавской псалтыри» и др.).

5. Междометия и ономапея, слова для подзывания животных. Для призывания гусей используется повторяемое слово *pyla* (диал. *pyla-pyla*). Польским диалектам известны номинации этой птицы с корнем *pul-* (*pula*, *pulka*

«гусь», *pule* «гусенок»). В вершинском говоре этот корень представлен только в призывании гусей, название же птицы совпадает с литературным, отличаясь соответствующим фонетическим обликом (*gyś*).

Для того чтобы остановить коня, следует произнести формулу *ćeś-ćeś* (ср. в «Варшавском словаре» близкие диалектные формы *cięsiu/cięś, cesiu/ceś, ceška* [Sł. War. I: 266, 333]).

В качестве подзывания коровы используется повторение слова *na* (*na-na-na*). Данное образование не является русизмом и широко представлено в польских диалектах в качестве призывания животных, в том числе собак, волов и овец.

Овцы подзываются удвоенным *bar-bar* (ср. приводимые в Варшавском словаре» близкие по форме диалектные слова призывания овец: *baruch! barusz! baruś!* [Sł. War. I: 100]), известны однокоренные диалектные названия овец, например, *barutka*).

Кошку в Вершине подзывают выражением *ci-ćikyża* (аналогичная структура приведена и в «Варшавском словаре» — *Ci-cikizia* = *wabienie kota* [Sł. War. I: 314]).

Лошадь погоняют удвоенным *śu-śu* 'wio!' «но!» (близкая по форме диалектная форма приведена в «Варшавском словаре» — *siuch!*). Обычно употребляемое по отношению к свинье *kuć-kuć*, по словам информантки, используется для призывания индюшки (?).

8. Топоним, перенесенный на современную территорию и употребляемый по отношению к близкому по форме астиониму: районный центр *Boхан*, который следовало бы изменять как слово мужского рода без беглого гласного (*w Bochanie* и т. д.). Носители говора упорно склоняют название этого города как существительное женского рода и без гласного *a*, что свидетельствует о сохранении в их памяти номинации местности, расположенной в малопольском регионе (*Bochnia, do Bochni* и т. д.).

Примерами архаизмов из польского говора деревень Знаменка и Александровка являются германизмы, отмечаемые на территории мазурского ареала и Кашубии. Например: *groska* // *gruska* 'babcia' «бабушка», *gruzek* 'dziadek' «дедушка», *grosk'i* 'babcia i dziadek' «бабушка и дедושка», *šurek* 'chłopiec' «мальчик», *brak* 'trzeba' «надо», *jo* 'tak' «да». Сложнее определить статус германизмов, относящихся к повседневному быту и к предметам домашнего обихода (таким как *reb'iska* 'tarka' «терка», *rebovać* 'trzeć', *rybak'i* «драники», т. е. «блины из протертого картофеля», *galfą* 'widelec' «вилка»). В условиях продолжающегося после переселения в Сибирь контакта с переселившейся сюда же частью немецкого населения, наличия смешанных польско-

немецких браков архаический характер германизмов можно доказать при условии фиксации подобных форм в материнском диалекте, что требует дополнительных исследований. Во всяком случае наличие словообразовательного гнезда *reb'iska* — *rebovać* — *rybak'i*, члены которого имеют адаптированный («ополяченный») вид, свидетельствует о сравнительно давнем характере заимствования. Подробнее о германизмах в польском островном диалекте Знаменки–Александровки см. [Anapiewa 2015].

Примеры собственно польской диалектной лексики (архаизмов) из говора Знаменки–Александровки: *prosek* (диал. 'proszek') 'друга, приглашающий на свадьбу или просящий подарков для молодоженов', *potivak* «тряпка», *bencyk* «живот», *zabażać* (*zabażał'i*) «захотеть».

Что касается инноваций, то ими в обоих островных диалектных идиомах являются заимствования из русского литературного языка и русских диалектов. Крайне незначительное число слов зафиксировано из бурятского идиома. При этом скорее всего они заимствованы не непосредственно из бурятского, а пришли в польский говор через посредничество русского языка (ср. в говоре Вершины: *šaman*, *šaman'ić*, *unt*, *tarasun* 'bimber' «самогон»; последняя лексема известна русским говорам Забайкалья: *тарасун* — вино, приготовленное из кислого молока [Элиасов 1980: 408]). Не выяснено происхождение лексем *tar* «ковёр» (*tary* мн. ч.).

Среди заимствований из русского языка выделяются более старые и более новые. Инновации (элементы, отсутствующие в материнском диалекте), как и архаизмы, различаются по хронологии. К старым заимствованиям относятся номинации, известные русским говорам Сибири. Так, к старым заимствованиям в польском говоре Вершины относятся, по всей видимости, такие названия одежды и обуви, как *katáńk'i* «валенки» (в польском литературном языке представлена омоформа *katanka* в значении 'кафтан'): *podešva s katan-ko pšušyta* (ср. *катанки* мн. (ед. *катанок*, нка м.) Валенки [Элиасов 1980: 153]); *ćirk'i* 'вид обуви из кожи' (ср. *чирки*, мн. род мягкой кожаной обуви в виде ботинок, но без подметок [Элиасов 1980: 454]); *nadževaška* 'верхняя рубашка' (ср.: *pšut nadžiwašk'i byl'i*) (*надевашка*, и, ж. рубашка (из хлопчатобумажной ткани или кожи лося) [Элиасов 1980: 223]); *apserdák*, искаж. (с утратой начального *ł*) (ср.: *лансердák*, а, м. плащ из брезента, немного ниже колен. [Элиасов 1980: 183]); *v'exotka* 'тујка' «мочалка» (ср. *вехотка*, и, ж. мочалка [Элиасов 1980: 76]). Возможно, название цветов *cyrank'i* (польская омоформа обозначает птицу — чирка-трескунка) «саранки» (?).

В типологии инновационных заимствований из русского языка находит яркое проявление взаимодействие экстерной и интерной функций языка.

Так, к проявлениям экстерной функции относятся заимствования, приведенные в польские островные диалекты в связи с внешними факторами: в прошлом с работой в колхозе (например, названия профессий типа *traktorystka*), учебой в русской школе (заимствования типа *dn'evn'ik*), лечением в больнице (русские названия болезней и процедур) и под. Однако существуют и внутриязыковые закономерности в рецепции определенных заимствований. Так, в обоих польских островных диалектах заимствования из русского языка часто представлены в виде коллоквиальных средств, относящихся к наречиям и частицам (*daże, očen', im'enna, da*). Или в названии года в обоих диалектных идиомах номинация десятка представлена не порядковым, а (как в русском языке) количественным числительным (т. е. вместо, например, польск. *tysiąc dziewięćset sześćdziesiąty szósty* будет *tysiąc dziewięćset sześćdziesiąt szósty*). Поскольку влиянию русского языка в анализируемых двух польских островных диалектах посвящена отдельная статья (Ananiewa 2015¹), здесь мы в качестве примера инноваций приведем только одну лексико-семантическую субстантивную группу русизмов из говора деревни Вершины, а именно номинации представителей животного мира (включая названия домашних животных). Среди них отмечены как гибридные формы (в которых отразились некоторые закономерности польской диалектной системы), так и неадаптированные лексемы. Примеры: *guxar* 'gluszec' «глухарь», *rapčyk* 'jarząbek' «рябчик», *ćećer* 'ćietrzew' «тетерев», *żuźl'ik* 'suseł' «суслик», *koćonek* 'kocię' «котенок», *pt'incy* 'pisklęta' «птеныцы», *kanók* 'kuna syberyjska' «колонок», *z'ubr* 'gatunek jelenia' «изюбр», *kuropatka* 'kuropatwa' «куропатка», *b'elka* 'wiewiórka' «белка», *soxaty* // *saxát* 'łoś' «сохатый», *lástocčka* 'jaskółka' «ласточка», *medźv'eć* 'niedźwiedź' «медведь», *burunduk* 'syberyjska wiewiórka ziemna' «бурундук».

Таким образом, если архаизмы явственно дифференцируют два рассмотренных польских островных диалекта, то инновации (заимствования из русского языка, особенно инновации более позднего происхождения), напротив, сближают данные диалектные идиомы.

Литература

- Ananiewa 2015 — Ananiewa N. E. Germanizmy leksykalne w dwu polskich gwarach wyspowych na Syberii // Gwary dziś. Poznań, 2015. T. 7. S. 169–176.
Ananiewa 2015¹ — Ananiewa N. Dynamika rozwoju w polskich gwarach wyspowych na Syberii (в печати).

- Figura 2003 — *Figura L. Historia i terażniejszość polskiej syberyjskiej wsi // Wierszyna z bliska i oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii / Pod red. E. Nowickiej i M. Głowackiej-Grajper. Kraków, 2003. S. 71–132.*
- Myśliwski 2003 — *Myśliwski W. Widnokrag. Warszawa, 2003.*
- Słownik jęz. p. 1978 – *Słownik języka polskiego / Redaktor naczelny prof. dr M. Szymczak Warszawa, 1978. Tom pierwszy. A–K.*
- Sł. War. — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1927. T. 1–8. Wydanie fotooffsetowe. 1952–1953.*
- Элиасов 1980 — *Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.*

Summary

Natalya Ananieva

Lexics of Polish dialects in Siberia (archaisms and innovations)

Lexics of two island Polish dialects in Siberia is analyzed in this article — that of the village of Vershina in Bokhansky district of the Irkutsk region and the dialect of the villages of Znamenka and Alexandrovka near the town of Abakhan. The archaisms in these dialects are the remnants of their mother dialect — Malopolish-Silesian in the village of Vershina and Mazovetsky in the villages of Znamenka and Aleksandrovka. This vocabulary also includes borrowings that had come to the dialects before their bearers moved to Siberia. The innovations are mainly borrowings from the literary Russian language and from Russian dialects in Siberia. Among these there are two types innovations: modern and old.

Генезис чешских переселенческих говоров в РФ в свете данных лексической части «Чешского языкового атласа»*

Задача данной статьи — соотнести с данными первых трех томов «Чешского языкового атласа», отражающих лексическую дифференциацию диалектов чешского языка на его коренной территории, некоторые результаты обследования чешских переселенческих говоров в России, распространенных, с одной стороны, на Черноморском побережье Северного Кавказа, в населенных пунктах Кирилловка и соседних с ней и Варваровка, находящихся соответственно в составе муниципальных образований Новороссийск и Анапа Краснодарского края, а с другой — в Среднем Прииртышье, в деревнях Репинка, Новоградка и Воскресенка Калачинского р-на Омской области (Западная Сибирь).

Северокавказский (или, точнее, новороссийско-анапский) чешский говор стал объектом специального диалектологического изучения с 2009, а средне-прииртышский — с 2012 г. В ходе экспедиции на Черноморское побережье Северного Кавказа, предпринятой в 2015 г., в дополнение к материалам прежних лет удалось записать также образцы речи одной из последних носительниц чешского говора села Тешебс в окрестностях Геленджика, который был, по всей видимости, весьма близок новороссийско-анапскому, а кроме того, зафиксировать заметно отличный от него и, напротив, сходный со средне-прииртышским говор села Анастасиевка под Туапсе. Ввиду недостаточности собранных на сей день данных об этом последнем говоре, который можно назвать восточносеверокавказским, в противоположность западносеверокавказскому, распространенному на территории между Анапой и Геленджиком, они в настоящей статье будут учтены лишь ограниченно.

В опубликованных ранее работах (Скорвид, Поляков 2013; Скорвид 2014а и др.) описывались прежде всего важнейшие признаки фонетической и фонологической систем, а также грамматические особенности западносеверокавказского и среднеприиртышского говоров (далее ЗСКЧ и СПЧ). Затрагивающий эти уровни анализ материала позволил со всей однозначностью

* Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.ffli.ru>), проект № А-54 «Славянские переселенческие говоры в России (чешские, польские, украинские)».

возвести первый говор к южночешским или, шире, юго-западным, тогда как второй — к северо-восточным чешским диалектам, что в целом согласуется с определением исходных ареалов миграции предков нынешних носителей этих говоров в этнографических работах начала XX в. о чешских колонистах на Северном Кавказе (с конца 1860-х гг.) и в Чехограде (в наши дни — Новгородковка, укр. Новгородківка, Мелитопольского р-на Запорожской области) на Украине, откуда часть жителей в период реформы П. А. Столыпина переселилась в Западную Сибирь. Лексические данные для подтверждения этих выводов привлекались пока только выборочно.

Достаточно полно это удается сделать с опорой на лексические тома «Чешского языкового атласа», вышедшие первым изданием в 1992, 1997 и 1999 гг. и переизданные в 2004–2014 гг. В настоящее время эти три тома атласа, как и четвертый, морфологический, доступны в Интернете. Выход в свет вслед за пятым томом, посвященным в основном фонетике и синтаксису, но содержащим также наречия (2005), сводного шестого тома с дополнениями и указателями (2011) завершил этот многолетний фундаментальный труд Института чешского языка ЧАН.

Материал для лексической части атласа собирался в течение десятилетий на основании разработанного полвека назад вопросника к изучению чешских диалектов (Dotazník 1965). При подготовке к изданию этот материал сортировался и в результате был распределен по следующим тематическим пластам лексики: т. 1 — человек и его окружение (семья, дом и т. д.); т. 2 — сад и огород, лес, животный и растительный мир, ландшафт, время, погода, деревня в прошлом и настоящем, развлечения и обычаи; т. 3 — полевые работы, хозяйство, сельскохозяйственный инвентарь, домашний скот и птица. Выявляемые внутри этих пластов лексические различия между диалектами чешского языка на основной территории его распространения в каждом случае детально картографированы.

В ходе обследования названных переселенческих чешских говоров в их современном состоянии, фиксируемом в начале XXI в., и при обработке записей бесед с информантами, проводившихся в жанре «нарративного интервью» (см. Чмейркова 2006: 7), вопросник Института чешского языка 1965 г. принимался во внимание, однако соответствовать ему в полной мере было невозможно. Это имело под собой объективные основания. Нынешние носители обоих говоров, преимущественно женщины старшего, реже среднего поколения (в случае ЗСКЧ в основном 1920–30-х гг., в случае СПЧ вплоть до 1950-х гг. рождения), с чешскими диалектными названиями некоторых объектов, например, относящимися к таким тематическим пластам, как «поле-

вые работы», «сельскохозяйственный инвентарь» и другим, уже мало сталкивались. Времена патриархального единоличного крестьянского хозяйствования закончились в СССР в 1930-е гг., а в новых условиях функционирование говора было ограничено кругом семьи, дома, из производственных сфер — приусадебного участка. При этом, так как носители обоих говоров издавна полностью двуязычны и в наши дни во всех областях жизни чаще пользуются русским языком (кроме общения в семье и с соседями, где реализуется говор, хотя также далеко не всегда), в ЗСКЧ и СПЧ даже в рамках указанных двух тематических пластов наблюдается вытеснение исконно чешской лексики в разной степени адаптированными заимствованиями из языковой среды окружения.

Следует подчеркнуть, что процесс этот протекал постепенно, начиная со времени сразу после переселения предков нынешних носителей исследуемых говоров в царскую Россию, в случае СПЧ — еще с досибирского, чехоградского периода, и продолжается поныне. На первых порах в донорской для обоих говоров языковой среде окружения заметную роль, наряду с диалектным южнорусским, играл украинский элемент (на Северном Кавказе — смешанный идиом, известный под названием «кубанская балачка»). В более позднее время источником лексических заимствований стал уже нивелированный русский язык в региональной форме (а в какой-то степени и литературный русский); в связи с этим, в частности, в СПЧ проникли некоторые диалектные сибирские лексемы. В данной статье все эти заимствования разного времени будут учитываться постольку, поскольку они сосуществуют с исконными диалектными лексемами или вытеснили их из очерченных пластов, прежде всего связанных с семьей и домом, включая приусадебное хозяйство.

Например, в ЗСКЧ сохраняется старое чешское название картофеля *brambori*, в ед. ч. *ten brambor*, закономерно мужского рода (вариант *brambora* ж. р. отмечается в основном в Центральной Чехии, ср. ЇА 3: 268). В СПЧ же это название было заменено русизмом *kartoška* (собират.; употребляется и форма мн. ч. *kartoški*, в обоих случаях с чешским ударением на первом слоге). Данная замена фиксируется уже в чехоградском чешском (Mukhaylova 2006: 39) — притом что информантка Е. В. Эйхгорн (1953 г. р.) из Репинки Омской обл., ни разу не бывавшая в Чехии, вспомнила чешское слово после подсказки: *nu kartošku sázíme, či jak po češski pravilno kartoška, já neví(m), po druhímu vona se jaksi nazíva, da? — brambor, da-da, já vím, že po druhímu se nazívá, a mi už říkáme kartoška* ‘ну картошку сажаем, или как по-чешски правильно картошка, я не знаю, она по-другому как-то называется, да? — *brambor*, да-да, я знаю, что по-другому называется, а мы уже говорим «картошка»’. В отличие

от картофеля, помидоры в Чехии стали выращивать в широком масштабе только в начале XX в. (ČJA 2, 88), поэтому их наиболее распространенное сейчас чешское название *rajčata* (ед. ч. *rajče*) могло быть незнакомо первым крестьянам-переселенцам в России. Присутствие данной лексемы и ее уменьшительного деривата *rajčátka* (мн. ч.) в идиолекте одного из информантов в Кирилловке под Новороссийском (В. П. Кабрда 1931 г. р.) может объясняться его довольно частым общением с носителями современного чешского языка из Чехии, тогда как обычно он сам и его односельчане употребляют слово *pomadori*. В Варваровке под Анапой наряду с ним зафиксировано субстантивированное прилагательное *rajský* (ср. р., им.-вин. п. ед. и мн. ч., из *rajské jablíčko*), sporadически встречающееся на всей территории Чехии (ČJA 2: 86–87, карта 23). Замечание же *pomadori* отмечено и в чехоградском говоре (Мукхайлова 2006, 39). Наличие его в прежние времена также в СПЧ подтвердила Е. А. Ишкова (1953 г. р., Омск) с указанием на родовую принадлежность данной лексемы: ед. ч. — *pomadora* ж. р.; между тем другая носительница СПЧ, Р. А. Липа (1940 г. р., Новоградка), перечислила среди овощных культур *i vokurki, i pomidori* — *po česki, jo?* ‘и огурцы, и помидоры — по-чешски, да?’ Вариант *помадор* в словаре В. И. Даля приводится с пометой, отсылающей к Новороссии; фигурирует он также в недавних изданных материалах к словарю кубанских говоров (Борисова 2005, 183). У северокавказских чехов это слово именно в таком фонетическом облике фиксировал уже Я. Ауэрган (Auerhan 1920: 58).

Приусадебный участок в ЗСКЧ называют чешским словом *zahrada*, соответствующим рус. *сад* и *огород*; помимо этого, однако, в последнем значении в ЗСКЧ употребляется и адаптированный русизм *ohorod* (с ударением на первом слоге), а у среднеприиртышских чехов в русской речи отмечается характерный для новосельческих сибирских говоров деминутив *аһароч'чук / агороччик* (Харламова 2014: 63), в чешской же выступает другой — адаптированный — русизм *rosadn'ik*. Ср. в русско-чешском диалоге М. А. Харламовой и Р. А. Липы: *А в огороде у вас что растет? — W rosadn'iku co roste? A co posad-iš, fšechno roste.* Лексема *рассадник* в значении ‘участок земли вблизи дома, засаженный овощами’ встречается в севернорусских и старожильческих сибирских говорах (СРНГ 34, 200); из последних она, вероятно, и проникла в СПЧ. Для обозначения же большего земельного участка (первоначально — надела) в СПЧ и ЗСКЧ до сих пор используется слово *plán / plan*, восходящее, видимо, к русскому официальному термину времен нарезания земли. Ср. в СПЧ: *do rosadn'iku, abi tam bilo, na plán vivážim* ‘в огород, чтобы там было, на участок вывожу (снес)’, *plán sázíme... i ešče velkej sázíme plan*

‘огород сажаем, еще большой сажаем огород’; в ЗСКЧ: *tak si táta tadi vikoupil plán taki, ten kouseg zemn'e, jo... i d'edoušek mu pomoch a postavili si dum* ‘так вот папа тут выкупил участок, кусок земли, дедушка ему помог, и они построили себе дом’, *tuhle cesta, z druhej strani bilo...* *Krahulců plán, d'il bil* ‘вот тут дорога, а с другой стороны было — Крагульцев участок, надел был’. Лексема *план* в обоих значениях, прослеживаемых у слова *plán* в ЗСКЧ, ‘участок земли под новую застройку’ и ‘земля под огород’, известна в кубанских говорах (Борисова 2005: 175).

В дальнейшем изложении мы, сообразно с задачей данной статьи, будем исходить из собственно чешской лексики, прежде всего — дифференциальной с точки зрения разного генезиса ЗСКЧ и СПЧ, начиная с тематического пласта «человек, его окружение и семья».

В качестве названия взрослого мужчины в ЗСКЧ употребляются распространенное в Чехии субстантивированное прилагательное *muskej* (в нашем материале — во мн. ч.: *zn'ičehon'ic přišli a zebrale muski a vodeslali je na Sibír* ‘ни с того ни с сего пришли и забрали мужики, и выслали их в Сибирь’) и лексема *chlap*, в «Чешском языковом атласе» охарактеризованная как «основное моравское название, проникающее в восточночешскую область и фиксирующееся также в других местах в Чехии» (ČJA 1: 70; из карты 3 на с. 71 видно, что таких мест немало, в том числе и в южночешском ареале). Ср.: *sed'elo neco tam, chlap či — nu, jag živej* ‘кто-то там сидел, мужчина или — ну, как живой’ (об обряде выноса из деревни чучела); *chlapů s troučbama bilo — já nevím, no najspíš (!) človjek dvacet* ‘мужиков с трубами было — я не знаю, наверное, человек 20’ (о деревенском духовом оркестре; оба примера из речи В. П. Кабрды). Данная лексема встречается и в СПЧ: *na frontě, bili ti chlapi, hoši, jag říkaji, kerí sloužili* ‘на фронте были те мужики, парни, как их называют, которые служили’; чаще здесь, однако, употребляется адаптированный русизм *mužik* (с ударением на первом слоге) в значении как ‘мужчина’, так и ‘муж’: *u nas jenom mužiki choději svátat* ‘у нас только мужчины ходят сватать’; *můj mužik taki bil Čech* ‘мой муж тоже был чех’ и т. д. В остальном в обоих говорах в значении ‘муж’ встречается общечешская лексема *manžel*, а в значении ‘жена’ — *manželka*, причем в СПЧ эти наименования, по-видимому, менее привычны. Характерно такое русско-чешское высказывание Р. А. Липы: *Vom v voskr'esen'ie fспомн'ula* [после телефонного разговора с родственницей в Чехии. — С. С.]: *manžel, co to je? [...] Ne, tadi neříkaji... муж да жена, да u fс'o. A Čechi taki jim tak neříkali!* ‘... Нет, здесь (так) не говорят [...] А чехи тоже их так не называли’. Тем не менее за нею же записано: *manžel její pije jak sobaka* ‘муж ее пьет как собака’ и т. д. Лексема *muž* также употребляется

в этом значении, как и в русском языке, ср. с русским окончанием род. п. ед. ч. в ЗСКЧ: *tadi bila d'edouška spaln'a, mojeho mužá* 'тут была деда спальня, моего мужа'.

В значении 'женщина' в ЗСКЧ и СПЧ выступает общечешское субстантивированное прилагательное *ženská / žencká*. Второй вариант, с ассимиляцией в группе согласных, более западный с точки зрения распределения на основной территории чешского языка (ČJA 1: 71–72), довольно частотен в ЗСКЧ: *mn'e bilo až hamba, mäsím si, bože, žencká tak mn'e vn'iman'i ud'el'á* 'мне даже совестно было, думаю — боже, женщина мне столько внимания уделяет'; ср. в СПЧ (с сокращением конечного гласного): *vot v Novohrade žije ve vesn'ici řadám ženska, její mužika tcera je v Čechoslovakiji* 'вот в Новоградке, в деревне рядом, живет женщина, дочь ее мужа — в Чехии'. Лексема *žena* употребляется последовательно в значении 'жена'; примеры, в которых можно было бы предполагать значение 'женщина', единичны и не однозначны, ср. в ЗСКЧ: *von'i se u těch Viktoru sebírali muskí a vipíjeli [...] a ženi taki sedali a nalejvali si* 'мужики собирались у этих самых Викторов и выпивали, а женщины / жены тоже садились и наливали себе'. В СПЧ в значении 'жена', наряду с лексемами *žena* и *manželka*, отмечен русизм *supruha* (с русским местом ударения): *Tam jeho supruhi sestra žije i bratr supruhin žije tam. — Supruha — viš uš, co to je, te? [...] Manželka*. 'Там его супруги сестра живет, и брат супруги(н) там живет. — Супруга, ты уже теперь знаешь, что это? Жена'.

Для обозначения молодого человека мужского пола в ЗСКЧ и СПЧ служат, по нашим наблюдениям, одинаково частотные лексемы *kluk* и *hoch* (им. п. мн. ч. *kluci, hoši*), что несколько противоречит данным «Чешского языкового атласа», где *hoch* представлен как маркированный северо-восточнечешский диалектизм (ČJA 1, 66–67). Ср. примеры из речи разных носителей

а) ЗСКЧ: *hoch... hoši holkám stavjeli máj* 'парень... парни девушкам ставили майское деревце', *a tam kluk pás kón'e* 'а там мальчишка пас лошадей', *bejvalo tak, že se i prali tam kluci* 'бывало, что и дрались там парни' (В. П. Кабрда), *hoši chođili i povídali: dejte mi ten křiš slámeme* 'парни приходили и говорили: давайте мы сломаем этот крест', *kluci, dá, von'i ho slámali* 'парни, да, они его сломали' (Э. И. Краль, урожд. Мареш, из Кирилловки, 1928–2013), *on'i š ti kluci te' fšechni mladí, u nás fšechna molod'oš... píjou* 'парни ж все молодые теперь, вся у нас молодежь, пьют' (М. И. Белоконь, урожд. Машек, 1931 г. р., Варваровка);

б) СПЧ: *ne imenno, že to je můj kluk, a mladimu klukoj... i vot kluci [...] bili s pentličkama* 'не то чтобы именно (в знак того), что это мой парень, а (просто цепляли) молодому парню... и вот все парни были с ленточками' (Е. В. Эйх-

горн), а *kuci nachitají zaz živejch brapcu...* ‘а парни наловят живых воробьев...’ (с поглощением *l* последующим гласным), *nu uchažori [...] hoši, kerí za mnoú bjehali* ‘ну ухажеры, парни, которые за мной бегали’ (А. А. Вондра, 1937 г. р., Репинка).

Помимо этого в ЗСКЧ, в речи Е. Т. Ружечко (1926 г. р., Кирилловка), дважды отмечена лексема *chlapec*, оба раза в сочетании с одним и тем же прилагательным: *a tam k n'í přišel taki chlapec mladej* ‘а там к ней пришел молодой парень’. У среднеприиртышских чехов, как считает М. А. Харламова, это слово «преобразовалось в *хлопци, хлопци* [...], вероятно, под влиянием русских новосельческих говоров» (Харламова 2014: 61).

Заметное различие между обоими говорами демонстрируют наименования девушки/девочки. В ЗСКЧ употребляются в принципе общечешская лексема *holka* с деминутивом *holčička* и типичный южночешский регионализм *húd'e* ср. р., им./вин. п. мн. ч. *húd'ata* (ČJA 1: 68–69). Примеры: *takovej les, že húd'e jedno hijena sn'edla* ‘такой лес, что одну девочку съел шакал’; *posle válki chlapi nebili i žencki, húd'ata mušeli za ruskí... žít se to chce!* ‘после войны мужчин не было, и женщины, девушки, должны были выходить за русских... жить-то хочется!'; *a Viktorí... fšichn'í bili húd'ata bili z Varvarofki, jo* ‘а Викторины... все девушки были из Варваровки, да’, *no to sou s Varvarofki... a hodn'e holek sem do Kirilki se vdali... tahle Viktorí bila votef* ‘эти из Варваровки... и много девушек сюда, в Кирилловку, вышло замуж... вот эта, Викторина, была оттуда’ и т. д. В речи Е. Т. Ружечко отмечена также лексема *d'evěčka*, во мн. ч. — *mladí d'evěčki*, не фиксируемая в «Чешском языковом атласе» (возможно, адаптированный русизм).

Существительное ср. р. *děvče*, мн. ч. *děvčata* (в нормализованной нефонетической записи), охарактеризованное в «Чешском языковом атласе» как типичное для Моравии и южночешской области, в ЗСКЧ ни разу не встретилось. Напротив, в СПЧ в значении ‘девушка/девочка’ выступает почти исключительно эта лексема в фонетических вариантах *d'efče/děvče/d'euče* с оглушенным или не оглушенным губно-зубным согласным и с губно-губным неслоговым *ɟ*. С другой стороны, показательна спонтанная реакция Р. А. Липы на употребленное в вопросе слово *holka* как на чужеродное; на просьбу уточнить, как у них говорили, она ответила: *holki ne... nu d'eučata, da i fs'o*. В ее речи зафиксирована и новообразованная форма дат. п. ед. ч. этой лексемы *wot to bilo d'eučatu* ‘вот это было девушке (приданое)’ от основы, выступающей во мн. ч.; ср., однако, тв. п. ед. ч. у А. А. Вондры: *wot d-iš kluk s cérou, ten kluk z d'evčetem se fstr'eča* ‘вот когда парень с девушкой встречается’. Появление в начале этого предложения лексемы со значением ‘дочь’, видимо, следует

считать оговоркой; в то же время во фразах цитатного характера А. А. Вондра употребляет также существительное *holka*, и уменьшительное образование от него: *a ona poidá [...] holko, holko, depak ses tadi wzala?* ‘а она говорит: откуда ты тут, девочка, взялась?’ (из рассказа о встрече племянницы с чешской, живущей в Германии); *přisahala miláčkové (!) falešná holčička* ‘клялась милому обманщица-девушка’ (из песни; при ее прозаическом пересказе — *falešná d'ěuka přisahala k(l)ukoj*, ср. вариант *děvka* на северо-востоке Чехии на карте в ČJA 1: 69). Деминутив, естественно, образуется и от основного названия девушки в СПЧ, ср. *a vi ešče nejste vdani, d'eučátka?* ‘а вы еще незамужние, девочки?’

В качестве названий отца и матери в ЗСКЧ и СПЧ выступают общечешские лексемы *taťinek / tařinek* и *táta / tata, maminka* и *máma / mama*. В ЗСКЧ в значении ‘мать’ отмечено и слово *matka*, хотя лишь в одном случае: *tadi mn'el manželku a tři d'eti a matku a nechal je* ‘здесь у него была жена, трое детей и мать, и он их бросил’ (в другом случае омонимичное слово означает ‘пчеломатка’); ср. также употребление данной лексемы для именованя Богоматери в кириллических записях чешских молитв, выполненных носительницей СПЧ К. А. Кадермас (1919–2001): *просим тебе муи Боже скрзе благоденнов падну Марији твою милово матку* ‘прошу Тебя, мой Боже, через блаженную Деву Марию, Твою дорогую Матерь’. Помимо этого в СПЧ, у А. А. Вондры в рекрутской песне, прозвучало слово *mařička*. Оно же, как и слово *otec* при именовании Отца Небесного, встречается в обоих говорах также в молитвах и сопровождающих их формулах: в ЗСКЧ *Jěžiš, svatá Marije, Mařičko Bóži* ‘Иисусе, святая Мария, мать Божия’, в ЗСКЧ и СПЧ *Ve jměnu Otce i Sina i Duchu svatého* ‘во имя Отца, и Сына, и Духа Святого’.

Вместе отец с матерью называются в обоих говорах общечешским словом *rodiče* ‘родители’; в ЗСКЧ изредка выступает вариант с окончанием им. (и вин.) п. мн. ч. *-i*, как в соответствующей русской словоформе, ср. вин. п. *voťet' sém a jesli mám rodiči* ‘откуда я, и есть ли у меня родители’. Любопытно, что в ЗСКЧ как само это существительное, так и его дериват ж. р. с суффиксом *-k-* изредка встречается также в значении, развившимся под влиянием рус. *родич(у)*: *nu a rodiče... ro-, roc-... nu jako přátele v Varvarovce máte ešče* ‘ну а родичи... ро-, родс-... ну как — родня у нас в Варваровке есть еще’; *přijela tvoje rodička sem... a von povidá: kerá? já ji neznám* ‘родственница твоя приехала — а он говорит: какая? я ее не знаю’.

Дифференцированы в обоих говорах образования от корня *d'ed-* со значениями а) ‘отец кого-либо из родителей’, б) ‘старик’. В ЗСКЧ в первом значении регулярно употребляется лексема *d'edořek*, во втором чаще *d'edeček* (но

иногда также *d'edoušek*), в обоих значениях *d'eda*, ср.: *d'edouška votet' vodvezli — jemu bil rok* ‘деда оттуда (из Чехии) увезли — ему был год’; *a višel votat' d'edeček z hůlčičkou [...] nu tak sme tam prozimovali u toho d'edi* ‘и вышел оттуда дедушка с палочкой... ну так мы там и перезимовали у этого дедушки’; *mi sme tam z d'edou jezďili jednou* ‘мы с дедом туда один раз ездили’ (Е. Т. Ружечко о своем муже, переносное употребление). В речи М. В. Сисель (1925 г. р.) зафиксирован и вариант *d'edek*, в одном случае с изменением интервокального *d > r* (*d'erek vin'ice mn'el* ‘у деда были виноградники’), а также *d'ed* — вероятно, русизм: *dědek nechťel dlouho... nu a potom [...] že jeho roskuláci, d'eda...* ‘дед долго не хотел (в колхоз), ну а потом — мол, раскулачат его, деда’. В СПЧ, напротив, в обоих значениях употребляются лексемы *d'edeček* и *d'eda*, а также довольно часто русизм *d'ed*; sporadически встречается и гибридное наименование *d'edečka* — по-видимому, результат контаминации чеш. *d'edeček* с рус. *дедушка*, ср. *mího d'edečku, toho roskuláci* ‘моего дедушку, его раскулачили’. Это распределение — если не учитывать русизмы — почти точно совпадает с очерченным в «Чешском языковом атласе» (ČJA 1: 76–78), особенно в отношении южночешской области с вариантами *d'edoušek/d'eda* и проникающим сюда с запада *d'edek*. Остается добавить, что от основного южночешского варианта *d'edoušek* в ЗСКЧ образуется и префиксальный дериват: *pra'd'edoušek i prababička přijeli* ‘прадедушка и прабабушка приехали’ (в СПЧ в этом случае употребляется русизм: *našim prá'd'edam nařezávali zem* ‘нашим прадедам нарезали землю’).

В значениях ‘мать кого-либо из родителей’ и ‘старая женщина’ одинаково в обоих говорах выступает лексема *babička*, в ЗСКЧ также в варианте со вторым гласным типа рус. [ы]: *diž bila babička, ta'tinkovo máma, bila živá* ‘когда бабушка, папина мама, была жива’, *von l'ičil lyd'i vod rán [...] nu i naučil i babyčku* ‘он лечил людей от ран, ну и научил и бабушку’, *ulice š široká, i vona bejvá, že neuslíš babička aš na tu stranu* ‘улица же широкая, и бывает, что (сидящая на завалинке) по другую сторону бабушка не услышит’; в СПЧ: *choďili sme ke svím babičkám, tetkám* ‘ходили мы к своим бабушкам, теткам’ (на Пасху), *voť t'el'ev'iden'ije přijížd'eli, já jich vozila sem ke babičkám, ešče kerí bili živí* ‘вот приезжали с телевидения, я их водила к бабушкам, которые были еще живы’. В ЗСКЧ зафиксирован и единичный случай употребления лексемы *baba* (с сокращенным корневым гласным): *d'eda najednou umřel a baba ešče asi puldruhého roku požila* ‘дедушка сразу умер, а бабушка еще года полтора пожила’. Этот архаичный вариант sporadически встречается на периферии чешской языковой территории, в том числе и на юге Чехии (ČJA 1: 78–80).

Интересно отмеченное в ЗСКЧ, в идиолекте В. П. Кабрды, образование *babinka* (с ударением на срединном слоге), выступающее в значении ‘повивальная бабка’: *babinka kovářů... Dlouhejch [...] vona u nás babinkou bila* ‘бабка кузнецов, Длоугих, она у нас была повитухой’. В «Чешском языковом атласе» подобная лексема в указанном значении не фиксируется, а приводится только в статье *babička* (в варианте *bábinka*) как характерная для севера Центральной Моравии, но бытующая также в других областях Моравии и в окраинных ареалах Чехии, но не на юге (ČJA 1: 80). Судя по карте 7 на с. 79, встречается она и на чешско-моравской Высочине, откуда, как удалось установить, был родом дед В. П. Кабрды (см. Скорвид 2014б: 82), однако сдвиг ударения в этом слове, наблюдаемый в речи данного информанта, — генетически южночешский (ср. ČJA 5, 502).

Единообразно в ЗСКЧ и СПЧ представлены лексемы, обозначающие брата, сестру, сына и дочь: *bratr, sestra, sin, (t)cera / céra* (с экспрессивным проделением гласной). В тексте молитвы в ЗСКЧ встретилось уменьшительное образование от существительного *sin*: *mn'ela sem miho sináčka* ‘был у меня мой сыночек’. Названия внука и внучки в чешском языке, включая ЗСКЧ и СПЧ, совпадают с русскими, как и отмеченная в СПЧ форма мн. ч. *já mám ynučata* (по-видимому, русизм, в отличие от чеш. *vnučata*). Общими названиями ребенка в обоих говорах, как и на всей территории Чехии (ČJA 1, 100–101), служат лексемы *d'íte* и *d'ěcko*, а также *d'etátko*, ср. в ЗСКЧ *kerak já můžu tam d'íte pustit* ‘как я могу отпустить туда ребенка’, *akorát mn'ela d'ěcko, hdiš ji vislali* ‘у нее как раз был ребенок, когда ее сослали’, в СПЧ *vona prwni te'kej rod'ila jen d'ěcko* ‘она только первого ребенка родила’, *ona přijela malinkim d'etátkem* ‘она приехала маленьким ребенком’. Во множественном числе лексема *d'íte* имеет общечешский облик *d'eti* при разном склонении в изучаемых говорах, ср. род. п. в ЗСКЧ *sedum d'etičh mn'ela* ‘семеро детей у нее было’ и в СПЧ *deset d'et'ů, tak po česki říct* ‘десять детей, так по-чешски (надо) сказать’.

Брат одного из родителей — и в более широком смысле дядя (не обязательно родной) — в обоих говорах, как правило, обозначается существительным *strejček* с уменьшительным суффиксом *-ek* (в СПЧ изредка также *strejč* без этого суффикса); тетя — существительным *teta* без суффикса (так часто в ЗСКЧ) и уменьшительными *tetka, tetička* (обычно в СПЧ, в последнем варианте часто с синкопированным срединным гласным: *te'čka*). Ср. в ЗСКЧ: *to řikal strejček nás* ‘это говорил наш дядя’ и *strejček Honza Luzumu, ten na barabanu furt* ‘дядя Гонза Лузум, он все время на барабане’; *teta její, maminčina sestra* ‘ее тетя, мамина сестра’ и *jeho tetička s cérou* ‘его тетка с дочерью’; в

СПЧ: *strejc, mojí tetički mužik* ‘дядя, моей тети муж’, *tam je... tetka bila, žila, tetička naša* ‘там тетка жила, тетушка наша’ и т. д.

Ограниченно встречаются в обоих говорах чешские названия двоюродных брата и сестры *bratranec* и *sestřen'ice* с деминутивом *sestřen'ička*, ср. в ЗСКЧ *tadi mám ešte nehde strejčka, jako maminčiniho bratrance* ‘тут у меня еще есть где-то дядя, то есть мамин двоюродный брат’; в СПЧ *maminka taki říkala: mam tam sestřen'ički* ‘мама тоже говорила: у меня там двоюродные сестры’. Более употребительны, однако, соответствующие русские двусловные наименования. Показателен разговор с участием Е. Т. Ружечко и ее мужа Л. В. Ружечко (1927–2014): Л. В. *A tam se nám pojavily roctven'iki*. — Е. Т. *Sestřen'ice*. — Л. В. *Dvojurodnaja s'estra*. ‘А у нас там объявились родственники. Двоюродная сестра’ (чешское название в диалоге сразу же переведено на русский язык). Русское определение *двоюродный/-ая* может быть употреблено в чешском дискурсе при именовании некровных родственников, ср. в речи М. В. Малик (1931 г. р., из Варваровки): *moje teta, vona mn'e nerodná, dvojurodná teta, tátovo mojeho sestra* ‘моя тетя, она мне неродная, двоюродная тетя, отца моего сестра’ (т. е. отчима. — С. С.). В остальном некровное родство может обозначаться:

а) русским словом, вытеснившим давнее чешское, например, в СПЧ у А. А. Вондры: *já bi vám sow'etowala w Omsku naj'dit [...] mou zolouku — a jak po česki říct [...] zolouka?* ‘я бы вам советовала найти в Омске мою золовку — а как сказать по-чешски, золовка?’ (названия *švagr* ‘деверь’, ‘шурин’, ‘свояк’ и *švagrová* ‘золовка’, ‘невестка’, ‘свояченица’ носителям исследуемых говоров почти неизвестны — лишь одна из носительниц ЗСКЧ в Варваровке опознала эти лексемы, предложив в качестве их русских соответствий только ‘свояк’ и ‘свояченица’);

б) давним чешским словом, сохраняющимся в памяти наряду с более употребительным русским или находящимся в активном запасе благодаря поддержке созвучного русского слова, ср. в СПЧ *srazu v Repince žila, u sv'ikrouki, wot... nu jak po česki říkají, pan'ímáma, jo?* ‘сначала в Репинке жила, у свекрови, вот... ну как по-чешски называют, «панимама», да?», в ЗСКЧ *Milád'in sv'okr. tuhleten... pantáta* ‘свекор Милады, этот — «пантата»’ (лексемы *tchán* и *tchyně* в значениях ‘тесть/свекор’ и ‘теща/свекровь’ в говорах не зафиксированы); в СПЧ *má tadi céru, í wnučki, í zeľ pomohají* ‘у нее тут дочь, и внучки, и зять помогают’; в ЗСКЧ *i sin přijde s nevjestou* ‘и сын придет с невесткой’ (говоры сохраняют архаичное чешское название невестки/снохи, поддерживаемое первым из русских соответствий; лексема *snacha* не встречается);

в) расширительно употребленным чешским словом, обозначающим более близкую степень родства, ср. в ЗСКЧ *sin toho mího strejčka, nu mího brat...*

manžela bratra sin ‘сын моего дяди, ну моего брат... мужнина брата сын’ (т. е. деверя).

Только русские лексемы — при этом в фонетическом облике как в языке-источнике — используются в ЗСКЧ и СПЧ для обозначения племянника и племянницы (современные чешские названия *synovec* и *neteř* здесь неизвестны), ср. в ЗСКЧ: *to bil jeho plem'an'ik* ‘это был его племянник’; *tadi mn'ela taki plem'an'ici* ‘тут у нее была племянница’; в СПЧ: *mi sme fšechni plem'an'iki* ‘мы все племянники’, *wot tetkej mám plem'an'ikou* ‘вот теперь у меня есть племянники’.

Родственники в целом в обоих говорах обозначаются, в соответствии с архаичным употреблением в чешских диалектах, словом *přátele* (в ЗСКЧ отмечены и образования ж. р.: *naše ta přátelka* ‘эта наша родственница’, *mi mame přítelki* ‘у нас есть родственницы’) наряду с русизмами *roctven'iki* и, в СПЧ, *rodn'a*. Впрочем, по крайней мере один носитель ЗСКЧ, И. К. Виктор (1946–2014), отвечая на вопрос *To jsou vaši přátelé?*, воспринял это слово в современном чешском значении: *nu, ššítaj'te sou přátele, protože won'i tadik dávno žijou, mi tadik dávno žijem* ‘ну, считайте, друзья, потому что они тут давно живут, мы давно живем’. В остальном в значении ‘друг’, ‘друзья’ употребляется лексема *kamarád*, им. (и вин.) п. мн. ч. *kamaráďi*, ср. в СКЧ *von mn'el kamaráďi, s kamaráďama to stavyjeli* ‘у него друзья были, они с друзьями ставили’ (майское деревце), в СПЧ *kamaráďi mu pojдали, že si ji jinej vzal* ‘друзья ему рассказали, что ее взял в жены другой’ (из песни).

Второй тематический пласт, который необходимо затронуть, — «дом и прилегающий участок». Вначале чешские переселенцы на Северном Кавказе и в Сибири, как и в других частях бывшей Российской империи (Вольны, Чехоград), жили в так наз. «землянках». Их русское название в практически не адаптированном фонетическом облике сохранилось в обоих изучаемых говорах, хотя на представление о его денотате во всяком случае у носителей ЗСКЧ в наши дни уже накладывает отпечаток современное значение этого русского слова, ср.: *diš sem přijeli, žili v z'eml'ance... nu a v z'eml'ance — bóže, to ž je... z'eml'anka je z'eml'anka, v zemi jag v hrobu* ‘когда они сюда приехали, жили в землянке... ну а в землянке — боже, это ж... землянка есть землянка, в земле, как в могиле’. Между тем Я. Ауэрган в очерке 1914 г. о чешских колониях в Таврической губернии характеризовал землянки в Чехограде, которых он уже не застал, как хаты, находящиеся лишь «частично под землей» (Auerhan 1920, 44). Более реалистично, по-видимому, описывает «землянки» первых колонистов в Сибири П. А. Яндер (1938 г. р., Репинка): *stari Češi diš přijeli do Novohrada, fšecko to d'áli... plasti, plasti tihlecti vrchn'i... s trávoú [...] nařežou lopata-*

ma, i vot z n'ich to i stali z'eml'anki... do zemn'e trochu a potom navrch 'когда старые чехи приехали в Новоградку, всё делали... пласты, пласты эти верхние (дерна) с травой нарежут лопатами, и вот из них-то и стали землянки (строить), немного в землю, а потом — наверх'. Авторы монографии о чехах в Казахстане также сообщают, что переселенцы, прибывшие сюда в начале XX в., строя дома, из-за недостатка древесины «крышу над деревянным потолком делали из дерна, поэтому такие дома до сих пор называют *землянками*» (Uheřek 2003: 25). Правда, согласно данной монографии, казахстанские чехи с самого начала возводили свои «землянки» из глиняного кирпича-сырца, или самана, тогда как среднеприиртышские и северокавказские чехи утверждают, что строительство саманных домов началось только на следующем этапе, ср.: *to bili ze plastu zd'elani... potom už ze samana sme strojili, z hlíni* 'то были из пласта (дерна) сделаны (дома), а потом мы уже из самана строили, из глины' (Ф. А. Шиллер, 1938 г. р., Новоградка).

Опрос информантов показал, что в Сибири было утрачено чешское название самана, зафиксированное в исходном чехоградском говоре, закономерно в восточночешском диалектном облике *vepřáki*, мн. ч. (Mukhaylova 2006: 38; ЪЯ 1: 370–372). Эта же лексема бытует у северокавказских чехов, ср.: *stavjeli si domi [...] stavjeli si tadi staven'í kamenní a pak d'elali takoví vepřáki z hlíni... z vn'itřku to je z hlíni ud'elání, ze slámoú to míchali, a s ulice je kamen tendle tvrdej* 'строили дома... строения каменные, а еще делали такие кирпичи из глины, изнутри из глины сделаны, с соломой ее смешивали, а с улицы вот этот прочный камень'. В «Чешском языковом атласе» такое название кирпича-сырца в южночешских или, шире, юго-западных диалектах, к которым восходит ЗСКЧ, не засвидетельствовано: судя по карте 201 на с 371, здесь выступает главным образом общечешский вариант ж. р. с другим суффиксом: *vepřovice*. Распространение в ЗСКЧ однозначно восточночешской в наши дни лексемы можно объяснять двояко: с одной стороны, вполне вероятно более широкое ее бытование в чешских диалектах в XIX в., а с другой — нельзя исключить, что этот строительный термин был принесен на Северный Кавказ не первопоселенцами-чехами, а более поздними группами присоединявшихся к ним колонистов, например, из Крыма или из Чехограда, предки которых были выходцами из Восточной Чехии.

В качестве названий дома в обоих исследуемых говорах выступает общечешская — и общеславянская — лексема *dům / dum* (в других формах с основой *dom-*), в ЗСКЧ также *staven'í*, изредка и *barák*, ср. *von'í tam mn'eli barák, dům i celej dvúr, d'edoušek z babičkou* 'у них там был дом, дом и большой двор, у дедушки с бабушкой'. Помимо этого в ЗСКЧ и СПЧ, как и во всех чешских

переселенческих говорах на территории бывшей Российской империи, в значении ‘жилая постройка’ распространилась заимствованная из украинско-южнорусской языковой среды окружения лексема *cháta*, в косвенных падежах ед. ч. с основой на мягкий согласный (и с окончаниями мягкого типа склонения), откуда в ЗСКЧ аналогически им. п. ед. ч. *chát*. Ср. ответ А. А. Вондры на вопрос *Вы говорите «хата» или «дом»?»: Cháta, cháta... Pod' do cháte!* ‘Хата, хата... Пойдем в хату!’; в ЗСКЧ: *hó'di to do cháte a chát hōři* ‘бросят это в хату, и хата горит’. Авторы монографии о говоре волынских чехов, наблюдая в нем аналогичные колебания в парадигме этой лексемы, объясняют их заимствованием часто встречающихся готовых форм, т. е., например, *f chát'i* < укр. у *xami*, но вместе с тем соотносят их с переходом от собственно чешского типа существительных ж. р. *kůlna* ‘дровяной сарай’ к моравскому типу *kůlňe*, отмечаемым на восточночешской диалектной окраине, как и в говоре села Малиновка на Вольни (Jančáková, Jančák 2004: 124, 64). В работе о чехоградском говоре, однако, справедливо указывается, что если эти колебания и обязаны влиянию украинского склонения существительного *xata*, то за исключением формы род. п. ед. ч., где в украинском выступает окончание [i] после твердого согласного; Впрочем, в приложенных автором образцах записанных текстов находим и формы род. п. ед. ч. *vot chát'i*, но также *do chati* и вин. п. мн. ч. *měli veliki chati* (Mykhaylova 2006: 25, 60, 64, 70). В ЗСКЧ новообразование *chát* — по всей видимости, действительно от основы, которая выступала у исходного существительного в формах со смягчением конечного согласного перед флексией, — склоняется последовательно по мягкому типу, ср. вин. п. мн. ч. *cháte jim vistrojili* ‘хаты им выстроили’.

Из лексики, относящейся к частям дома, дифференциальным для ЗСКЧ и СПЧ является название подвала: в СПЧ в этом значении употребляется общечешская лексема *sklep*, а в ЗСКЧ, наряду с ней, — южночешский германизм *loch* (ср. ČJA 1, 364, 367). Характерны также варианты названия комнаты: в ЗСКЧ западно- и южночешское слово *sedn'ice*, в СПЧ — *svjetn'ice*, совпадающее с литературным чешским и фиксируемое в восточных областях Чехии наряду с диалектной фонетической модификацией *sekn'ice*. Последний вариант отмечен в чехоградском говоре (Mykhaylova 2006: 38).

О названиях участка земли, огорода/сада и некоторых выращиваемых культур в ЗСКЧ и СПЧ уже была речь выше, в связи с проникновением в этот пласт лексики разных по времени и региональной принадлежности заимствований из языковой среды окружения. С точки зрения отражения старых различий между чешскими диалектными ареалами можно указать еще на лексемы со значением ‘цветы’: в ЗСКЧ последовательно *kitki*, как почти на всей

территории собственно Чехии, тогда как в СПЧ обычно *kvítka* (словом *kitka* ж. р. здесь обозначают не растущий цветок, а бутоньерку на одежде жениха и его сотоварищей на свадьбе). В «Чешском языковом атласе» существительное ср. р. *kvítko* характеризуется как моравское, хотя отмечаются и реликты его вероятного более раннего распространения также в восточночешских говорах (ČJA 2, 238–240). С другой стороны, в ЗСКЧ имеет специфический облик лексема *vjetle* ‘ветка’ с уменьшительным образованием *vjetlička*, встречающаяся ныне в северо-восточной части южночешских говоров (ČJA 2: 194–196), которой в СПЧ соответствуют существительные *vjetev* (общечешское) и *vjet’*; последний, архаично выглядящий вариант в «Чешском языковом атласе» не фиксируется.

Довольно дифференцирована в ЗСКЧ и СПЧ лексика, обозначающая домашнюю птицу. В качестве названия курицы в обоих говорах выступает общечешская лексема *slepice*, но в ЗСКЧ наряду с южночешским вариантом *slepka* (ср. ČJA 3: 492–493); утка в СПЧ — *kačena*, а в СКЧ *kachna* и *kačka* (согласно ČJA 3: 536–538, вариант *kačena* — скорее моравско-силезский, распространившийся также на восточночешской окраине и, судя по карте 246 на с. 537, на юге Чехии, тогда как вариант *kačka* там не отмечен: возможно, в ЗСКЧ это вторичное образование от уменьшительного *kačátko* ‘утенок’); индюк в СПЧ обозначается восточночешским словом *topan* (ČJA 3: 542–544), а в ЗСКЧ известно слово *krocán*, как в литературном языке. В том же ряду можно указать на сохраняющийся в ЗСКЧ типично южночешский германизм *bajzík / bajzek* ‘собака’ из нем. *beißen* ‘кусать’, ср. на территории Чехии *bajzek* (Japečková 1995: 21) и *pajsek* (ČJA 3: 479, карта 217). При этом в обоих говорах выступает общечешская лексема *pes*, им. п. мн. ч. *psi*.

Ряд различий между ЗСКЧ и СПЧ демонстрируют лексемы со значением качественной или количественной оценки. Так, при наличии в обоих говорах общечешских наречий *dobře* ‘хорошо’ и *špatně* ‘плохо’ в первом значении в них одинаково часто употребляется наречие *pjekně*, тогда как во втором в ЗСКЧ *škaredě*, а в СПЧ — *šeredně* (то же относится к соответствующим прилагательным). Распределение последних двух лексем вполне согласуется с указанным в «Чешском языковом атласе» для предикативных наречий, обозначающих плохую погоду: вариант *škaredě* распространен в Моравии и на юге Чехии, вариант *šeredně* — на северо-востоке Чехии (ČJA 2, 352, 354–355). Понятия ‘много’ и ‘очень’ выражает в обоих говорах общечешское наречие *hodně*, в ЗСКЧ наряду с *moc*; в СПЧ в значении ‘очень’ сохраняется восточночешский архаизм *tuze* (ср. ČJA 5, 552–552), например: *tuze hic já nerát* ‘слишком большую жару я не люблю’ (выступающий в данном примере

германизм *hic* ‘жара’ из нем. Hitze — также, по-видимому, региональное северо-восточночешское слово, фиксируемое и в чехоградском говоре, см. Mukhaylova 2006: 38; впрочем, оно известно и в Варваровке под Анапой). В качестве антонима лексемы *hodn’e* в обоих говорах выступают общечешские наречия *trochu/troš(ič)ku* ‘немного, чуть-чуть’, в ЗСКЧ с озвонченным вариантом *drošku* в речи М. В. Сисель, а в идиолекте В. П. Кабрды — также архаизм *drobet/drobátko* (первоначально существительное со значением ‘крошка’, которое отмечается, в частности, на границе Южной Чехии с Моравией, см. ČJA 1: 272–274). В значении ‘быстро’, с одной стороны, в обоих говорах употребляется слово *honem*, которое в «Чешском языковом атласе» характеризуется как моравское, но известное и в Чехии, особенно на окраинах, а с другой — распространенное в разных вариантах по всей Чехии наречие с корнем *čerstv-*: в ЗСКЧ *čerstvo* (наряду с *rychle*), в СПЧ также *čerstva*. Это приблизительно соответствует распределению данных вариантов по двум ареалам, интересующим нас с точки зрения генезиса ЗСКЧ и СПЧ, соответственно на юге и востоке Чехии (ČJA 1: 160–162). В обоих изучаемых говорах встречается и русизм *bistro*.

Диалектно маркированные глагольные лексемы, выдающие северо-восточночешское происхождение говора, отмечаются в СПЧ. Это, в частности, такие глаголы, как *zdělat* ‘снять’ и *zdělávat* ‘снимать’, например, в сочетании *zdělávat vjenec* ‘снимать венки’ при описании свадебного обряда (в ЗСКЧ *sundat/sundávat*, ср. ČJA 1: 305–306), или германизм *pučovat* < нем. putzen ‘чистить’ (в ЗСКЧ *čistit*, ср. ČJA 1: 396–398 для сочетания *čistit studnu* ‘чистить колодец’; в СПЧ, однако, также *pusijou cestí* ‘чистят дороги’). В одном случае специфический глагол в СПЧ образован от характерного для восточночешской области субстантивного наименования народного обычая, связанного с понедельником после Пасхи, которое по происхождению представляет собой германизм: это лексема *šmrkustovat* ‘стегать девушек прутиком’ (от существительного *šmerkúst/šmerkust* < нем. Schmeckostern, ČJA 2: 456, 458, 461).

Подводя итоги, можно заключить, что сверка лексического материала обследованных переселенческих чешских говоров в России, в части, относящейся в основном к пластам, связанным с семьей, домом и подсобным хозяйством, с данными «Чешского языкового атласа», как и ряда других работ, в целом подтверждает правомерность возведения западносеверокавказского говора к южночешскому, а среднеприиртышского — к северо-восточночешскому диалекту. К последнему, судя даже по фрагментарным пока записям 2015 г. в Анастасиевке под Туапсе, восходит и восточносеверокавказский говор, на что указывает употребление в нем таких лексем, как *d’edeček* в значе-

нии 'родной дедушка' (в ЗСКЧ *d'edoušek*), *kačena* 'утка' и *ťoran* 'индюк' (наряду с *krocán*, как в ЗСКЧ), глаголов *zd'elávat* (*čepec*) 'снимать (чепец)' и *šmerkuvat* 'стегать', ср.: *šmerkuvali* — *nu, gdiž je Páska... bičem, bičem vajíčka hon'ili* 'стегали — ну, когда Пасха, кнутом, кнутом яйца перед собой гнали'. Как явствует из приведенного описания, глагольная лексема, соотносительная с имеющей несколько иной звуковой облик *šmrkustovat* в СПЧ, не вполне совпадает с ней по значению, как не совпадают и обычаи, обозначаемые этими глаголами. По-видимому, Анастасиевку (первоначальное ее название — Георгиевские хутора) заселяли не выходцы из украинского Чехограда, а колонисты какой-то другой волны, которые также прибыли из северо-восточной Чехии.

Некоторые расхождения данных атласа с нашим материалом могут быть связаны не только с тем, что границы распространения тех или иных лексем в чешских диалектах в XIX в. могли быть не тождественны современным, но и с особенностями формирования рассматриваемых переселенческих говоров или, шире, со спецификой самой миграции. Во всех случаях миграционный процесс протекал не прямолинейно и не одновременно. К первопоселенцам с предположительно достаточно однородной лексикой, характерной для исходных ареалов, со временем примыкали выходцы из других мест (подробнее об этом см. Скорвид 2014б), что могло оставить свой след в словаре носителей говора. Наконец, в процессе или в результате миграции некоторые исконные лексемы утрачивались или по крайней мере вытеснялись из активного употребления, заменяясь при необходимости заимствованиями из языковой среды окружения, что могло обуславливаться также экстралингвистическими причинами. Яркой иллюстрацией этого последнего тезиса может служить история слова со значением 'шкаф для одежды' в СПЧ.

В исходном для него чехоградском говоре отмечена лексема *jarmara* (Mukhaylova 2006: 38) из старого чешского латинизма *almara* с протетическим *j*-и дистантной ассимиляцией плавного в первом слоге к последующему. На вопрос о наличии ее в СПЧ Е. А. Ишкова ответила: «Может быть, дедушка с бабушкой и знали это слово, но мои родители слышать его не могли, так как в то время у них здесь в Сибири были сундуки для одежды, и называли такой сундук словом *kufér*». Этот германизм закрепился в современном чешском языке в виде *kufér* 'чемодан'; естественно предполагать, что переселенцы из Чехограда не брали с собой в Сибирь шкафов, а одежду везли в дорожных сундуках, удобных и для хранения ее в дальнейшем. Впрочем, нельзя исключить и сибирского происхождения их наименования в СПЧ: так, лексема *куфар* со значением 'большой сундук для приданого' зафиксирована в

Иркутской области (СРНГ 16: 180). Шкафы для одежды, продолжает Е. А. Ишкова, в сибирской глубинке появились довольно поздно, и среднеприиртышские чехи называли их словом *škár*. Последнее по происхождению также представляет собой германизм, но в СЧП оно, несомненно, проникло уже из русской народной речи.

Литература

- Борисова 2005 — *Борисова О. Г.* Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005.
- Скорвид 2014а — *Скорвид С. С.* Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // *Славяноведение*. 2014. № 1. С. 44–58.
- Скорвид 2014б — *Скорвид С. С.* Чешские языковые острова в России — ветки истории и этнической памяти // *Oriens Aliter. Časopis pro kulturu a dějiny střední a východní Evropy*. 1 (2014). S. 76–91.
- Скорвид, Поляков 2013 — *Скорвид С. С., Поляков Д. К.* О проницаемости грамматической системы в ситуации межъязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // *Исследования по славянской диалектологии*. М., 2013. Вып. 16. С. 305–337.
- СРНГ 16 — *Словарь русских народных говоров*. Л., 1980. Вып. 16. [Электронный ресурс. Режим доступа: http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng_16.pdf]
- СРНГ 34 — *Словарь русских народных говоров*. СПб., 2000. Вып. 34. [Электронный ресурс. Режим доступа: http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng_34.pdf]
- Харламова 2014 — *Харламова М. А.* Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация. Омск, 2014.
- Чмейркова 2006 — *Чмейркова С.* Они наши или чужие? О репатриации волынских чехов // *Глобализация — этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы* / Отв. ред. Г. П. Нецименко. М., 2006. Кн. 2. С. 3–29.
- Auerhan 1920 — *Auerhan J.* České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. Praha, 1920.
- ČJA 1 — *Český jazykový atlas 1* / Red. Jan Balhar a kol. Praha, 1992.
- ČJA 2 — *Český jazykový atlas 2* / Red. Jan Balhar a kol. Praha, 1997.
- ČJA 3 — *Český jazykový atlas 3* / Red. Jan Balhar a kol. Praha, 1999.
- ČJA 5 — *Český jazykový atlas 5* / Red. Jan Balhar a kol. Praha, 2005.
- Dotazník 1965 — *Český jazykový atlas — Dotazník pro výzkum českých nářečí*. Praha; Brno, 1964.
- Jančáková, Jančák 2004 — *Jančáková J., Jančák P.* Mluva českých reemigrantů z Ukrajiny. Praha, 2004.
- Janečková 1995 — *Janečková M.* Německé přejímky v jihozápadočeské nářeční oblasti // *Sborník katedry českého jazyka jihočeského regionu IV*. České Budějovice, 1995.

Mykhaylova 2006 — *Mykhaylova K.* Mluva Čechů v Čechohradě na Ukrajině a její vztah k výchozímu českému nářečí. Diplomová práce. Filozofická fakulta Masarykovy univerzity. Brno, 2006.

Uhrek 2003 — *Uhrek Z., Valášková N., Kužel S., Dymeš P.* Češi z Kazachstánu a jejich přesídlení do České republiky. Praha, 2003.

Summary

Segrey Skorvid

The origins of Czech immigrant dialects in Russia in the light of data from the lexical volumes of the Czech Language Atlas

The author of the paper compares data introduced in the lexical volumes of the Czech Language Atlas (1992, 1997, 1999) with several fragments of the vocabulary of two Czech immigrant dialects still spoken in Russia: one in the Northwest Caucasus; and the other in the Middle Irtysh area in Western Siberia. The paper demonstrates that words which concern family, home and housekeeping, on the whole, show good preservation of the original roots of both of the above Czech dialect (southwestern and northeastern respectively). Some contradictions between the Atlas data and the situation in the examined dialects may be explained by the fact that some of the dialectal words in question may have been found formerly in a broader geographic range than nowadays. Moreover, participants in the development of the immigrant dialects may have included speakers from various dialectal areas whose lexicon would have left its own traces in the local patois. Finally, during the migrations many original words may have been lost and substituted by the borrowings from the dominant language in the speakers' new surroundings.

Особенности функционирования лемковских говоров в интернете

В статье рассматривается специфика функционирования в интернете говоров лемков-переселенцев, проживающих в Польше и на Украине¹.

Степень присутствия диалектов в интернете за последние годы значительно возросла. В сети появляются специальные сайты, посвященные диалектам, и любительские диалектные интернет-словари. На различных форумах и в социальных сетях обсуждаются особенности тех или иных диалектов и ведется общение носителей на диалекте (к примеру, страницы, посвященные украинским говорам, есть в социальных сетях Livejournal, Вконтакте, Facebook). С помощью интернета проводятся любительские исследования в области диалектологии² и т. д.

В результате различных миграционных процессов (прежде всего миграции в города) носители диалектов могут проживать некомпактно, а следовательно, интернет помогает преодолеть их территориальную разобщенность, влекущую за собой утрату диалектом коммуникативной функции.

Общение на диалекте в интернете, как правило, отражает речь молодых носителей. Это позволяет зафиксировать новейшие явления в структуре диалектов и проследить динамику их развития.

Интернет может способствовать расширению сферы применения диалекта, служить средством поддержки и развития родного идиома. И это хорошо видно на примере говоров лемков-переселенцев в Польше и на Украине.

В настоящей статье под лемковскими говорами понимается узкий клин периферийных украинских говоров, функционировавших в окружении польских и словацких диалектов. Носители этих говоров исторически проживали в Карпатах на границе между Польшей и Словакией. В 1945–46 гг. около 70 тысяч лемков были принудительно переселены на территорию Советской Украины (в рамках так наз. «репатриации» украинского населения), а оставшихся (около 30 000) в 1947 году в рамках печально известной акции «Висла» отправили на запад и север Польши, на так наз. «возвращенные земли», отошедшие Польше после Второй мировой войны. В результате единая группа лемковских говоров распалась. Говоры в Польше и на Украине оказались в раз-

¹ Отметим, что речь пойдет не о профессиональных диалектологических ресурсах, а о любительских интернет-ресурсах, созданных, прежде всего, самими носителями говоров.

² См., например: <http://dialectstat.wikispaces.com/>

ном языковом и этническом окружении, и между ними наметились серьезные расхождения (Алексеева 2009).

Лемки в Польше и на Украине по-разному декларируют собственную этническую принадлежность. На Украине лемки в подавляющем большинстве считают себя частью украинского народа, а свой язык — диалектом украинского языка. В Польше часть лемков также придерживается украинской ориентации, однако значительная часть лемков считает себя отдельным народом со своим лемковским языком (одной из четырех ветвей русинского языка). Эти так наз. лемки-автономисты занимаются кодификацией своего идиома, издают грамматики, словари, печатают литературу (в том числе переводную) на лемковском языке, а кроме того, добились преподавания на лемковском языке в районах проживания лемков в школах и даже в вузах. На Украине попытки представить лемков отдельным народом воспринимаются как угроза целостности украинской нации и категорически отвергаются (Алексеева 2008; Алексеева 2015).

Эти различия между лемковскими сообществами Польши и Украины оказываются существенными и при изучении функционирования лемковских говоров в интернете.

Лемки и в Польше, и на Украине активно используют возможности интернета для популяризации своей культуры, поддержания идиома и — что очень важно — для непосредственного общения на нем, однако в том, как лемковский идиом функционирует в польском и украинском интернете, заметны существенные различия.

Украина. На интернет-сайтах украинских лемковских организаций используется главным образом украинский литературный язык. Это отражает этнический и языковой выбор лемков на Украине (как уже упоминалось, автономистские устремления части польских лемков воспринимаются на Украине как угроза целостности украинской нации). К примеру, на украинском сайте lemky.com в разделе о целях проекта сказано: сайт призван «служить перекрестком между разнообразными, а порой и антагонистскими взглядами, которые имеют место среди украинцев, проживающих на Украине и в диаспоре»³. При таком подходе переход лемков на украинский литературный язык воспринимается как отрыв от традиции, но не как переход на другой язык.

Общение в интернете — это прежде всего ситуация письменного общения, письменной речи, что нетипично для традиционных диалектов. В украинском сетевом пространстве для письменного общения используется преимущественно украинский литературный язык, который играет роль кодифицирован-

³ <http://lemky.com/about.html>

ного стандарта. Этим отчасти объясняется незначительное присутствие лемковского идиома в украинском интернете.

Кроме того, сказывается низкий престиж (и добавлю — низкий уровень знания) лемковского идиома среди молодых украинских лемков, которые являются основными пользователями интернета. Согласно проведенным исследованиям, молодые лемки на Украине демонстрируют более слабое знание языка предков по сравнению с лемковской молодежью в Польше (Алексеева 2012; Алексеева 2015).

На украинских сайтах лемковский идиом встречается довольно редко. Тексты, написанные по-лемковски, — это, в первую очередь, любительские словари лемковских говоров или материалы по культуре и истории лемков. Во многом это напоминает политику проукраинских лемковских печатных изданий, которые издаются на украинском языке с отдельными разделами по-лемковски (см. например, журнал «Ватра», выходящий в Польше, или газету «Дзвони Лемківщини», издаваемую в Тернополе на Украине). До недавних пор на упомянутом уже сайте lemku.com существовал форум, где общение велось преимущественно на украинском языке, хотя обсуждались вопросы лемковской истории, лемковского идиома, лемковской этнической принадлежности и т. д.

Польша. В Польше сложилась иная ситуация. По мнению польских лемков-автономистов, лемковский идиом — это отдельный язык, а следовательно, письменное общение должно быть одной из его базовых функций.

В польском интернете представлено жанровое многообразие текстов, написанных по-лемковски. По сравнению с украинским интернетом здесь несопоставимо больше типов интернет-источников, где употребляется лемковский идиом. Лемковские тексты можно найти на сайтах лемковских организаций, в социальных сетях (в частности Facebook), в персональных блогах, на различных форумах и т. д. Существует даже лемковский сайт знакомств⁴. Один из самых популярных и активно развивающихся ресурсов — это сайт лемковского радио, а по сути лемковский культурный портал, lem.fm. Таким образом, тексты на лемковском идиоме включают в себя интернет-публикации, статьи, посты в соцсетях, комментарии к постам, комментарии к публикациям и аудиопередачам, письма, объявления, рецепты и пр.

Важно учитывать, что в интернете представлена преимущественно речь молодых лемков. Молодые лемки и в Польше, и на Украине в лучшем случае двуязычны (или же прошли этап полной языковой ассимиляции). Степень

⁴ <http://naszylude.com/>

владения лемковским может варьироваться: от уверенного владения идиомом до знания лишь некоторых застывших выражений и формул или же пассивного знания лемковского идиома.

Интернет позволяет общение на разных языках при различном владении говором. Нередки случаи, когда в комментариях к публикациям и постам на лемковскую тематику дискуссия ведется одновременно по-лемковски, по-польски и по-украински, что косвенным образом характеризует социолингвистическую ситуацию.

Общение в интернете носит неофициальный, непринужденный характер, а следовательно, как правило, мы имеем дело со спонтанной речью со всеми присущими ей особенностями.

Двужычием носителей лемковских говоров, проживающих в Польше, и спонтанностью речевых высказываний обусловлено наличие большого количества лексических полонизмов.

Среди лексических полонизмов в интернете заметна группа заимствований из польского молодежного языка и молодежного слэнга: «а то моя *wupa-sena* канапочка з тварожком»⁵ (пол. *wypasiona* ‘клевая, классная’); «найновших *трендах* в ношину тебетівок» (пол. *trend* ‘тренд’); «до вибрання строю в осінним *кліматі*» (пол. *klimat* ‘атмосфера, настроение’).

Польский язык ожидаемо становится языком-посредником для заимствований из английского языка: *kwytok majesz za free* (англ. *free* ‘бесплатно’); *chibaj na to toj weekend budu z sestroju w Krakowi* (англ., пол. *weekend* ‘выходные’); *можлисте ся почувти так фит як і она сама* (англ. *fit* ‘в форме’).

С появлением сайтов на лемковском идиоме возникла необходимость разработки компьютерной лексики и терминологии. Пополнение словарного состава возможно несколькими путями:

1) ориентация на польскую компьютерную лексику. Прежде всего сюда относятся прямые заимствования (например, лемк. *konto* — пол. *konto* ‘аккаунт’). Или же семантические кальки с польского: лемк. *стягний* — пол. *ściągnij* ‘скачай’, лемк. *гасло* — пол. *hasło* ‘пароль’, лемк. *вшмарити* — пол. *wrzucić* ‘выложить на сайте’ (дословно ‘вбросить’) и др.

2) образование новых слов на базе исконно лемковской лексики — напр. лемк. *хоснуватель* ‘пользователь’ (ср. пол. *użytkownik*, укр. *користувач*); или же приобретение исконными лексемами новых значений: лемк. *хыжа* ‘главная страница’ (основное значение ‘дом’). В последнем случае вероятна ориентация на английский язык (ср. англ. *home page*, пол. *strona główna*).

⁵ Во всех примерах сохраняется орфография источника.

3) прямые заимствования из английского языка, напр. *нюслетер* — англ. *newsletter* ‘новостная рассылка’.

Неизбежным следствием билингвизма и спонтанности речевых высказываний в интернете является и развитая вариативность на всех языковых уровнях — прежде всего лексическом.

Необходимо отметить, что вариативность была присуща лемковским говорам еще до переселения. Так, восточные лемковские говоры довольно сильно отличались от центральных и тем более западных, следовательно, вариативность в определенной степени ими унаследована. Это является одним из основных препятствий на пути кодификации лемковского языка, поскольку ни один из говоров не признается всеми лемками в качестве образцового и общепринятого. Процесс формирования единого литературного языка, который, как правило, опирается на междиалектное койне, вызывает многочисленные дискуссии среди носителей. Довольно распространенное мнение выразил информант из с. Лисец в Польше: «Там тот Трохановский издал букварь, по которому теперь учат. Я не хочу критиковать, не говорю, что это плохо, но лично я с этим букварем не согласен, потому что там другое произношение кое-где».

Один из путей появления лексических вариантов — функционирование слов с наличием или отсутствием адаптации (фонетической, морфологической). Наличие полонизмов с адаптацией и без нее способствует появлению лексических вариантов в лемковском идиоме (Алексеева 2008а), что отражается в интернет-текстах. Так, широко представлены в интернете варианты заимствованных слов женского рода на *-ja* (типа *okazja*). В говорах до переселения полонизмы этого типа фиксировались преимущественно с нестяженным окончанием *-ija*, которое характерно для восточнославянских языков и для ряда контактировавших с лемковскими польских говоров (Urbańczyk 1952). Например, лемк. *стация* — пол. *stacja* ‘станция’; лемк. *реперация* — пол. *reperacja* ‘ремонт’ (примеры из [Пиртей 2004]). В современных лемковских говорах заимствования этого типа встречаются и в адаптированном нестяженном виде (*не є русиньском інституційом* ‘не является русинским институтом’ — ср. пол. *instytucja*; *фундация* ‘фонд’ — ср. пол. *fundacja*), однако под влиянием польского литературного языка появилось значительное количество слов со стяженным окончанием: *jak mi munuly wakacji* (ср. пол. *wakacje* ‘каникулы’), *з той рацїй* (пол. *z tej racji* ‘поэтому’), *при okazji* (пол. *przy okazji* ‘при случае’). Похожим образом дело обстоит со словом *радио* (пол. *radio*), которое встречается в обоих вариантах: *радио, w radyju*; *welyky ukłon dla pomysłodawców radia lem.fm*.

Характерным примером вариативности может служить стандартная формула окончания писем. В польском языке с этой целью используется выра-

жение *pozdrawiam*. В лемковских интернет-текстах находим несколько вариантов⁶: *zdravлю / pozdarawlam / pozdorawlame / pozdrowlinnia*.

Как можно заметить из приведенных примеров, в лемковских текстах, размещенных в интернете, широко представлена графическая вариативность. Так, у одного и того же автора блога можно встретить: *оказїї, стилїзацїї / ориґїнальну стилїзацїю / при оказїї апелую, інсталяцїю артистичну*⁷.

В области компьютерной лексики также широко наблюдается графическая вариативность, свидетельствующая об отсутствии стабильной нормы: *компютер / компьютер, веб-страна / веб-сторона / сторїнка* ‘веб-сайт’.

Примечательно, что в польском интернете лемковские тексты часто публикуются параллельно кириллицей и латиницей (в ее польской разновидности). Потребность в этом очевидна, поскольку лишь немногие лемки имели возможность обучаться лемковской грамоте. Так, например, посетитель упомянутого сайта *lem.fm* написал (латиницей): *znam jazyk lemkijski ale czytaty w cyrylicy nie barz* ‘я знаю лемковский язык, но читать на кириллице не очень’. Примечательно, что при передаче одного и того же текста латиницей и кириллицей возможны расхождения в облике слов. Так, в приведенном ниже примере заимствования на *-ija* в кириллической версии употребляются в нестяженном виде, а в латинской — в стяженном (очевидно влияние польской графики): *Od nas dїzname ся о дїтячых акцїях, публїкацїях і конкурсах, котры будеме організувати // Od nas dїznate sia о ditiaczych akcjach, publikacjach і konkursach, kotry budeme orhanizuwaty*⁸. В кириллических лемковских текстах наблюдаются расхождения в правописании, что говорит об отсутствии единой общепринятой нормы и о нестабильности той нормы, которую предлагают авторы грамматики и словарей.

В связи с этим отдельно хотелось бы отметить появление специальных сайтов, предназначенных для детей, в частности, <http://lemkoland.com> — первая лемковская интернет-страница для детей. По замыслу создателей, с помощью этого интерактивного сайта дети будут знакомиться с лемковским языком и культурой «вне зависимости от того, воспитываются ли они на Лемковщине или же им довелось жить вдалеке от нее» («без взгляду на тото, ци виховує ся на Лемковинї, ци пришло му жыти далеко од ньой»). На сайте можно найти лемковские детские песенки, игры, загадки, забавные задания, лемковский алфавит и упражнения на буквы и слова, а также лемковские аудиозаписи, в том числе начитанные детьми. Показательно, что все задания дуб-

⁶ Примеры взяты с портала *lem.fm* из писем в редакцию и комментариев к публикациям.

⁷ <http://makelifelemko.blogspot.ru>

⁸ <http://lemkoland.com>

лируются латиницей. Детская лексика также отражает лексическое влияние польского языка: *пузлі* (пазл) и др.

В персональных блогах также нередки случаи дублирования одного и того же текста по-лемковски и по-польски или даже в трех вариантах: по-лемковски кириллицей, по-лемковски латиницей и по-польски. Пр.: *Воду з приправами заварити, а потім делікатні, найліпше през решітку, додавати муку / кашку, і міцно мішати, жеби не поробили ся грудки, ани ся не припало. Коли маса набере дос звартой консистенції переложити її до шкляного начиня // Wodu z przyprawami zawaryty, a potim delykatni, najlepsze prez resztko, dodawaty muku / kaszku, i micno miszaty, zeby ne porobyly sia grudky, any sia ne przypalyo. Koly masa nabere doc zwartoj konsystencji, perelozyty jej do szklanoho naczynia // Wodę z przyprawami zagotować, a potem delikatnie, najlepiej przez sitko, dodawać mąki/ kaszki i mocno mieszać żeby nie porobiły się grudki, ani się nie przypaliło. Kiedy masa nabierze dosyć zwartej konsystencji, przelożyć ją do szklanego naczynia.*

Параллельные тексты дают возможность проследить влияние польского языка, в частности в области синтаксиса (хотя не всегда возможно определить время возникновения той или иной синтаксической особенности, поскольку синтаксис лемковских говоров до переселения мало изучен). Так, влиянием польского синтаксиса следует объяснить распространение в лемковских говорах Польши конструкции ‘определяемое слово + определяющее слово в постпозиции’, характерной для польского синтаксиса. Такой порядок слов часто вызван дословным переводом польских конструкций и выражений: *канапочка з тварожком и капустом пекинском* ‘бутерброд с домашним сыром и пекинской капустой’; *формації скални* ‘скальные образования’; *вернулам з заніать теренових* (‘я вернулась с полевых занятий’). Для сравнения: *одсвяткувати початок академіцкого рока* ‘отпраздновать начало учебного года’ (пол. *rok akademicki*). Влиянием польского синтаксиса обусловлена частотность предложных конструкций, аналогичных польским: *дбати о odporніст; ест добра на скору* и т. д.

Таким образом, можно утверждать, что интернет существенно расширил сферу функционирования лемковского идиома, прежде всего в польском сетевом пространстве. Интернет-общение позволяет преодолеть территориальную разобщенность носителей и способствует сохранению коммуникативной функции идиома. В польском интернете лемковский идиом представлен многообразием жанров, что свидетельствует, в частности, о его более высоком статусе в Польше, чем на Украине. В лемковских текстах, размещенных в ин-

тернете, проявляется сильное влияние польского языка (прежде всего в лексике и синтаксисе), что является следствием билингвизма носителей. Изучение лемковских говоров в интернете позволяет отслеживать динамику развития диалекта и происходящие в нем изменения.

Литература

- Алексеева 2008 — *Алексеева М. М.* Лемковские говоры в контактах с другими славянскими языками // Исследования по славянской диалектологии. М., 2008. Вып. 13. С. 44–57.
- Алексеева 2008а — *Алексеева М. М.* Особенности адаптации лексических заимствований из близкородственных языков (на примере полонизмов в лемковских говорах украинского языка) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Серия: Общественные и педагогические науки. Санкт-Петербург, 2008. С. 168–173.
- Алексеева 2009 — *Алексеева М. М.* Основные фонетические процессы в современных переселенческих лемковских говорах в Польше и на Украине // Исследования по славянской диалектологии. М., 2009. Вып. 14. С. 202–212.
- Алексеева 2012 — *Алексеева М. М.* Языковой выбор у лемков-переселенцев на Украине // Исследования по славянской диалектологии. М., 2012. Вып. 15. С. 72–82.
- Алексеева 2015 — *Алексеева М. М.* Лемки-переселенцы в Польше: этническое самосознание и языковая ориентация // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. М., 2015. Кн. II. С. 59–72.
- Пиртей 2004 — *Пиртей П.* Короткий словник лемківських говірок. Івано-Франківськ, 2004.
- Urbańczyk 1952 — *Urbańczyk S.* Z zagadnień staropolskich: rzeczowniki na *-yja, -ija* // *Język Polski*. Kraków, 1952. R.XXXII. S. 126–127.

Summary

Madina Alekseeva

The Functioning of Traditional Lemko Dialects in the Internet

The author of the article describes how traditional dialects of the resettled Lemkos in Poland and Ukraine function in the Internet. The study has revealed that the Lemko dialect is actively used in the Internet (social media, personal blogs, fora etc.) in its written form which is highly uncommon for traditional oral dialects. This mostly applies to the situation in Poland where many Lemkos claim to be a separate nation with a separate Lemko language. In the Internet the dialect speakers can communicate regardless of their level of dialect knowledge and using both Latin and Cyrillic alphabet. The author comes to the conclusion that the Internet helps to preserve the communicative function of the dialect. The Internet Lemko texts often reflect colloquial speech allowing researchers to trace the latest changes in the system of the dialect.

Терминология родства у болгар Румынии (по материалам экспедиции в округ Дымбовица, Мунтения)

0.1. Село Бэлень-Сырбь, округ Дымбовица (Мунтения), община Бэлень (Băleni-Sârbi, județul Dâmbovița, comuna Băleni, Muntenia), находится в 70 км северо-западнее Бухареста. В селе проживает около 6 тыс. человек, 3 тыс. румын и 3 тыс. болгар. Село образовано путем объединения двух сел — румынского Бэлень-Ромбънь и болгарского Бэлень-Сырбь, при этом для жителей села граница между румынской и болгарской частями сохраняется как в пространстве, так и на уровне ментальности и идентичности. Не стирают границу и смешанные браки: болгарка, выходящая замуж в румынскую часть, для своих становится как бы румынкой: она в семье говорит уже только порумынски, ее дети не знают болгарского, так как болгарский язык — язык семейного общения, ее соседи — румыны, и по-болгарски она говорит только тогда, когда навещает своих родителей, живущих в болгарской части села. Румынка же, выходящая замуж за болгарина, включается в болгарскую общность, даже если не говорит по-болгарски, так как средой ее общения становятся болгары со своими обычаями. То есть болгарину, переселившемуся в румынскую часть села, легче, чем румыну, переселившемуся в болгарскую часть, так как болгары, являясь румынскими гражданами и билингвами, знают румынский язык и культуру с детства и не нуждаются в адаптации в румынской семье.

Во время экспедиции были записаны архаические верования и обряды, как общебалканские, так и болгарские, некоторые из которых уже не исполняются в Болгарии и отсутствуют даже в пассивной памяти современных информантов (так как не исполнялись уже их родителями), но известны из болгарской этнографической литературы конца XIX — начала XX в.

Здесь пойдет речь о болгарской части села, которая была обследована мной в октябре 2013 г. и в апреле 2016 г. по этнолингвистическому вопроснику «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала», составленному А. А. Плотниковой (Плотникова 1996), а также по некоторым разделам «Малого диалектологического атласа балканских языков»: в частности, был записан раздел «Семья и семейный этикет» (МДАБЯ: 37–42)¹.

¹ Выражаю огромную благодарность заместителю директора средней школы с. Бэлень-Сырбь Тоадеру Георге (Toader Gheorghe), благодаря помощи которого во многом могла состояться экспедиция и который сам стал одним из моих информантов.

Языковую ситуацию в селе характеризует румыно-болгарский билингвизм, сопровождающийся диглоссией, при этом в отличие от ситуации в Болгарии, где имеет место диалектно-литературная диглоссия (Трефилова 2012), диглоссия в селе сопровождается функциональным распределением румынского языка и болгарского диалекта; болгарский же литературный язык населению непонятен. Как и многие другие переселенцы, живущие многие десятилетия в условиях иноязычного окружения (например, болгары-мусульмане Греции, русские старообрядцы Румынии и др.), болгары Валахии не имеют своей письменности². При необходимости записать болгарские тексты, как правило фольклорные, они пользуются румынской графикой.

Точных сведений о заселении болгарами села Бэлень-Сырбь найти не удалось. В устной памяти болгар сохраняется предание, что болгары образовали здесь поселение в 1829 г., и эта дата совпадает с последней волной массовой миграции болгар в Валахию после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. (Младенов 1993: 8). К сожалению, демографические сведения из округа Дымбовица до 1838 г. или отсутствуют целиком, или частичны и недостаточны (там же: 9, 14, 16) — в частности, село Бэлень-Сырбь впервые упоминается только в 1838 г. (там же: 17, 21), и в нем тогда насчитывается 88 болгарских семейств.

0.2. Население с. Бэлень-Сырбь говорит предположительно на белославянском диалекте болгарского языка (восточная граница северо-западных болгарских диалектов), для которого характерны следующие особенности:

- 1) \check{e} (ѣ) > e;
- 2) $\varphi > e$, $\rho > \upsilon$;
- 3) слогообразующие *r* и *l* наряду с сочетаниями *rъ*, *лъ* и *ър*, *ъл* (*дрво* ‘дерево’, *вѣна* ‘шерсть’ и *врѣ* ‘вершина’, *върбѣ* ‘верба, ива’);

4) отсутствие звука *x* (*x* сохраняется в словах, заимствованных из румынского и греческого языков, таких как, например, *храм* ‘храмовый праздник’ < рум. *hrām*, *-uri*³, н, ‘святой — покровитель церкви; храмовый праздник; храм’ (DRR: 580), которое, в свою очередь, является заимствованием из церковнославянского);

² Исключения составляют случаи кодификации диалекта и формирования «литературного микроязыка» (термин А. Д. Дуличенко, см.: Дуличенко 2014); таковы, например, литературный язык банатских болгар (Банат — область, разделенная между Сербией, Румынией и Венгрией), градишанских хорватов (Австрия), русинов Бачки (Воеводина, Сербия) и др.

³ Далее при необходимости для румынских лексем ср. и м. р. через запятую указываются формы мн. ч. в соответствии с румынской лексикографической традицией, для лексем ж. р. — также определенная форма, т. е. форма с постпозитивным артиклем (-a).

- 5) окончание *-ъ* в существительных женского рода под ударением (*главѣтъ* ‘голова’, *горѣтъ* ‘лес’);
- 6) рефлекс *tj > št, dj > žd*, переход *tj > k'* (или *ќ* в зависимости от идиолекта) типа *двейќ’и* ‘второй’, *брайќ’е* ‘братья’;
- 7) отсутствие качественной редукации *o* (перехода в *y*);
- 8) западноболгарская акцентуация (*имáл, вика́л*) и др.;
- 9) местоимение вин. пад. ж. р. *н’ега* и дат. пад. ж. р. *ной*;
- 10) окончание *-е* причастий прош. времени мн. ч. (*билé, дошлé*) и др. (Стойков 2002: 146–147).

В диалекте села регулярно отмечаются результаты таких фонетических процессов, как ассимиляция (*мончé < момчé* ‘мальчик’ и др.) и диссимиляция (*зүвно* ‘двор’ < *зүмно, млóго* ‘много’ < *мно́го* и др.).

В лексике сохраняется большой пласт архаических слов и конструкций, в том числе характерных для соответствующего диалекта метрополии: *са́кам* ‘хотеть’, ср. болг. лит. *искам*, ареал лексемы *сакам* см.: (БДА ОТ: 479, карта № Л 86); *за́од сј́нце* ‘заход солнца’, болг. лит. *залез сль́нце*, ср. (там же: 486, карта № Л 92: «Глаголи със значение ‘залязва’ в съчетанието *сль́нцето залязва*»); *түр’ъ* ‘класть, ставить’, ср. болг. лит. *слагам*; *зимá* ‘холодно’ (в наречном употреблении: *зимá ти е*) и др. Можно говорить и об архаике системы терминов родства, а также отчасти и об инновациях в ней, появившихся под влиянием иноязычного (румынского) окружения.

0.3. В соответствии с программой МДАБЯ была записана терминология кровного родства, свойства́ и формулы семейного этикета. Раздел «Семейный этикет» в МДАБЯ представляет собой отдельную группу вопросов о том, какие обращения к родственникам приняты в семье. В разных языках обращения к родственникам (вокативы) могут совпадать с референтными терминами родства и свойства́ лексически (например, болг. *ма́йка* ‘мать (именительный падеж)’ и *ма́йко* ‘мама (обращение = звательная форма)’), лексически и грамматически (например, рус. *бабушка* — и термин родства, и обращение), а могут представлять собой абсолютно разные лексемы (например, болг. *тѣ́ца* — ‘теща’ и *ба́бо* — традиционное обращение зятя к теще, подробнее см. п. 4; в последнем случае налицо «конвертация» термина родства в термин свойства́⁴). Соотношение терминов родства (номинаций) и обращений (вокативов) образует своеобразную систему, см. Приложение II, поэтому обращениям будет уделено особое внимание.

⁴ Термин Ф. Б. Успенского (устное сообщение).

Термины родства и обращения к родственникам могут употребляться и по отношению к неродственникам, часто это происходит в ситуации, в которой акцентируются возрастные различия собеседников. В болгарской (и шире — балканской) культуре акцентирование таких различий бывает облигаторным: например, мальчик, старший по отношению к данному ребенку, будет всегда именоваться *бáтко*, *бáте*, *бáчо* и т. п., в диалекте с. Бэлень-Сырбь — *бáчо*, *бáчи* (это и термин родства, и обращение) — исконно это термин для обозначения старшего брата или иного старшего родственника (свойственника) (БСРЛ: 52–62), а старшая девочка будет называться *кáкъ* (обращение *кáко*) — термин для обозначения старшей сестры или иной старшей родственницы (свойственницы) (там же: 261–263). Актуализация возрастных различий при помощи этих лексем имеет место и при общении взрослых людей, особенно в сельской местности, т. е. в традиционной культуре; так, одна пожилая женщина может именовать женщину, которая ее старше, *кака* или *кака + имя*, а обращаться к ней *како* (зват. форма) + *имя*, например *кáко Филáна!* (распространено повсеместно, это подтверждают и мои собственные записи, например из с. Кралев-Дол, Средняя Западная Болгария, 2004 г.; из рассматриваемого с. Бэлень-Сырбь, 2016 г., и др.). В существовании специальных терминов для старшего мужчины и для старшей женщины можно усмотреть отголоски древнейшей, «классификаторской», или «классификационной» (classificatory), системы родства (каждый индивид — член определенного брачного класса), в отличие от сменившей ее «описательной» (descriptive) системы родства (термины Л. Г. Моргана), в которой каждый индивид имеет собственное обозначение (Трубачев 1959: 14; см. также: Дзибель 2001: 15 — обзор работы Л. Г. Моргана «Системы родства и свойства человеческой семьи», 1871 г.). Тем более что термин для обозначения, в частности, старшего мужчины (*бáте*, *бáтко*) этимологически тождествен термину, обозначающему отца (*бáца*) (ЭССЯ, 1: 163–164), и таким образом характеризует класс старших мужчин.

Терминология традиционной культуры населения, проживающего в иноязычном окружении, естественным образом изменяется под влиянием другого языка, в данном случае румынского. Это касается и терминологии родства, особенно той ее части, которая используется для номинации дальних родственников или свойственников. Изменения в этой части терминологии происходят, скорее всего, по той причине, что традиционная патриархальная иерархически организованная крестьянская семья, в которой за каждым ее членом закреплена определенная роль, распадается, и поэтому номинации, регламентирующие отношения в большой семье, становятся неактуальными. Однако

архаичная организация семьи утрачивается постепенно, и всё еще можно видеть ее остатки в терминах родства, сохранившихся в памяти информантов.

Следует отметить, что в данном случае мы имеем дело с языками, входящими в балканский языковой союз, и ряд моделей, по которым образованы термины родства, являются общими для болгарского и румынского языков (болгарских и румынских диалектов). Однако имеются и серьезные отличия.

В записанной терминологии обнаруживаются следующие особенности:

1) черты, свойственные данному болгарскому диалекту и сохранившиеся в обследованном диалекте благодаря консервации диалектных черт; отражают болгарскую систему номинаций родственников;

2) вытеснение некоторых болгарских терминов родства румынскими словами;

3) архаичные черты, свойственные балканским языкам; встречаются как в болгарских диалектах, так и в румынском языке и его диалектах;

4) инновации в терминологии родства или особенности, которые можно объяснить либо забвением тех или иных терминов родства, либо влиянием на терминологию родства речевого этикета: речь идет о терминах родства, как болгарских, так и румынских по происхождению, которые сформировались под влиянием обращений.

1. Черты, свойственные данному болгарскому диалекту, сохранившиеся благодаря консервации диалектных черт и представляющие болгарскую систему терминов родства

1.1.1. Семья, кровное родство. Для обозначения большой семьи, рода используется болгарская лексема *rod* (несмотря на существование в румынском слов, которые близки к ней фонетически и семантически: *rúdă, -de, f*, 'родственник, родня, родные (pl.)', ср. также рум. *rod, roáde, n*, 'плод', 'отпрыск'). Лексема *роднина* 'родственник', распространенная на всей территории Болгарии, в с. Бэлень-Сырбь неизвестна. Для обозначения родственника используется модель *тойъ рот сме* '(мы) родственники', букв. '(мы) из этого рода'. Возможно, лексема *рот, pl. рóдове*, имеет синкретичное значение, совмещающее значения 'род' и 'родственник': встретились случаи употребления *нашите рóдове* в значении 'наши родственники', *рóдове те съ мртвите* [мертвые — это родственники (предки)]. Термин для главы семьи — *чорбаджийъ* — тюркский (турецкий) по происхождению и широко распространен в болгарских диалектах; в обследованном диалекте наличие этого термина свидетельствует о консервации архаичных черт в языке и культуре. Употребление лексем *чорбаджийкъ* (в ж. р., о женщине) воспринимается как шутка — таким образом, патриархальность культуры эклицируются и в языке.

В диалекте села употребляются преимущественно болгарские (общеславянские по происхождению) лексемы для обозначения кровных родственников: отца (*баи́та, тáтъ, тáте, тáти*), матери (*ма́йк'ъ, ма́йк'е*), ребенка (*де-те*), сына (*син*), дочери (*дъ́штеръ*), брата (*брат*), сестры (*сестра́*) и др.

Для ареала болгарского языка лексема *ма́йка* 'мать' является основной. Фонетический облик *ма́йк'а* (с мягким *к'*) характерен для западных говоров болгарского языка, см. (БДА ОТ: 165, карта № Ф 107). Как пишет О. Н. Трубачев, «формы типа болг. *ма́йка* являются сокращенными от о.-слав. **mati*. Их вероятная первоначальная сфера употребления — звательная форма, которая, как известно, благоприятствует преобразованиям, сокращениям, даже «искажениям»» (Трубачев 1959: 33). Это замечание в полной мере относится и к другим терминам родства; как будет показано, референтные формы терминов родства в рассматриваемом селе весьма часто являются результатом преобразований и «искажений», возникших под влиянием вокативных форм. В частности, референтная форма *ма́йк'е* восходит к звательной от *ма́йк'а*, но в диалекте употребляется и как номинативная (*мо́йтъ ма́йк'е* 'моя мать'), и как вокативная. Ср. также форму *у́к'и*, употребляющуюся точно так же (см. ниже).

Как правило, лексема *син* употребляется вместе с притяжательным местоимением-клитикой, которое становится ударным (*син ми́*⁵). Вместо лексемы *син* чаще используют слово *мончэ* 'мальчик', болг. лит. *момче*, грамматически ср. р., производное от *момá* 'девица, девушка', которое, в свою очередь, является по происхождению редупликацией, словом детской речи, подобно слову *мама* (ЭССЯ, 19: 207; БЕР, 4: 226), и встречается только в балканославянских языках (болгарском, македонском, сербском). Фонетический облик *мончэ* (с регрессивной ассимиляцией *мч* → *нч*) встречается на небольшой территории, причем, за исключением небольшого ареала в области Ямбола (вост. Болгария), только в северных частях Болгарии: в окрестностях Видина, Монтаны, в Дунайской равнине (БДА ОТ: 152, карта № Ф 94). Этот факт, в частности, подтверждает предположение о белослатинском происхождении рассматриваемого диалекта.

Для номинации дочери используется лексема *дъ́штеръ* или *дъ́штерá ми* (с переносом ударения на последний слог ближе к местоименной клитике).

⁵ В обследованном диалекте наблюдается закономерность: в сочетаниях с притяжательными местоименными клитиками в терминах родства, в которых не употребляется постпозитивный артикль, ударение часто переносится на последний слог слова ближе к клитике или на саму клитику: *син* — *син ми́* (ср. лит. болг. *сiнът ми*, слово *син* в числе немногочисленных терминов родства требует постановки артикля), *у́к'ъ* — *ук'á ми*, *дъ́штеръ* — *дъ́штерá ми*, *дэдъ* — *дэдá ми*, *сна́ъ* — *снаá ми* и др.

В обследованном диалекте болгарскими же лексемами называются первенец (*първно(то) дете*) и последний ребенок (*истрслѣк*, ср. болг. *изтърся* ‘вытрясти, вытряхнуть’) — концепты, важные для балканской традиционной культуры и картины мира: известно, что первому и последнему ребенку доверяют обрядовые функции, первенец и последний ребенок наделяются магическими способностями, например способностью останавливать град (Кабакова 2009: 416). О важности этой оппозиции говорит также и то, что в диалектной системе терминов родства почти не употребляется понятие «средний сын», в то время как первый и последний терминологически отмечены; также существует термин для обозначения впервые родившей женщины — *първоскѣнѣ(ть)*. В с. Бэлень-Сырбь последний ребенок по обычаю остается жить с родителями, чтобы наследовать дом. Такая же функция и у зятя, который приходит жить в дом жены и который практически усыновляется⁶ (обычно при отсутствии сына в доме родителей жены), она отражена и в номинации *зет на кѣшитъ* букв. ‘зять дому’.

Болгарским словом, которое имеет, вероятно, тюркское происхождение (см. БСРЛ: 697; Младенов С. 1941: 686–687; Skok, 1: 321), называется дядя по отцу (*чѣчо, чѣчи*). Болгарскими же и относящимися к общеславянскому лексическому фонду являются лексемы, которыми называются дядя по матери (*ѹк’и, ѹк’ѣ*), его жена (*вѹинѣ*), жена дяди по отцу (*стрѣнѣ, стрѣнкѣ*), тетка по отцу и тетка по матери (*лѣл’ѣ*; этимологически это редупликация, слово детской речи, см. ЭССЯ, 14: 103–105).

Следует отметить, что, как и повсеместно в Болгарии, в диалекте села различаются термины, служащие для обозначения дяди по отцу (*чѣчо*) и дяди по матери (*ѹк’и, ѹк’ѣ*), при этом любой двоюродный, троюродный дядя, в том числе по отцу, например двоюродный брат отца, муж тети по отцу, муж тети по матери, а также двоюродный, троюродный дед и т. д. также будет называться *ѹк’и*. Таким образом, лексема *чѣчо* является идентифицирующей и относится только к родному дяде по отцу, в то время как лексема *ѹк’и*, исконно называющая дядю по матери, является классификационной и используется для обозначения более широкого круга мужчин-родственников; термин *ѹк’и* в целом характеризует более дальнее и менее значимое родство, чем термин *чѣчо*. Вероятно, в настоящее время наличие одного идентифицирующего термина для номинации дяди по отцу показывает, что ближайшему

⁶ В обычном праве славян акт усыновления зятя может даже прямо называться и подкрепляться письменным документом. Например, такой документ можно увидеть в этнографическом музее с. Мартыново Ярославской области России

мужчине-родственнику по отцу придается особое значение, в то время как мужчины-родственники по матери и другие дальние родственники-дядья лишаются идентификации и воспринимаются как класс не столь значимых родственников. Вероятно, на такое распределение лексем *чичо* и *у́к'у* повлиял и румынский язык, в котором *úicǎ*, pl. *úici* означает любого дядю (в обследованном диалекте зват. рум. формы *úichiu*, *úichiule*).

Лексема *у́к'у* в таком фонетическом облике (контрагированном, как пишет М. Младенов, т. е. усеченном, без *-j-*) распространена в северо-западных и частично в юго-западных болгарских говорах. Форма *у́к'у* восходит к звательной, но в диалекте села, как и в других болгарских диалектах, может употребляться как в номинативной, так и в вокативной функции (Младенов 2008 [1992]: 739).

Слово *стри́нь* 'жена дяди по отцу' — термин общеславянский, ср. о.-слав. **stryǐb* 'дядя по отцу' (Трубачев 1959: 79 и след.), однако распространен на территории Болгарии не повсеместно; встречается в том числе в ареале Дунайской равнины (БСРЛ: 629). Лексемы *у́к'у*, *вуйнь* и *стри́нь* являются не только общеславянскими, но и индоевропейскими архаизмами (там же: 79–84).

Термины, обозначающие неродных отца и мать, также имеют славянское происхождение, но представляют собой не одну лексему, а словосочетание: *двэйк'у(йь) баи́та* 'отчим', букв. 'второй отец', ср. *двэйк'у(йь) човék* 'второй муж', *двэйк'ътъ май́к'ъ* 'мачеха', букв. 'вторая мать'. В болгарских диалектах подобное образование является архаичной чертой: ср. болг. *втори(ят) баща*, *втора(та) майка*, которые встречаются мозаично на всей территории Болгарии⁷ наряду с *отчов* 'отчим', *па́строк* 'то же', *ма́щеха* 'мачеха'.

Пасынок и падчерица называются так, как это принято повсеместно в Болгарии: 'пасынок' — *довéдено мончé*, *завáрено мончé*, 'падчерица' — *довéдено момиче*, *завáрено момиче*, букв. 'мальчик (девочка), которого застали' или 'мальчик (девочка), которого привели' — в зависимости от того, был ли уже у повторно женившегося человека ребенок или был приведен в дом новым супругом. В Программе МДАБЯ отсутствует такое важное для балканской картины мира понятие, как ребенок, родившийся в новом браке, т. е. общий ребенок супругов, вступивших в брак повторно. Номинация детей, появив-

⁷ Как утверждает БСРЛ, «преимущественно к югу от Стара-Планины от пирдопско-карловского до хасковско-свиленградского и ямболско-элховского регионов» (БСРЛ: 66). Однако, по моим собственным записям, сочетания *втори(я) баща* и *втора(та) майка* широко употребимы и в Северо-Западной Болгарии. Широкое распространение этих терминов вместо или наряду с *па́строк* и *ма́щеха* (сев.-зап.-болг. *мачева*, *мачава*) обусловлено тем, что они считаются необходимыми, их можно считать эвфемизмами.

шихся в новом браке, т. е. едиnorodных и единокровных братьев и сестер по отношению к внешнему наблюдателю, имеет обычную для болгарской терминологии родства внутреннюю форму «ребенок, которого при-родили»: *природено дете* (см. Приложение I, пункт Программы 5.048 доп. «Ребенок, родившийся в новом браке»). Термины для едиnorodных братьев и сестер по отношению друг к другу не отличаются от терминов, называющих родных братьев и сестер, т. е. это *брат* и *сестра* (см. Приложение I, п. 5.061 и 5.070). Однако интересно, что для номинации неродных отца, матери, братьев и сестер может употребляться описательное выражение *не е добър* + термин родства (*не е добър бащата* букв. ‘нехороший отец’, *не е добър брат* ‘единокровный (единокровный брат)’); эпитет *добър* в славянских языках, и в частности в болгарском, имеет очень широкое значение; в данном случае, как видно, это значение ‘истинный, настоящий’, соответственно, *не е добър* — ‘не-настоящий (неродной)’.

Интерес представляет термин для приемного ребенка. Терминологически пол ребенка (приемный сын, приемная дочь) не имеет значения, в обоих случаях (о сыне или о дочери) говорят *дете*. Приемного ребенка называют (*детё*) *за душъ* букв. ‘(ребенок) за душу’; *детё от кутийъ* букв. ‘ребенок из коробки’ — подразумевается, что ребенок взят из детского дома, где все дети собраны в одном месте («в коробке»): *Могът да го дадът за душъ, сакът за душъ. Зимът деца от кутийъ. Който нема деца, зима за душъ, от кутийъ* [Могут дать его (ребенка) за душу, просят за душу. Берут детей «из коробки». У кого нет детей, берет за душу, «из коробки»] (ТГ). Считается, что если взять приемного ребенка (*зимът за душъ*), то после Бог может дать супругам своего ребенка в награду за милосердие. В подтверждение своих слов информанты приводят многочисленные примеры рождения детей у бездетных родителей после усыновления ими ребенка. Термин (*детё*) *за душъ* можно рассматривать как кальку рум. *copil de suflet* ‘приемный ребенок’, букв. ‘ребенок души’, однако следует отметить, что предложное сочетание *за душъ* функционирует в традиционной духовной культуре балканских славян как терминоподобное, ср. болг., серб. *задушница* ‘поминальный день, родительская суббота’, макед. *задуша* (мияки в районе Дебра), болг. диал. (без указания места) *задуше, задуши* ‘то же’ (БЕР, 1: 451), подробнее о *задушницах* см. (Виноградова, Толстая 1999); болг. *задушбина* ‘поминание умершего’, болг. фолькл., серб. *задушбина* ‘что-л. сделанное для поминовения умершего, пожертвованное имущество или сооружение, построенное на завещанные средства’. Исходя из значения терминов *задушница, задушбина*, можно заключить, что они понимаются как действия, совершающиеся «за души» (за упо-

кой, за спасение душ умерших), однако не исключено и такое понимание, как «пожертвование за спасение души жертвователя». Термин *детé zá дуиш*, скорее всего, можно понять именно как «ребенок для спасения собственной души».

Сирота, как мальчик, так и девочка, называется или болгарским словом *сир'áче*, или (чаще) — румынским *orfan*. Вытеснение болгарской лексемы и более частотное использование румынской можно объяснить стремлением языка избежать омонимии или паронимии, возникающей из-за созвучия болгарского слова *сир'áче* 'сирота' и румынского *sárác* (или *sireác*) 'нищий, бедняк', которое, в свою очередь, является заимствованием из болгарского, развившего в румынском иное значение.

Болгарскими являются номинации старшего брата (родственника мужского пола) и старшей сестры (старшей родственницы) *бáчи* и *кáкъ*, которые используются также для обращения к старшим по возрасту односельчанам (обычно при равном социальном статусе). Однако если *бáчи* относится к общеславянским лексемам, то *кáкъ*, скорее всего, — тюркизм, возможно субстратное образование (оставшееся от «древних булгар» — БСРЛ: 262 со ссылкой на: Добрев 1995: 94).

Термин *близнáци* 'близнецы' — также болгарский и является важным культурным концептом. В единственном числе (*близнáк*) термин известен, но почти не употребляется и не имеет соответствия в ж. р. (ср. болг. *близнак*, *близначка*), что показывает релевантность нераздельности близнецов: известно, что близнецам в народной культуре приписывается общность судьбы и души, подробнее см. (Толстой 1995).

Среди терминов кровного родства в обследованном диалекте неславянскими (румынскими) являются лексемы, служащие для обозначения двоюродных братьев и сестер, племянников (термины побочного родства), а также внуков, бабушек и дедушек. Эти лексемы будут рассмотрены ниже, см. п. 2.

1.1.2. Кровное родство, семейный этикет (обращения). Обращения кровных родственников друг к другу по большей части остаются болгарскими: к отцу (*тáте*, *тáти*), к матери (*мáйк'е*), к детям (*дéце*, собирает.), дяде по отцу (*чíчо*), дяде по матери (*ýк'и*), тете по отцу и по матери (*лáло*), жене дяди по отцу (*стри́нко*). Особо следует отметить обращение *мáмо* к бабушке или самой старой женщине в доме, также оно фиксируется как составная часть обращения к жене дяди по отцу (*мáмъ стрíнь* или *мáмъ* + имя, если тетка старая). Параллельно ему существует обращение *тáти* к самому старшему мужчине в доме, к прабабке и прадеду обращаются и особым образом: *тáти голéмиий* букв. 'старший папа', *мáмъть голéмъ* букв. 'старшая мама'. Регу-

лярны и устойчивы болгарские обращения к старшему брату (*бáчи*), старшей сестре (*кáко*), подробнее об этих обращениях см. п. 0.3 и п. 4.

Возможны также образованные от терминов родства обращения к сыну (*сiне*), брату (*братко* — также дружеское обращение к мужчине), сестре (*сестро*), однако в настоящее время к этим родственникам обращаются преимущественно по имени.

Одновременно с болгарскими используются и румынские обращения, которые распространяются в том числе по причине тождества некоторых болгарских и румынских терминов родства, в частности называющих отца и мать, а также вследствие продуктивности в разговорном языке румынских уменьшительных суффиксов. Таким образом, некоторые болгарские обращения «румынизированных», а именно оформлены аффиксами, характерными для румынских разговорных вокативных форм терминов родства: *мамiко*, *мамiкуле*, *мико*⁸ (к матери; например, при выражении удивления: *Аоле[о]*⁹, *мамiкуле!*), *тати́къ*, *тати́куле* (к отцу; в настоящее время это обращение практически вытеснило другие обращения к отцу), *лалiко* (к тетке — сестре отца или матери и др., см. Приложение I, вопросы 5.091–5.093, 5.099–5.101), *вуйни́ко* (к тетке — жене дяди по матери; при этом это единственное существующее обращение к ней), *чичи́къ* (к дяде по отцу), *бачи́куле* (к старшему брату или родственнику мужского пола), *татаи́ць* (к деду), *каку́ць* (к старшей сестре) и др., подробнее см. Приложение II.

1.2.1. Свойствó. В диалекте села отмечается характерное для болгарской диалектной ситуации неразличение терминов, называющих женитьбу и замужество, точно так же номинации женатого и замужней представлены лексемами с одним и тем же корнем *жен-*: *жéн* 'в се' 'жениться, выходить замуж', *ожéнен* 'женатый', *ожéненъ* 'замужняя'.

В обследованном диалекте для обозначения вступивших в брак чаще используются хорошо известные болгарским диалектам выражения *съ се зéле* букв. '(они) взялись', *съ зáено* '(они) вместе', ср. *земем съ*, 1 pl., окрестности Плевена, *зимаме се*, 1 pl., окрестности Ихтимана, *узимъм (съ)*, *узнъм (съ)*, 1 sg., 'жениться', окрестности Видина, и др. (Алексова 2013: 44, там же см.

⁸ Румынская форма *mămicule* является диминутивом, подобно *mămică*, *mămică*, *mămică*, *mămică*, *mămică*, *mămică*, *mămică*, *mămică*, *mămică*, *mămică*. Румынские лексикографы считают, что эта форма образована от вокатива *mămico* по аналогии с *tăticule*, также диминутивным вокативом от *tată* с прибавлением суф. *-ic* и артикля м. р. *-ul* (DEXonline: <https://dexonline.ro/definitie/m%C4%83mic%C4%83>).

⁹ Следует заметить, что это междометие для выражения удивления — румынское (*aoleo*), ср. болг. *леле!*.

ссылки на источники), *ўзнеме се*, 1 pl., ‘жениться’ (с. Стакевцы Белоградчикского р-на Видинской обл., собственные записи 2001 г.). Возвратный глагол «взяться» для обозначения действия вступления в брак известен также сербским, македонским, румынским диалектам, арумынскому и турецкому языкам, подробнее см. (Алексова 2013: 42–46).

В славянских языках индоевропейское название человека **man-* > о.-слав. **mъžь* претерпело изменение значения и было вовлечено в сферу терминологии родства (Трубачев 1959: 96). Поэтому в обследованном диалекте неожиданным оказывается наличие для обозначения мужа лексемы *човек* (а не *мъж*), хотя sporadически в таком значении слово распространено на всей территории Болгарии (БСРЛ: 698); фонетический облик лексемы (*човек*) свидетельствует о ее принадлежности западным говорам (там же). О.-слав. **čelověkъ* в значении ‘муж’ представляет собой также архаизм, ср. типологически сходные обозначения мужа и человека (и/или мужчины) одной лексемой по меньшей мере в индоевропейских языках, например: болг. *мъж* ‘мужчина, муж’, укр. *чоловік* ‘то же’, словен. *človek* ‘человек, мужчина’, чеш. и словац. *muž* ‘мужчина, человек, муж’, строслав. *цжъ* ‘мужчина, муж’, яловѣкъ ‘человек, мужчина’, нем. *Mann* ‘мужчина, муж, человек’, англ. *man* ‘человек, мужчина’ и др. Следует отметить, что в обследованном диалекте употребляется и лексема *мъж*, значение которой — ‘мужчина’.

Среди особенностей терминологии свойствá можно указать и на термины *кумѣц*, *куми́ць*, обозначающие крестника и крестницу по отношению к крестным родителям (а не крестного отца и мать по отношению к родителям крестника и друг другу). Сами лексемы известны в болгарских диалектах также в сходном значении ‘жених (невеста) и женатый мужчина (замужняя женщина) по отношению к своему посаженому отцу (матери) и его семье’ и широко распространены в Северной Болгарии (Дунайская равнина и Добруджа) и в Южной Болгарии восточнее р. Искыр и в бассейне р. Месты в Родопах и Фракии (БСРЛ: 304). Sporadически слова *кумец*, *кумица* встречаются в полярном значении ‘кум (посажённый отец, крестный)’ вне ареала лексемы *кум* ‘посажённый отец’ (там же: 305). В некоторых болгарских говорах имеются прямые соответствия бэленьским значениям этих слов (‘крестник’, ‘крестница’), например в окрестностях г. Чирпан, область Стара-Загоры (там же); ср. также (БЕР, 3: 130): *кумец*, *кумица* ‘крестник’, ‘крестница’ без указания географии. Кроме того, в диалекте с. Бэлень-Сырбь *кумѣц* и *куми́ць* — это также родители крестника по отношению к крестным. См. также п. 2.2.2.

Непосредственно крестный отец и крестная мать, а также посаженные родители на свадьбе, которые на Балканах часто также являются крестными

жениха или будущими крестными детей жениха и невесты, именуются болгарскими лексемами *кръсник* и *кръсниць*.

Болгарскими, относящимися к общеславянскому лексическому фонду, являются такие термины социализации и сватовства по браку, как *довѣц* или *удовѣц* ‘вдовец’, *довиць* или *удовиць* ‘вдова’, *снаъ* ‘сноха, невестка’, *зет* ‘зять’, *зѣвъ* ‘золовка (сестра мужа)’, *ѣтръвъ* ‘ятровь, жена брата мужа’, *момá* ‘девица’; термин «старая дева» (*дрѣтъ момá*) также образован по обычной славянской модели. Также к болгарскому языковому коду принадлежит суперстратная лексема греческого происхождения *аргѣнин*, *ергѣнин* ‘холостяк’.

В ряде случаев параллельно с болгарскими употребляются румынские (наряду с *зѣвъ* и *ѣтръвъ* — *кумнáтъ* (*cumnátă*), наряду со *сфѣкр* ‘свѣкор’, *сфѣкрѣвъ* ‘свекровь’ — *сóсру máре* и *соácră máре* соответственно, наряду с *бáбъ* ‘теща’ и *дѣдъ* ‘тесть’ — *сóсру тис* и *соácră тисă*. Термины, называющие тещу и тестя, специально анализируются в п. 2.2.1. и 4.

Родители мужа и жены по отношению друг к другу (сваты) обозначаются только болгарской лексемой *сфáтове*.

Некоторые болгарские лексемы утрачены как единицы болгарской системы свойствá, однако остаются в качестве номинаций обрядовых персонажей. Так, термин *дѣвер* не употребляется в значении ‘брат мужа’ и известен в диалекте села только как обозначение обрядового персонажа на свадьбе (*дѣверѣ(те)* — это два дружки жениха, один из которых носит свадебное деревце, а другой — мешок с туфлями невесты); следует отметить, что лексема ⁺*dever* как обозначение дружки жениха вообще характерна для южнославянских языков (Гура 2012: 130).

Болгарских по происхождению терминов свойствá в диалекте значительно меньше, чем терминов родства. Вероятно, это связано с тем, что термины свойствá как обозначающие реалии социального взаимодействия испытывают более сильное влияние румынского языка как языка официального общения и социально более престижного. Кроме того, следует помнить о том, что термины свойствá актуализируются в результате родства по сватовству, т. е. в результате браков, а смешанные браки между болгарскими и румынами сейчас редки.

1.2.2. Свойствó, семейный этикет (обращения). Бóльшая часть свойственников обращается друг к другу по имени. Из древних остались редкие обращения зятя к теще *бáбо* и к тестю *дѣдо* (БСРЛ: 40, 173), которые в диалекте села употребляются в основном только как номинации тестя и тещи — *бáбъ* и *дѣдъ* (чаще к тестю и теще мужчина обращается так же, как его жена к свекру и свекрови, т. е. *мáмо* и *тáми*). Следует отметить, что в диалекте

села лексемы *баба* и *дядо* (*дедо*) для номинации бабушки и дедушки отсутствуют, так же как идентичные обращения к ним: в данном случае обращения к дедушке и бабушке не *ба́бо* и *де́до*, а *та́те* и *ма́мо* (или румынские *бу́ни*, *буні́къ*, *буні́ко* и др.) — архаичная черта, в которой можно усмотреть остатки классификационной системы терминов родства. Таким образом, лексемы *ба́бо* и *де́до* практически не используются как обращения к родственникам и даже свойственникам. Как правило, это просто обращения к старикам. См. также п. 4.

В числе немногочисленных болгарских терминов родства по сватовству в обследованном диалекте при обращении родителей мужа и жены (сватов) друг к другу используются только вокативы, образованные от болгарских референтных форм: *сфáте* (к мужчине), *сфáо* (к женщине).

Исключительно архаичной является система обращений жены к сестрам мужа (золовкам) и его братьям (деверям), которые младше ее, по старшинству в порядке его убывания:

Мойтъ майк'ъ дошла туку, завáрилъ три момичетъ: калино, малино, убафко, мончѣтъ: бра́йно, драгінко, убовѣнко — бра́йк'ътъ на човѣкъ и. Думаше: бра́йно, драгінко, убовѣнко. На вла́нк'ите — не, сал на бългáрките [Моя мама пришла сюда, застала трех девушек (имеются в виду золовки, сестры мужа. — О. Т.): (к ним обращалась) *калино* 'калина', *малино* 'малина', *убафко* 'пригожая', (к парням: *бра́йно*, *драгінко*, *убовѣнко* — братья ее мужа. Обращалась (так): *бра́йно* 'братик', *драгінко* 'дорогой', *убовѣнко* 'пригожий'. К румынкам — нет (такого обращения), только к болгаркам].

Следует отметить, что часть этих обращений в номинативной функции используется в терминологии болгарской свадьбы. Так, дружка жениха может называться *девер*, *драгінко*, один из главных женских свадебных персонажей — *зълва*, *калина* (Узенева 2012: 50, 55).

В настоящее время эти обращения, видимо, не используются, но присутствуют в пассивном знании даже непожилых информантов. Эти обращения в разное время являлись предметом культурно-лингвистического анализа болгарских ученых. И. Гыльбов, анализируя в основном обращения к младшим золовкам по старшинству, выдвинул оригинальную гипотезу об их тюркском (турецком) происхождении, см. (Гыльбов 1986 [1963]), которую позже оспорила З. Барболова (Барболова 2000). З. Барболова привлекла не только дополнительный лингвистический материал, но и этнолингвистические данные, и ее выводы о славянском происхождении данного пласта лексики и актуализации в данном случае растительного кода очень убедительны.

2. Румынские заимствования в терминологии родства

2.1.1. Семья, кровное родство. Ряд славянских терминов родства в болгарском диалекте с. Бэлень-Сырбь замещены румынскими заимствованиями (подробно о румынских терминах родства см.: Scurtu 1966). В первую очередь это термин, обозначающий род, *н'ам* < *neam*, *neámuri* ср. р. 'нация, народ, семья, род и др.', встречается также в болгарских диалектах в контактных с румынским языком зонах, например в окрестностях г. Силистра (БСРЛ: 440). В обследованном диалекте сосуществует со словом *pod*. Семья также обозначается либо румынским словом *familie*, *-a*, либо болгарским словом *pod* (большая семья, включающая несколько поколений родственников).

В системе терминов родства обследованного диалекта закономерно отсутствуют лексемы, обозначающие потомка. При необходимости употребляется румынское слово *urmás*, *-și*. Понятие потомка нерелевантно для традиционной культуры, он не наделяется какими бы то ни было функциями. Человек архаической культуры живет настоящим, при помощи магических приемов он старается влиять на будущее, однако будущее для него существует лишь как неясная и ближайшая перспектива. Также в диалекте отсутствует болгарский термин для предка (прародителей), вместо него употребляется румынское слово *móși* (или *strămóși*) pl. 'предки'. Почитание предков является неотъемлемой частью любой традиционной культуры, однако терминологически предок, особенно в собирательном значении, может не маркироваться. Это может быть объяснено как характерное для традиционного сознания отсутствие лингвистического обобщения; последнее характерно для индуктивного, научного мышления или для языков, имеющих литературную норму и отражающих такое мышление, ср.: «...[в отличие от литературного языка] народный говор обладает более ограниченным словарем, в котором имеются только видовые понятия и нет родовых. <...> Народный говор удобен для обслуживания более узкого и конкретного мышления, в то время как литературный язык может выражать и отвлеченные понятия» (Стойков 2008 [1947]: 153).

Точно так же в данной диалектной системе родства нет обобщающих лексем, которыми бы передавались понятия «родня (родственники)», «домочадцы», «родители», а также «супруги» (термин свойствá). При необходимости употребить обобщенное понятие используются слова румынского языка: (*stră*)*móși* pl. 'предки', *parinți* pl. 'родители', *bunici* pl. 'дед и бабка' и др.

Референтные термины для деда и бабки в данном диалекте вытеснены румынскими соответствиями *bunic* 'дед', *bunică* 'бабушка', несмотря на то что обращения к деду и бабке отражают архаичную болгарскую практику — к ним обращаются в том числе *mámu* 'папа' и *mámo* 'мама', см. Приложение II.

Собирательно старики в доме могут быть названы описательно болгарским словосочетанием *онийъ наши дъртите*, букв. 'те наши старые' (что для современного болгарского языка является стилистически сниженным и даже грубым, совр. болг. *дърт* можно перевести примерно как «старый хрыч», но в диалекте села это слово стилистически нейтрально и означает 'старый человек, старец, старик'). Также см. п. 4.

Устаревшие референтные болгарские термины для прадеда и прабабки — *тата големийъ* 'старший папа' и *мамаъ големъ* 'старшая мама', сейчас вместо них употребляют рум. *străbunic* 'прадед', *străbunică* 'прабабка'.

В селе неизвестно болгарское слово *копил*, *копиле* и под. в значении 'внебрачный ребенок (обычно мужского пола)' — балканизм неясного происхождения (БЕР, 2: 613–615), в болгарском, возможно, из румынского, который в том же значении или в значении просто 'ребенок, мальчик' фиксируется также в серб.-хорв. (*копил / kopil*), алб. (*kopill*), тур. (*kopil*), греч. (*копéλλι*) (БСРЛ: 281, 282). Отсутствие термина в обследованном болгарском диалекте связано с тем, что в румынском языке лексема *copil* значит просто 'ребенок' и не имеет негативного оттенка значения; вероятно, в условиях билингвизма не было причин для развития негативной коннотации у румынского слова и для заимствования этого слова в язык румынских болгар. Известно, что рождение внебрачного ребенка для традиционной культуры весьма нетипично; информанты не смогли вспомнить ни одного такого случая в своем селе. Для обозначения самой реалии используют румынский эвфемизм *copil din flóri* букв. 'ребенок из цветов (найденный в цветах)', который информанты переводят на болгарский как *детé от цвéк'е*.

Для обозначения внуков и племянников используется рум. лексема *перót* 'внук, племянник' и *пероáтá* 'внучка, племянница', см. ниже, п. 3.3.

Румынскими лексемами обозначаются и двоюродные братья и сестры: *вър*, pl. *върове* 'двоюродный брат', *вершооаръ*, pl. *вершооаре* 'двоюродные сестры', ср. рум. *văr*, pl. *véri* и *verișoáră*, pl. *verișoare* соответственно. Не всегда можно определить, является ли слово заимствованием или вместо болгарского просто употребляется румынский термин. Некоторые заимствующиеся в болгарский язык румынские слова во мн. ч. морфологически оформляются как болгарские (*вър*, pl. *върове* в отличие от рум. *văr*, pl. *véri*), другие в ед. и мн. ч. имеют румынскую парадигму, однако при этом могут получать постпозитивный болгарский артикль, например: *кумнám*, pl. *кумнáци(ме)*; *непóт*, pl. *непóци(ме)*. В номинации двоюродных братьев в румынском прослеживаются типологические параллели с болгарским языком: так, двоюродный брат в болг. — *братовчед* или *първи братовчед*, троюродный брат —

втори братовчед; здесь, как было указано, вместо болгарской используется румынская лексема и та же модель: ‘двоюродный брат’ — рум. *văr primár* букв. ‘первый кузен’, ‘троюродный брат’ — *văr al doilea* букв. ‘второй кузен’.

Преимущественно румынским термином (*orfán*) называют сироту, см. выше, п. 1.1.1.

2.2.1. Свойствó. Румынскими лексемами замещены в основном термины некровного родства (т. е. термины свойствá), служащие для обозначения свекра, свекрови, тещи, тестя на свадьбе, а также братьев и сестер мужа и жены и супругов этих братьев и сестер (шурина, деверя, зятя, свояченицы, невестки — жены брата, ятрови, золовки). Вслед за румынской традицией, не различающей терминологически свекра и тестя, шурина и деверя и т. п., в описываемой системе терминов родства используются одинаковые лексемы для обозначения вышеупомянутых свойственников.

Словом *sócru* называют и свекра и тестя (как правило, на свадьбе), добавляя для ясности идентифицирующее прилагательное: *sócru máre* ‘свёкор’, букв. ‘большой свёкор’, *sócru mic* ‘тесть’, букв. ‘маленький свекор’, та же модель используется для называния свекрови и тещи: *soácră máre, soácră mică*. Это прямые заимствования из румынского. Однако следует отметить, что если болгарские лексемы *сфéкръ* ‘свекор’, *сфекрѣвъ* ‘свекровь’ известны в диалекте и употребляются вместе с румынскими *socru mare, soacră mare* (см. 1.2.1.), то болгарские слова *тъст, тъща* совершенно неизвестны, а вместо них в болгарском языковом коде в качестве референтных используются *déda* и *бáбъ* — традиционные обращения зятя к тестю и теще (см. также 1.2.2.). Замечу, что в словах *сфéкръ, сфекрѣвъ*, а также *сфат, сфáъ* сочетание [sf] вместо [sv] в начале слова возникло под влиянием румынского языка, для которого оно очень характерно и появляется в том числе при усвоении слов, заимствованных из славянских языков — преимущественно из болгарского (в том числе из древнеболгарского) и церковнославянского, — на месте *sv- или *zv-, например: *sfat* ‘совет’, *sfeşnic* ‘подсвечник’, *a sfârşi* ‘кончать, завершать’, *sfeclă* ‘свёкла’, *sfânt* ‘святой’ и др. (в румынском сочетании sv- в начале слова имеется лишь в нескольких заимствованных из неславянских языков словах).

Несмотря на существование глаголов *жен’ъ, жен’ъ се*, понятие «жена-тый» как маркер социального статуса чаще выражается лексемой *căşătorit, căşătorită*, а не *ожéнен, ожéнень*. Это обусловлено, скорее всего, тем, что слово *căşătorit* частотнее в официальном и канцелярском обиходе — сферах, которые обслуживает язык официального общения, т. е. румынский. Точно так же почти не употребляется болгарский термин для разведенных супру-

гов, вместо него используют заимствованное из румынского языка слово, морфологически оформленное по болгарской характерной для данного диалекта модели действительного причастия прош. вр. *divorcişale* (от рум. *a divorţa* ‘разводиться’). Таким образом, заимствоваться из румынского могут не только лексемы, но и корни слов, которые в болгарском диалекте оформляются болгарским аффиксами, ср. те же процессы в русских старообрядческих говорах Румынии (Плотникова 2016: 97–99).

Полностью заимствована из румынского система свойствá, отражающая отношения сватовства по браку. Отсутствуют специальные идентифицирующие лексемы для обозначения шурина, деверя, свояка и зятя (мужа сестры), все эти понятия называются одной заимствованной из румынского лексемой *кумнát* (pl. *кумнáци*), ср. рум. *cumnát, -áři* ‘1. шурин; 2. зять; 3. деверь; 4. свояк’. Почти та же ситуация в обследованном диалекте с терминами, обозначающими женских родственников по сватовству — золовку, свояченицу, ятровь, невестку (жену брата). Каждая из них чаще называется *кумнáть* (рум. *cumnátă*). Однако в диалекте известен и всё еще употребляется термин *зівъ* ‘золовка’, а также *йетрѣвъ* ‘жена брата мужа’, хотя последний термин почти забыт. Сохранение термина для золовки и даже обращений к различающимся по старшинству сестрам мужа (см. 1.2.2.) связано, скорее всего, с особым статусом золовки в семейной обрядности, с ритуальной нагруженностью этого персонажа и на свадьбе (БСРЛ: 246), и в болгарском фольклоре; о золовке как о свадебном персонаже у болгар см. (Иванова 2003: 71 и след.; Узенева 2012: 55 и по указателю; Алексова 2013: 221, 226–227).

2.2.2. Семейный этикет. Как уже отмечалось, в диалекте частотны обращения, оформленные по румынским морфологическим моделям, однако они, как правило, употребляются наряду со славянскими (болгарскими) и фонетически близки славянским лексемам (ср., например, румынские уменьшительно-ласкательные суффиксы *-с-ă, -й-ă*, сходные с болг. *-к-, -иц-*).

Кроме этого, по отношению к каждому из родителей крестника, которые так же, как и крестник и крестница, называются *кумѣц* и *кумѣцъ*, см. 1.2.1., а также к братьям и сестрам крестника крестные родители, *крѣсник* и *крѣсницъ* (они же посаженные родители на свадьбе), используют особое обращение румынского происхождения *кумѣтре* (*cumêtre*). Такое обращение тем удивительнее, что по происхождению это вокативная форма румынских слов *сумáтру* ‘кум’ и *сумáтрă* ‘кума’, т. е. слов со значением, противоположным значению бэленьских *кумѣц* и *кумѣцъ*. Лексема *сумáтрă* (от которой образован румынский вариант в м. р. *сумáтру*) восходит к лат. *commater* букв. ‘со-мать’, в свою очередь имеющая соответствие в м. р. *compter* букв. ‘со-отец’; по-

следняя послужила источником новогреч. *κοιμλάρος* ‘кум, крестный’, *κοιμλάρα* ‘кума, крестная’, заимствованных в болгарские и македонские диалекты в зонах современных или прежних контактов с греческим языком в форме *кумбáр*, *кумбáра* ‘то же’ (Пловдив, Эгейская Македония, также Горна-Оряховица в окрестностях Велико-Тырнова), см. (БЕР, 3: 129). Интересно, что и *commater*, и *comptater* были заимствованы в старославянский язык со значением ‘крестная мать’ в формах *къмотра* (древнейшее употребление — в Клоцовом сборнике, рукописи X–XI вв.) и *къмпетра* (древнейшее употребление — в Житии Мефодия, Успенский сб. XII в.), см. (SJS, 2: 98; Vašica 1956); форма *къмотра* дала развитие лексемам с тем же значением во всех западнославянских языках; считается, что и *кум* и *кума* являются старыми гипокористичными формами, «возникшими на базе латинских (балканороманских) названий кума и кумь» (ЭССЯ, 13: 101; БЕР, 3: 125). В с. Бэлень-Сырбь наличие вокатива *кумэтре* для лексем *кумэц* и *кумиць* ‘каждый из родителей крестника по отношению к крестным’ обусловлено, видимо, их непосредственной лексической близостью.

3. Архаичные черты, свойственные балканским языкам; фиксируются как в болгарских диалектах, так и в румынском языке и его диалектах

3.1. Для балканских языков, в том числе для болгарского и румынского, характерно терминологическое тождество гиперонимов, означающих кровного и некровного родственника, т. е. собственно родственника и свойственника. Как уже отмечалось, в обследованном диалекте отсутствует даже этот гипероним (такой, например, как болг. *роднина* ‘родственник’), в этом значении употребляется выражение *тойъ рот сме* ‘(мы) из этого рода’, которое относится как к родственникам, так и к свойственникам.

3.2. Как уже было сказано, у болгар активно используются, в том числе как обращения к старшим неродственникам, термины для обозначения старшего брата и сестры (*бате*, *бачо* и др. и *кака*, зап.- и юго-зап.-болг. *дóда* — БСРЛ: 184–185). Однако эта особенность наблюдается и в других балканских языках, в том числе в сербском (м. р. *báta*, ж. р. *seka*) и румынском, ср. рум. *báde* 1) обращение к старшему брату; 2) братец, дядя, дяденька; 3) дорогой, милый, любимый (DRR: 136), согласно другому источнику, это 1) обращение, которое в Трансильвании, Молдавии и Бессарабии используется по отношению к незнакомым людям более старшего возраста или тем, кто выше по положению; 2) термин, которым деревенские женщины обозначают любимого мужчину, вариант *badiu* (трансильв.) (Ciogănescu 2007: 67). Из румын-

ского лексема «была заимствована в рунинский в форме *badika*» (ibid.). Автор «Этимологического словаря румынского языка» считает, что рум. *báde* имеет неясное происхождение, однако можно предположить, что в румынском эта лексема является заимствованием из славянских языков, болгарского или сербского, и после заимствования слово отчасти изменило свое значение, развив сему ‘любимый, дорогой’¹⁰. Кроме лексемы *bade*, которая часто употребляется в последнем из указанных значений (‘любимый, дорогой’), в румынском языке существуют лексемы *néne* — обращение к старшему брату, старшему по возрасту мужчине. Для старшей по возрасту женщины в румынских диалектах имеются несколько лексем: *nánă, dádă, léle, țăță* (DRR), *gîgă* (БЕР, 2: 149, статья *káka*), *dódă* (Банат, Олтения — DEXonline, статья *dódă* [*dóde*]). В с. Бэлень-Сырбь в румынском языковом коде употребляются лексемы *néne, léle* и *țăță*. Фактически *néne* и *léle* являются вокативными формами, что отмечает и словарь (DRR: 729, 850). Однако эти лексемы могут использоваться и в номинативной функции, при этом, например, лексемы *léle* и *néne* могут получать постпозитивный артикль *-a*: *lélea, nénea*. В частности, в обследованном селе были записаны примеры: *Mă duc la nénea Marin* [Я пойду к дяде (мужчине, который старше говорящего) Марину], *Mă duc la lélea Floárea* (*țăță Floárea*) [Я пойду к тете (к бабе) (женщине, которая старше говорящего) Флоаре] (ТГ). Слово *țăță* имеет в словаре ту же дефиницию, что и *léle* (DRR: 1400), однако *țăță* означает не просто женщину, которая старше говорящего, но одну из самых старых женщин общности (общины, села). И *léle*, и *țăță* развили в румынском языке также дополнительные семы: ‘возлюбленная’ (*léle*), ‘красотка’ (*țăță*), ср. объем значений слова *bade*. Как удалось выяснить, в обследованном селе лексеме *néne* соответствует болг. *báchi*, лексеме *léle* — болг. *kákъ* (зват. *како*), лексеме *țăță* — либо *kákъ*, либо *bábъ*. К старому мужчине в селе могут обращаться *dédo*, обычно с добавлением имени: *dédo Vasíl, dédo Marín*. Также к старому мудрому человеку уважительно обращаются *máiko, тайкулицъ* (рум. *táică, táiculiță* ‘отец, папаша, батюшка (обращение к старшему мужчине или священнику)’, DEXonline, статья *táică*). Болгарам с. Бэлень-Сырбь известно и болг. слово *бай* (считается, что это сокращение от *bате*, см. БЕР, 1: 26, статья *bae*), которое используется для номинации и обращения к старшему уважаемому мужчине (обязательно добавляется имя, например *бай Васил*), однако в обследованном селе оно почти не употребляется и воспринимается как устаревшее.

¹⁰ Благодарю к. и. н. Н. Г. Голант (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), которая указала мне на это слово со ссылкой на (Cioarănescu 2007).

3.3. Особого внимания заслуживают лексемы *непѡт*, ж. р. *непоѡть*, являющиеся заимствованиями рум. *перѡт*, pl. *перѡѡ* ‘1) племянник’, 2) ‘внук’, *перѡѡѡ*, pl. *перѡѡте* 1) ‘племянница’, 2) ‘внучка’. Лексемы *непѡт* и *непоѡть* в диалекте села употребляются так же, как и в румынском языке, т. е. в обследованном болгарском диалекте, как и в румынском языке, нет отдельных лексем для номинации племянника и внука. Отсутствие отдельных терминов для племянника и внука и совмещение этих обозначений в одной лексеме является архаизмом. С одной стороны, это отражает индоевропейскую древность (Трубачев 1959: 77, см. там же историю обсуждения и библиографию вопроса), с другой — встречается непосредственно на Балканах. В частности, в Родопах, Фракии, Вардарской, Пиринской и Эгейской Македонии *внук* (*фнук*, *мнук*, *млук*, *нук*) точно так же может значить ‘племянник’ и ‘внук’ одновременно (БСРЛ: 121–122). Таким образом, в данном случае номинацию племянника и внука одной лексемой можно считать семантическим балканизмом.

Нужно также сказать о самой лексеме, которая формально полностью совпадает с и.-е. реконструкцией лексемы для обозначения племянника (внука): **не-рѡѡ*, слово этимологически связано со слав. **нетѡѡ*. Таким образом, румынское слово родственно слав. *<*нетѡѡ < и.-е. *не-рѡѡ*, ср. «др.-русск. *нетѡѡ* ‘племянник, *filius fratris, sororis*’, *нестера* ‘племянница’, др.-польск. *nieć* (*nyecz*), чешск. *neti*, *-eře* ‘племянница’, словацк. *netera*, *net* ‘племянница’, др.-сербск. *нетѡѡ* ‘*sororis filius*’, сербск. *нестера* ‘племянница’, *неѡака* ‘дочь сестры, племянница’, *неѡак* ‘сын сестры, племянник» (Трубачев 1959: 76–77). Как пишет О. Н. Трубачев, в морфологическом отношении и.-е. **непот* представляет собой отрицание *не* и и.-е. **пот*, означавшее, видимо, старшего мужчину, отца, ср. слав. *gos-podъ*, литовск. *pats* ‘сам’. Таким образом, **не-рѡѡ* значит ‘не-старейшина, не-отец’, а термин с удлинненным корневым гласным **не-рѡѡ* мог значить ‘принадлежащий не-отцу, не-старейшине; не-отцов’. Такое толкование соответствует «термину побочного родства» со значением ‘племянник’, ‘внучатый племянник’, ‘неродной внук’ (там же: 77–78, ср. Дзибель 2001: 211).

В болгарских диалектах метрополии лексемы с данным корнем (**нетѡѡ*, **непот*) не фиксируются, так же как и заимствования этих форм из румынского языка (БСРЛ: 432).

3.4. Балканизмом являются взаимные (так называемые реципрокные) обращения старшего родственника к младшему и младшего к старшему, т. е. собственно кроссрципрокные, межпоколенные, в отличие от орторципрокных, внутрипоколенных, см. (Дзибель 2001: 181). Например, *мамо* — это об-

ращение ребенка к матери и одновременно матери к ребенку, *тати* — обращение ребенка к отцу и отца к ребенку и др. Такие обращения фиксируются во всех языках балканского языкового союза, включая албанский и румынский. Более того, в ситуации такой обратной проекции могут участвовать и термины родства, которые используются как обращения к незнакомым людям, так называемые половозрастные апеллятивы (термин и обсуждение см. в: Окладникова, Попов 2005) типа *сынок, дочка, дядя, тетя, бабуля*. В частности, в с. Болгарево, Северо-Восточная Болгария, пожилая информантка обращалась ко мне и моему спутнику мужского пола *лел'о* 'тетя', т. е. она как бы проецировала на нас обращение, при помощи которого я или мой спутник могли бы обращаться к ней (но не обращались). Женщины старше 50 лет повсеместно в Болгарии обращаются к знакомым и незнакомым маленьким детям *бабо*. Обычно естественные для традиции явления внутри самой традиции не рефлексируются; ср. объяснение таких обращений информантом с. Бэлень-Сырбь: *Деца́тъ да презе́мът думе́тъ от майк'ътъ и баита́тъ* [Чтобы дети переняли слово (обращение к матери и отцу) от родителей] (ТГ).

Кроссрещипрокность не свойственна терминологии родства европейских языков (Дзибель 2001: 190), хотя ее реликты встречаются, например, во французском языке (лотарингский диалект) и др. (там же: 194). Однако отмечаемое повсеместно на Балканах явление не связано с кроссрещипрокной номенклатурой родства, а касается исключительно кроссрещипрочных вокативов, употребление которых выходит за рамки родственных отношений. Это необычное явление неоднократно рассматривалось в болгарской лингвистической литературе, однако не как балканизм, а как особенность болгарской языковой культуры, причем с точки зрения речевых актов, см., например, (Ничолова 1984: 42–67). Представляется, что изучение этого явления не должно ограничиваться только одной национальной культурой и теорией речевых актов и должно рассматриваться в типологической перспективе.

4. Инновации в терминологии родства или особенности, которые можно объяснить либо забвением терминов родства, либо влиянием на терминологию родства речевого этикета (обращений)

Многие референтные термины родства возникли под влиянием вокативов, которые в славянских языках, в частности, формально отличаются от номинативов (см. замечание О. Н. Трубочева выше, п. 1.1.1.). В болгарском языке, где звательная форма является по сей день продуктивной, этот процесс можно считать живым. Как уже отмечалось, в обследованном диалекте

в качестве референтных употребляются вокативные по происхождению формы: *májk* 'е 'мать', *máti* 'отец', *úk* 'и 'дядя по матери', *číčo* 'дядя по отцу', *báčo* 'старший брат'.

Однако наряду с отмеченными терминами, имеющими одинаковую основу в референтной и вокативной формах, существуют и термины, которые в этих формах различаются. Как уже говорилось выше, для обозначения понятий «бабушка» и «дедушка» в обследованном диалекте используются румынские слова *bunic* 'дед', *bunică* 'бабушка', при этом употребление ожидаемых болгарских вокативных форм *bábo* и *dédo* (*déda*) сужено: так обращаются к старшим членам общины (села) и изредка зять — к теще и тестю. Обычные обращения к деду и бабке (а также к прадеду и прабабке) в обследованном селе — *máti* и *mámo*.

Здесь нужно сказать, что часть вокативных терминов родства в балканославянских языках представляют отдельную микросистему терминологии родства. Так, в болгарских диалектах широко распространено обращение невестки к свекру *tate* 'папа' и к свекрови *майко* 'мама', в то время как зять обращается к тестю *dedo*, а к теще — *babo* независимо от их возраста (БСРЛ: 40, 173). В частности, такая система обращений была записана мной в экспедиции в подбалканский город Твырдицу (*Твърдица*) в начале XXI в. Одна из моих информанток в Твырдице подчеркнула, что она стала тещей в 39 лет, но сразу потребовала от зятя, чтобы он обращался к ней «как следует», т. е. *babo* (зять обращается к ней *babke* — уменьшительно-ласкательная форма). В с. Бэлень-Сырбь от этой системы в болгарском коде остались преимущественно референтные термины *dédь* (*dédá mi*) '(мой) тесть' и *bábь*, *bába mi* '(моя) теща', которые иногда употребляются и как вокативные, которыми они исконно являлись. При этом к остальным старым женщинам рода, включая мать (к матери, к бабке по матери, к прабабкам), обращаются *mámo*, а к мужчинам — *máti*. Ситуации с лексемами *déda* и *bába* оказываются почти симметричными, они могут быть представлены семантическими цепочками:

dedo, *deda* 'тесть (вок.)' → *dédá* (*mi*) 'тесть (реф.)', *dédo* 'тесть (вок., сейчас редко)' | *dedo*, *deda* 'дед (вок.)' → *dédo* 'старик (вок.)';

babo 'теща (вок.)' → *bába* (*mi*) 'теща (реф.)', *bábo* 'теща (вок., сейчас редко)' | *baba* 'бабка' → *bábь* 'старая женщина (реф.)', 'повитуха (реф.)', 'знахарка (реф.)', *bábo* 'старая женщина (вок.)'

Следует отметить, что развитие особых номинаций под влиянием вокативных терминов родства не уникально и имеет соответствия в болгарских

диалектах. В частности, лексема *дядо(то)* // *деда(та)* ‘тесть’ как номинация тестя (БСРЛ: 173, 205–206), *баба(та)* как номинация тещи встречается в «обширном ареале в северных и южных диалектных областях» (там же: 40). Очевидно, однако, особенно в настоящее время, что в указанных диалектных ареалах метрополии известны и лексемы *тъст* и *тъща*. Особенность же обследованного диалекта состоит в том, что в нем ни лексема *тъст*, ни лексема *тъща* в принципе не известны; возможно, их не было в диалекте изначально.

5. Итоги. На основании проведенного анализа можно говорить о том, что архаическая система болгарских терминов родства в с. Бэлень-Сырбь в целом сохраняется благодаря консервации диалектных черт. Румынские заимствования хотя и бросаются в глаза, однако в процентном отношении оказываются немногочисленными и в большей степени проникают в систему терминов родства по сватовству (по браку), что может быть объяснено большей ролью престижного (румынского) языка, обслуживающего социальные отношения.

В условиях билингвизма нестандартно проявляются балканизмы, как лексические, так и семантические, часть которых отмечена здесь и которые требуют дальнейшего изучения.

Интересными представляются инновации, связанные с забвением болгарских терминов родства, или особенности, которые можно объяснить влиянием на терминологию родства речевого этикета, при этом референтным терминам родства, которые сформировались под влиянием архаичных образцов, могут соответствовать вокативы, лексически не тождественные референтивам, но также архаичные.

Приложение I

Семья и семейный этикет¹¹

Семья

- 5.001. Род (ряд поколений, происходящих от одного предка). *Н'ам* (рум. *neam, -uri*); *пот* (*родъ*).
- 5.002. Родство кровное (отношения между людьми, создаваемые наличием общих предков). Нет термина.

¹¹ В Приложении I номера вопросов даются в соответствии с лексической программой Малого диалектологического атласа балканских языков (МДАБЯ: 37–42).

- 5.003. Свойство, т. е. родство не по крови (отношения между людьми, создаваемые браком). Нет термина.
- 5.004. Родной (находящийся в кровном родстве по прямой линии). *Pom (rodь)* — термин, имеющий синкретическое значение — одновременно ‘род’ и ‘родственник’. Для обозначения родства и родственника используется модель *тойь pom сме* ‘(мы) родственники’, букв ‘(мы) из этого рода’. Также при записи зафиксировано сочетание *наште родове* [наши родственники], *сите родове* [все родственники], *той ми е родь*. См. также 5.011.
- 5.005. Родственник (тот, кто находится в кровном родстве с кем-либо). См. 5.004.
- 5.006. Свойственник (тот, кто находится в свойстве с кем-либо). [*От нашийь*] *rom*.
- 5.007. Родня (родственники). *Pom (rodь)*.
- 5.008. Родня со стороны отца. *Pom (rodь)*.
- 5.009. Родня со стороны матери. *Pom (rodь)*.
- 5.010. Поколение (совокупность родственников одной ступени родства по отношению к общему предку). *Повойь* (то же слово означает и свивальник — шерстяную плетеную косичкой веревку, которой повивают младенца), *дженерацияйь* (рум. *generație, -ția, -ii, f*).
- 5.011. Предок (старший родственник по отцовской или материнской линии, обычно далее деда, бабуки или прадеда, прабабуки). Нет термина. Для обозначения предков (собир.) при необходимости употребляется рум. *móși, strămóși pl.* ‘предки’, *străbunici pl.* ‘прадеды’.
- 5.012. Предки со стороны отца. См. 5.011.
- 5.013. Предки со стороны матери. См. 5.011.
- 5.014. Потомок (человек по отношению к тому, от кого он ведет свой род). Нет термина. При необходимости употребляется румынское слово *urmás, -și*.
- 5.015. Потомство (молодое, новое поколение по отношению к старшему, к родителям). Нет термина.
- 5.016. Потомки со стороны отца. См. 5.015.
- 5.017. Потомки со стороны матери. См. 5.015.
- 5.018. Семья. *Фамиллийь* (рум. *familie, -a*).
- 5.019. Большая семья. *Фамиллийь, rom (rodь)*.
- 5.020. Глава семьи. *Чорбаджийь*. Главой семьи является мужчина, *чорбаджийькь* (о женщине) воспринимается как сказанное в шутку.
- 5.020а. Члены семьи, домочадцы. Нет термина.

а. Кровное родство

- 5.021. Отец. *Баи́та, та́те, та́ти*.
- 5.022. Мать. *Ма́йк 'ъ, ма́йк 'е: мо́йтъ ма́йк 'ъ, мо́йтъ ма́йк 'е* [моя мама].
- 5.023. Отчим. *Две́йк 'и(йъ) баи́та* букв. 'второй отец', ср. *две́йк 'и(йъ) чове́к* (второй муж). *Не́ма доб'ър баи́та* [Нет хорошего отца]; *не е доб'ър баи́та* букв. 'нехороший отец', ср. 5.061.
- 5.024. Мачеха. *Две́йк 'ъ(тъ) ма́йк 'ъ, две́йк 'ъ(тъ) ма́йк 'е* букв. 'вторая мать'. *Не́мъ добра́ ма́йк 'е* [Нет хорошей матери].
- 5.025. Родитель, родители. *Ма́мъ и та́тъ; баи́та ми и ма́йк 'ъ (ми)*. Нет однословного термина. При необходимости выразить понятие «родители» также может быть использовано рум. слово *parinți* pl.
- 5.026. Ребенок. *Дете́, рl. (млóго) деца́*.
- 5.027. Все дети (собираг.), рожденные в одном браке. *Деца́, дечи́цъ* (диминутив). *Де́це* (вокатив).
- 5.028. Первый ребенок (мальчик). Нет специального термина для мальчика. *П'рвото дете́, п'рвнийъ*. Женщина, родившая в первый раз (неважно, девочку или мальчика), — *п'рвоски́н 'ътъ*.
- 5.029. Первый ребенок (девочка). *П'рвото дете́*.
- 5.030. Последний ребенок. *Истрслéк(ъ)*.
- 5.031. Единственный ребенок. Нет термина: *Еднíчко* (чаще); *сам-самíчек; сал ено́ дете́* [только один ребенок].
- 5.032. Внебрачный ребенок. Нет термина. Не помнят ситуации, чтобы когда-либо родился внебрачный ребенок. Используют румынский эвфемизм *copil din flóri* 'ребенок из цветов (найденный в цветах)', переводя его на болгарский диалект как *дете́ от цвéк 'е*. Информанты считают, что, если случается такая ситуация, ребенка отдают на усыновление: *да́вът за́ душъ*, см. 5.049.
- 5.033. Близнецы. *Близна́к, рl. близна́ци; два близна́ци* (ГГ), *две близна́ците* (АГ) (ср. болг. лит. счетная форма *двама близна́ци*).
- 5.034. Близнец (мальчик). *Близна́к* (как правило, ед. ч. не употребляется).
- 5.035. Близнец (девочка). *Близна́к* (вероятно, или не употребляется, или употребляется редко).
- 5.036. Двойня. *Близна́ци*.
- 5.037. Один из двойни. *Близна́к* (обыкновенно называют по имени, не используют ед. ч.).
- 5.038. Сын. *Син ми́; ми е син; мончé* (употребляется чаще, чем *син*) букв. 'мальчик'.

- 5.039. Старший сын. *Голёмийъ син*.
- 5.040. Младший сын. (*Най-*)*мáлкийъ син*.
- 5.041. Средний сын. *Срédното мончé* (редко употребляют). Если два или три сына, говорят: *првнийъ, двéйк'и(йъ), трéйк'и(йъ)* [первый, второй, третий].
- 5.042. Самый младший сын. *Най-мáлкийъ син, истрслéк(ъ)*. По обычаю, младший сын остается жить с родителями: *Такá е обичéйъ да остáне мáлкийъ* [Таков обычай: чтобы младший оставался (жить с родителями)] (СГ); *Най-мáлкото дете, което е мончé, трéбе да живее с дрúтите. И кът има момиче...* [Младший ребенок, который мальчик, должен жить со стариками. И если девочка (т. е. младшая дочь тоже остается в родительском доме)...] (ТГ).
- 5.043. Дочь. *Дъштеръ, дъштерá ми (дъштер'á ми, редко), мóйтъ дъштеръ, дэштеркъ* (диминутив), (*мóйто*) *момиче* [моя девочка]. *Коé момиче по-голéмо от дванáйсе гóдини — момендрé или момé, коé от петнáйсе гóдини натáтък — момá, от шеснáйсе — добрá за жéнене* [Девочка старше 12 лет — *момендрé* или *момé* 'девочка', старше 15 лет — *момá* 'девица', старше 16 лет — *добрá за жéнене*, девушка на выданье] (ТГ).
- 5.044. Старшая дочь. *Най-голéматъ дъштеръ*.
- 5.045. Младшая дочь. *Най-мáлкатъ дъштеръ*.
- 5.046. Средняя дочь. *Срédното момиче* (редко).
- 5.047. Пасынок (ребенок-мальчик от предыдущего брака мужа или жены). *Мончé(то) завáрено*¹² букв. 'мальчик, которого застали' (для супруга, который пришел в дом нового супруга и «застал» там его сына от прежнего брака); *довéдено мончé* букв. 'мальчик, которого привели' (для супруга, в дом которого новый супруг привел своего сына от прежнего брака). Р1. *завáрени децá, довéдени децá: Довéдени — дéкъ доáждът, завáрени — дéкъ съ вкъщи* [«Приведенные» — те, которые приходят, «которых застали» — те, что дома] (ТГ).
- 5.048. Падчерица (ребенок-девочка от предыдущего брака мужа или жены). *Завáрено момиче(то)* букв. 'девочка, которую застали' (для супруга, который пришел в дом нового супруга и «застал» там его дочь от прежнего брака); *довéдено момиче*

¹² В ответах на вопросы программы МДАБЯ используются формы, записанные непосредственно как ответ на вопрос собирателя. То есть на вопрос 5.047. «Пасынок (ребенок-мальчик от предыдущего брака мужа или жены)» была получена форма *мончéто завáрено*, которая без членной (определенной) формы должна звучать как *завáрено мончé*. Однако сама форма *мончéто завáрено* показательна, так как является синтаксической калькой с румынского (с препозицией существительного и постпозитивным артиклем при нем). Также отмечены случаи употребления румынского определенного артикля ж. р. *-а* вместо болг. *-та* (*-тъ*) типа *главъ* — *главá* вместо *главъ* — *главътъ* и под.

букв. ‘девушка, которую привели’ (для супруга, в дом которого новый супруг привел свою дочь от прежнего брака).

- [5.048 доп. Ребенок, родившийся в новом браке. *Природено дете* ‘ребенок, родившийся в новом браке, который доводится единокровным или единоутробным братом (сестрой) детям супругов от предыдущего брака’.]
- 5.049. Приемный сын. *Детё за души* букв. ‘ребенок за душу’, ср. рум. *copil de síflet* букв. ‘ребенок души’; *детё от кутийъ* букв. ‘ребенок из коробки’ — подразумевается, что это ребенок, взятый из детского дома. Считается, что, если в браке нет детей и взять приемного ребенка (*детё за души*), то Бог даст своих детей.
- 5.050. Приемная дочь. См. 5.049.
- 5.051. Сирота (мальчик). *Сир’аче, орфан* (рум. *orfán*; употребляют чаще, чем болгарский термин), рл. *орфанчетъ*.
- 5.052. Сирота (девочка). См. 5.051.
- 5.053. Сирота, не имеющий только матери. См. 5.051.
- 5.054. Сирота, не имеющий только отца. См. 5.051.
- 5.055. Брат. *Брат ми*, рл. *брайк’е*.
- 5.056. Братья (собр.). *Брайк’е*.
- 5.057. Старший брат. *Ба́чи*.
- 5.058. Самый старший из братьев. *Голёмийъ брат*.
- 5.059. Младший брат. *По-мáлкийъ брат*.
- 5.060. Самый младший из братьев. *Най-мáлкийъ брат*.
- 5.061. Брат только по отцу или только по матери. *Брат*; *брат од майк’е* [брат по матери], *брат сал по майк’е* [брат только по матери], *брат од баитá* [брат по отцу], *брат сал по баитá* [брат только по отцу]; *не е добър брат* букв. ‘нехороший брат’, рл. *не съ добри брайк’е*.
- 5.062. Молочный брат. Нет термина.
- 5.063. Побратим. Нет термина, говорят: *Си íмаме като брайк’е* [Мы друг другу как братья].
- 5.064. Сестра. *Сестра́*.
- 5.065. Сестры (собр.). *Сестри́*.
- 5.066. Старшая сестра. *Голёматъ сестра́*.
- 5.067. Самая старшая из сестер. *Най-голёматъ сестра́*.

- 5.068. Младшая сестра. *Мáлкатъ сестра́*.
- 5.069. Самая младшая сестра. *Най-мáлкатъ сестра́*.
- 5.070. Сестра только по отцу или по матери. *Сестра́*; *сестра́ од ма́йк'е* [сестра по матери]; *сестра́ сал по ма́йк'е* [сестра только по матери]; *сестра́ од баи́тá* [сестра по отцу], *сестра́ сал по баи́тá* [сестра только по отцу]; *не е добра́ сестра́* букв. 'нехорошая сестра', рл. *не съ добри́ сестри́*.
- 5.071. Молочная сестра. Нет термина.
- 5.072. Названная сестра. Нет термина.
- 5.073. Дед. *Буні́к* (рум. *buníc*, *-sí*). По-болгарски о деду можно сказать только описательно: *дрѣт онійѣ на́шиѣ* букв. 'тот наш старый', рл. *дрѣти онійѣ на́ши*.
- 5.074. Дед по отцу. *Буні́к*. См. 5.073.
- 5.075. Дед по матери. *Буні́к*. См. 5.073.
- 5.076. Бабка. *Буні́къ* (рум. *bunícă*). По-болгарски о бабушке можно сказать только описательно: *она́йѣ на́шь дрѣтъѣ* букв. 'та наша старая'.
- 5.077. Бабка по отцу. *Буні́къ*. См. 5.076.
- 5.078. Бабка по матери. *Буні́къ*.
- 5.079. Прадед. *Стрѣбуні́к* (рум. *străbuníc*) 'прадед', *та́ти голѣмиѣ* (устар.).
- 5.080. Прабабка. *Стрѣбуні́къ* (рум. *străbunícă*), *ма́мтъѣ голѣмѣ* (устар.).
- 5.081. Внук. *Непóт*, рл. *непóци(те)* (рум. *perót*, *-fi*).
- 5.082. Внук (сын сына). *Непóт*.
- 5.083. Внук (сын дочери). *Непóт*.
- 5.084. Внучка. *Непоáтъ* (рум. *peroátă*, *-te*).
- 5.085. Внучка (дочь сына). *Непоáтъ*.
- 5.086. Внучка (дочь дочери). *Непоáтъ*.
- 5.087. Дядя по отцу. *Чі́чо*, *чі́чи*, рл. *чичі́*, *чі́чове*: *двѣѣѣѣ чичі́*, *млóго чі́чове*. *Йдѣ при чичі́те* [иду к дядьям (братьям отца)]?. Двоюродный брат отца — *ѹ́к'и*, как и все дальние дядья.
- 5.088. Старший дядя по отцу. *Чі́чо*, *чі́чи*. См. 5.087.
- 5.089. Младший дядя по отцу. *Чі́чо*, *чі́чи*. См. 5.087.
- 5.090. Дядина жена (жена брата отца). *Стрінѣ*, *стрінкѣ*.
- 5.091. Тетя по отцу (сестра отца). *Лáль*.
- 5.092. Старшая тетя по отцу. *Лáль*.
- 5.093. Младшая тетя по отцу. *Лáль*.

- 5.094. Тетин муж (муж сестры отца). *Ўк'и, ўк'ъ, ук'а ми*; pl. *ук'а: два ук'а; двўйць ук'а* 'два дяди'.
- 5.095. Дядя по матери (брат матери). *Ўк'и*. При обращении к разным дядьям, кроме дяди по отцу, говорят: *ўк'и + имя*.
- 5.096. Старший дядя по матери. *Ўк'и*.
- 5.097. Младший брат по матери. *Ўк'и*.
- 5.098. Дядина жена (жена дяди по матери). *Вўйнъ*.
- 5.099. Тетя по матери (сестра матери). *Лалъ*.
- 5.100. Старшая тетя по матери. *Лалъ*.
- 5.101. Младшая тетя по матери. *Лалъ*.
- 5.102. Тетин муж (муж тети по матери). *Ўк'и*.
- 5.103. Двоюродный брат. *Вър*, pl. *върове* (ср. рум. *văr*, pl. *verii*). *Вър примар* (рум. *văr primár*).
- 5.104. Двоюродные братья (собирает). *Върове* или *véri* (рум.).
- 5.105. Сын дяди по отцу. *Вър* (см. 5.103.).
- 5.106. Сын дяди по матери. *Вър* (см. 5.103.).
- 5.107. Сын тети по отцу. *Вър* (см. 5.103.).
- 5.108. Сын тети по матери. *Вър* (см. 5.103.).
- 5.109. Двоюродная сестра. *Вершоаръ* (рум. *verișoáră*, pl. *verișoáre*).
- 5.110. Двоюродные сестры (собирает). *Вершоаре* (*verișoáre*).
- 5.111. Дочь дяди по отцу. *Вершоаръ* (см. 5.109.).
- 5.112. Дочь дяди по матери. *Вершоаръ* (см. 5.109.).
- 5.113. Дочь тети по отцу. *Вершоаръ* (см. 5.109.).
- 5.114. Дочь тети по матери. *Вершоаръ* (см. 5.109.).
- 5.115. Племянник. *Ненот*, pl. *неноти* (рум. *nerót*, *-ți*).
- 5.116. Племянники (собирает). *Неноти*.
- 5.117. Племянник (сын брата). *Ненот*.
- 5.118. Племянник (сын сестры). *Ненот*.
- 5.119. Племянница. *Неноатъ* (рум. *neroátă*, *-te*).
- 5.120. Племянницы (собирает). *Неноате* (см. 5.119.).
- 5.121. Племянница (дочь брата). *Неноатъ*.
- 5.122. Племянница (дочь сестры). *Неноатъ*.

б. Свойствó

- 5.123. Брак. Нет термина. Употребляется рум. слово *căsătorie*, -а.
- 5.124. Женатые. *Съ се зéле, съ зáено. Съ ожéниле.*
- 5.125. Находиться в браке. *Съ ожéниле.*
- 5.126. Разводиться. *Съ раздéлили, съ диворци́сале* (ср. рум. а *divorță* ‘разводиться’).
- 5.127. Вступать в брак, жениться. *Се жéни* (3 sg.).
- 5.128. Выходить замуж. *Се жéни* (3 sg.). Слово *омъжвам се* ‘выходить замуж’ известно, но не употребляется.
- 5.129. Супруг, муж. *Човéк, човéк ми. Човéк на женá; човéк на Гóспот.* Эмоциональное обращение: *Разберí мъ, човек!* [Пойми, муж!] Ср. *мыш* ‘мужчина’, рл. *мъже*.
- 5.130. Супруга, жена. *Женá, женá ми.*
- [5.130 доп. Жених и невеста. *Бълкъ и джинерикъ* (от рум. диал. (Мунтения) *ginerică* ‘жених’ < *gînerе* ‘зять’, см. Алексова 2013: 179)].
- 5.131. Женатый. *Ожéнен, жéнен, късъторит* (рум. *căsătorit*).
- 5.132. Замужняя. *Ожéнень, жéнень, късъторитъ* (рум. *căsătorită*).
- 5.133. Холостяк. *Аргéнин, ергéнин. Двуйца аргéне. Ангерлáче* (молодой парень = *мáлк аргéнин*). *Къф е тво́ито мончé — ангерлáче — е́дин ергéнин по-мáлк. Мончéто, прескóчил осемна́йсе гóдини, добър за жéнене. Мóжееш ли да дигнеш ени́ платникъ със цемéнт — добър за жéнене* [Такой, как твой сын (т. е. 14 лет) — *ангерлáче* — молодой парень. Мальчик старше 18 лет — годен для женитьбы. Если можешь поднять мешок с цементом — годен для женитьбы].
- 5.134. Незамужняя женщина. *Дртъ момá* ‘старая дева’.
- 5.135. Вдовец. *Довéц, удовéц.*
- 5.136. Вдова. *Дови́ць, удови́ць.*
- 5.137. Свекор (отец мужа по отношению к жене сына). *Сфéкр, sóкру* (рум. *sócru mare*).
- 5.138. Свекровь (мать мужа по отношению к жене сына). *Сфекр́въ, sóкръ* (рум. *soácră mare*).
- 5.139. Тесть (отец жены по отношению у мужу дочери). *Дéдъ, дедá ми; рл. дéдове: двуйць дéдове.*
- 5.140. Теща (мать жены по отношению у мужу дочери). *Бáбъ, бáба ми.*
- [5.140 доп. 1. Сваты (свекровь и теща по отношению друг к другу). *Сфáъ, мóйтъ сфáъ*, рл. *сфáи*].
- [5.140 доп. 2. Сваты (свекор и тесть по отношению друг к другу). *Сфáт*, рл. *сфáтове*].
- 5.141. Невестка. *Снáъ, снаá ми.*

- 5.142. Зять (муж дочери). *Зет, зѣт ми. Зет на кѣшитъ* букв. ‘зять дому’ (примак, зять, который живет в доме тестя, особенно с младшей дочерью).
- 5.143. Деверь (брат мужа). *Кумнѣт, рl. кумнѣци (сипнѣт, -ѣи)*. Обращение невестки к деверям (для них жены брата), которые моложе ее по убывающему старшинству: *брајино* (к старшему), *драгѣнко, убовѣнко*. В диалекте есть лексема *девер* в значении только ‘свадебный персонаж, дружка жениха и невесты’: *девер ми, рl. деверѣ(те)*. На свадьбе два *деверя*: один носит деревце, другой — мешок с туфлями невесты.
- 5.144. Шурин (брат жены). *Кумнѣт, рl. кумнѣци*.
- 5.145. Золовка (сестра мужа). *Злѣвъ, кумнѣтъ* (рум. *сипнѣтѣ, -те*, чаще). Обращение невестки к золовкам (для них жены брата) по убывающему старшинству: *каліно* (к старшей), *малино, убафко*.
- 5.146. Свояченица (сестра жены). *Кумнѣтъ*.
- 5.147. Как называются мужья сестер между собой. *Кумнѣци*.
- 5.148. Жены братьев между собой. *Кумнѣти* или *кумнѣте* (рум. *сипнѣте*).
- 5.149. Зять (муж сестры). *Кумнѣт*.
- 5.150. Невестка (жена брата). *Кумнѣтъ*.
- 5.151. Муж сестры мужа. *Кумнѣт*.
- 5.152. Муж сестры жены. *Кумнѣт*.
- 5.153. Жена брата мужа. *Кумнѣтъ, ѣетрѣвъ(тъ)*.
- 5.154. Жена брата жены. *Кумнѣтъ*.
- 5.155. Крестный. *Крѣсник* (муж крестной).
- 5.156. Крестная. *Крѣсницѣ* (жена крестного).
- 5.157. Крестник. *Кумѣц*.
- 5.158. Крестница. *Кумѣцѣ*.
- 5.155. Крестный. *Крѣсник*.
- 5.156. Крестная. *Крѣсницѣ*.
- 5.157. Крестник. *Кумѣц*. Обращение: *кумѣцѣ* или по имени. Также *кумѣц* — отец крестника по отношению к крестным родителям. Обращение крестного к каждому из родителей крестника, а также его братьям и сестрам — *кумѣтре* (рум.).
- 5.158. Крестница. *Кумѣцѣ*. Обращение: *кумѣце* или по имени. Также *кумѣцѣ* — мать крестника по отношению к крестным родителям. Обращение крестного к ней — *кумѣтре* (рум.). См. 5.157.

- 5.159. Кум (крестный отец по отношению к родителям крестника и к крестной матери). *Кръсник*.
Обращение: *кръсникъ*.
- 5.160. Кума (крестная мать по отношению к родителям крестника и к крестному отцу). *Кръсница*.
Обращение: *кръснице*.

Семейный этикет

- 5.161. Как обращаются родители к детям маленького возраста. *Мáмо, тáти* и под. (кросс-реципрокные вокативы); по имени.
- 5.162. Как обращаются (маленькие) дети к отцу. *Тáте, тáти, татíкуле, татíко*. От информанта АГ записано, что обращаются и *тáти* + имя: *тáти Йонíка* (так он обращался к своему отцу). В настоящее время приняты последние два обращения (*татíкуле, татíко*), болг. *тáти* воспринимается как устаревшее слово, свойственное болгарской речи: *Ко рече тáти, му се сме́йт* [Кто говорит «тати», над ним смеются].
- 5.163. Как обращаются дети к деду. *Тáте, тáти, бунíкуле, бúни, татаи, татаицъ*.
- 5.164. Как обращаются дети к старшему в доме мужчине. *Тáти, тáти голéмиий* букв. ‘старший папа’ (обращение к прадеду). Дети к старшему мужчине, который может быть по возрасту их дядей (в том числе к неродственнику), могут обращаться *бáчи* + имя. *Дéдо* — обращение к старому человеку, не к деду, обычно с добавлением имени: *дéдо Васíл, дéдо Марíн*. Также к старому мудрому человеку уважительно обращаются *тáйко, (бъй) тайкулицъ* (рум. *táicǎ, táiculiǎ* ‘отец, папаша, батюшка (обращение к старшему мужчине или священнику)’) [*бъй* — междометие, ср. болг. *бе*].
- 5.165. Как обращаются дети к матери. *Мáмо, мáйк’е, мамíко, мамíкуле, мíко, мáмо* + имя.
- 5.166. Как обращаются дети к бабушке. *Мáмо, бúни, бунíко*.
- 5.167. Как обращаются дети к старшей в доме женщине. *Мáмо, мамъть голéмъ* букв. ‘старшая мама’ (обращение к прабабке).
- 5.168. Как обращаются к самой старой женщине в семье другие женщины. *Бáбо, кáко* (часто *како* + имя).
- 5.169. Как обращаются дети к старшему брату. *Бáчи, бачíко, бачíкуле*.
- 5.170. Как обращаются дети к старшей сестре. *Кáко, какúцъ* (ласково).
- 5.171. Как обращаются дети к дяде (по отцу и по матери). *Чíчи, чичíкъ* (к дяде по отцу), *у́к’и* (при необходимости, если дядьев несколько, добавляют имя: *чíчи* + имя, *у́к’и* + имя).
- 5.172. Как обращаются дети к тете (по отцу и по матери). *Лáло, лали́ко* (при необходимости, если теток несколько, добавляют имя: *лáль* + имя).

- 5.173. Как обращается муж к жене. По имени или: *Женá на Гóспот, мъ!* (эмоционально или с целью обратить на себя внимание).
- 5.174. Как обращается жена к мужу. По имени или: *Бъй, човéк на Гóспот!* (эмоционально или с целью обратить на себя внимание).
- 5.175. Обращаются ли супруги друг к другу по имени? Да.
- 5.176. Как обращаются к свекрови, к теще. *Мáмо* (невестка к свекрови, зять к теще), *бáбо* (зять к теще, сейчас редко).
- 5.177. Как обращаются к свекру, к тестю. *Тáти* (невестка к свекру, зять к тестю), *дéдъ* (зять к тестю, сейчас редко).
- 5.178. Как обращаются свекор и свекровь к невестке. По имени.
- 5.179. Как обращаются тесть и теща к зятю. По имени.
- 5.180. Обращение невестки к брату мужа (обычно к старшему из них). *Бáчо, бáчи* (если он старше); старые обращения жены брата к деверям, которые ее младше: *брáйно, драгíнко, убовéнко* (в порядке убывания старшинства).
- [5.180 доп. 1. Обращение невестки к сестрам мужа. *Кáко* (если она старше); старые обращения жены брата к золовкам, которые ее младше: *калíно, малино, úбафко* (в порядке убывания старшинства)].
- [5.180 доп. 2. Как обращаются друг к другу сваты (тесть и теща к свекру и свекрови и наоборот). *Сфáте* (зват., м. р.), *сфáо* (зват. ж. р.)].

Приложение II

Некоторые термины родства и свойства и их вокативные соответствия¹³

Отношения родства (свойствá)	Референтные термины	Вокативные термины
отец	<i>баитá, тáте, тáти</i>	<i>тáти, татíкуле, татíкъ, татíко, тáти</i> + имя
мать	<i>мáйк 'ъ, мáйк 'е</i>	<i>мáйк 'е, мáмо, мамíко, мамíкуле, мíко, мáмо</i> + имя
отчим	<i>двéйк 'и(йъ) баитá</i>	<i>тáти</i>
мачеха	<i>двéйк 'ъ(тъ) мáйк 'ъ, двéйк 'ъ(тъ) мáйк 'е</i>	<i>мáйк 'е, мáмо</i>

¹³ Ср. (Китанова 2013).

дети (соби́р.)	<i>деца́ (sg. deté)</i>	<i>дэце</i>
сын	<i>син, син ми́, мончэ́</i>	<i>сине́</i> , по имени
дочь	<i>дъштерь, дъштерá ми, момиче</i>	по имени
брат (старший)	<i>бáчо, бáчи</i>	<i>бáчо, бáчи, бачи́ко, бачи́куле</i> (ср. в рум. коде: <i>néne, penikule, peníki + имя</i>)
сестра (старшая)	<i>кáкъ</i>	<i>кáко, какúць</i> (ласково)
двоюродный брат	<i>вър (рум. <i>văr</i>), pl. върове</i>	по имени, <i>бáчо, бáчи, бачи́ко</i> (если он старше говорящего); <i>братко</i> (также это обращение к приятелю), <i>вэре</i> (<i>Фо пра́ши, бе, вэре?</i> [Как дела, брат?])
дед по отцу	<i>бунік</i>	<i>бунікуле, бúни, тáти, тата́и, татаи́ць</i>
дед по матери	<i>бунік</i>	<i>бунікуле, бúни, тáти, тата́и, татаи́ць</i>
бабка по отцу	<i>бунікъ</i>	<i>бúни, буні́ко, ма́мо</i>
бабка по матери	<i>бунікъ</i>	<i>бúни, буні́ко, ма́мо</i>
прадед	<i>стръбунік, тáти голéмийъ (устар.)</i>	<i>тáти, тáти голéмийъ (устар.)</i>
прабабка	<i>стръбунікъ, ма́мътъ голéмъ (устар.)</i>	<i>ма́мо, ма́мътъ голéмъ (устар.)</i>
дядя по отцу	<i>чичо, чичи</i>	<i>чичи, чичи́къ, чичи́ко</i> (при необходимости, если дядьев несколько, добавляют имя: <i>чичи + имя</i>)
жена дяди по отцу	<i>стри́нь, стрі́нкъ</i>	<i>стри́нко, ма́мъ стрі́нь, ма́мъ + имя</i> (последняя форма более уважительная; обычно так обращаются к тетке, если она старая, например <i>ма́мъ Ци́на</i>)
дядя по матери	<i>у́к 'и</i>	<i>у́к 'и</i> (при необходимости, если дядьев несколько, добавляют имя: <i>у́к 'и + имя</i>)

жена дяди по матери	<i>вуйнъ</i>	<i>вуйнико</i>
тетя по отцу	<i>лалъ</i>	<i>лало, лалико</i>
муж тети по отцу	<i>ък'и</i>	<i>ък'и</i>
тетя по матери	<i>лалъ</i>	<i>лало, лалико</i>
муж тети по матери	<i>ък'и</i>	<i>ък'и</i>
муж	<i>човек, човек на жена</i>	по имени (жена к мужу); <i>Бъй, човек на Господ!</i> (при акцентировании обращения, эмоционально)
жена	<i>жена</i>	по имени (муж к жене); <i>Жена на Господ, мъ!</i> (эмоционально)
свекор	<i>сфекр, sócru máre</i>	<i>тати</i> (обращается жена сына)
свекровь	<i>сфекрвъ, soácră máre</i>	<i>майк'е, máмо</i> (обращается жена сына)
тесть	<i>дэдъ, дедá ми, sócru mic</i>	<i>тати, татикуле, дэда</i> (редко) (обращается муж дочери),
теща	<i>бáбъ, бáба ми, soácră mică</i>	<i>майк'е, máмо, бáбо</i> (редко) (обращается муж дочери)
зять (муж дочери)	<i>зет, зét ми; зет на къшитъ</i> (зять-примак)	по имени
сноха (жена сына)	<i>снаъ, снаá ми, булка</i>	по имени
деверь (брат мужа)	<i>кумнат</i>	по имени, <i>бáчо, бáчи</i> (если он старше); старые обращения жены брата к деверям, которые ее младше: <i>брайно, драгинко, убовенко</i> (в порядке убывания старшинства)
золовка (сестра мужа)	<i>зјвъ, кумнатъ</i>	по имени, <i>како</i> (если она старше жены брата); старые обращения жены брата к золовкам, которые ее младше: <i>калино, малино, убафко</i> (в порядке убывания старшинства)
шурин (брат жены).	<i>кумнат</i>	по имени, <i>бáчо, бáчи</i> (если он старше)

свояченица (сестра жены)	<i>кумнѣтъ</i>	по имени, <i>ка́ко</i> (если она старше)
мужья сестер по отношению друг к другу	<i>кумнѣци</i>	по имени, <i>ба́чо, ба́чи</i> (к тому, кто старше)
жены братьев по отношению друг к другу	<i>кумнѣти</i>	по имени, <i>ка́ко</i> (к той, кто старше)
зять (муж сестры)	<i>кумнѣт</i>	по имени
родители мужа и жены по отношению друг к другу	<i>сфѣт</i> , рл. <i>сфѣтовѣ</i> (м. р.), <i>сфѣъ</i> , рл. <i>сфѣи</i> (ж. р.)	<i>сфѣте</i> (к мужчине), <i>сфѣо</i> (к женщине)
невестка (жена брата)	<i>кумнѣтъ</i>	по имени, <i>ка́ко</i> (если она старше)
муж сестры мужа	<i>кумнѣт</i>	по имени, <i>ба́чо, ба́чи</i> (к тому, кто старше)
муж сестры жены	<i>кумнѣт</i>	по имени
жена брата мужа	<i>кумнѣтъ, ѱетрѣвъ</i>	по имени, <i>ка́ко</i> (если она старше)
жена брата жены	<i>кумнѣтъ</i>	по имени, <i>ка́ко</i> (если она старше)
крестный	<i>крѣсник</i>	<i>крѣсникъ</i>
крестная	<i>крѣсницѣ</i>	<i>крѣснице</i>
крестник	<i>кумѣц</i>	<i>кумѣцъ</i>
крестница	<i>кумѣцѣ</i>	<i>кумѣце</i>
отец крестника по отношению к крестному (куму)	<i>кумѣц</i>	<i>кумѣтре</i>
мать крестника по отношению к крестному (куму)	<i>кумѣцѣ</i>	<i>кумѣтре</i>
кум (крестный отец по отношению к родителям крестника и к крестной матери)	<i>крѣсник</i>	<i>крѣсникъ</i>
кума (крестная мать по отношению к родителям крестника и к крестному отцу)	<i>крѣсницѣ</i>	<i>крѣснице</i>

Информанты¹⁴

- АГ — Ангел Гуджу (Gugiu Anghel), 1935 г. р., образование 4 класса.
СГ — Сафра Георге (Gheorghe Safta), 1936 г. р., неграмотная.
ТГ — Тоадер Георге (Gheorghe Toader), 1957 г. р., высшее образование.

Литература

- АР — Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб., 1995–2014. Вып. 1–15.
- Алексова 2013 — *Алексова В.* Сватбената терминология в българския и румънския език (етнолингвистично изследване). София, 2013.
- Барболова 2000 — *Барболова З.* Названия за зълва и девер в българските диалекти // За думите и речниците. Лексикографски и лексиколожки четения '98. София, 2000. С. 391–399.
- БДА ОТ — Български диалектен атлас. Обобщаващ том. 1–3: Фонетика. Акцентология. Лексика. София, 2001.
- БСРЛ — *Холшолчев Х., Младенов М., Радева Л.* Българска семейно-родова лексика: енциклопедичен речник. София, 2012.
- Виноградова, Толстая 1999 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Задушници // Славянские древности: этнолингв. словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 248–250.
- Гура 2012 — *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
- Гълъбов 1986 [1963] — *Гълъбов И.* За произхода на група названия от българската народна роднинска терминология // *Гълъбов И.* Избрани трудове по езикознание. София, 1986. [Первая публикация: Известия на Етнографския институт с музей. 1963. Кн. 6. С. 301–310].
- Дзибель 2001 — *Дзибель Г. В.* Феномен родства: пролегомены к иденетической теории // АР. Вып. 6. СПб., 2001.
- Добрев 1995 — *Добрев П.* Езикът на Аспаруховите и Кубратовите българи. Речник и граматика. София, 1995.
- Дуличенко 2014 — *Дуличенко А. Д.* Введение в славянскую филологию: учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. М., 2014.
- Иванова 2003 — *Иванова М.* Родството по сватовство у българите. Велико Търново, 2003.
- Кабакова 2009 — *Кабакова Г. И.* Ребенок первый, ребенок последний // Славянские древности: этнолингв. словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 415–416.
- Китанова 2013 — *Китанова М.* Семантично поле *род* // *Китанова М.* Свой за чуждите и чужд за своите. Варна, 2013. [Электронное издание. Режим доступа: <http://liternet.bg/publish29/maria-kitanova/svoi-za-chuzhdite/semantichnoto.html>].
- МДАБЯ — Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа. СПб., 1997.

¹⁴ Во время экспедиции было опрошено 12 информантов. Здесь указываются только те, которые были опрошены по программе МДАБЯ, раздел «Семья и семейный этикет».

- Младенов 1993 — *Младенов М. С.* Българските говори в Румъния. София, 1993.
- Младенов 2008 [1992] — *Младенов М. С.* Из българската лингвистична география: 3. *вуйчо* (у́йчо, у́чо) † *вуйко* (у́йко, у́йк'а, ук'а, ук'о, у́ко, у́ке) // *Младенов М. С.* Диалектология, Балканистика. Етнолингвистика. Лингвистично наследство. С., 2008. С. 738–740. [Первая публикация: *Език и литература*. 1992. № 4. С. 93–95: карта].
- Младенов С. 1941 — *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.
- Ницолова 1984 — *Ницолова Р.* Прагматичен аспект на изречението в българския книжовен език. София, 1984.
- Окладникова, Попов 2005 — *Окладникова Е. А., Попов В. А.* Имена родства в функции по-позрастных апеллативов в современном русском обществе (психологический аспект) // *АР*. [Вып.] 5. СПб., 2005. С. 243–258.
- Плотникова 1996 — *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.
- Плотникова 2016 — *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.
- Стойков 2002 — *Стойков Ст.* Българска диалектология. София, 2002.
- Стойков 2008 [1947] — *Стойков Ст.* Книжовен език и народни говори // *Стойков Ст.* Избрани езиковедски трудове. Лингвистично наследство. София, 2008. С. 150–154. [Первая публикация: *Език и литература*. 1947. Год. 2. Кн. 1. С. 37–41].
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Близнецы // *Славянские древности: этнолингв. словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 191–193.
- Трефилова 2012 — *Трефилова О. В.* К вопросу о литературно-диалектной диглоссии в современной Болгарии // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 15: Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М., 2012. С. 100–111.
- Трубачев 1959 — *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Узенёва 2010 — *Узенёва Е. С.* Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М., 2010. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков*. Праoslavянский лексический фонд. Т. 1–. М., 1974–.
- DEXonline — [Dicționarul explicativ al limbii române]: [электронный ресурс, режим доступа: <https://dexonline.ro>].
- Ciorănescu 2007 — *Ciorănescu A.* Dicționarul etimologic al limbii române / ed. T. Șandru Mehedinți, M. Popescu Marin. București, 2007.
- DRR — *Dicționar român-ruș* = Румынско-русский словарь / Bolocan G., Medvedev T., Voronțova T. et al. Chișinău, 2004.
- Scurtu 1966 — *Scurtu V.* Termenii de înrudire în limba română. București, 1966.
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského / ČSAV*; vyd. J. Kurz et al. Praha, 1966–1989. Перинт: СПб., 2006. Т. 1–4.
- Skok — *Skok P.* Etimologijski gječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–4. Zagreb, 1971–1974.
- Vašica 1956 — *Vašica J.* Anonymní homilie rukopisu Clozova po stránce právní // *Slavia*. 1956. Roč. 25. S. 221–233.

Summary*O. V. Trefilova***The kinship terminology of Bulgarians in Romania
(according to new expedition data from Muntenia, country Dâmbovița)**

The kinship terminology in Bulgarian village Băleni-Sârbi, country Dâmbovița (Muntenia), in Romania is analyzed in the article. There are some archaic terms and lexical innovations in mentioned kinship terminology. Some archaic terms and lexical constructions are widespread in Bulgarian dialects. Similar forms are in the mother dialect in Bulgaria. Some terms are borrowed from Rumanian language, but they are not numerous. Some new meanings of kinship terms appear to be secondary; originally they were address forms.

Диалектные интернет-словари: опыт систематизации

В основу нашей статьи будет положен анализ непрофессиональных диалектных словарей, размещенных в пространстве словацкого веба. Мы покажем, как подобные словари устроены, после чего на основе исчисляющей матрицы постараемся представить общую типологию словарей подобного рода.

Диалектная речь представлена в словацком интернете достаточно широко, при этом, естественно, в модифицированном виде. Носители диалектного интернет-идиома билингвально, и сам идиом в чистом виде диалектом не является. Сетевой диалектный идиом представляет собой образование смешанного характера на диалектной основе с элементами литературного языка, просторечия и интернет-специфичной речи.

Диалект может бытовать в сети в различных формах, которые мы подробно рассматривали в предыдущих статьях. Это могут быть отдельные вкрапления, отдельные реплики, страницы на диалекте. Кроме того, в сети широко распространены метадиалектные рефлексии пользователей, когда носители идиома определенным образом пытаются обобщить, систематизировать, осмыслить свои знания о диалекте. Одной из таких внешних форм фиксации и авторефлексии является диалектный интернет-словарь. Чаще всего такие словари устроены предельно просто и представляют собой два соотнесенных столбца, где один, чаще левый, содержит диалектные слова, а другой — их литературные эквиваленты. В пределах словацкого веба нам на сегодняшний момент известно порядка 20 диалектных интернет-словарей.

Как справедливо утверждают, в частности, Я. Финдра и М. Ю. Сидорова (Findra 2010, Сидорова 2006), многое в сетевом языке продолжает до-сетевое и вне-сетевое. Данный тезис в полной мере применим и к диалектной интернет-лексикографии. Аналогом диалектного интернет-словаря являются окказиональные словари и словарики, составленные самими жителями региона (см. Казакова 2012). Принципиальным здесь является тот момент, что подобного рода словари являются именно любительскими, непрофессиональными. Соответственно, те критерии, которые выработала профессиональная диалектная лексикография, здесь не действуют либо действуют стихийно и частично.

Традиционная диалектная лексикология и лексикография подобные словарики в круг своего рассмотрения практически не включает. Именно в силу

своей во многом субъективности и кажущейся произвольности отбора материала данные словари не слишком информативны и не очень полезны для решения профессиональных задач. Как мы постараемся показать в дальнейшем изложении, речь тут должна идти скорее о субъективности, нежели о несистемности — вернее, в непрофессиональных диалектных словарях представлена системность несколько иного порядка, связанная с отображением в них механизмов так наз. наивной лингвистики, т. е. типовых представлений о языке его носителей.

Спецификой интернет-словарей как сетевого жанра является их включенность в некоторый более широкий контекст — семиотический (страница размещения, графическое оформление); прагматический (информационная подводка, которая дает предварительные предписания по интерпретации словаря); коммуникативный (следующая за словарем дискуссия на тему, какие слова еще следует в него включить).

Так, Е. Д. Казакова, единственный известный нам исследователь, который подробно занимался проблемой авторских (несетевых) словарей, базирует свою классификацию на прагматической основе и в качестве основных критериев приводит следующие позиции

- установка составителя словаря;
- представления автора о предполагаемом адресате;
- социокультурный и языковой опыт лексикографа (Казакова 2012: 27).

Если принимать во внимание специфику интернета как особого коммуникативного пространства, окажется, что данные критерии на сетевом материале будут действовать лишь частично. Так, авторство в сети часто бывает анонимным либо трудно верифицируемым, потенциальная аудитория может быть существенно расширена в силу общедоступности информации на интернет-ресурсах. В связи с этим мы расширим и существенно модифицируем данную схему. Критерии мы будем выстраивать в том порядке, в котором соответствующую информацию воспринимает пользователь.

1. Место размещения, т. е. конкретный портал, на котором находится словарь, — это может быть более либо менее глобальный информационный ресурс, на доступность материала через поисковые системы это не влияет, однако может существенно ограничивать круг реальных читателей.

2. Рубрикация, под которую попадает словарь, и информационная подводка к словарю. В данном случае «путь доступа» и преамбула к словарю задают некоторый первичный режим интерпретации словаря, который напрямую связан с метадиалектными представлениями автора самого словаря / тех, кто этот словарь размещает на портале.

3. Собственно словарные характеристики — принцип устройства и объем.

4. Анонимность словаря либо наличие у него фиксированного (известного) автора. Как мы уже говорили, в интернете собственно авторские характеристики окказиональных словарей являются менее очевидными, однако даже отсутствие явного авторства будет являться здесь релевантным параметром. В случае если минимальные сведения об авторе словаря все же имеются, мы также будем это учитывать. Здесь же мы будем фиксировать отсутствие / наличие метадialeктно-лексикографической дискуссии под словарем как проявление интерактивности словаря. В отличие от авторских несетевых словарей, диалектные интернет-словари представляют собой принципиально пополняемый ресурс, кроме того, следующая в ленте за словарем дискуссия может содержать метадialeктные рефлексии пользователей и оценку ими самого словаря.

Теперь проанализируем имеющийся материал последовательно по указанным критериям.

1. В плане места размещения словаря четко выделяются две основные группы порталов — это общие страницы и региональные информационные порталы. В числе общих страниц особняком стоит Википедия, где размещен словарь западнословацкого по происхождению анклавного говора с. Банхид (сейчас в черте г. Татабанья), расположенного в Венгрии — вначале дается описание говора, затем приводится его краткий словарь. На общем портале находится также «бабушкин словарь» с сайта форумов birdz.sk, он репрезентирует не конкретный говор, а вообще слова, которые ощущаются пользователями как диалектные. На специализированном, но также общепосещаемом словарном портале mojslovník.sk находится диалектный и сленговый словарь, где собраны все слова, которые, с точки зрения составителей словаря, ощущаются как не-литературно маркированные.

Далее, по степени специализации, следуют тематические порталы, посвященные жизни конкретного субэтноса. Сюда входят специализированная страница о горальском наречии с горальским словарем, большой русинский словарь на портале словацких русинов (примечательно, что это не общерусинский ресурс, а именно локально-русинский), и два восточнословацких словаря с портала, посвященного жизни восточных словаков, — собственно диалектный словарь и английско-восточнословацкий словарь.

В качестве отдельного пункта мы выделяем «большой шарышско-словацкий словарь» stofanak.sk, который не привязан к конкретному portalу и по сути представляет собой масштабный авторский любительский проект.

Наконец, еще один шарышский словарь размещен на сайте туристической фирмы chalupanadoline.sk, которая занимается экскурсиями по Восточной

Словакии; словарь в данном случае, по утверждениям авторов портала, должен способствовать более успешной коммуникации с жителями региона, т. е. данный словарь является адресным и ориентированным на конкретный тип пользователя.

Региональные страницы, на которых размещены диалектные словари, чаще всего представляют собой официальные страницы того или иного населенного пункта, где по большей части размещены сведения административного характера; словари в данном случае являются составной частью историко-культурного информационного блока. Таким образом словари размещены на страницах сел Станкованы, Мала Ида, Терхова, Малинец, Спишке Теплице. Примечательно, что из локальных порталов, где размещены словари, только с. Станкованы находится в средней Словакии (точнее, в северной средней Словакии) — остальные населенные пункты, на сайтах которых представлены диалектные словари, находятся в Восточной Словакии. Отдельно отметим здесь словарь села Вранов-над-Топлей, который состоит всего из пяти строк, при этом носит название «словарь земплинского наречия».

Исключение в данной части сетевых диалектных словарей составляет словарь на портале slanskevrchy.sk, так как в данном случае речь идет не о конкретном населенном пункте как об административной единице, но о горной цепи, которая объединяет сразу несколько населенных пунктов.

2. Как правило, словарь на больших порталах идет под рубрикой «народная культура», на локальных страницах может быть разметка «для жителей», а также «интересные факты о селе».

Так, в Википедии сначала приводится общая характеристика диалекта, который представляет собой островной словацкий говор в Венгрии. Затем авторы дают очень краткую характеристику фонетики говора, затем следует сам словарь, в конце страницы приведены ссылки на одну венгерскую научную статью, посвященную данному говору, и на культурно-просветительскую организацию «банхидский словацкий дом». Сходным образом устроен и горальский словарь, в котором фонетическое описание диалекта дополнено грамматическим, при этом описания приводятся гораздо более пространно, нежели в Википедии.

Несколько иное устройство имеет страница словацких русинов и общий восточнословацкий портал, так как в данном случае страницы как таковые посвящены актуальной жизни этнической группы, а также ее народной культуре; большое место в данном случае занимают визуальный ряд и аудиофайлы. Словарь, по мысли авторов страниц, входит как органическая часть в описание культуры региона. На восточнословацком портале также большое

место занимают анекдоты и шутки про восточных словаков, поэтому один из словарей (английско-восточнословацкий) носит скорее юмористический, нежели собственно информативный характер.

Противоположный принцип устройства наблюдается у страницы с шаршским словарем — здесь основной акцент делается именно на словарь, однако на странице есть подрубрика, посвященная шаршской народной культуре, где приводится преимущественно текстовый материал, включающий в себя песни, сказки и рецепты локальных кулинарных блюд.

На странице mojslovník.sk «диалектный и сленговый словарь» занимает отдельную рубрику как один из возможных словарей словацкого языка. Никакой информации историко-культурного характера на данном портале не приводится.

«Бабушкин словарь» вообще словарем в чистом виде не является, но представляет собой развернутую дискуссию «на словарную тему», где каждый автор приводит свой список слов, который он ощущает как локально маркированные; тем самым словарь, по мысли инициаторов дискуссии, должен складываться из суммы всех реплик.

Наконец, портал туристическо-культурной организации вводит свой словарь (под рубрикой «о нашей шаршштине») аналогично Википедии — сначала приводится краткое описание фонетики, затем следует сам словарь. Примечательной в данном случае является преамбула к словарю, в которой авторы утверждают, что шаршский говор отличается грамматической и фонетической простотой по сравнению со словацким литературным языком.

Локальные порталы в плане путей доступа к словарю делятся на две части — те, что помещают словарь в рубрику, ориентированную на местных пользователей, и те, что предназначают словарь скорее для внешних, не-региональных посетителей.

Так, село Станкованы попадает в первую подкатегорию — словарь («наш словарь») находится в рубрике «для жителей» — ср. предшествующая подрубрика в той же рубрике: «кладбище онлайн». С. Спишке Теплице помещает словарь последней рубрикой после разделов «фотогалерея», «традиции» и «интересные факты»; фактически сайт, на котором размещен словарь, — это не сайт самого села, но связанный с ним сайт общественного объединения местных краеведов «Мы живем в Теплице». Аналогично у с. Терхова — это собственно сайт не самого села, но «пантеон славы» села, который организовали в сети энтузиасты-краеведы. С. Мала Ида помещает словарь в рубрике «Интересное», куда входят две подрубрики: «интересное об уроженцах села» и «словарь» (фактически «интересное о речи жителей села»). Наконец, с. Ма-

линец помещает свой словарь также в рубрике «разное» и при этом не в веб-формате, но в виде прикрепленного файла, с пометой, что денег на издание словаря сейчас нет.

Внешним посетителям адресует свой словарь сайт slanskevrtchy.sk, словарь идет третьей подрубрикой в рубрике «Постройки, люди» — ср. предшествующие подрубрики «по местным долинам», «история», и уже затем «словарь земплинского наречия». Также ср. сайт с. Вранов-над Топлей, где словарь отнесится к разделу «Культура», подрубрика «фольклор и народная традиция».

3. По объему выделяется три основные группы словарей – А) порядка 50 слов; В) порядка 150–200 слов и С) около 500–600 слов. Соответственно бинарный принцип чаще выдерживается у словарей малого объема, а также у квазиразговорников и «юмористических словарей» типа «англо-восточнословацкого»; у словарей большего объема диалектные слова, как правило, сопровождаются минимальными пометами. Из словарей малого объема упомянем здесь словарь с. Терхова — авторы исходно называют его «малый словарь», он выдержан строго по бинарному принципу.

Не так много жанр насчитывает и так наз. интерактивный «бабушкин словарь» — дискуссия оказалась не столь продолжительной. Данный словарь, помимо прочего, интересен тем, что иногда пользователи приводят свое толкование слова и даже периодически сопровождают то или иное слово разнохарактерными пометами типа «предмет утвари», «ругательство».

Небольшой объем также имеют «восточнословацкие словари» — на сайте они обозначены как «Словарь 1» и «Словарь 2», а также «англо-восточнословацкий» словарь, который фактически представляет собой не словарь, а разговорник, так как соответствия в нем приводятся пофразово. Во всех словарях с портала vuchodnare.webnode.sk выдерживается бинарный принцип устройства. Словарь на туристическом сайте chalupanadoline.sk также невелик по объему и представляет собой нечто среднее между словарем и разговорником: слова собраны в тематические группы и внутри групп выстроены в алфавитном порядке (с приведением литературных эквивалентов), затем без перевода на литературный язык приводятся фразы, распространенные на Шаррише. Всего данный словарь насчитывает порядка 50 слов и 30 выражений.

Средний (относительно других сетевых диалектных словарей) объем выдерживается у трех словарей из числа тех, которыми мы располагаем, — это словарь говора с Банхид из Википедии (он насчитывает порядка 120 слов), словарь оравского с. Станкованы (около 300 слов) и словарь спишского села Спишске Теплице. Все указанные словари устроены по бинарному принципу, словарь с. Спишске Теплице несколько сложнее двух других — в нем слова

сначала расклассифицированы по тематическим группам, внутри которых уже выстроены в алфавитном порядке.

Наконец, наибольший в выборке объем имеют «диалектный и сленговый словарь» со словарного портала, а также словари сел Сланске Врхи и Мала Ида — все они насчитывают порядка 600 слов. Сетевые диалектные словари большого объема, за исключением словаря с. Мала Ида, как правило, отходят от схемы «диалектное слово / литературный эквивалент». Так, в «диалектном и сленговом словаре» после литературного эквивалента в скобках приводится регион, в котором встречается данное слово. В словаре с. Сланске Врхи предпринимается попытка экспликации значения слов, но делается это непоследовательно: где-то слово вообще остается без толкования, где-то приводится толкование как таковое, где-то авторы в качестве иллюстрации, минуя толкование, приводят устойчивое сочетание с конкретным словом и/или пример употребления слова в составе фразы.

4. Характерной чертой сетевых диалектных словарей является их анонимность. Авторы фиксируются чаще у словарей на глобальных порталах, нежели на локальных. Заявленный автор есть у горальского словаря. Это Карол Гочал, также на портале указано, что он поддерживает саму страницу и при этом постоянно проживает в Израиле, а родом он из села Оравске Веселе. Автором шарышского словаря является некто «Станислав», более о нем ничего не известно. Наконец, авторами локального словаря с. Терхова (из «пантеона славы села») являются «Ян Лауренчик и его семья — Катка, Яна и Анна-Мария».

Дискуссии к словарям также чаще представлены на глобальных порталах (русинский, шарышский, восточнословацкие словари), нежели на локальных страницах, исключение составляет словарь с. Мала Ида и словарь с. Терхова.

Реплики в дискуссиях к словарям чаще всего представляют собой списки слов, точно так же устроенных по бинарному принцип. Также частыми являются эмоциональные комментарии. Например: «ух ты, круто», «мне в голову не пришло ничего оригинального». Иногда к эмоциональной составляющей добавляется конкретная аргументация. Так, на реплику о непрофессиональности словаря и необходимости проверять включенные в него слова по академическим толковым словарям другой пользователь отвечает: «Я слышал эти слова от своей бабушки и верю ей больше, чем словарю».

В этой связи главный вопрос, который может возникнуть при ознакомлении с этими словарями, — это во многом дискуссионный вопрос о статусе лексем, которые включаются в тот или иной словарь. Их можно было бы считать регионализмами, если бы их бытование подтверждалось реальным

сетевым узусом, однако в основном слова либо встречаются в текстах стихов, песен, либо в Интернете встречаются только в специальных форумах, где обсуждаются значения конкретных слов. Можно предположить, что слова и выражения, которые включены в подобные словари, представляют собой своего рода «символы региона». Несмотря на их принципиально гетерогенный статус, у пользователей интернета они ассоциируются с домом и семьей и так называемой «уходящей стариной». Сетевые диалектные словари, будучи малопригодными для нужд собственно диалектологии, оказываются чрезвычайно интересным феноменом так наз. «наивной лингвистики», поскольку отражают представления непрофессиональных составителей о лексической специфике своего локального идиома.

Литература

- Казакова 2012 — *Казакова Е. Д.* Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект // Народная лингвистика: взгляд носителей языка на язык. Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 г. СПб. 2012. С. 26–28.
- Сидорова 2006 — *Сидорова М. Ю.* Интернет-лингвистика, русский язык: межличностное общение. М., 2006.
- Findra 2010 — *Findra Ján.* Slovo v kontexte a internetová komunikácia // Slovo. Tvorba. Dynamickosť. Na počesť Kláry Buzássyovej. Bratislava, 2010. S. 163–172.

Источники

1. http://sk.wikipedia.org/wiki/B%C3%A1nhidsk%C3%A9_n%C3%A1re%C4%8Die#N.C3.A1re.C4.8Dov.C3.BD_slovn.C3.ADk
2. <http://www.goralske-narecie.estranky.sk/clanky/ukazka-slovnika.html>
3. <http://www.holosy.sk/node/939>
4. <http://www.stofanak.sk/slovník/>
5. <http://www.birdz.sk/forum/slovník-starej-mamy/132289-tema.html>
6. <http://vychnodnare.webnode.sk/news/vychodnarsky-slovník-1/>
7. <http://vychnodnare.webnode.sk/news/vychodnarsky-slovník-2/>
8. <http://vychnodnare.webnode.sk/news/anglicko-vychonarsky-slovník/>
9. <http://vychnodnare.webnode.sk/news/anglicko-vychonarsky-slovník-2/>
10. <http://www.chalupanadoline.sk/index.php/slovník-na-preitie/slovník-aritiny>
11. <http://www.mojislovník.sk/narecovy-slangovy-slovník/A>
12. <http://www.vranov.sk/Kultura/Folklor-a-ludove-tradicie/Zemplinske-ludove-narecie>
13. <http://www.stankovany.sk/slovník/?st=wd&fr=60>

14. <http://www.slanskevrchy.sk/Zempl/Tlumac.html> (СЛАЙД 2)
15. <http://www.zijemevteplici.sk/index.php/mnu-narecie>
16. <http://www.malaida.sk/-ida-narecie>
17. <http://slavni.terchova-info.sk/historia/terchovske-narecie/>

Summary

Daria Vashchenko

Dialectal Internet-dictionaries: the attempt of systematization

In the article we analyze the non-professional dialect dictionaries made by users of Slovak Internet space. We take into account parameters such as the page that hosts the dictionary, heading to which it relates; its anonymity, or the presence of his particular author; volume dictionary and the principle of its devices; presence / absence of the next discussions as a manifestation of the interactivity of the dictionary. This helps to determine the specifics of the network functioning of such dictionaries and submit their typology.

Диалектная и разговорная лексика в региональных СМИ Беларуси

В материалах региональных белорусских газет диалектная лексика употребляется для называния понятий и явлений, отражающих народную культуру, промыслы и быт, а также для передачи непосредственной, эмоциональной речи. Стилистической особенностью современных публикаций становится употребление разговорных слов, уличного и профессионального жаргона.

Для анализа были взяты публикации за 2014 г. государственных газет Беларуси из районов, представляющих разные диалектные группы. Так, в пределах юго-западных говоров рассматривались газеты «Дзянніца» г. Щучин Гродненской обл. (гродненско-барановичская группа, пограничный с Польшей, Литвой район), «Наш край» г. Барановичи Брестской обл. (гродненско-барановичская группа, юго-зап. Беларусь), «Новы дзень» г. Жлобин Гомельской обл. (случко-мозырская группа, юго-вост. Беларусь). Как пример реализации среднебелорусских говоров была взята газета «Чырвоная зорка» г. Узда Минской обл. (центральная Беларусь), западнополесского диалекта — «Навіны Палесся» г. Столин Брестской обл. (граничит с Украиной). Специфика северо-восточных говоров была проанализирована на материале газет «Крупскі веснік» г. Крупки Минской обл. (полоцко-минская группа, центральная Беларусь), «Шлях кастрычніка» г. п. Хотимск Могилевской обл. (витебско-могилевская группа, граничит с Россией), «Гарадоцкі веснік» г. п. Городок Витебской обл. (витебско-могилевская группа, граничит с Россией, Латвией), «Браслаўская звязда» г. Браслав Витебской обл. (полоцко-минская группа, граничит с Литвой). Было отмечено, что тематика данных изданий определяется спецификой экономики района. Работе лесных хозяйств, речным промыслам отведены полосы в региональных газетах «Крупский весник» (Крупки), «Браслаўская звязда» (Браслав), «Шлях кастрычніка» (Хотимск), «Навіны Палесся» (Столин). В последнее время очевидна переориентация региональных изданий на городского жителя. Например, газеты промышленных центров Барановичи «Наш край» и Жлобин «Новы дзень» преимущественно пишут об инфраструктуре города. Так, г. Барановичи специализируется на текстильной, пищевой промышленности, изготовлении комплектующих деталей, железнодорожном сообщении и др., Жлобин — на металлургии, железнодорожном сообщении. Описание работы сферы сельского хозяйства преобладает в газетах небольших райцентров.

Важно также отметить разную долю употребления белорусского языка в СМИ: 100% белорусскоязычными являются газеты г. Браслава, Узды, где даже частные объявления оформляются на белорусском языке, около 50% материалов на белорусском — в газете г. Щучина, около 30% — Столина и Крупок, Городка. Преимущественно русскоязычными являются газеты городов Барановичи, Жлобин, Хотимск (1–3 статьи на белорусском на 12–16-полосную газету). Причиной такого положения является не столько ориентация на городское русскоязычное население, сколько, скорее всего, слабое знание журналистами белорусского языка, нежелание авторов подбирать техническую терминологию на белорусском языке. Статьи по-белорусски в основном пишутся на темы «народная культура», «школьные новости», «история», «природа». Личностный, а не географический фактор подтверждается тем, что, например, в газете Столинского р-на Брестской обл. «Навіны Палесся» около трети материалов — на белорусском языке, а в газете соседнего Пинского района «Палесская праўда» — ни одного.

Особенностью региональных СМИ является введение диалектной лексики в публикации как на белорусском, так и на русском языке (с орфографической адаптацией). Данные языковые единицы используются при написании статей на темы «сельское хозяйство», «лесные и рыбные промыслы», «быт», а также для воспроизведения речи говорящего.

Обычно диалектная лексика, зафиксированная в печати, соответствует региону ее распространения: бел. диал. *гіль* (**Бар.**¹, СГЦРБ, характерно для центр. и запад. части Беларуси, бел. норм. *снягір*), бел. диал. *пышка* ‘перемерзлая картошка’ (**Узд.**, СПЗБ < Минск. обл.), бел. диал. *начовачкі* ‘металлическое корыто’ (**Узд.**, СПЗБ < Гродн. обл., Минск. обл., зап. Витебск. обл.), бел. диал. *грабёнка* ‘гребло с совком для сбора черники’ (**Ст.**, ТС < западно-полесский диалект), рус. < бел. диал. *курочка* ‘гриб *колтак кольчатый*’ (**Жл.**, РСТС, из говоров юго-вост. части Беларуси), бел. диал. *гойня* = *гайня* ‘стая волков, собак’ (**Кр.**, СГЦРБ, характерно для центр. Беларуси); бел. диал. *упірацца* ‘напрягаться, делать усилия’ (**Кр.**, СГЦРБ), бел. диал. *бабковы ліст* ‘лист боба либо трилистника’ < *бабоўнік* (**Хот.**, КСУМ < вост. Могилевщина), бел. диал. *сныць* < *сnytка* ‘дыгель, растение семейства зонтичных, лекарственное, кормовое’ (**Хот.**, КСУМ < вост. Могилевщина), рус. *деруны* < бел. диал. *дзеруны* ‘блины из натертого на терке картофеля’ (**Жл.**, ТС, вост. и зап. Полесье). Примеры употребления некоторых диалектизмов в региональных

¹ Далее источники — печатные региональные издания — подаются в сокращении по названиям городов: Бар. — Барановичи, Брас. — Браслав, Гор. — Городок, Жл. — Жлобин, Кр. — Крупки, Ст. — Столин, Хот. — Хотимск, Узд. — Узда, Щуч. — Щучин.

изданиях: *Мы бачым, як многія людзі ўпіраюцца, каб... узяць больш-менш прыдатныя крэдыты пад будаўніцтва* (Крупскі веснік, 2014, № 11. С. 3); *Крыху далей дарослыя з імпэтам ператвараюць каляровы лямец у вераб'ёў, сініў, гіляў (снегіроў)* (Наш край, 2014, № 11. С. 8).

В печати зафиксированы диалектные слова, характерные для нескольких зонально близких регионов: рус. < бел. диал. *супоросная свинка* 'о беременности у некоторых животных' (**Кр.**, РСВц < Витебск. обл., паросная, СПЗБ < Минская обл., зап. Витебск. обл., Гродн. обл.), рус. < бел. диал. *окучник-драпач* 'вилы с загнутыми концами' (**Ст.**, ТС < западнополесские говоры, СПЗБ < Гродн. обл.), бел. диал. и норм. *замор, паморак* 'гибель поголовья, рыбы' (**Брас.**, СПЗБ < Гродн. обл., Несвиж. р-н), бел. диал. *маладуха* 'молодая женщина' (**Узд.**, Гродн. обл., зап. Витебск. обл.), бел. диал. *катух* 'огражденное место в хозяйственном здании' (**Узд.**, СПЗБ, Гродн. обл., зап. Витебск. обл.), рус. *кныши* < бел. диал. *кныш* 'сальтисон, мясное блюдо в оболочке из субпродуктов' (**Жл.**, СГЦРБ < Минск. обл.), бел. диал. *пяюха (Щуч.*, ТСБМ, *пяюха* РСВц, *пяюля* СПЗБ).

Есть слова, распространенные в различных районах, даже географически отдаленных: бел. диал. *дранікі з душамі* 'с начинкой' (**Жл.**, **Хот.**, ЛП < Полесье и **Узд.**, СГЦРБ), бел. диал. и норм. *кмен* 'тмин' (**Хот.**, **Гор.**, КСУМ < Могилев. обл. и СПЗБ < Брест., Гродн., Гомель. обл.), рус. < бел. диал. *бай-струк* 'внебрачный ребенок' (**Бар.**, СГЦРБ и КСУМ < Могилев. обл.), бел. диал. *няўдобица* 'неурожайная, грубая земля' (**Гор.**, РСВц и **Ст.**), бел. диал. *дурніца* 'голубика' (**Хот.**, КСУМ < Могилёв. обл. и СПЗБ < Вилейский р-н), бел. диал. *таўчонка* 'поре' (**Хот.**, СПЗБ), бел. диал. и норм. *скрылькі* 'отрезанные кусочки' (**Хот.**, КСУМ, СПЗБ < Гродн., Минск. обл., Баранович. р-н), рус. *мешанка* < бел. диал. *мешанка* 'еда для свиней, приготовленная из муки' (**Кр.**, РСВц, СПЗБ)².

Замечаются различия в семантике диалектных слов разных районов (даже в пределах одних и тех же говоров). Так, слово *начынне* употреблено в газете «Шлях кастрычніка» г. п. Хотимска в значении 'начинка' (от 'начыняць', т. е. 'фаршировать'): *начынне з мяснога фарша* (КСУМ < Могилёв. обл. 'внутренности'), а в статье «Гарадоцкага весніка» Витебск. обл. имеет семантику 'посуда': *хатняе начынне* (сравн. польск. *naczynia*), что аналогично зафиксированному в говорах западной Беларуси (СПЗБ < Гродн. обл.).

Встречаются белорусские диалектные фразеологизмы: *завітаць на сяло* 'встретиться с односельчанами, чтобы побеседовать' (**Щуч.**), *ставіць у печ* 'у

² В «Слоўніку гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі» зафіксавана в значении 'віка-аўсяная сумесь', смесь трав.

вольны дух» ‘открытый огонь’ (**Хот.**), *пайшоў па бацьку* ‘продолжил профессию отца’ (**Бар.**), *дацца ў знакі* ‘надолго запомниться; надоест’ (**Кр.**, СГЦРБ).

Иногда замечается фонетико-орфографическое искажение слова, что можно сравнить с просторечным произношением. Это характерно для употребления новых заимствованных слов: *родадэндрон* (**Ст.**) < бел. норм. *рададэндран*; *па ўсёй экваторыі* (**Брас.**) < бел. норм. *акваторыі* < *аква-*; *шатакан* ‘вид спортивной борьбы’ (**Узд.**) < бел. норм. *сётакан*; *пikinес* < бел. норм. *пекinес* ‘порода декоративных собак’ (**Узд.**); *фальк-групы / фольк-групы* (**Узд.**), а также белорусской лексики: *падсолёнай* < бел. норм. *падсоленай* (**Хот.**), *гуркі* < бел. норм. *агуркі* (**Хот.**), *стрэча* — *сустрэча* (**Щуч.**), *з дзіцём* < бел. норм. *з дзіцём* (**Узд.**).

В литературном языке СМИ проявляются грамматические диалектные особенности. Так, замечено употребление альтернативных окончаний *-аў (-яў)* в существительных ж. р. в Р. п. мн. ч., характерных для западного региона: **Бар.** *сярод тысячаў, ад польскіх уладаў, з лапаў*, **Узд.** *мамаў* (норма — нулевое окончание); **Бар.** *без цяжкасцяў, смерцяў*, **Ст.** *дробязяў, чвэрыяў* и **Гор.** *нязручнасцяў, гацяў* (норма — окончание *-эй (-ей)*). В современных статьях единично встречаются архаические грамматические формы: употребление названий молодых существ как неодушевленных — в И. п. вместо В. п.: *Любоў Рыгораўна мае чатыры ўнукі* (**Ст.**, характерно для юго-зап. говоров) (Крывіцкі 2003: 168); употребление деепричастий совершенного и несовершенного вида как сказуемых: *прывыкшы я да вёскі* (**Щуч.**, соответствует сев.-зап. диалектной зоне) (Крывіцкі 2003: 221), устаревшие окончания сущ. III склонения в Т. п. ед. ч. *-ёю*: *касцёю падавіўся* (**Гор.**, заимствовано из юго-зап. говоров) (Крывіцкі 2003: 168). В региональном словообразовании зафиксирован экспрессивный суффикс женского рода *-іна (-ына)*: *хаціна-сіраціна, нізіна-балаціна* (**Кр.**), *панская будыніна* (**Щуч.**), уменьшительно-ласкательный суффикс *-ук*, характерный для западнополюсского диалекта (Крывіцкі 2003: 154): *гарадчукі* ‘городские жители’, *хланчук* (**Ст.**) и распространившийся севернее: *хляўчук* (**Узд.**), *сабачук, шчанюк* (**Щуч.**). Отмечается претендующее на норму образование агентивов женского рода с суффиксом *-к-* на территории западной и центральной Беларуси, что связано с влиянием польского языка: **Щуч.** *аптэкарка, выхвацацелька, кулінарка*, **Бар.** *рэгістратарка, валанцёрка, сакратарка*, **Ст.** *ветэранка*, **Узд.** *палыводка*, **Кр.** *паштарка*. К разговорным относятся слова, имитирующие детскую речь: *цёця* ‘женщина’, *дзядзька* ‘мужчина’, *бібікаць*.

Некоторые слова, придя из диалектных, обрели статус общеупотребительной лексики. Это слова животноводческой тематики: бел. норм. < бел.

диал. *лой* ‘внутренний жир (овечий, говяжий)’ (**Кр.**, ТСБМ, СПЗБ), рус. < бел. норм. < бел. диал. = укр. диал. *ярочка, ярка* ‘молодая овечка, которая еще не ягнилась’ (**Кр.**, ТСБМ, КСУМ); бел. норм. < бел. диал. *няцель* ‘неотелившаяся телка’ (**Узд.**, СГЦРБ); бел. норм. *канадская казарка* ‘крупная птица темного цвета с длинной шеей и белыми пятнами по бокам головы’ (**Брас.**, **Ст.**, ЛП); бел. норм. *язь* ‘рыба семейства карповых с темно-синей спиной и серебристым брюшком’ (**Брас.**, ТСБМ, СПЗБ); бел. норм. *галавень* ‘рыба семейства карповых с толстой головой’ (**Брас.**, ТСБМ, СПЗБ); бел. норм. *сінец* ‘рыба семейства карповых’ (**Ст.**, ТСБМ, ТС). Общеизвестными являются слова растениеводческой тематики: бел. норм. < бел. диал. *грушы-медуніцы* ‘сорт яблук [груш], которые пахнут мёдом’ (**Ст.**, СПЗБ); бел. норм. (*іржышча* ‘жнивье’ (**Бар.**, **Узд.**, ТСБМ, СПЗБ); бел. норм. < бел. диал. *яблыкі-дзічкі* (**Хот.**, ТСБМ, СПЗБ); бел. диал. *бярозавік* ‘березовый сок’ (**Кр.**, СГЦРБ); бел. норм. *званочак персікалісны* (**Кр.**, РСТС, из говоров юга Беларуси, рус. *колокольчик*).

Часто диалектизмы выступают стилистическими маркерами в авторских текстах: бел. норм. < бел. диал. *зухаваты* ‘бойкий, молодцеватый человек, удалец, хват’ < польск. *zuch* ‘молодчина, смельчак’ (**Кр.**, ТСБМ, СПЗБ), бел. норм. < бел. диал. *краскі* ‘цветы’ (**Ст.**, СПЗБ < Минская обл., север Беларуси), бел. норм. < бел. диал. *не стае* ‘не хватает’ (**Гор.**, РСВц), достаточно распространенным является употребление ласкового обозначения коровы *рагуля* (**Брас.**, **Щуч.**, **Узд.**, **Кр.**, СПЗБ).

Поскольку жители районных центров и деревень имеют свое подворье, то, естественно, в статьи и рекламу вводятся названия актуальных для разведения видов, пород животных и птиц: рус. *цесарята, индоутки, кролики «калифорнийцы»* и «бельгийский великан», *вьетнамские свинки, ядтерьер*, бел. *коні бельгійскай і ганюверскай парод, сабака пароды мальтэзэ*. Для описания физиологических характеристик животных используются разговорные эвфемизмы: *даўгавухія «кавалеры»* (про зайцев-самцов), *час «вяселляў» дзікіх звяроў, мама-утка, котята-мальчыкі*. То, что в региональных газетах появляются специфические названия приусадебных декоративных растений: бел. *юка крымская, алісум, мацыёла*, рус. *физалис, агератум, тагетис*, говорит о динамике в традициях растениеводства.

Описание народной культуры не обходится без названий обрядовых действий и природных явлений: бел. *залвічныя вячоркі* ‘вечер субботы Масленицы, когда приглашали сестер мужа’, бел. разг. *зямя «гуляе»* ‘наблюдаются сдвиги почвы’ (**Кр.**); рус. разг. *солнце «играет»* ‘иллюзия, создаваемая солнцем в зените в день летнего солнцестояния’ (**Жл.**), бел. диал. *бабіна каша* ‘обрядовая каша, которую бабка готовит на крестины’ (**Жл.**, СГЦРБ), бел.

уст., диал. *скаромныя дні* ‘постные, когда нельзя есть мясного и молочного’ (**Хот.**, ТСБМ, ЛП), бел. *Зажынкi* (**Хот.**), бел. *Засеўкi* (**Хот.**), бел. диал. *запускі* ‘неделя перед постом’ (**Гор.**, СПЗБ), *Змітраўскія дзяды* (**Гор.**), бел. разг. *даваць на каравай* ‘дарение на свадьбе’ (**Ст.**). Некоторые названия праздников в официальных поздравлениях варьируют от запада к востоку Беларуси: зап.: **Бар.** бел. *Каляды*, *Божае нараджэнне*, **Щуч.** бел. *Ражство*, **Брас.** бел. *Каляды* (в т. ч. *каталіцкія Каляды*), **Ст.** бел. *Ражджаство*, *Божае нараджэнне*, **Узд.** бел. *Каляды*; вост. **Кр.** рус. *Коляды*, **Жл.**, **Гор.** рус. *Рождество*, **Хот.** бел. *Ражство*.

Некоторые диалектные и разговорные слова, отмеченные в белорусских периодических изданиях, идентичны языковым единицам соседних литературных языков.

Диалектная лексика на основе русского языка чаще присутствует в публикациях в районах северо-восточных говоров: бел. диал. *купальніца еўрапейская* (**Кр.**) < рус. *купальница* (РСТС, из говоров Мстиславского района, сев.-вост. говоры, бел. норм. *пярэсна*), бел. диал. *петухі глушца* ‘самцы’, бел. норм. *пеўні* (**Брас.**, СПЗБ), бел. диал. *смародзіна* < рус. *смородина* (**Хот.**, КСУМ, бел. норм. *парэчка*), бел. разг., с.-хоз. *выпайка* < рус. *выпойка* ‘кормление телят молоком’ (**Кр.**, **Брас.**, **Узд.**, **Гор.**, СО), рус. уст. *райские куци* ‘о каком-то месте как воплощении изобилия и благополучия’, ср. болг. *къца* ‘дом’ (**Гор.**, СО, ЛП), рус. разг. *варево* ‘горячее жидкое кушанье, похлёбка’ (**Гор.**, СО), бел. *сцёрня* ‘жнивье’ < рус. *стерня* (**Гор.**, ЭСБМ, СО).

Кроме того, русский язык как доминирующий в языковом пространстве Беларуси проникает и в разговорную, и в литературную речь всех регионов. В белорусскоязычных статьях замечены русизмы: *шляпа* (**Брас.**, а не *капялюш*), *ігры клуба вясёлых і знаходлівых* (**Кр.**, а не *гульні*), *лешыя* (**Бар.**, а не *лесуны*), *касынкi* (**Узд.**, а не *хусткі*), *адпячаткі пальцаў* (**Щуч.**, а не *адбіткі*), *больш трацім* (**Хот.**, а не *страчваем*), фразеологизмы из русского языка: *стаў вялікім задзелам у масітабнай комплекснай рабоце*, *жывем у міры і згодзе*. Есть грамматические ошибки, обусловленные интерференцией: *быў зацверджан план* (а не *зацверджаны*), *патруліраванне нерасціліш ласосяў, цудоўных месц* (а не *нерасцілішчаў, месцаў*), *спяём, спяляць* (а не *заспяваем, заспяваць*). Много употреблений причастий несов. вида с суффиксами *-ем*, *-уч* (*-юч*): *найбольш ужываемых прадуктаў*, *гніючая драўніна*, *пляжы напоўніліся адпачываючымі* и сов. вида с суффиксом *-ўш-*: *памяць пра загінуўшых*. В газете г. Хотимска замечено постоянное ошибочное употребление окончания *-а* (*-я*) в Р. п. ед. ч. существительных м. р., которые обозначают вещества: *тлушча*, *алея*, *фарша* (правильно *-у* /*-ю*).

Отмечается обратный процесс включения белорусской литературной лексики в тексты на русском языке, что создает национальный и региональный колорит: католическая *капличка* (бел. *каплічка, капліца* ‘место для моления без алтаря’, польск. *kaplica*) (**Щуч.**), *поселил аиста до курей* (**Ст.**); *гусак, птах* (**Ст.**), *продала свою «батьковщину»* (в контексте — ‘родной дом’) (**Бар.**), *влюбились в жалеюку* ‘народный музыкальный инструмент’ (**Бар.**), *к домам на взгорках* (**Гор.**, бел. *узгорак*).

В текстах газет присутствует диалектная лексика, заимствованная из польского языка: бел. диал. *гавэнда* ‘группа, толпа’ < польск. *gawęda* (**Ст.**, СГЦРБ), бел. диал. и совр. *ровар* ‘велосипед’ < польск. *rower* (**Ст.**, **Бар.**, СПЗБ), бел. диал. и норм. *зэдлік* ‘небольшая низкая лавочка’ < польск. *zydel* (**Узд.**, **Гор.** СПЗБ), бел. совр. *мэсціцца* ‘находится’ < польск. *mieścić się* (**Бар.**, СПЗБ, ТС в знач. ‘вмещать в себя что-либо’), бел. диал. *ходнік* ‘половик’ < польск., чеш. *chodník* (**Щуч.**, СПЗБ), бел. диал. и норм. *укленчыць* ‘стать на колени’ < польск. *kłęzcęć* (**Щуч.**, СПЗБ), бел. совр. *улюбёны ў сваю справу* < польск. *ulubiony* ‘любимый’ (**Брас.**, **Щуч.**, СПЗБ). Большинство указанных слов под влиянием пуристических тенденций перешли в активный лексикон. Также замечена характерная в последние годы замена белорусской литературной лексики, общей с русским языком, на слова, общие с польским: *імпрэза* ‘мероприятие’ (**Бар.**) < польск. *impresa* вместо *мероприєства, кавярня* ‘кафе’ (**Бар.**) < польск. *kawiarnia* вместо *кафэ, аповед* (**Узд.**) и *расповяд* (**Ст.**) < польск. *opowiadać* вместо *расказ* ‘про что-либо’, *візітоўка* ‘визитка’ (**Гор.**) < польск. *wizytówka* (ПРС) вместо *візітка*, бел. *баталён* ‘болотная птица с тёмным оперением’ (**Бар.**) < польск. *batalion* вместо бел. и рус. *турухтан*. Сильное взаимодействие с польским языком в белорусском лексиконе происходит на территории западной и северной Беларуси. Но некоторые полонизмы употребляются и в других регионах: бел. диал. *буцян* ‘аист’ < польск. *boćian* (**Кр.**, КСУМ, СГЦРБ), бел. норм. и диал. *паляндвіца* (**Хот.**, СПЗБ < широко по тер. Беларуси).

Проникновение диалектных и нормативных лексем украинского языка отмечено в текстах газет Полесья — западного: бел. диал. *шанька* ‘корзинка’ (**Ст.**, ТС) < укр. диал. *шанька* ‘торба, сумка из ткани’ (ВТССУМ), рус., бел. диал. *оселедки* ‘селетки’ < укр. *оселедець* (ВТССУМ), рус. < бел. диал. *струг* ‘инструмент для строгания’ = укр. диал. *струг* (**Ст.**, ТС, ТСБМ, ВТССУМ) и восточного: рус. *мережа* < бел. диал. *мярэжа* ‘две ловушки, связанные общей сетью’ (**Жл.**) < укр. норм. *мережа* ‘рыболовная сеть’ (ВТССУМ). То же в газетах районов, расположенных южнее Минска: бел. диал. *гаргара* ‘что-то громадное’ (**Бар.**, ТСБМ, СГЦРБ) < укр. диал. *гаргара* ‘сварливая женщина’

(ВТССУМ); бел. диал. *галушкі* < укр. норм. *галушка* (**Хот.**, ТСБМ, ТС, из западнopolесских говоров, ВТССУМ); бел. диал. *ліса “зашылася” ў трубу* ‘спряталась’ (**Узд.**, СПЗБ, ТС) = укр. разг. *зашиватися* ‘прятавшись, забираться куда-либо’ (ВТССУМ).

Лексические единицы литовского происхождения отмечены на территории приграничного Браславского района, который относится к северо-восточным говорам: рус., бел. диал. *рэдэль* ‘воз для перевоза сена, соломы’ < лит. *rėdele* < ням. *Reddel* (**Брас.**, СПЗБ, РСВц), бел. диал. *лядашчы дом* ‘ветхий, заброшенный’ < лит. *laidyti* ‘бросать’ (**Брас.**; СГВ, СПЗБ ‘плохой’, RLŽ). Отдельные слова встречены в Брестской обл.: бел. диал. *каснік* < лит. *kāšpinas* ‘шнурок’ (**Ст.**, КСУМ, RLŽ). Отмечен термин из прибалтийского быта в близком Городоцком районе: рус. *рижка* ‘место для сушки снопов’ < рус. *рига* < латыш. *rija* (**Гор.**, СД, KLV).

В лексике, получившей широкое употребление, влияние соседних языков может переходить из южных в северные районы и наоборот: бел. норм. *качка-крыжанка* ‘рус. *кряква*’ (**Брас.**, сев.-зап., сравн. **Ст.** юго-запад. < ЛП, лексика Полесья = укр. *крижанка*); рус. *вентерь* ‘рыболовная сеть на обруче’ < бел. диал. *венцер* (**Жл.**, юго-вост., сравн. **Брас.** сев.-зап. < СПЗБ, лексика сев.-зап. Беларуси = лит. *vėnteris*); бел. диал. *сцірта* ‘стог’ (**Гор.**, сев.-вост., СПЗБ) = лит. *stirta*, сравн. рус. *скирда* < бел. диал. *скірда* (**Хот.**, юго.-вост., СПЗБ) = укр. диал. *скирта*.

Некоторые диалектные лексические единицы являются заимствованиями из других европейских языков: бел. диал. и норм. *шуфель* ‘совок, лопатка’ < ням. *Schaufel* (**Узд.**, СПЗБ, широко по тер. зап. и центр. Бел.), бел. норм. и диал. *гусцяра* ‘небольшая плоская рыба, похожая на леща’ < нем. *Güster* (через польск. *guszczoza*) (**Брас.**, **Гор.**, СПЗБ, ТСБМ), рус. *цедлик* < бел. диал. *цэтлік* ‘полоска для завязывания’ < нем. *Zettel* (**Гор.**, СПЗБ), бел. норм. и диал. *сальцісон* (**Хот.**, ТБСМ) < франц. *sautisson* ‘колбасное изделие из спресованных варенных субпродуктов’ (**Хот.**, ТСБМ), бел. совр. *спанбонд* (**Бар.**) ‘укрывной нетканый материал’ < англ. *spunbond*.

В текстах региональных СМИ наблюдается активное введение разговорной и даже жаргонной лексики, как в целях иллюстрации речи обывателей, так и для создания неформального стиля публикаций. Данная лексика больше характерна для статей на русском языке. Разговорные единицы отличаются специфическим словообразованием с суффиксами *-ик-*, *-ник-*, *-ин-иц-*: *газовики*, *фантик*, *уазик*, *коммунальники*, *авиаремонтники*, *барбекюшница*, суффиксом *-к-*: *валентинка*, *девятэтажка*, *уравниловка*, что проникает и в белорусский язык: *камунальнікі*, *астнастка*, *раздзявалка*.

На лексическом уровне разговорные, экспрессивные единицы создаются путем метафорического переноса значения слова: рус. «**расстался**» с принадлежащим ему скутером, «**прихватил**» с собой ручной пулемет, сколько нам еще «**любоваться**» на неё [дыру между 1-м и 2-м этажами]; в подвале была «**комната для гостей**» [т. е. притон]; «**курортные**» температуры [о похолодании в июле], бел. «**дзяліць**» савецкую спадчыну (в знач. *раскрады-вать*), «**вясёлая кампанія**» ‘выпившие’, «**фірменныя**» вафельныя трубочкі ‘характерные для определенного производителя’. Слова, словосочетания в ироническом смысле чаще встречаются в рубриках «криминал», «горячая линия», в интервью при передаче непосредственной речи человека.

Для региональных СМИ Беларуси характерно широкое употребление авторских метафор (чаще в русскоязычных статьях): рус. *по б специалистов-«новобранцев»* (т. е. прибывших на первое рабочее место), «**малютки-валентинки**», *бронзовый кругляш* (т. е. медаль), «**подружить**» теоретические знания и практические навыки, бел. *налятае «снегавы зарад»*, «**паляванне**» за сувенірамі. Встречено и общеполорусское шутовое название «агурковая» вёска о деревнях Столинского района, известных объемным выращиванием огурцов.

В целом отмеченную в периодической печати разговорную и сленговую лексику можно классифицировать по следующим сферам:

медицина: рус. *сохранилось на подсознательном уровне в виде «якоря», нельзя зацикливаться и «накручивать» себя, стать «овоцем»* ‘немоощным, ничего не соображающим человеком’, «**стаж**» *курильщика, моча «цвета пива»*, бел. *дыябетык, эвфемизм асаблівае дзіця*;

экономика: рус. *зарплата в конверте, а товар-то «серый»* ‘нелегальный’, *зарплату налогом получают, бумажка* ‘любой документ’, *дешевка, точка* ‘место продажи, часто нелегальное’, бел. «**жывая**» *выручка, окказионализм дзень чэкiста* ‘день зарплаты’ (Узд.);

право: рус. *сколько факторов риска «висело» над теми фигурами, предпрятие «приросло» более тремя километрами сетей, «светит» восемь лет лишения свободы*, бел. *праходка* ‘патрулирование улиц’;

компьютерная и электрическая техника: рус. «**паутина**» ‘интернет’, *готовимся к «цифре»* ‘цифровому телевидению’, «**умные**» *устройства* ‘запрограммированные’, *антивирусник, прошивка телефонов* ‘увеличение объема памяти’, *с наворотами* ‘с множеством функций’, бел. *чыталка* ‘ридер, электронная книга’; «**умные**» *устройства* ‘запрограммированные’, *глядить на «воздушной подушке»* ‘специальные отверстия в утгоге, через которые проходит пар’, *пальцы* ‘тип насадки фена’, «**пушка**» ‘устройство для распыления влаги, тепла’;

транспорт: *рулёжка* (в контексте — ‘рулежная полоса’), *иномарка*, *водитель-международник*, *горник* ‘горный велосипед’, бел. *легкавік*, «*пушка*» ‘устройство для распыления влаги, тепла’, *гусенка* или *танк* ‘гусеничный трактор’;

военная сфера: рус. *тигр*, *пантера* ‘танки’, *дымашка*, *дулет*, *вертушка* ‘вертолёт’, бел. *лятушка* ‘передвижная танково-ремонтная мастерская’ (ССРГ), *вучэбка*, *гарачая кропка*;

спорт: рус. «*Стальные волки*» *проишлись* по минской «*Юности*» «*катком*», «*Металлург*» *засел* на четвертой строчке, *на дне* турнирной таблицы, *овертайм откатали* с хорошими комбинациями, *сухарь* ‘сухой счет’, с таким же счетом была *бита* команда, бел. *крычалка*;

творчество: рус. Кулёк ‘г. е. Институт культуры, г. Минск’, *новый спектакль* нужно непременно «*обкатать*» ‘первично представить на публике’, *засветился* на телевидении, *забачать* мелодию, программа «*сырая*», с *зажигательными* ритмами;

образование: рус. *Завалили* в ГАИ? *Провалились* на сдаче теоретического экзамена, *полная «выкатка»* часов, *отработка* ‘распределение’, *нулевой студент*; бел. *мэтавікі* ‘целевики, студенты, обучающиеся по целевому направлению’.

Имеет широкое применение в текстах различной тематики и у разных возрастных групп разговорная и сленговая лексика, обозначающая предметы бытовой сферы, действия и характеристики человека: рус. *шпильки*, *кенгуру* ‘одежда для ношения младенцев’, *двушка* ‘двухкомнатная квартира’, *брутальные байкеры*, *крутая тачка*, бел. *сфоткацца*, *тусоўка*. Данная группа включает распространившийся за пределы возрастных рамок молодежный сленг: рус. *классных атак*, *чаще всего «цепляют»* события, *продвинутые* ‘о людях, технике’, с *наворотами* ‘о технике с множеством функций’, «*зарулить*» ‘зайти куда-л.’, грубую экспрессивную лексику: с *дешёвым бухлом*, *придется «на халяву»*, *догнался* ‘выпил дополнительную порцию спиртного’, *завалю* ‘убью’, *пахать*, *обуть* ‘обмануть’, бел. *гарбаціца*, «*калгаснік*», *таптун* ‘бабник’, *падшыванцы* ‘дети-хулиганы’; *Меня на рынке не единожды «обували»* (Наш край, 2014, № 51. С. 2).

Есть области деятельности, где номинации предметов и процессов, являясь по значению терминологическими, могут иметь разговорное словообразование и диалектное происхождение. Речь идет о специальной лексике из следующих сфер:

а) рыболовство: рус. *телевизор* (*маложаберный экран*) ‘кусок сетки размером примерно 1×1 м с мелкой ячейей’, рус. *верш(а)* ‘ловушка с одним глу-

хим заходом», аналогично рус. *кош* (бел. *кошык*, *кош* = рус. *корзина*), бел. *жарліца* или рус. *кружка* ‘снасть для ловли на живца’, бел. *багорык*, *браднік*, *тарпеда* ‘механическое устройство для установки сеток под лед’ (Кривицкий), *ловить подсечкой*, *методом гона*;

б) строительная терминология: рус. *штaket* ‘ограда из тонких досочек’, *вагонка* ‘обшивочная доска’, *минвата*, *шпатлёвка*, бел. *гарбыль* / рус. *горбыль* ‘боковая часть бревна, попиленная с одной стороны’;

в) сельское хозяйство: рус. *тысячник* ‘намолотивший 1000 тон зерна’, *ремонтный молодняк* ‘для замены выбывших животных и увеличения поголовья’, *подсочка* ‘нанесение порезов на дерево для добычи сока, смолы’, бел. *арганіка*, *выбракоўка нізкапрадукцыйных кароў*.

Активно используются разговорные устойчивые выражения: рус. *вбил себе в голову*, *этим людям — вообще «зелёная улица»*, *«влетает» родителям в копеечку*, *хозяйство Петковичи было в плачевном состоянии*, *можно было найти лазейку*; бел. *жыццё б’е ключом*, *ногі б стаптаў*. Часть разговорных фразеологизмов активизировалась в последние два десятилетия: *в какие деньги выливается, плюс в том, ревновал к каждому столбу*, бел. *«ліхія» дзевяностыя, разруліць сітуацыю*, *«круцяцца» грошы*. Экспрессивные словосочетания активно применяются для описания спортивных соревнований: *Нервы не выдержали даже у гродненского вратаря. Игорь Брикун «рвет и мечет»* (Новы день, 2014, № 12. С. 6).

Часто для привлечения внимания читателя используется перефразирование известных выражений, сознательное нарушение лексической сочетаемости: рус. *готовьтесь попотеть «на полную мощь»*, *лишь очисткой лесных массивов — этим машину «досыта не накормишь»*, *найти противоядие действиям соперниц*; бел. *«кіпела» ў душы цікавасць*, в том числе с помощью цитат из песен, фильмов: бел. *чакалі «зеленавокае» таксі, пагода ў доме, адкрыюць крэдыт без шуму і пылу*.

Разговорные значения слов служат для создания креативных заголовков: *Гомельщина «рулит» в Олимпийском Сочи* (Новы день, 2014, № 15. С. 5) — так в статье о водителях из Гомельской области, которые работают в Сочи, обыграны значения слова *рулить* ‘управлять автомобилем’ и разг. ‘управлять ситуацией, быть главным’ (ССРГ). В заглавии статьи о проверке технического состояния счетчиков *Прыжучылі жучкоў* (Навіны Палесся, 2014, № 18. С. 8) — сочетаются разговорный глагол *прыжучыць* ‘притеснить’ и существительное *жучкі* в значении из технического сленга ‘самодельные устройства для обхода счетчиков’.

Часто разговорная, диалектная и профессиональная лексика используется в объявлениях, видимо, для большей доступности для потенциальных кли-

ентов: колёса резиновые для рэдэля телеги; установка антивирусника; продаж: навоз-коровяк; продаж: индоутки, цесарята; продаж: вагонка, сетка-рабица.

Таким образом, в текстах современных региональных СМИ Беларуси разговорная и диалектная лексика используется для описания как народной культуры, так и современной жизни сельчан и горожан. При этом в статьи включаются узкорегиональные слова и широко употребляемая разговорная лексика, профессиональный и уличный сленг. Источником новых разговорных слов и сленга, фразеологии в основном служит русский язык. Происходит двусторонняя адаптация лексики: разговорная лексика из русского заимствуется в белорусский (*тусовка* — *тусоўка*) и, наоборот, русскоязычная речь осваивает белорусскую диалектную лексику (*дзеруны* — *деруны*). В текстах региональных газет отмечается и большое количество белорусской диалектной лексики, общей с польским языком (преимущественно на территории западной и северной Беларуси). Данная лексика вместе с рядом польских заимствований переходит в активное пользование на литературном уровне (*ровар*, *імпрэза*).

В публикациях периодических изданий различных районов Беларуси сохраняются диалектные особенности, соответствующие определенным группам говоров. Вместе с тем по совпадению лексических единиц складываются диалектные пары, близкие географически, но принадлежащие разным группам говоров: Столин — Жлобин (западное и восточное Полесье), Столин — Барановичи (Брестская обл.), Жлобин — Хотимск (соседние Гомельская и Могилевская обл.), Городок — Браслав — Щучин (северо-западная Беларусь), Барановичи — Узда (центральная Беларусь).

Литература

- ВТССУМ — Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. Київ: Ірпінь, ВТФ «Перун», 2001.
- Кривицкий — *Кривицкий А. А.* Из словаря полесских рыболовов // Страницы истории рыболовства. <http://www.histfishing.ru/> Дата доступа: 12.12.2014.
- Крывіцкі 2003 — *Крывіцкі А. А.* Дыялекталогія беларускай мовы. Мінск : Выш. шк., 2003.
- КСУМ — *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1970.
- ЛП — Лексика Полесья: материалы для полесского диалектного словаря. М.: Наука, 1968.
- ПРС — *Ковалёва Г. В.* Польско-русский и русско-польский словарь. М.: Рус. язык Медиа, 2006.
- РСБц — Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Віцебск, 2012. Ч. 1; 2014. Ч. 2.

- РСТС — Раслінны свет: Тэматычны слоўнік / В. Д. Астрэйка і інш.; Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі (рэд.). Мінск: Беларус. навука, 2001.
- СПЦРБ — Слоўнік гаворак цэнтральных рэгіёнаў Беларусі у 2 т. / Е. С. Мяцельская (рэд.). Мінск: Універсітэцкае, 1990. Т. 1. А–П.
- СД — *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка: современное написание / В. И. Даль. М.: Астрель; Тверь: АСТ, 2007.
- СО — *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений. М. Технологии, 2003.
- СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. / уклад. Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.]; рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.
- ССРГ — Словарь современного русского города / Б. И. Осипов (глав. ред.). М.: Русские словари, Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2003.
- ТС — Тураўскі слоўнік. У 5-ці тамах / А. А. Крывіцкі [і інш.]. Мінск: Навука і тэхніка, 1985. Т. 1. А–Г; Т. 4. П–Р.
- ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [у 5 т./ 6 кн.] / АН БССР, Ін-т мовазнаўства; рэд. К. К. Атраховіч (К. Крапіва). Мінск, 1977–1984.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Уклад. В. Л. Авілава [і інш.]; гал. рэд. Г. А. Цыхун. Мінск. Беларус. навука, 2006. Т. 11: Р–С.
- KLV — Krievu-Latviesu vārdnīca : ap. 40000 vārdi / A. Darbina [и др.]. – Rīga: Avots, 2004.
- RLŽ — *Lemchenas Ch., Macaitis J.* Rusų-lietuvių kalbų žodynas / Русско-литовский словарь: apie 45.000 žodžių. Vilnius: Mokslo IR Enciklopedijų Leidybos inst., 2003.

Summary

Ekaterina Shchastnaya

Dialect and colloquial lexis in regional media of Belarus

This article observes the influence of Belarusian dialects on the language of modern regional press. Nine newspapers from different areas of dialects (South-Western, North-Eastern, West-Polesian, Middle-Belarusian) were taken for analysis. The examples of national lexica from agriculture and everyday life in modern articles and advertisement are shown. Loan words from the neighboring foreign languages are also analyzed as well as the words from Belarusian and Russian slang.

Роль акцентуации в дифференциации семантики в украинском пространстве

На роль акцентуации, ее функции в языке, связь ударения с мышлением, значением слова ученые обратили внимание давно, о чем свидетельствуют афористические высказывания: «Ударение — душа речи» (Диомед); «Ударение служит одним из орудий мышления» (Грот 1889: 353); «Ударение — поистине душа слова; отнимите у слова ударение, и его не станет» (Федянина 1982: 3).

Ударение является внешним и внутренним признаком слова, «это одно из средств связывать звуки в слоги, а слоги в определенную звуковую единицу, которую называем словом. Без ударения сами звуки не способны составить отдельное слово, — оно их объединяет, до определенной нормы, а уже логическое ударение объединяет отдельные слова в предложения» (Огієнко 1952: 13).

В украинском языке и его говорах, кроме лемковского (с парокситоническим ударением), словесное ударение разноместное и подвижное. Как отмечает Р. И. Аванесов, именно разноместность «делает ударение... индивидуальным признаком каждого отдельно взятого слова», является своеобразным организатором звуковой оболочки слова «в некое законченное единство» (Аванесов 1958: 18, 39).

Особенности ударения способствуют ритмической организации речи, являются важными для *конститутивной* (образовательной, словоформирующей) функции — ударение фонетически объединяет слоги в слове, без ударения слово — набор слогов, поэтому ударение — неотъемлемая черта всего фонетического облика слова; *опознавательной* — позволяет узнать слово; *дистинктивной* (сигнификативной, дифференцирующей) — ударение служит средством различения слов, их форм и стилистических вариантов. Упомянутые функции словесного ударения свидетельствуют о том, что ударение является составным элементом, обеспечивающим *коммуникативный* процесс.

В фокусе нашего внимания — *дистинктивная* функция словесного ударения, которая обусловлена разноместностью и подвижностью украинского ударения. Наличие дифференцирующих функций ударения дает возможность сопоставить ударение с фонемой. В частности, такую параллель провели Р. И. Аванесов (Аванесов 1958: 37), М. А. Жовтобрюх (Жовтобрюх 1987: 47–48). Очевидно, что в языках или говорах с фиксированным ударением оно не может быть средством различения ни лексических, ни грамматических форм.

С помощью ударения на разных слогах у слов, одинаковых по фонемному составу, различаются значения:

1. Лексическое значение — семантическая (или смысловая) функция; ударение используется для различения семантики слов, совпадающих по звуковому составу, в различных морфологических классах, в частности¹:

а) существительных трех грамматических родов, например: м. р. *ва́лах* ‘животное’ и *валáх* ‘житель Валахии’; *го́род* ‘место каждой команды в разных массовых играх, которое обозначено линиями на земле’ и *горо́д* ‘участок земли для выращивания овощей’; *за́мір* ‘замысел’ и *замі́р* ‘измерения’; *те́рен* ‘растение’ и *тере́н* ‘местность, территория’; ж. р. *бро́ня* ‘закрепление; документ о закреплении’ и *бро́ня* ж. р. ‘защитная обшивка’; *бідно́та* ‘бедные, убогие люди’ и *бідно́та* ‘бедность’; *ві́года* ‘польза’ и *виго́да* ‘удобство, комфортабельность’; ср. р. *відкли́кання* ‘лишения полномочий’ и *відкли́кання* от гл. ‘отозвать’; *за́дувка* ‘метель’ и *заду́вка* ‘задувания’ (ВТС; ГС);

б) прилагательных, например: *відбі́рний* ‘отборный’ и *відбі́рний* ‘который отбирает’ (ВТС; ГС);

в) глаголов, например: *бу́рити* (несов. в.) ‘волновать’ и *бурі́ти* (несов. в.) ‘сверлить’; *пла́чу* (1-е л. ед. ч. от *пла́кати*) и *плачу́* (1-е л. ед. ч. от *платі́ти*) (ВТС; ГС);

г) наречий, например: *ве́рхом* ‘по верхней части, горой’ и *верхо́м* ‘на спине животного; полностью, вровень с краями или даже выше’; *ві́гідно* ‘полезно’ и *виго́дно* ‘удобно’; *за́раз* ‘за один раз’ и *за́раз* ‘немедленно’ (ВТС; ГС).

2. Грамматическое значение — грамматическая функция; с помощью ударения дифференцируются разные грамматические формы слов:

а) формы род. п. ед. ч. — им. и вин. п. мн. ч. в сущ. ж. и ср. р., например: *ба́би* (род. п. ед. ч. от *ба́ба*) и *бабі́* (им. и вин. п. мн. ч.); *мі́ста* (род. п. ед. ч. от *місто*) и *міста́* (им. и вин. п. мн. ч.); *ві́кна* (род. п. ед. ч. от *вікно́*) и *вікна́* (им. и вин. п. мн. ч.) (ВТС; ГС);

б) число сущ., например: *зві́рина* (сущ., им. п., ж. р. сборн. от *звірі*) и *зві́рина* (сущ., им. п. ед. ч., ж. р. от *один звір*) (ВТС; ГС);

в) вид гл., например: *забі́гати* (сов. в. ‘начать бегать’) и *забіга́ти* (несов. в. ‘бегать куда-нибудь’) (ВТС; ГС).

3. Лексическое и грамматическое значение — семантико-грамматическая функция. С помощью ударения различают и лексические, и грамматические значения слов, в частности:

¹ Иллюстративный материал выбран из словарей: Великий тлумачний словник української мови. Київ, 2004; Граматичний словник української літературної мови. Словозміна. Київ, 2011.

а) слов одного грамматического класса, например: сущ. *білок* (род. п. ед. ч. от *білка*) и *білók* (им. и вин. п. ед. ч. от слова, которое называет составную часть яйца или часть глаза); гл. *віганяти* (сов. в. от *вібігати* ‘выбегать’) и *віганя́ти* (несов. в. от *віганя́ти* ‘выгонять’); гл. *вікупати* (сов. в. от ‘купать’) и *вікупáти* (несов. в. от ‘купить’); гл. *засіяти* (сов. в. ‘сеять’) и *засія́ти* (несов. в. от ‘засиять’) (ВТС; ГС);

б) слов различных грамматических классов, например: *дорóга* (сущ., им. п., ед. ч.) и *дорога́* (прил. ж. р. ед. ч.); *недо́торканий* (прич. им. п. м. р. ед. ч.) ‘к которому еще не притрагивались’ и *недо́торка́нный* (прил. им. п. м. р. ед. ч.) ‘к которому нельзя притрагиваться’ (ВТС; ГС).

4. Стилистическое значение — стилистическая (или стилистически-функциональная) функция, когда с помощью словесного ударения различаются функциональные варианты:

а) литературные и разговорные, просторечие, например: лит. *добу́ток*, *промі́жок*, *фо́льга* и разг. *добуток*, *проміжок*, *фольга́*;

б) общелитературные и профессиональные, например: общелит. *зо́на* (сущ. им. п. ед. ч. ж. р. ‘район’) и проф. *зо́на* (сущ. им. п. ед. ч. ж. р. ‘болезнь злаков’ (ВТС; ГС);

в) профессионализмы различных отраслей, например: воен. *лю́фа* (сущ. им. п. ед. ч. ж. р. ‘дуло, ствол огнестрельного оружия’) и биол. *люфа́* (сущ. им. п. ед. ч. ж. р. ‘растение, род травянистых лиан семейства Тыквенные’) (ВТС; ГС);

г) сниженного и нейтрального стилей. В сниженном стиле зафиксировано употребление парокситонического ударения, например: *знайшли́ ми сі ту професóри*; *ба му тре зоши́етів?* (вместо нейтрального *професорі́, зошитів*). Такое преднамеренное употребление необычного словесного ударения придает выразительную стилистическую окраску высказыванию, способную вызвать в восприятии адресата стилистический эффект, стилистическое задание².

Отметим, что о семантической функции украинского ударения свидетельствуют акцентуированные памятники конца XVI — начала XVIII вв. (Веселовська 1970: 60), лексикографические источники XIX в., сыгравшие в свое время важную роль в создании общеукраинской литературной нормы. В частности, двухтомный «Малоруско-німецкий словарь». Е. Желеховского и С. Недельского (Львов, 1886) — первый словарь современного украинского языка, содержащий более 64 тысяч слов с немецким переводом. Он широко охватывал лексику литературных произведений и западноукраинских диа-

² Подробнее о термине «стилистическое задание» см.: <http://stylistics.academic.ru>

лектов, способствовал вытеснению из употребления двуязычия и введению в школу подавстрийской Украины фонетического правописания. «Словарь украинского языка» в 4 т. Б. Гринченко (Киев, 1907–1909) — 68 тысяч слов, на то время был наиболее полным собранием украинской лексики литературного языка XIX в. и большинства украинских диалектов, которая в нем толкуется с помощью эквивалентов русского языка.

Словоразличительная функция ударения актуальна в украинском диалектном пространстве, являясь общеукраинской. Она присуща говорам юго-восточного, юго-западного (кроме лемковских говоров с фиксированным парокситоническим ударением), полесского наречий.

Ниже приводятся примеры различения семантики слов разных грамматических классов, совпадающих по звуковому составу, но не по месту ударения, в украинских говорах:

а) существительных: *берлѳга* (*берлѳга то медвѳже логовіло*) и *берлогѳ* ‘место для ночлега домашних свиней’ (СЗГ); *бѳседа* ‘компания на свадьбе’ и *бѳседа* ‘разговор’ (СГНН); *бидл’а* ‘привереда’ и *бидл’а* ‘крупный рогатый скот’ (СЗГ); *биткѳ* ‘зеленые листья лука’ и *бѳтки* ‘игра пасхальными яйцами (испытание на прочность)’ (СЗГ); *бичѳк* ‘бык’ и *бѳчок* ‘щелчок; удар загнутым пальцем по лбу’ (СЗГ); *б’ѳл’ах* ‘зеленый плод на стеблях картофеля после цветения’ и *б’ѳл’ах* ‘перен. знач. помет зайца и лесной косули’ (СЗГ); *борѳк* ‘молодой сосняк’ и *бѳрок* ‘перекладина, к которой крепятся постромки конской упряжи’ (СЗГ); *брусѳк* уменш. к *брус* ‘обтесанное четырехгранное бревно, которое используется в строительстве’ и *брѳсок* ‘скатерть’ (СЗГ); *вѳдро* ‘подойник’ и *вадрѳ* ‘деревянное ведро у колодца с журавлем; жестяное ведро’ (СБГ); *вѳкнѳна* ‘колодец’ и *вѳкнѳна* ‘трясина, пропасть; коловорот’ (СБГ); *гѳрод* ‘ореол месяца’ и *горѳд* ‘усадебна, место для строительства дома и хозяйственных помещений’ (СБГ); *гѳрод* ‘город’ и *горѳд* ‘приусадебный участок’ (СЗГС); *грѳдѳ* ‘островок между разветвлением реки; полоса камней и песка у реки; место в реке, где плещутся волны’ и *грѳдѳ* ‘горизонтально подвешенная жердь или перекладина для одежды’ (ГГ); *гѳцул* ‘житель верховья северно-восточных Карпат’ и *гѳцул* ‘вор, преступник (рум.)’ (МСГГ); *зѳруб* ‘сруб стены дома; край леса; забор из хвороста’ и *зарѳб* ‘зарубка; метка’ (МСГГ); *комѳшнѳ* ‘обед по умершему в день похорон, поминки’ и *комѳшнѳ* ‘комары’ (МСГГ); *мадѳярка* ‘венгерка’ и *мадѳярка* ‘прозвище (украинки)’ (СЗГС); *мадѳярочка* ‘уменш. к венгерка’ и *мадѳярочка* ‘уменш. к *мадѳярка*’ (СЗГС); *наѳмѳтка* ‘ткацкий узор’ и *наѳмѳтка* ‘платок невесты’ (МСГГ); *облѳуда* ‘лицемер; негодяй; перевертень; фарисей’ и *облѳуда* ‘марево, обман’ (МСГГ); *наѳпѳрок* ‘копыто’ и *папѳрок* ‘папиросная бумага’ (Лесюк; МСГГ); *плѳтици*

‘плотва, *Luciscus rutilus*’ и *плітіци* ‘распиленное пополам бревно’ (МСГГ); *ра́нник* ‘вороний глаз, ландыш; подорожник’ и *раннік* ‘ранние груши, яблоки’ (МСГГ); *рiнник* ‘птица оляпка’ и *рiннік* ‘брус, точилка из песка’ (МСГГ); *рiска* ‘березовая ветвь; бич’ и *рiска́* ‘ряска’ (МСГГ); *самобстріл* ‘заряженное оружие для охоты на зверей’ и *самостріл* ‘болезнь поясницы (радикулит)’ (МСГГ); *сікавка* ‘прибор для поливки водой; шприц’ и *сика́вка* бот. ‘болиголов’ (МСГГ); *сімни* ‘семена’ и *сімні́* ‘семья’ (МСГГ); *у́війска* ‘завязка; чем завязывают мешок’ и *увійска* ‘вязка сена’ (МСГГ); *ту́ман* ‘очень густой туман в горах; тот, кто быстро не может чего-то понять, о чем-то догадаться’ и *тумán* ‘непрозрачное состояние воздуха из-за накопления в нем водяного пара’ (ЛАЗ, 1958: к. № 124);

б) прилагательных: *жа́дний* ‘жадный; алчный; завистливый’ и *жадні́й* ‘жаждущий; такой, которому минимального не хватает’ (СЗГС); *збі́точний* ‘озорной’ и *збито́чний* ‘жестокий, зловердный’ (МСГГ); *ко́равий* ‘засушенный; покоробленный (об обуви)’ и *ко́ра́вий* ‘непослушный, упрямый (о человеке)’ (МСГГ);

в) глаголов: *вудзо́лите* ‘выпороть’ и *вудзу́лете* ‘залить кипятком пересыпанное пеплом домотканое полотно для лучшего отбеливания’ (МСЗГ); *гу́ркати* ‘стучать’, ‘толкать’ и *гу́рка́ти* ‘дойти овцу, козу’ (ГГ); *до́тига́тися* ‘дотянуться; привлекаться к ответственности’ и *до́тига́тися* ‘доработаться до нежелательного результата, волоча, таская что-нибудь’ (СЗГС); *дри́мба́ти* ‘играть на *дри́мбе*’ и *дри́мба́ти* ‘совершать половой акт’ (МСГГ); *зла́годити* ‘смастерить; починить, поправить’ и *зла́годити* їсти ‘сварить, приготовить пищу’ (МСГГ); *кре́мсати* ‘неровно резать, разрезать’ и *кремсáти* ‘бить’ (СБГ); *мерві́ти* ‘дремать’ и *ме́рвіти* ‘гнить, терять кормовые качества’ (СБГ); *мылі́ти* ‘ошибаться’ и *мылі́ти* ‘намыливать кого-нибудь или что-нибудь’ (СЗГС); *мылі́тися* ‘ошибаться’ и *мылі́тися* ‘намылиться’ (СЗГС); *шоло́пати* ‘копать, рыть’ и *шолопа́ти* ‘щекотать, раздражать’ (МСГГ).

Семантико-грамматическая функция — с помощью ударения дифференцируется и лексическое, и грамматическое значение:

а) слов одного грамматического класса, в частности:

– форма сущ. род. п. ед. ч. и формы им. и вин. п. мн. ч., напр.: *воло́шк’и* (род. п. ед. ч. от *воло́шка* ‘румынка, молдаванка; порода кур; груша’) и *волошк’и́* (им. и вин. п., pl. t. ‘василек, *Centaurea cyanus*’) (МСГГ); *ди́чк’и* (род. п. ед. ч. от *ди́чка* ‘дикое фруктовое дерево’) и *дичк’и́* (им. и вин. п., pl. t. ‘лесные фрукты’) (МСГГ); *лі́шк’и* (род. п. ед. ч. от *лі́шка* ‘ложка; остаток’) и *лишк’и́* (им. и вин. п., pl. t. ‘клевер ползучий’) (МСГГ); *лопа́тк’и* (род. п. ед. ч. от *лопа́тка* ‘малая лопата; деталь мельницы, ступы и т. п.’) и *лопатк’и́* (им. и

вин. п., pl. t. ‘стручковая ранняя фасоль’) (МСГГ); *опáри* (род. п. ед. ч. от *опáра* ‘боль в пальцах от мороза’) и *опари* (им. и вин. п. мн., pl. t. ‘испарения’) (МСГГ); *паті́к’у* (род. п. ед. ч. от *паті́ка* ‘аптека’) и *пати́к’у́* (им. и вин. п., pl. t. ‘обломки дров; палки’) (МСГГ); *полони́нк’у* (род. п. ед. ч. от *полони́нка* ‘маленькая полонина’) и *полонинк’у́* (им. и вин. п. мн. ч., ‘полонинские частушки (обрядовые песни)’) (МСГГ); *сі́лінк’у* (род. п. ед. ч. от *сі́лінка* ‘вереница; шнурок для нанизывания’) и *силінк’у́* (им. и вин. п., pl. t. ‘нанизанные грибы, ягоды, бусинки, украшения’) (МСГГ); *ха́щи* (род. п. ед. ч. от *ха́щ’у* ‘лес; окраина леса; кустарник; хворост’) и *хащі́* (им. и вин. п., pl. t. ‘лесные вырубки; пастбища’) (МСГГ); *кату́ні* (род. п., ед. ч. от *катуна́* ‘воин; солдат’) и *кату́ни* (им. п., pl. t. от ‘армия’) (МСГГ);

– форму род. п. ед. ч. и форму им. п. ед. ч., напр.: *драч’у́* (род. п. ед. ч. от *драч* ‘пила для пиления досок’) и *дра́ч’у* (им. п. ед. ч. от ‘вымогательство; высокие налоги’) (МСГГ); *облуда* (род. п., ед. ч. от *облуд* ‘место, где можно заблудиться’) и *облу́да* (им. п. ед. ч. от ‘лицемер; негодяй; оборотень; фарисей’ и *облудá* ‘mareво, обман’ (МСГГ);

– вид гл., например: *заклі́кати* (сов. в.) ‘пригласить, позвать’ и *заклика́ти* (несов. в.) ‘призвать в армию’ (МСГГ); *збі́гати* (сов. в.) ‘навестить кого-либо’ и *збіга́ти* (несов. в.) ‘выкопать; выливаться (о молоке, супе)’ (МСГГ); сов. в. *пересі́нати* (хату) ‘развалить; перестроить’ и несов. в. *пересина́ти* ‘переливать’ (МСГГ); *пітсина́ти* ‘заливать; лить под что-либо; подбрасывать чары, очаровывать’ и *пітсі́нати* ‘обрабатывать картофель, кукурузу, овощи’ (МСГГ);

б) слов разных грамматических классов: нареч. *ве́дро* ‘солнечно’ и сущ. *ведро́* ‘ведро’ (ССП); нареч. *гама́н* ‘много’ и сущ. *гаман* ‘дурак’ (СБГ); местоим. *жа́дний* ‘ни один, никто; скупой, ненасытный’ и прилаг. *жадні́й* ‘с ностальгическим стремлением к чему-нибудь’ (СБГ); нареч. *зя́бка* ‘холодно-вато’ и сущ. *зя́бка* ‘мерзляк’ (СЗГС); гл. *кара́кати* ‘квакать’ и сущ. *карака́ти* ‘ботинки; старые сапоги, от которых отрезали хляпы’ (СБГ); сущ. *са́ма* ‘сознание; мысль; внимание’ и местоим. *самá* (МСГГ); сущ. *пала́пкан’у* (отглагол. сущ. от *талапкати*) и причаст. *палапкан’у* ‘женщина, которая талапкает’ (МСГГ); сущ. *уте́чи* ‘бегство’ и гл. *уте́чи* ‘убежать; выбежать’ (МСГГ); сущ. *ма́рот* ‘третий календарный месяц года, март’ и прилаг. *маро́т* ‘раненый’ (СБГ).

В то же время с помощью словесного ударения дифференцируется возрастная характеристика диалектоносителей. Так, представители старшего поколения юго-зап. наречия произносят *зоше́ти*, *пітане́*, а представители младшего поколения — *зоши́ти*, *піта́ння*. Территориальные варианты — юго-зап.

кажу, люблю, моего, в мене, до себе, а юго-вост. *кажу́, люблю́, моего́, в менé, до себé*. Подчеркнем, что незнание диалектной системы, в частности акцентной, может привести к недоразумению в беседе. Например, диалектоносите́ль юго-зап. наречия: *Па́не шо́фер, підвезіть ні, я вам заплáчу* (вместо литерат. *заплачу́* — от *заплатіти*; а форма *заплáчу* — от *запла́кати*).

Отметим, что дифференцирующая функция ударения проявляется и между двумя системами — литературной и диалектной, что свидетельствует о функционировании литературно-диалектных омографов. Например, лит. *горо́дина* ‘овощи’ — диал.³ *городі́на* ‘забор’; лит. *о́птика* ‘раздел физики, изучающий свет, его свойства и законы; приборы, инструменты, изготовленные на основе законов отражения и преломления света’ — диал. *опті́ка* ‘аптека’; лит. *підмет* ‘главный член предложения’ — диал. *підме́т* ‘цветник; подметание’; лит. *пра́вила* (им. п. мн. ч. от *пра́вило*) ‘положение, которым передается какая-то закономерность, постоянное соотношение определенных явлений’ — диал. *прави́ла* ‘перила, поручни’; лит. *рома́н* ‘большое по объему и сложное по построению прозаическое произведение художественной литературы; любовные отношения между мужчиной и женщиной’ — диал. *ро́ман* ‘румын’; лит. *сковорода́* ‘сковорода’ — диал. *сковорóда* ‘борона; диски’.

Таким образом, словоразличительная функция ударения в украинском языке представлена многочисленными примерами разных морфологических классов слов, но в украинской учебной литературе она иллюстрируется ограниченным количеством примеров (в основном приводят примеры *му́ка* — *мука́, замо́к* — *замо́к*), что создает впечатление о их незначительном количестве и нерегулярном функционировании. В украинском языкознании эта тема системно не исследована; она нашла отражение в исследованиях В. М. Винницкого на материале украинского литературного языка (Винницький 1984), Г. С. Кобирилки — на диалектном материале (Кобирилка 2010: 21–23). Омография находит отражение в лексикографических трудах, но отдельного словаря, где была бы представлена лексика по сходству формы, к сожалению, нет.

Из вышеупомянутого следует, что в украинской лингвистике актуальным является создание словарей омографов: на материале украинского литературного, диалектного языка, а в дальнейшем — словаря междиалектных омографов и словаря литературно-диалектных омографов.

Словари омографов проиллюстрируют дифференцирующую функцию ударения в украинском пространстве, подчеркнут его значительную роль в выражении мысли, ведь ударение способствует обеспечению одной из основ-

³ Диалектный материал иллюстрируем по источникам гуцульского говора.

них функцій мови — комунікативної. С допомогою словесного ударення відкриваються нові межі слова, його смислові значення. Неправильно поставлене ударення може бути причиною неясності висловлювання як в усній, так і в письмій формі; а також зміна місця ударення може повністю розрушити слово.

Таким чином, з допомогою ударення, не вдаючись в детальні описання, лаконічно можна висловити думку, створити стилістичний образ, надати слову (або висловлюванню) експресивну окраску, визначити територіальну належність.

Література

- Аванесов 1958 — *Аванесов Р. И.* Ударение в современном русском литературном языке. М., 1958.
- Веселовська 1970 — *Веселовська З. М.* Наголос у східнослов'янських мовах початкової доби формування російської, української та білоруської націй (кінець XVI — початок XVIII століть). Харків, 1970.
- Винницький 1984 — *Винницький В. М.* Наголос у сучасній українській мові. Київ, 1984.
- ВТС — Великий тлумачний словник сучасної української мови. Київ; Ірпінь, 2004.
- ГГ — Гуцульські говірки. Короткий словник. Львів, 1997.
- Грінченко — *Грінченко Б.* Словарь української мови. В чотирьох томах. Київ, 1996. Т. 1.
- Грот 1889 — *Грот Я. К.* Труды Я. К. Грота. II. Филологические разыскания. (1852–1892). Санкт-Петербург, 1899.
- ГС — Граматичний словник української літературної мови. Словозміна. Київ, 2011.
- Желехівський 1886 — *Желеховский С., Недільский С.* Малорусско-німецкий словарь. Львів, 1886.
- Жовтобрюх 1984 — *Жовтобрюх М. А.* Українська літературна мова. Київ, 1984.
- Кобиринка 2006 — *Кобиринка Г. С.* Наголос у системі формотворення // Лінгвістичні студії. Черкаси, 2006. С. 183–188.
- Кобиринка 2010 — *Кобиринка Г. С.* Лексико-семантична функція українського наголосу // Наукові записки НаУКМА. Серія філолог. науки. Київ, 2010. Т. III. С. 21–23.
- ЛАЗ — *Дзензелівський Й. О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР: Лексика. Ужгород, 1958. Ч. 1; 1960. Ч. 2; 1993. Ч. 3.
- Лесюк — *Лесюк М.* Мовний світ сучасного галицького села. Івано-Франківськ, 2008.
- МСГ — *Піпаш Ю., Галас Б.* Матеріали до словника гуцульських говірок. Косівська Поляна і Росішка Рахівського району Закарпатської області. Ужгород, 2005.
- МСЗГ — *Корзюк М. М.* Матеріали до словника західноволинських говірок // Українська діалектна лексика. Київ, 1987. С. 62–267.
- Огієнко 1952 — *Митрополит Іларіон.* Український літературний наголос. Вінніпег, 1952.
- СБГ — Словник буковинських говірок. Чернівці, 2005.

- СГНН — Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Т. 1–4. Запоріжжя, 1992.
- СЗГ — Аркушин Л. Г. Словник західнополіських говірок. У 2-х т. Луцьк, 2000.
- СЗГС — Сабадош І. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.
- ССП — Сизько А. Т. Словник діалектної лексики говірок сіл південно-східної Полтавщини. Дніпропетровськ, 1990.
- Федянина 1982 — Федянина Н. А. Ударение в современном русском языке. М., 1982.

Summary

Halyna Kobyrynka

The accent in differentiation of semantic in the Ukrainian areas

The paper is an attempt to objectivize the knowledge about stress in Ukrainian language. Effect of lexical-semantic function of accent is analyzed in Ukrainian dialects. As a result of researching is conclusion that word semantic differentiation by accent is all-Ukrainian lingual phenomenon, because accent is a mean of word-semantic expression in dialects of Nord, South-West and South-East dialect areas, however with the exception of Lemko dialect, which has invariable accent on the second last syllable.

Значение факторов лексикализации и грамматикализации для формирования систем вокализма в южнорусских говорах*

0. Одной из важнейших и до конца не решенных проблем изучения южнорусских говоров является вопрос о причинах возникновения и развития различных систем вокализма 1-го предупредного слога. Обобщение данных различных диалектных систем предупредного вокализма приводит к мысли, что существуют универсальные факторы их изменения и развития, которые можно разделить на три основных типа: 1) фонетические, 2) фонологические, 3) грамматические и лексические.

К грамматическим факторам относятся особенности звукового оформления различных форм существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, к лексическим — специфика произношения отдельных слов, имеющих постоянный ударный гласный основы. Эти факторы играют важную роль при формировании щигровского типа диссимилятивного яканья; кроме того, тенденции к выравниванию звукового оформления парадигмы или к закреплению гласного основы слова действуют при дмитриевской и суджанской разновидностях диссимилятивного яканья.

Как доказала К. Ф. Захарова (1970; 1971), эти типы вокализма развиваются на базе обоянского архаического яканья в результате утраты в соответствующем говоре семифонемной системы ударного вокализма. Таким образом, характерной особенностью щигровской, дмитриевской и суджанской разновидностей диссимилятивного яканья является их наличие в говорах с пятью гласными фонемами. То есть частичное или полное различие звукотипов [и] — не-[и] перед этимологическими гласными верхне-среднего и среднего подъемов сохраняется при отсутствии реального фонологического противопоставления фонем /ѣ/ ~ /е/, /ω/ ~ /о/, а выбор определенного звукотипа в этой позиции регламентирован произносительными особенностями конкретных слов и грамматических форм.

Зачастую разделение обоянской и щигровской, дмитриевской и суджанской моделей предупредного вокализма проводится условно — в зависимости от количества грамматических категорий и отдельных слов, в которых отмечается варьирование гласных [а] или [и]: с[’и]дѣй или с[’а]дѣй (м. р.), б[’и]гѣм

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00378а.

или б[ʼа]гѡм, в с[ʼа]лѣ или в с[ʼи]лѣ, з[ʼа]млѣй или з[ʼи]млѣй, н[ʼа]вѣста или н[ʼи]вѣста и т. д., см. (Захарова 1970: 17–20).

1. Щигровский тип. Впервые щигровская разновидность яканья была отмечена Н. Н. Дурново в некоторых населенных пунктах Курской, Воронежской и Тульской губерний и получила название по одному из районов фиксации (Дурново 1917а: 105–118). Однако Н. Н. Дурново не был уверен в реальном существовании этого типа вокализма, что обуславливалось скудостью, непоказательностью приведенного исследователем материала; эти сомнения были настолько сильны, что во втором выпуске «Диалектологических разысканий» щигровское яканье не упоминается вовсе (Дурново 1917б). Несколько позднее А. М. Селищев подтвердил наличие компактного ареала этой вокалической модели в Щигровском уезде Курской губернии и в Ливенском уезде Орловской губернии (Селищев 1968: 410).

Структурные закономерности и территориальные особенности щигровского диссимильативного яканья подробно описаны в работах К. Ф. Захаровой (Захарова 1970: 17–20; 1971: 7–11), построенных на материалах Диалектологического атласа русского языка. По данным ДАРЯ, эта модель предупредного вокализма распространена на восточной периферии ареала суджанского яканья и фиксируется в восточных районах Орловской и Белгородской областей, а также в западных районах Воронежской обл. (ДАРЯ 1986: карта 8)¹; диалектных систем, «в которых отмечается щигровский тип, немного, и они не занимают сплошной территории <...>» (Захарова 1971: 7).

Как известно, щигровское диссимильативное яканье предполагает произношение [и] перед ударными /е/ (из *е и *ѣ), /о/ и /а/, в остальных позициях, в том числе и перед /е/ (из *ѣ), употребляется гласный [а]: д[ʼи]мѣй, б[ʼи]рѣза, с[ʼи]стрá, но л[ʼа]скѣй, с[ʼа]стрѣй, с[ʼа]стрѣу, с[ʼа]стрѣй, с[ʼа]лѡ, с[ʼа]лѡм, с[ʼа]стрѣ, в с[ʼа]лѣ. Однако этот тип вокализма довольно редко бывает представлен в хрестоматийном виде: в конкретных диалектных системах он «имеет разное количество словоформ, произносящихся с а и с и перед ударным о из ѣ» (Захарова 1971: 8).

Наибольшее количество отступлений от щигровского яканья, выявляющих архаическую основу системы вокализма, обнаруживают говоры Белгородской обл., что зачастую позволяет классифицировать подобную модель как переходную обоянско-щигровскую. Так, в говоре с. Присынок Губкинского р-на отмечены следующие примеры (материал приведен по [Корпечкова 2010: 146–147; Савинов 2002: 266]):

¹ Этот тип вокализма также отмечается на севере Ростовской обл.

Перед /а/, /е/ (из *е и *ь), /о/: с[ʲи]с^тра́, св[ʲи]к^ра́ми, дв[ʲи]р^ями, сл[ʲи]-п^яя, ст^р[ʲи]в^ать, в[ʲи]з^ала, про^д[ʲи]р^жа́ла, н[ʲи]к^ла́, н[ʲи]л^ьз^я, [йи]г^нятка-ми, т[ʲи]л^яты, з[ʲи]м^ля́, с[ʲи]м^ья́, в[ʲи]т^ря́га, т^р[ʲи]т^ья́к, н[ʲи]т^на́дцати, б[ʲи]з^па́мяти, б[ʲи]з^ма́тери, чер[ʲи]з^гра́бли, н[ʲи]ба́йковая, н[ʲи]ста́ла, н[ʲи]на́до, н[ʲи]да́л, н[ʲи]на́йдеши, н[ʲи]ля́жешь, н[ʲи]с^яд^ють, н[ʲи]п^ря́ла; в[ʲи]ч^ер^ить, д[ʲи]р^ев^ня́, дер[ʲи]в^енскому, н[ʲи]бе́сная, т[ʲи]п^ерь, с[ʲи]м^ейство, н[ʲи]те́лечку, под[ʲи]ше́влело, К^р[ʲи]ще́нья, пл[ʲи]те́шь, прин[ʲи]се́шь, ст^ер[ʲи]ге́шь; п^р[ʲи]де́шь, прин[ʲи]се́, б[ʲи]ре́тся, соб[ʲи]ре́мся, д[ʲи]те́й, в[ʲи]ще́й, ст[ʲи]ре́чь; н[ʲа]г^ребовала (г^ребовать 'брезгать'), н[ʲа]л^эла, б[ʲа]з^пе́нсии; С[ʲи]ре́жка, л[ʲи]п^ешку, з[ʲи]л^еный, с[ʲи]ре́дке, вп[ʲи]ре́д, в[ʲи]ре́вки, коч[ʲи]ре́жка, в[ʲи]до́рок, м[ʲи]те́лку, ч[ʲи]т^ве́ртого, р[ʲи]бе́ночка, жер[ʲи]бе́ночка, тл[ʲи]те́ные; Кис[ʲа]л^ев, з[ʲа]м^лей, н[ʲа]не́к, за пл[ʲа]чо́, пер[ʲа]с^чёт, б[ʲа]з^пе́тки, н[ʲа]ше́л, пер[ʲа]д^све́тром, чер[ʲа]з^че́рный.

Перед /и/, /у/, /е/ (из *ѣ), /о/: д[ʲа]т^ьми́, вет^р[ʲа]к^и, по[йа]с^ки́, н[ʲа]н^ьк^и, м[ʲа]ш^ки́, т[ʲа]л^илась, н[ʲа]к^ли́, нап^р[ʲа]ди́, зл[ʲа]ди́, дв^е[ʲа]т^и, т^р[ʲа]п^ич^ни-ки, [йа]д^ы, цв[ʲа]т^ы, с[ʲа]т^ры́, шерст[ʲа]н^ые, звен[йа]в^ые, ч[ʲа]т^ыре; ч[ʲи]-т^ырна́дцать, н[ʲа]п^ри́мутъ, н[ʲа]м^ило, н[ʲа]в^ижу, пер[ʲа]б^или, н[ʲа]с^ып^лу, н[ʲа]ды́шим, пер[ʲа]р^ыбу, б[ʲа]з^мы́льца; т[ʲа]п^лу́шки, л[ʲа]з^ушки, зв[ʲа]з^оу́, с[ʲа]ст^ру́, [йа]м^у, в[ʲа]к^у, с[ʲа]л^у, заб[ʲа]р^уть, отп^р[ʲа]д^уть, прин[ʲа]с^уть, подм[ʲа]ш^у, руб[ʲа]л^о, кин[ʲа]ч^у, нал[ʲа]п^ло́, см[ʲа]ю́ться, б[ʲа]з^муж^а, н[ʲа]х^уже, н[ʲа]ч^ю, н[ʲа]п^ьо́тъ, б[ʲа]з^юбки; н[ʲа]в^ест^ки, н[ʲа]де́лю, н[ʲа]в^есту, Ал[ʲа]кс^ея́ми, т[ʲа]р^пе́тъ, бл[ʲа]ст^ели, л[ʲа]те́ли, пот[ʲа]м^не́л, в сент[ʲа]б^ре́, зв[ʲа]не́, вес[ʲа]л^ей, ч[ʲа]ст^не́й, поб[ʲа]л^ей, н[ʲа]ре́залась, н[ʲа]де́вочка, н[ʲа]э́здила, н[ʲа]в^ерь, н[ʲа]с^ье́ла, тир[ʲа]м^енки, пер[ʲа]ре́зала, б[ʲа]з^хл^еба, че-р[ʲа]з^лес; пом[ʲа]л^о, с[ʲа]л^о, ст[ʲа]к^ло́, в[ʲа]др^о, р[ʲа]д^но́, с[ʲа]д^ло́, з[ʲа]р^но́, ч[ʲа]с^ов, цв[ʲа]т^ко́в, р[ʲа]д^ов, с[ʲа]ст^ро́й, П[ʲа]т^ро́ва, Бел[ʲа]к^ова, зень-[йа]в^ой (ж.р.), сн[ʲа]с^ло́; с[ʲи]л^о, с[ʲи]д^ьмо́й (ж.р.), с[ʲи]д^ьмо́м; н[ʲа]п^омню, н[ʲа]х^оч^уть, чер[ʲа]з^поло́; св[ʲа]к^ро́вьа, н[ʲа]ш^ко́м, в[ʲа]р^хо́м, д[ʲа]до́к, сн[ʲа]ж^ок, вет[ʲа]р^ок, р[ʲа]до́чек, б[ʲа]л^ок, м[ʲа]ш^ок, б[ʲа]л^ко́м, м[ʲа]ш^ко́м, м[ʲа]д^ко́м, рем[ʲа]ш^ко́м, цв[ʲа]т^очка^{ми}, з[ʲа]р^но́м, [йа]й^цо́м, с[ʲа]р^по́м, глухо-н[ʲа]м^ой, н[ʲа]м^ой, шерст[ʲа]н^ой, сл[ʲа]п^ой (м.р.), [йа]г^о, ч[ʲа]г^о, вс[ʲа]г^о; св[ʲи]к^ро́вьина, св[ʲи]к^ро́вью, св[ʲи]к^оль^ные, б[ʲи]г^ом, н[ʲи]с^ок, м[ʲи]ш^ок, б[ʲи]-л^ок, д[ʲи]до́к, б[ʲи]л^ко́м, цв[ʲи]т^очках, [йи]г^о, ч[ʲи]г^о, ни^ч[ʲи]г^о, вос[ʲи]м^ь-с^от, н[ʲи]т^ьс^от, нар[ʲи]ж^енная, т[ʲи]ж^ель^ы; н[ʲа]к^ончила, н[ʲа]т^ро́нута, н[ʲа]р^од^ный, пер[ʲа]с^охли, пер[ʲа]д^бо́гом, чер[ʲа]з^поло́, чер[ʲа]з^го́д.

Представленные данные свидетельствуют о стабильном различении в местной диалектной системе звукотипов [и] — не-[и] перед /е/ разного происхождения. В звукозаписях, сделанных в 2000 и 2008 гг., исключений в этой

позиции не отмечено, однако в рукописных материалах ДАРЯ зафиксированы формы *m'at'ét'*, *s't'ur'au'ésh* (Юг-448), что свидетельствует о возможности обобщения гласного основы в глаголах: *m[ʰa]méť, sterp[ʰa]géish* (как *m[ʰa]jú, sterp[ʰa]zú*).

Перед /ʰo/ также довольно последовательно произносится гласный [и]: *S[ʰi]rějška, l[ʰi]nėšku, z[ʰi]lėnýj* и т. д. Звук [а] в этой позиции появляется только перед таким /ʰo/, который находится в некоторых суффиксах и флексиях и ассоциируется с исконной фонемой /o/: *Kis[ʰa]lėv, z[ʰa]mlėj, za ml[ʰa]čó*. Очевидно, что эту особенность шигровский тип вокализма унаследовал от своего прототипа — архаического яканья обоянской разновидности. Проявлением архаической диссимилятивной основы следует признать и непоследовательность произношения гласных 1-го предударного слога перед фонемой /o/, восходящей к *ъ. Гласный [а] наиболее последовательно произносится в И. п. ед. ч. м. р. прилагательных: *n[ʰa]mój, šerst[ʰa]noj, sl[ʰa]noj*, а также в Т. п. ед. ч. существительных II склонения (за исключением примеров, имеющих в И. п. финаль -ок): *[йа]jčóm, z[ʰa]rnom, s[ʰa]rnom*.

В остальных формах перед фонемой /o/, восходящей к *ъ, характерно свободное варьирование гласных. Можно отметить, что гласный [а] преобладает в наречиях типа *v[ʰa]rxóm, n[ʰa]šukóm, b[ʰa]góm* (но *b[ʰi]góm*), а также в И. и Т. п. существительных с суффиксом -ок: *sn[ʰa]žók, rem[ʰa]šók, vet[ʰa]-rók, m[ʰa]đók, rem[ʰa]šukóm* (но *đ[ʰi]đók, čv[ʰi]tókčax* — у старшей группы информантов).

Звук [и] наиболее последовательно произносится, во-первых, в И. и Т. п. ед. ч. существительных с финалью (не суффиксом!) -ок: *n[ʰi]sók, m[ʰi]šók, n[ʰi]skóm, m[ʰi]šukóm*, во-вторых, в форме Р. п. местоимений типа *ego*²: *[йи]-gó, č[ʰi]gó, nič[ʰi]gó* (но *č[ʰa]gó, vs[ʰa]gó* — у младшей группы информантов), в-третьих, в формах И. и В. п. числительных типа *пятьсót*: *n[ʰi]ťсьót, vos[ʰi]ťсьót*³, в-четвертых, в словах различных частей речи с постоянным ударением на основе *sv[ʰi]króвью, sv[ʰi]kóльные*.

В последних трех группах примеров стабильное сохранение [и] перед /o/ характеризует речь представителей старшей возрастной группы. Так, у информантов 1900–1910-х гг. рождения в соответствующих словах и их формах фиксируется только гласный [и], тогда как в речи информантов 1920–

² В этой форме звук [o] восходит к *o, появившемуся в южнорусских говорах на месте исконного *ω под влиянием морфологических факторов, подробнее см. [Савинов 2002: 268].

³ В остальных падежах эти числительные характеризуются изменением слоговой структуры: *пятьсót* — *пятисót, пятистám* и т. д.

1930-х гг. рождения возможен также гласный [а]. По данным Е. В. Корпечковой, произношение *св[ʼа]крóвь*я sporадически отмечается лишь в речи одной женщины 1937 г. р. — самого молодого информанта из обследованной группы (Корпечкова 2010: 149).

Еще более отчетливо тенденция к постепенному распространению [а] перед фонемой /о/ проявляется при сравнении аудиозаписей 2000 и 2008 годов с материалами ДАРЯ. Данные, собранные в начале 1950-х годов, свидетельствуют о том, что еще в середине XX века перед фонемой /о/ (из *ь), как правило, произносился гласный [и]: *п'ишкóм, к'ип'итóк, м'ишóк, в'идрóм, за р'иднóм, с'идóй стар'и́к, сл'ипóй, п'ищóт*, но также *кэт'алóк*. Переход от обоянского диссимилятивного яканья к шигровскому был обусловлен изменениями, происходившими с системой ударного вокализма: утратой корреляции /ѣ/ ~ /е/, /ѡ/ ~ /о/, которая должна была произойти незадолго до первой фиксации говора в середине 1950-х годов. Видимо, на относительно позднее совпадение фонем /ѡ/ и /о/ указывает наличие в местной диалектной системе особого звукотипа [ѡ] в соответствии с фонемой /о/ после согласного [γ], что характерно для представителей старшей возрастной группы. Как известно, в некоторых южнорусских говорах особые реализации фонемы /о/ обычно сохраняются дольше, чем соответствующие реализации фонемы /ѡ/; см. подробнее (Савинов 2002: 262).

Возможно, в позиции перед /о/ (независимо от происхождения) формируется новая тенденция: произношение звукотипа [и] в позиции перед мягкими согласными, о чем могут свидетельствовать формы числительного *сeдьмóй*, где [и] последовательно произносится перед /о/ из *ѡ: *с[ʼи]дьмóй* (ж. р.), *с[ʼи]дьмóм*. Как мягкие воздействуют на гласный 1-го предударного слога и отвердевшие шипящие: *нар[ʼи]жённая, т[ʼи]жёлый, д[ʼи]шёвые*. Однако действие этой тенденции ограничено описанными выше случаями параллелизма между твердой и мягкой разновидностями основы (типа *Кис[ʼа]лёв, з[ʼа]млёй*, а также *сн[ʼа]жóк, п[ʼа]нёк* — под влиянием *д[ʼа]дóк, л[ʼа]сóк*).

Особую систему в говоре представляют префиксы, предлоги и частицы, находящиеся в позиции 1-го предударного слога: гласный [и] произносится только перед фонемой /а/, а гласный [а] — во всех остальных позициях (включая позиции перед /о/ и /е/ из *е и *ь), то есть в проклитиках отмечается жидринская модель диссимилятивного яканья: *б[ʼи]з пáмяти, б[ʼи]з мáтери, чер[ʼи]з грáбли, н[ʼи] бáйковая, н[ʼи] стáла, н[ʼи] нáдо, но н[ʼа] вíжу, пер[ʼа]бíли, н[ʼа] сýплу, н[ʼа] дýшим, б[ʼа]з мýжа; н[ʼа] хýже, н[ʼа] чýю; н[ʼа] пóмню, н[ʼа] хóчуть, чер[ʼа]з пóлог; н[ʼа] кóнчила, н[ʼа]рóдный, пер[ʼа]-сóхли, пер[ʼа]д бóгом, чер[ʼа]з пóле; н[ʼа] рéзалась, н[ʼа] дéвочка, н[ʼа] éздила;*

н[ʔа] *грéбала*, н[ʔа] *лэзла*; пер[ʔа]счёт, б[ʔа]з тётки, н[ʔа] шёл, пер[ʔа]д свё-
ром, чер[ʔа]з чёрный.

Впервые на эту характерную особенность, присущую щигровскому дис-
симилятивному яканию, указал А. М. Селищев. Появление подобных приме-
ров произношения ученый объясняет влиянием аналогии: «Отметим прежде
всего префиксы и предлоги с гласным *е* (*пере-*, *без-*, *через-*): находясь непо-
средственно перед ударяемым слогом, они нередко представляют гласный *'а*
вместо *и* (перед удар. слогом с *е*, *'о*), по сходству с тем положением, когда за
этим префиксами следовал слог с удар. *у*, *о*, *ы*, *ѣ*, *и*: *пир'ам'от*, *пир'ан'ос*,
пир'ат'ор; *чир'асвэрх* (= верхом), *чир'ашишэју* (= через шею), *чир'аз-б'орда*,
б'аз-дэн'ах, *б'аздэннижнај*. Но перед слогом с удар. *а* (после мягкого и твер-
дого согласного) — результат диссимилятивного яканья *и*: *пирин'ат'*, *пири-
дат'*, *пиришла́*, *пирис'аду*, *чириз-ја́му*, *чиризла́вку*, *бисна́лај* (= без пальцев),
биз ма́тири, *биз ба́би*» (Селищев 1968: 419).

С. И. Котков сомневался в том, что гласный [а] перед ударными /е/ и /о/
распространился в результате «унификации огласовки проклитик». По его
мнению, появление [а] в префиксе *пере-* и предлоге *через* связано с былой
твердостью согласного [р] (Котков 1951: 63–64). Однако эта гипотеза не объ-
ясняет появление [а] в остальных предлогах, приставках и частицах, в част-
ности *без* и *не*.

Как известно, проклитики, находящиеся в позиции 1-го предударного слога,
могут свободно употребляться перед различными ударными гласными (Дур-
ново 1917а: 75)⁴; здесь отсутствуют условия для лексикализации и граммати-
кализации звукотипов [и] и не-[и], что свойственно системе щигровского дис-
симилятивного яканья. Иначе говоря, выбор гласного в предлогах, приставках
и частицах, оказывающихся в 1-м предударном слоге, должен подчиняться
продуктивной произносительной модели, как и в положении после твердых
согласных. Именно поэтому в местном говоре распределение гласных в про-
клитиках (жиздринское диссимилятивное яканье) отличается от типа предудар-
ного вокализма после мягких согласных, характерного для значимых слов (щиг-
ровское диссимилятивное яканье), но полностью соответствует вокалической
модели после твердых согласных (жиздринское диссимилятивное аканье).

Наименьшее количество исключений из щигровского типа яканья отме-
чается в говорах Воронежской и Ростовской областей. Так, в говорах хуто-
ров Морозовский, Казанская-Лопатино, Рубеженский и Пухляковский Верх-

⁴ За исключением единичных примеров типа *небось*, где отрицание *не-* выделяется
только этимологически.

недонского р-на Ростовской обл. отмечены следующие примеры (материал приведен обобщенно по всем четырем пунктам):

Перед /а/, /е/ (из *е и *ь), /о/: *молодн[’и]кá, вос[’и]мнáдцатого, в п[’и]с-кáх, нач[’и]лáсь, л[’и]жáл, л[’и]тáли, загр[’и]бáеть, в[’и]зáли, т[’и]гáли, м[’и]шáться, сем[’и]нá, д[’и]лá, с[’и]стрá, ноч[’и]вáли, в л[’и]сá, стр[’и]-сáем, од[’и]ялом, д[’и]вятóм, в кур[’и]нjáх, с[’и]мъя, з[’и]мля, р[’и]бят, кол-д[’и]зjá (= колодцы), мат[’и]рjá, н[’и]знáю, н[’и]спáли, н[’и]нáдо, н[’и]жá-луюсь, н[’и]спрáвятся, н[’и]грáмотной, н[’и]плáкала, н[’и]стáла, н[’и]пáхла, пер[’и]жáрки, б[’и]з мáтери, б[’и]з пáмяти; в д[’и]рэвни, заб[’и]рэме-нела, нас[’и]лэние, воскр[’и]сэнье, п[’и]чэнье, т[’и]пэря, с нам[’и]рэнием, п[’и]рэдний, об[’и]спэчивають, д[’и]шэвле, д[’и]тэй, четв[’и]ртэй, дв[’и]рэй, с[’и]бэ (Р. п. ед. ч), у м[’и]нэ; н[’а] грэбовали, н[’а] с éstот, чер[’а]з éstот, пер[’а]вэрня (=перевернёт); л[’и]пэшки, в ч[’и]твэртóм, в с[’и]рэдку, с[’и]с-тёр, б[’и]чэвы, вп[’и]чёрки, в в[’и]дёрке, в[’и]сэля, з[’и]лэные, д[’и]вчóнки, коч[’и]ржэшкой, пол[’и]рэк, вл[’и]рэд, см[’и]эмси, доб[’и]рэмси, подв[’и]зэте, исп[’и]кэть, пр[’и]дэш (= прядэш); прикр[’а]плэнная, пл[’а]тэный, пл[’а]т-нэм, пл[’а]чó, н[’а] пьёт.*

Перед /и/, /у/, /е/ (из *ь), /о/: *м[’а]кíну, перев[’а]злí, л[’а]чíл, бо[йа]нíst, гл[’а]дíишь, п[’а]клí, д[’а]лíться, д[’а]тэмí, в[’а]нкí, кур[’а]нí, под [йа]зýк, р[’а]шíли, б[’а]жítь, н[’а]мýе, дерев[’а]нýе, д[’а]дý; в ч[’и]тýнáдцатóм, ч[’и]тýре; н[’а]чíсто, н[’а]чíстил, н[’а]вýишбешь, н[’а]вýtянешь, не пер[’а]жíl, пер[’а]сыпет; в пл[’а]нó, не т[’а]нóла, в р[’а]дó, на сн[’а]гó, не зав[’а]дóть, св[’а]тýя, д[’а]рjóжски, ос[’а]нjó, н[’а]бóду, н[’а]óмер, н[’а]-трудно, б[’а]з рúчек; н[’а]вэсту, н[’а]вэстка, С[’а]ргэй, в[’а]здé, вес[’а]лэй, погл[’а]дэть, прил[’а]тэл, в сент[’а]брé, на п[’а]чé, на руб[’а]жé, к в[’а]снé, в ст[’а]пé, в з[’а]ллэ, с[’а]стрé; т[’и]лэга, н[’и]дэлю, пон[’и]дэльник; н[’а]всé, н[’а]дэлаем, н[’а]вэрила, н[’а]нэмцы, н[’а]лэс, пер[’а]эхали, пер[’а]рэзала, б[’а]здэтная; дев[’а]нóсто, с [йа]гóрия (престольный праздник), хр[’а]нóвник (травя), в[’а]рбóвка, св[’а]лó, пов[’а]лó, кол[’а]сó, з[’а]рнó, [йа]рмó, не л[’а]г-кó, с[’а]дъмóго, в с[’а]дъмóм, д[’а]лóв, до кл[’а]нкóв (= до клéнов), орд[’а]нóв, с с[’а]стрóю, н[’а]пóмню, н[’а]хóчешь, н[’а]мóжешь; св[’а]крóвья, земл[’а]-нóй, св[’а]тóй, с[’а]дъмóй (м.р.), п[’а]сók, т[’а]лók, ч[’а]лнók, р[’а]дók, н[’а]-сóчком, т[’а]лókья, цв[’а]тókчи, в[’а]рхóм, п[’а]шкóм, тел[’а]шóм, по[йа]с-кóм, з[’а]рнóм, кип[’а]ткóм, рем[’а]шкóм, [йа]гó, вc[’а]гó, т[’а]жóлой, н[’а]тó что, н[’а]гóж, н[’а]трóгали, н[’а]сóлкая (= несолёная), чер[’а]з мóст, чер[’а]з гóру, б[’а]збóжно.*

В местных диалектных системах стабильно сохраняется различие звуко-типов [и] и не-[и] перед фонемой /е/ в зависимости от ее происхождения.

Однако отмечено несколько исключений из этой закономерности: для речи всех обследованных информантов характерно употребление гласного [и] перед /е/ из *Ъ в словах *н[’и]дѣля, пон[’и]дѣльник, т[’и]лѣга*; при этом в других словах с постоянным ударением на основе последовательно произносится гласный [а]: *н[’а]вѣста, н[’а]вѣстка, в[’а]здѣ*.

Перед фонемой /о/ исключений, указывающих на архаическую основу вокализма, не отмечено: *св[’а]крѡвь, н[’а]сѡк, н[’а]сѡчком, [йа]гѡ, вс[’а]гѡ* и т. д. Распространение гласного [а] на месте [и] в слове *св[’а]крѡвь* с постоянным ударением на корне может быть обусловлено влиянием, во-первых, однокоренных слов типа *свѣкор*, где гласный основы находится в сильной позиции, и во-вторых, междиалектных соответствий типа *св[’а]крѡвь* или *св[’а]крѡха*; форма *свекрѡха* характерна также для украинских говоров, распространенных на южных территориях России (Авдеева 2012: 194).

Характерной особенностью местных диалектных систем, отличающей их от описанного в предыдущем параграфе белгородского говора, является последовательное произношение в 1-м предударном слоге звука [а] перед мягкими согласными и перед фонемой /о/ (из *ω), а также перед отвердевшими шипящими: *с[’а]дѣмѡй, с[’а]дѣмѡго, в с[’а]дѣмѡм, т[’а]жѣлой, д[’а]шѣвой*. Гласный [а] более широко распространен и в позиции перед /’о/: он отмечается не только в примерах типа *пл[’а]чѡ, пл[’а]тнѣм*, где его появление поддерживается формами *с[’а]лѡ, с[’а]лѡм*, но также и перед суффиксами *-ѣн, -ѣнн*, не имеющими параллельных форм после парных твердых согласных: *прикр[’а]плѣнная, пл[’а]тѣнный*. При этом перед фонемой /’о/, находящейся в корне слова, а также в других суффиксах, стабильно сохраняется звук [и]: *л[’и]пѣшки, в с[’и]рѣдку, с[’и]стѣр, б[’и]чѣвы* и т. д.

Т. А. Хмелевская, обследовавшая русские говоры Ростовской обл., зафиксировала в станице Шумилинской, а также на хуторах Поповка и Стоги Верхнедонского р-на особый тип диссимилятивного яканья, который она назвала по месту фиксации шумилинским. Этот тип, по данным Т. А. Хмелевской, отличается от шигровской модели произношением гласного [а] перед /’о/: в работе приведены следующие примеры: *в’анѣы, м’ак’ѣна, п’акѣ, д’ар’ѣшка, м’атлѡ, з’арнѡм, ыр’иб’аиѡк, б’ал’ѣѡ, пл’ат’ѡнка, р’амн’ѡм, т’апл’ѣй, фс’т’ан’ѣ, т’амн’ѣй, в’аз’д’ѣ, хр’ис’т’ѣу, с’ир’ѣбр’ѣнный, д’ит’ѣй, б’ир’ѣт’, в’ид’ѣт’, н’ис’ѣу:а, над’иваѣйт’, з’ирнѣ, б’ил’ѣѣ, т’ил’ѣт’н’ик* (Хмелевская 1970: 178).

Представленный Т. А. Хмелевской материал свидетельствует о том, что [а] в 1-м предударном слоге возможен только перед такой фонемой /’о/, которая находится в некоторых суффиксах и окончаниях: *пл’ат’ѡнка, б’ал’ѣѡ,*

р'амн'ом, что является характерной особенностью щигровского типа вокализма; примеры, иллюстрирующие иные позиции (типа *сестёр* или *вечёрки*), в работе отсутствуют. Можно предположить, что в обследованных Т. А. Хмелевской населенных пунктах функционирует щигровская разновидность диссимилятивного яканья, идентичная разновидности, зафиксированной на хуторах Морозовский, Казанская-Лопатино, Рубеженский и Пухляковский (последние два находятся в непосредственной близости от хутора Поповка, обследованного Т. А. Хмелевской). Выделение особого структурного типа, отличного от щигровского, для этих говоров неправомерно.

Префиксы, предлоги и частицы, находящиеся в позиции 1-го предударного слога, представляют особую систему, отличающуюся от типа вокализма, характерного для значимых слов. Звукотип [и] произносится только перед гласным /а/, звукотип не-[и] — перед остальными ударными гласными: н[и] *плакала*, н[и] *стала*, н[и] *пахла*, пер[и] *жарки*, б[и]з *матери*; но н[а] *чистил*, н[а] *вышибешь*, н[а] *вытянешь*, н[а] *умер*, н[а] *трудно*, б[а]з *ручек*, н[а] *верила*, н[а] *нёмцы*, н[а] *лес*, пер[а] *эхали*, б[а]з *дётная*, н[а] *помню*, н[а] *хочешь*, н[а] *можешь*, н[а] *гребовали*, н[а] *с этой*, чер[а]з *этот*, пер[а] *вёрня*, н[а] *пьёт*, н[а] *гож*, н[а] *трóгали*, чер[а]з *мóст*, чер[а]з *гóру* и т. д.

Очевидно, что, так же как и в говоре с. Присынок, проклитики в позиции 1-го предударного слога репрезентуют модель жиздринского диссимилятивного яканья, параллельную типу предударного вокализма после твердых согласных. Таким образом, эта особенность может быть признана характерной чертой, свойственной говорам с щигровской разновидностью диссимилятивного яканья.

2. Дмитриевский тип. Дмитриевский тип диссимилятивного яканья, впервые обнаруженный в 1923 г. С. И. Дмитриевым в д. Новый Бузец Дмитриевского уезда Курской губернии, предполагает следующее распределение гласных в 1-м предударном слоге после мягких согласных: [и] — перед /а/, /е/ и /о/ (из *ъ, *ь, *е), [а] — перед /и/, /у/, /о/ (из *о). В работе С. И. Дмитриева приведены следующие примеры: *з'ил'инайа*, *пр'ив'изал*, *зб'ир'иула*, *стр'ивал*, *зab'иуал*, *рас't'в'ила*, *цирна*, *б'ила*; *у дир'эвну*, *к в'ир'ёйушки*, *на с'ир'эбр'инай*, *на н'им'ёцки*, *д'ит'эй*, *ц'ис't'эй*; *б'ил'ёйца*, *пab'ис'эдъват'*, *гp'им'ёл*; *с'в'икр'ов'йу*, *пис'ок*, *л'ис'оцик*, *т'в'ит'оцик*, *в'ин'оцик*, *кар'ин'оцики*, *май'ов*, *твай'иу*, *н'иц'ив'о*, *б'ир'обушка*, *з'ир'он*, *л'иб'одушка*, *н'ив'ис'облай*, *з'ил'онай*, *с'в'ит'ол*, *пр'ид'от*, *с'ниб'ос*; *б'алу'а*, *с'авр'у'а*, *сп'ашу'*, *йаму'*, *кы б'алу'*; *з'амл'и*, *г'лад'ит'*, *с'ир'ад'и*, *с'астp'и'цам*, *в'адp'ину*, *щат'ыр'и*, *г'р'ам'ышну'йу*, *л'аж'ыт*, *п'дв'аж'ыт'а*; *йа'ор*, *п'ар'о*, *в'адp'о*, *пл'ац'о*, *см'ашно*,

у́р'ащ'о́, з'ил'ано́, сн'ауо́в, з'ил'ано́ва, з'имл'ано́ва, у з'ил'ано́м, к с'адо́й, т'исо́вым и т. д. (Дмитриев 1947: 38–39).

В ходе обследования по программе ДАРЯ подобный тип вокализма, помимо с. Старый Бузец (Юг-241), был зафиксирован в некоторых населенных пунктах Обоянского и Беловского р-нов Курской обл. (Юг-386, 389, 390), а также Ивнянского р-на Белгородской обл. (Юг-417, 492, 493) [ДАРЯ 1986: карта 8]. Отмеченное в местных диалектных системах противопоставление звукотипов [и] — не-[и] перед /о/ разного происхождения стало основой для выделения этой разновидности вокализма как отдельной структурной единицы (Русская диалектология 1964: 52).

Новые данные, собранные в 2008–2009 годах в курском и белгородском ареалах дмитриевского диссимилятивного яканья, дали возможность более подробно изучить структурные и функциональные особенности этого типа вокализма. Так, с. Старый Бу́зец Железногорского р-на Курской обл. отмечено следующее распределение гласных 1-го предударного слога после мягких согласных:

Перед /а/, /е/, /о/ (из *ъ, *ь, *е): н[']и]та́к, в[']и]за́нки, по[йи]са́, сем[']и]на́, с[']и]стра́, м[']и]жа́, песн[']и]ка́, в[']и]ора́, м[']и]шка́ми, на пл[']и]ча́х, сл[']и]ня́, н[']и]тна́дцать, запр[']и]за́ли, в[']и]за́ли, ноч[']и]ва́ли, ср[']и]за́ть, подн[']а]ла́сь, приб[']и]за́ла, л[']и]жа́ла, в д[']и]вя́том, дер[']и]вня́, з[']и]мля́, од[']и]я́лка, д[']и]-тя́, зл[']и]дя́ть, н[']и] зна́ю, н[']и] па́хнут, б[']и]спла́тно; н[']и]ве́сткой, т[']и]ле́га, н[']и]де́лю, зл[']и]де́ть, б[']и]ле́й, на пл[']а]че́, на з[']а]мле́, н[']и] ве́рите, н[']и] э́дила, н[']и] съе́сть, чер[']и]з ре́чку, чер[']и]з ле́с, на пер[']и]ме́нках; д[']и]ре́вня, б[']и]ре́мя, т[']и]ле́рь, ч[']и]кме́нь, на з[']и]ме́лке, хр[']и]сте́ц, ч[']и]пе́ц, д[']и]те́й, пр[']и]де́м, н[']и]се́ть; с[']и]сте́р, в[']и]ре́вочка, л[']и]ле́шку, н[']и]те́рка, в[']и]се́лка, С[']и]ре́га, ст[']и]ре́г, д[']и]вчо́нка, пл[']и]те́ной, запл[']и]те́ны, с[']а]ме́ю, з[']а]мле́й, на пл[']а]чо́, б[']а]ле́, б[']а]ле́вые (белёвый 'подвергнутой отбелке, белёный') [йа]йцо́, м[']а]цо́, лед[']а]нцо́в; земл[']а]но́й, сл[']а]но́й, н[']а]мо́й, св[']а]то́й, с[']а]дьмо́й (м. р.), с[']а]рпо́м, дер[']а]во́м, бр[']а]во́м, кил[']а]тко́м, л[']а]до́к, с[']и]дьмо́й (м. р.), н[']и]со́к, б[']и]ло́к, м[']и]-шо́к, сл[']и]до́к, р[']и]до́к, ч[']и]лно́к, н[']и]со́чком, кил[']и]тко́м, в[']и]рхо́м, н[']и]шко́м, б[']и]го́м, с[']и]мо́т, н[']и]тсо́т, [йи]го́, ч[']и]го́, св[']и]кро́вья, н[']и]бро́шу, н[']и]ро́дной.

Перед /и/, /у/, /о/ (из *о): н[']а]ти́, на з[']а]ми́, [йа]йчо́к, с[']а]мы́, пл[']а]чи́тые, л[']а]чи́ли, стер[']а]зли́, прив[']а]зли́, л[']а]зли́, перев[']а]ли́, зр[']а]бли́, кр[']а]-сти́ли, л[']а]чи́ли, св[']а]ти́ть, полз[']а]ди́те, б[']а]си́лси, зам[']а]ни́ть, с[']а]стры́, р[']а]бы́м, хр[']а]сы́, ч[']и]ты́ре, ч[']и]ты́рнадцать, н[']и] ви́дели, н[']и] вы́волокли, н[']и] вы́шла, н[']и]мы́тые, кл[']а]ту́шки, вс[']а]му́, [йа]му́, с[']а]стру́, у

м[ʼа]шкú, на сн[ʼа]гú, сл[ʼа]лúю, напр[ʼа]мúю, пл[ʼа]тúть, пр[ʼа]дúть, не б[ʼа]-рúть, н[ʼа]сúть, зл[ʼа]жú, сн[ʼа]шú, д[ʼа]жúрная, п[ʼа]нькú, с[ʼа]мьú, д[ʼа]рú-ги, л[ʼа]чúрки, см[ʼа]júся, н[ʼи] бúдеть, н[ʼи] кúшал, н[ʼи] дúже, н[ʼи]лúющие, б[ʼи]з мúжа; дев[ʼа]нúсто, з[ʼа]рнú, кол[ʼа]сú, в[ʼа]дрú, п[ʼа]тнú, б[ʼа]лмú, д[ʼа]лúв, в[ʼа]кúв, тро[ʼйа]кúв, с[ʼа]стрúй, недал[ʼа]кú, кисл[ʼа]кúв, с[ʼи]лú, зв[ʼи]нú, з[ʼи]рнú, дал[ʼи]кú, м[ʼи]шкúв, П[ʼи]трúвна, н[ʼи] вспúмню, н[ʼи] хúчешь, пер[ʼи]вúбúчиком, пер[ʼи]стрúбла, пон[ʼи]мнúжечку, н[ʼа]мнúжско.

Приведенный материал свидетельствует о том, что противопоставление гласных [а] и [и] перед /о/ разного происхождения выдержано не достаточно последовательно. Так же как в говоре с. Присынок с щигровским диссимилятивным яканьем, в местной диалектной системе предударный [а] возможен не только перед /о/ из *ω, но и перед /о/ из *ъ, что отмечается в И. п. ед. ч. м. р. прилагательных: земл[ʼа]нúй, сл[ʼа]пúй, н[ʼа]мúй, в Т. п. ед. ч. существительных II склонения: с[ʼа]рнúм, дер[ʼа]вúм, бр[ʼа]внúм, в единичных случаях — в И. и Т. п. существительных с суффиксом -ок: л[ʼа]дúк, кил[ʼа]ткúм (но также б[ʼи]лúк, сл[ʼи]дúк, р[ʼи]дúк, кил[ʼи]ткúм). В остальных словах и грамматических формах в этой позиции стабильно произносится гласный [и]: в[ʼи]рхúм, с[ʼи]мсúт, ч[ʼи]гú, св[ʼи]крúвья и т. д.

Основное отличие щигровской разновидности диссимилятивного яканья от дмитриевской разновидности заключается в следующем. Если щигровский тип вокализма развивается в основном за счет закрепления в 1-м предударном слоге гласных [и] и [а] перед /е/ и /о/ в определенных словах и грамматических формах, то формирование дмитриевского типа происходит в результате действия двух тенденций. Первая — грамматикализация и лексикализация гласных [и] и [а] перед /о/ (как и при щигровском типе). Вторая — тенденция к «умеренности», то есть к распространению гласного [и] в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными в позиции перед ударными гласными среднего подъема /е/ и /о/: н[ʼи]вúсткой, т[ʼи]лúга, зл[ʼи]дúть, д[ʼи]рúвня, хр[ʼи]стúцу, д[ʼи]тúей, пр[ʼи]дúм, с[ʼи]стёр, в[ʼи]рúвочка, л[ʼи]-пúшку и др. В говоре с. Старый Бузец тенденция к «умеренности» проводится непоследовательно. Во-первых, местной диалектной системе свойственно сохранение параллелизма в позиции перед мягкими и перед твердыми согласными в примерах типа с[ʼа]мьúю, з[ʼа]млúй, на пл[ʼа]чú, б[ʼа]лмú, б[ʼа]лмúвые. Во-вторых, гласный [а] отмечается перед /е/ (из *ъ) в некоторых падежных окончаниях существительных: на пл[ʼа]чú, на з[ʼа]млú. Наконец, гласный [а] произносится в структуре С'АС'СО: б[ʼа]лмú или с[ʼа]дмúй, что указывает на зависимость гласного 1-го предударного слога не только от твердости/мягкости согласного, но и от качества ударного гласного.

Более последовательно тенденция к «умеренности» выражена в говорах с дмитриевским диссимилятивным яканьем, распространенных в белгородском ареале, например, в с. Берёзовка Ивнянского р-на Белгородской обл.⁵ Здесь произношение [и] перед мягкими согласными (в позиции перед гласными /е/ и /'о/) стало системным явлением. Даже в тех формах, где произношение [а] перед /'о/ обычно поддерживается соответствующей формой твердой разновидности склонения, что характерно как для архаического, так и для щигровского типов диссимилятивного яканья, в местной диалектной системе отмечается гласный [и]: *пл[']и'чó, б[']и'льё, тр[']и'льё, б[']и'льмó* (в единичных случаях возможны варианты формы: *з[']а'млёю* и *з[']и'млёю*). Материалы ДАРЯ, собранные в начале 1950-х годов, также зафиксировали варьирование гласных [и] и [а] в этой позиции: *з'имл'óйу, но пл'аш'ó* (Юг-492).

Перед /о/ из *ъ в 1-м предударном слоге отмечается такое же распределение гласных, как и в говорах сел Старый Бузец и Присынок, с той лишь разницей, что гласный [а] здесь возможен исключительно в И. п. ед. ч. м. р. прилагательных и в Т. п. ед. ч. существительных II склонения (кроме существительных, оканчивающихся в И. п. на -ок): *с[']а'дóй, св[']а'тóй, шерст[']а'нóй, с[']а'лóm, в[']а'дрóm, но л[']и'скóm, п[']и'скóm, б[']и'лкóm*. Так же как и в говоре с. Старый Бузец, в местной диалектной системе перед ударным [о] (из *ω) обычно произносится гласный [а], хотя в этой позиции возможен также звук [и]. Появление вариантов в идентичных грамматических формах (*медс[']а'стрóю* и *с[']и'стрóю, з[']а'рнó* и *з[']и'рнó, недал[']а'кó* и *дал[']и'кó, н[']а'мнóжко* и *пон[']и'мнóжечку*) свидетельствует о том, что в говорах, характеризующихся дмитриевским диссимилятивным яканьем, не выработан стереотип произношения гласных 1-го предударного слога в позиции перед /о/, что определяет возможность дальнейшего перераспределения нагруженности звуко-типов и изменения модели диссимилятивного вокализма.

Префиксы, предлоги и частицы, находящиеся в позиции 1-го предударного слога, так же как и в говорах с щигровским типом яканья, представляют особую систему, отличающуюся от типа вокализма, характерного для значимых слов. Для обследованных говоров с дмитриевским диссимилятивным яканьем в этой позиции характерно произношение [и] вне зависимости от гласного под ударением, то есть реализуется модель иканья: *н[']и' náдо, н[']и' ржáвлиный, б[']и'сплáтно, н[']и' дéло, н[']и' éли, н[']и' éзжу, н[']и' пьёт, пер[']и'вэрнешь, н[']и' хóчу, н[']и' пóмню, н[']и'гóдная, н[']и' пóлную, н[']и'плóхо, н[']и' прímете, н[']и' вéдя, н[']и' мило, н[']и' рьáла, н[']и' вьхóдишь, н[']и' бóду, н[']и' нúжно, н[']и' трúдно.*

⁵ Полный материал по этому говору приведен в (Корпечкова, Савинов 2009).

Указанная структурная особенность, а также наличие во всех говорах с дмитриевским диссимилятивным яканьем последовательного произношения гласного [а] перед /о/ из *ъ в части грамматических форм противоречат утверждению, что при данном типе вокализма в положении перед твердыми согласными прослеживается та же модель, что и при обоянском типе яканья [Русская диалектология 1964: 52].

3. Суджанский тип. Суджанское диссимилятивное яканье, впервые описанное Н. Н. Дурново (1917а), широко распространено в южнорусских говорах и является одной из характерных особенностей Курско-Орловской диалектной группы (ДАРЯ 1986: карта 8; Русская диалектология 1964: 277). Стандартная схема суджанского яканья предполагает произношение [и] перед /е/ (из *ѣ и *е), /'о/ и /а/, в остальных позициях употребляется гласный [а]: с[']и]стрé, в с[']и]лэ, д[']и]мэй, б[']и]рэза, с[']и]стрá, но л[']а]скí, с[']а]стрбí, с[']а]стру, с[']а]стрóй, с[']а]лó, с[']а]лóm. По данным К. Ф. Захаровой, в южнорусских говорах этот тип вокализма представлен тремя разновидностями в зависимости от количества грамматических категорий и слов, в которых произносится [а] или [и] перед /о/ из *ъ (Захарова 1970: 20–21).

Эта вокалическая модель отмечена в магнитофонных записях, сделанных в с. Толстое Губкинского р-на Белгородской обл., А́нненково Фатéжского р-на Курской обл., Родники (Кали́новка) Должанского р-на Орловской обл. В целом для говоров с суджанским типом яканья характерно несколько особенностей распределения гласных [и] и [а] перед гласными среднего подъема, что свидетельствует о его структурном единстве. Во-первых, наличие параллелизма произношения гласных в твердом и мягком вариантах парадигмы: з[']а]млэй, с[']а]мьей, б[']а]льё, лл[']а]чó, д[']а]нёк и т. д. Во-вторых, употребление гласного [а] перед /е/ (из *ѣ) в некоторых падежных формах существительных: в в[']а]дрé, в с[']а]лэ, в р[']а]кэ и т. д. В-третьих, частичное сохранение архаической диссимилятивной основы перед ударным /о/ (из *ъ), наиболее последовательно — в Р. п. ед. ч. местоимений типа ч[']и]гó, [йи]гó, а также в словах с постоянным ударением на основе типа св[']и]крóвья. В-четвертых, произношение в префиксах, предлогах и частицах, находящихся в позиции 1-го предударного слога, гласного [и] независимо от ударного гласного: н[']и] пíли, н[']и] рýли, н[']и] вьíдернешь, н[']и] бýду, н[']и] дýже, н[']и] пóмню, н[']и] хóдя, н[']и] стрóгая, чер[']и]з гóру, н[']и] в éтой, н[']и] стáли (см. [Дурново 1917а: 73–98; Котков 1951: 67–68; Касаткина (ред.) 1999: 67]).

Тенденция к распространению в 1-м предударном слоге гласного [и] перед мягкими согласными и ударными гласными среднего подъема может быть выражена в говорах с суджанским диссимилятивным яканьем с разной

степенью интенсивности. В одних говорах эта тенденция ограничена примерами *с[ʰа]мьей*, *б[ʰа]льё* и *в в[ʰа]дрё*, *в с[ʰа]лэ*, описанными выше, а также случаями типа *б[ʰа]льмó* или *с[ʰа]дьмóй*, в других она распространяется на все без исключения позиции перед мягкими согласными (или консонантными кластерами с мягким согласным), находящимися перед ударными гласными среднего подъема.

Для большинства говоров с диссимильтивным яканьем суджанского типа характерно дальнейшее распространение [и] в позиции перед гласными среднего и верхнего подъемов, то есть происходит постепенный переход к иканью. На продуктивность этого процесса указывает произношение гласного [и] в префиксах, предлогах и частицах независимо от ударного гласного, что можно признать типичной чертой этой разновидности вокализма. Постепенное изменение суджанского диссимильтивного яканья в иканье характерно, в частности, для говоров юга Курской обл.: «Тип яканья в южных районах Курской области скорее можно квалифицировать как отражающий модель суджанского яканья. Наблюдения над реализацией гласных фонем при диссимильтивном яканье в дифференцирующей эти типы позиции <...> показывают, что постепенно происходит разрушение суджанского типа яканья в направлении иканья» (Волкова 2003: 84).

Таким образом, система суджанского диссимильтивного яканья характеризуется комплексом функциональных особенностей, сближающим ее с системой дмитриевского яканья, и отличается от последней только большим количеством случаев произношения [а] перед /о/ (из *ъ). Следовательно, дмитриевский тип может быть классифицирован как структурная разновидность суджанского типа, лучше всего сохраняющая архаическую основу; его выделение в качестве отдельной единицы нецелесообразно.

4. Таким образом, данные говоров с щигровским, дмитриевским и суджанским диссимильтивным яканьем свидетельствуют о том, что эти типы вокализма развились на основе обоянского архаического яканья в результате полной утраты фонетического основания для его существования, на что указывает непоследовательность произношения [а] в позиции перед ударным о из *ъ.

Щигровский тип диссимильтивного яканья формировался в результате действия грамматических (особенности звукового оформления различных форм существительных, прилагательных, местоимений, глаголов) и лексических (специфика произношения отдельных слов, имеющих постоянный ударный гласный основы) факторов. По выражению Р. И. Аванесова, в этом случае «тип предупредного вокализма <...> характеризует уже не определенное

звено фонологической системы как таковой, а парадигму, группу слов или даже отдельное слово» (Аванесов 1974: 166).

Анализ суджанской и дмитриевской разновидностей диссимилятивного яканья приводит к выводу о том, что их становление происходило благодаря действию двух основных факторов. Во-первых, действовала тенденция к выравниванию звукового оформления основ (как и при щигровском типе), во-вторых, — тенденция к произношению звукотипа [и] перед мягкими согласными, то есть его формирование происходило под действием как грамматических и лексических, так и фонологических факторов.

Возникает вопрос, какая из двух описанных тенденций возникла раньше? Данные южнорусских говоров свидетельствуют о том, что даже архаическим типам диссимилятивного вокализма свойственна грамматическая аналогия. Именно ее действие объясняет появление фонемы /ω/ после мягких согласных в некоторых суффиксах и флексиях — под влиянием твердой разновидности парадигмы. Перед этим «новой» фонемой /ω/, так же как и перед исконной, в первом предударном слоге произносится звук [а]: б[[?]а]л/ǰω/ и лл[[?]а]ч/ω/ (как с[[?]а]л/ω/), з[[?]а]мл/ω/ǰ и с[[?]а]м/ǰω/ǰ (как в[[?]а]сн/ω/ǰ), Кис[[?]а]л/ω/в (как П[[?]а]м-р/ω/в), при этом различие предударных гласных основывается на зависимости от подъема ударных гласных (наряду с наметачущейся зависимостью от типа парадигмы). Соответственно, после утраты фонемы /ω/ под влиянием твердой разновидности парадигмы произношение в этой позиции гласного [а] обычно сохраняется, закрепляясь за определенными грамматическими формами.

Как правило, после утраты семифонемного вокализма начинается общий отход системы от обоянской яканья, который объясняется актуализацией действия грамматических и лексических факторов. Происходящие изменения не затрагивают диссимилятивную основу говора, они лишь способствуют перераспределению звукотипов перед ударными гласными среднего подъема. Разумеется, процессы аналогического выравнивания проходят с разной степенью интенсивности, они всегда ограничены определенными парадигмами и не распространяются механически, поэтому системы суджанского и щигровского типов яканья, как правило, сохраняют черты своей основы — архаического яканья обоянской разновидности. В результате в говорах отмечается неодинаковое количество слов и форм, имеющих звуки [и] и [а] в позиции перед /о/. Материал, собранный в говорах с щигровским и суджанским типами яканья, позволяет выделить три типа позиций.

I. Формы с преимущественным распространением [а] перед /о/ из *ъ и *о:

а) И. п. прилагательных м. р.: с[[?]а]дóй, св[[?]а]тóй;

б) Т. п. существительных ср. и м. р.: с[[?]а]лóм, в[[?]а]дрóм, молодн[[?]а]кóм.

II. Формы, для которых обычно свойственно сосуществование перед /о/ из *ъ и *о звукотипов [и] и [а] с постепенным распространением последнего:

а) И. и Т. п. существительных, оканчивающихся на *-ок* и легко соотносимых с основами существительных без этого суффикса: л[^ʔа]с^ок, сл[^ʔа]д^ок, сн[^ʔа]ж^ок и л[^ʔи]с^ок, сл[^ʔи]д^ок, сн[^ʔи]ж^ок; л[^ʔа]ск^ом, сл[^ʔа]дк^ом, сн[^ʔа]жк^ом и л[^ʔи]ск^ом, сл[^ʔи]дк^ом, сн[^ʔи]жк^ом;

б) Наречия, образованные способом адвербиализации от Т. п. существительных м. р.: б[^ʔа]г^ом, в[^ʔа]рх^ом и б[^ʔи]г^ом, в[^ʔи]рх^ом.

III. Формы, устойчиво сохраняющие перед /о/ из *ъ и *о звукотип [и]:

а) И. и Т. п. существительных с финалью *-ок*, не соотносимых с основами существительных без *-ок*: л[^ʔи]с^ок, б[^ʔи]л^ок, м[^ʔи]ш^ок; л[^ʔи]ск^ом, б[^ʔи]лк^ом, м[^ʔи]шк^ом;

б) Р. п. местоимений (типа *егó*): [йи]г^о, неч[^ʔи]г^о, мо[йи]г^о;

в) Слова различных частей речи с ударением на основе: св[^ʔи]кр^овь, св[^ʔи]к^ольный. К этой же категории примыкают числительные типа л[^ʔи]т^ьс^от, которые в косвенных падежах меняют свою структуру на трехсложную с ударением на окончании.

Возникающее нерегулярное чередование звуков [и] и [а] перед ударным /о/ очень сложно идентифицировать с точки зрения принятой классификации, что дает основание для выделения новых моделей диссимилиятивного яканья, реально не представляющих собой отдельных структурных единиц и являющихся разновидностями щигровского и суджанского типов. При этом сама нерегулярность, появившаяся в результате утраты прежних закономерностей, является следствием развития исходной системы и однозначно указывает на архаическую диссимилиативную основу говора.

Следует отметить, что на произношение различных падежных форм существительных наибольшее влияние оказывают особенности звукового оформления именительного падежа как самого употребительного и наиболее независимого грамматически. Именно именительный падеж предопределяет закрепление одного из звукотипов ([и] или не-[и]) в форме творительного падежа существительных I и II склонения, и выбор гласного зависит от падежной парадигмы, а также от родовой принадлежности конкретного слова.

Как логическое завершение этого процесса в парадигмах с преимущественным распространением [а], например, у существительных м. и ср. р. (кроме существительных с финалью *-ок*), появляются формы типа с[^ʔа]л^а, молод-н[^ʔа]к^а, но отсутствуют с[^ʔа]стр^а, в[^ʔа]сн^а, что свидетельствует о сильном влиянии грамматики на ассимилятивные процессы.

Другая модель грамматической аналогии действует у прилагательных и местоимений. Имена прилагательные только в форме И. п. м. р. имеют *o* из **ъ*, для всех остальных форм как мужской, так и женской разновидностей склонения под ударением характерен *o* из **ω*. Поскольку в парадигме преобладают формы с *ω* в окончаниях, а И. п. прилагательных имеет значительно меньшую, чем у существительных, грамматическую независимость, выравнивание гласного основы происходит по модели косвенных падежей: *c[ʼa]-dóij* (как лунь) ← *c[ʼa]dógo* или *c[ʼa]dóij*.

У местоимений в форме Р. п. ед. ч. (типа *ego*) при отходе от архаического вокализма предупредный [и] обычно сохраняется, то есть обобщения с основой Д. п. не происходит. Видимо, это связано с высокой частотой появления формы Р. п. местоимений в речи. Необходимо также заметить, что форму *ego* со значением принадлежности можно рассматривать как неизменяемое притяжательное местоимение, которое лишь генетически связано с формой Р. п. личного местоимения *on*. Местоимения *чего* и *ничего* также могут утрачивать значение Р. п., выполняя функцию подлежащего и становясь грамматическими эквивалентами И. п., то есть по сути — неизменяемыми формами. В ряде говоров, находящихся на периферии ареала суджанского яканья, продуктивность получает другой процесс: распространение [и] перед /у/ в формах типа [йи]мú.

Взаимовлияние произносительных особенностей различных падежей, в результате которого происходит устранение чередования [и] || [а] или сохранение однотипной закономерности перед /о/, характерно для форм словоизменения единственного числа. В том случае, если тенденция к лексико-грамматическому выравниванию получает дальнейшее развитие, гласный [а] распространяется в основе всех парадигм существительных в единственном числе. В своем крайнем выражении эта тенденция представлена в некоторых говорах с щигровским яканьем, где [а] в ряде парадигм существительных распространяется на все формы единственного числа, включая даже некоторые позиции перед ударным [а].

Подобное развитие диссимильтивной системы возможно и в некоторых системах с суджанским яканьем, где отмечаются не только примеры типа *з[ʼa]млëй* и *б[ʼa]льë* (под влиянием твердой разновидности), *в[ʼa]дрá*, *с[ʼa]лá* (под влиянием И. п. *в[ʼa]дрó*, *с[ʼa]лó*), но даже *н[ʼa]нëк* (после распространения [а] в формах типа *л[ʼa]сóк*), а также *с[ʼa]стрá*, *з[ʼa]мля́* (хотя при этом чаще всего *к с[ʼи]стрáм*, *по ст[ʼи]нáм*, *с цв[ʼи]тáми*), что объясняется унификацией звукового оформления парадигм имен существительных в единственном числе. Дольше всего гласный [и] перед *o* из **ъ* отмечается у существ-

вительных типа *н[ʼи]сѡк*, где *-ок* не является суффиксом, а также в Р. п. местоимений типа *ч[ʼи]сѡ*. В словах с фиксированным ударением на основе типа *св[ʼи]крѡвь* гласный [и], как правило, сохраняется наиболее последовательно: для появления [а] в этой позиции практически нет оснований.

Однако в системах с суджанским диссимилативным яканьем появляется новый фактор развития — тенденция к произношению [и] перед мягкими согласными, находящимися перед ударными гласными среднего подъема, то есть тенденция к «умеренности». Прежде всего гласный [и] появляется перед *е* (из *ѣ), действие грамматической аналогии в этой позиции ограничено, поскольку /е/ и /ѣ/ не встречаются в пределах одной парадигмы. В связи с этим закономерности произношения, характерные для позиции перед /е/ из **е* и **ь*, не распространяются на позиции перед /е/ из *ѣ, и наоборот. Именно этот факт, а также отсутствие тенденции к «умеренности» обуславливают сохранение противопоставления гласных 1-го предударного слога перед /е/ в зависимости от его происхождения при щигровском диссимилативном яканьем (а вовсе не более поздняя утрата противопоставления /ѣ/ ~ /е/).

Распространение звукотипа [и] перед /е/ (из *ѣ) при щигровском типе в первую очередь происходит в словах с постоянным ударением на основе (типа *н[ʼи]дѣля*, *т[ʼи]лѣга*), то есть в словах с неясной этимологией. Гласный [а] в этой позиции наиболее последовательно сохраняется в падежных окончаниях (*в р[ʼа]кѣ*, *в с[ʼа]лѣ*) — подобное произношение может быть признано закономерным не только для щигровской, но и для суджанской разновидности диссимилативного яканья.

Необходимо отметить, что тенденция к «умеренности» может проявляться и в некоторых системах с щигровским диссимилативным яканьем; ее действие здесь проявляется в позиции перед /о/, во-первых, в словах структуры С'ИС'Сѡ (типа *с[ʼи]дѣмѡй*), во-вторых, возможно, и перед отвердевшими шипящими (типа *нар[ʼи]жѣнный*).

Широкое распространение тенденции к фонологической унификации мотивировано ее функциональными особенностями: новая зависимость предударного гласного от мягкости следующего согласного очевидна, она значительно проще сложного процесса идентификации форм и потому легко встраивается в общую систему говора. Развивающаяся тенденция начинает стирать былой параллелизм произношения предударных гласных в позиции перед мягкими и перед твердыми согласными. В результате ее действия появляются варианты: *нл[ʼи]чѡ*, *б[ʼи]льѣ*, *тр[ʼи]ньѣ*. Особенно отчетливо на новую зависимость могут указывать произношения типа *б[ʼи]льмѡ* или *с[ʼи]дѣмѡго*, где под ударением /о/ (из **ω*).

В тех говорах, где процессы грамматической унификации получили широкое распространение, отмечаются отдельные примеры, которые противоречат новой тенденции к произношению [и] перед мягкими согласными, но сохраняют следы былого параллелизма между мягкой и твердой разновидностями парадигм: б[ʼа]льё, с[ʼа]мьёй. Для этих говоров также характерны формы с[ʼа]лэ, в[ʼа]дрэ, р[ʼа]кэ, с[ʼа]стрэ, которые сохраняются благодаря тенденции к унификации звукового оформления основы во всей парадигме, в том числе в И. п. ед. ч. I склонения (р[ʼа]ка, с[ʼа]стра) и в Р. п. ед. ч. II склонения (с[ʼа]ла, в[ʼа]дра).

По данным Г. С. Оксман, произношение [а] перед /е/ из *ѣ характерно также для вокализма после отвердевших шипящих в системе диссимилятивного яканья суджанского типа. Так, в говоре д. Ефимовка Сосковского р-на Орловской обл. она отметила следующие примеры: *жылеза, жылезный, жылет, жылет, тижылей, жыне*, но *жане, у пиане, у ршыате, нь жаре* и т. д. Эту особенность Г. С. Оксман трактует как «выравнивание произношения гласных неверхнего подъема после отвердевших шипящих по твердому варианту» (Оксман 1965: 98–100). Однако широкое распространение [а] в указанной позиции не только после отвердевших шипящих, но и после мягких согласных, что характерно для суджанского типа яканья, противоречит такому утверждению. В подобной системе вокализма именно грамматические факторы влияют на появление/сохранение звука [а] перед ударными гласными среднего подъема⁶. Также кажется неправдоподобным предположение, согласно которому при суджанском типе яканья произношение [а] в указанных формах является следствием более поздней утраты /ѣ/ в падежных окончаниях существительных.

Таким образом, в тех говорах, которые наиболее последовательно сохраняют архаическую основу, то есть имеют максимальное количество произношений [и] перед /о/ из *ѣ, в результате действия тенденции к «умеренности» формируется особая разновидность вокализма, которую обычно называют дмитриевским типом диссимилятивного яканья. Однако анализ системы предупредительного вокализма этих говоров показал, что дмитриевского диссимилятивного яканья как особой структурной модели не существует: это только подвид суджанского диссимилятивного яканья, в котором тенденция к унификации звукового оформления парадигм лишь намечалась, но не получила широкого распространения. В этой системе вокализма предупредительные гласные не зависят непосредственно от качества ударного [о], но реализуют эту связь

⁶ В частности, это подтверждается распределением гласных [ы] и [а] перед ударным [ʼо], зафиксированным Г. С. Оксман в том же говоре: *жырѣбья, жырѣлки*, но *кшалѣк* (Оксман 1965: 98).

частично, как модель произношения определенных слов и форм. Развитие подобной системы, опять-таки, не связано с более ранним совпадением /ʋ/ и /e/ и более длительным сохранением различия /ω/ и /o/, поскольку эта разновидность яканья появляется именно в результате утраты противопоставления /ω/ и /o/, /ʋ/ и /e/, то есть ее характерной чертой является наличие под ударением пяти гласных фонем.

Развитие тенденции к «умеренности» в этих говорах способствует распространению гласного [и] перед всеми ударными гласными неверхнего подъема, а также к появлению [и] перед ударными [и] и [’у]. Диссимильная основа говора, как правило, сохраняется довольно последовательно, примеры произношения [а] перед /а/ отмечаются лишь в отдельных формах. Как только тенденция к «умеренности» утрачивает позиционную прикрепленность к гласным среднего подъема и распространяется на другие позиции, на основе суджанского диссимильного яканья начинает формироваться диссимильно-умеренное яканье неархаического типа, сохраняющее характерные особенности своей основы — нерегулярное произношение в 1-м предупредительном слоге звуков [и] и [а] перед /o/. Так, на западе Тульской области в говорах с диссимильно-умеренным яканьем неархаической разновидности фиксируются примеры типа: св[’и]крóвь (наиболее часто), б[’и]гóм, в[’и]д-рóм, л[’и]сóк и т. д. (см. материалы ДАРЯ: Запад-652, Запад-731 и Запад-733).

О тенденции к иканью в говорах с суджанским диссимильным яканьем свидетельствует произносительная система частиц, предлогов и приставок, находящихся в 1-м предупредительном слоге: как правило, в этой позиции последовательно проводится принцип иканья (за исключением форм типа н[’а]-бóсь и н[’а]мнóго, в которых произошло опрощение морфемной структуры). В говорах с щигровским типом диссимильного яканья, при котором отсутствует тенденция к «умеренности», но последовательно проводится тенденция к унификации звукового оформления основ, гласный [а] в отмеченной позиции обычно распространяется перед /o/ из *ъ, а также перед /e/ из *е и *ь, то есть формируется новая модель — жиздринское диссимильное яканье.

По словам К. Ф. Захаровой, «щигровскому типу в целом более свойственно увеличение числа слов разных грамматических категорий с различием трех слабых фонем (и, у, а)», тогда как суджанскому — «уменьшение их за счет увеличения слов и целых позиций с различием только двух слабых фонем (и, у)» (Захарова 1971: 8). Гласный [а] перед /e/ (из *е и *ь) при щигровском яканье может появляться не только в проклитиках, но и в знаменательных словах, что отмечается в глагольных формах типа н[’а]сéшь, н[’а]-сéм, а также в корне двух- или многосложных слов типа т[’а]пéрь, д[’а]рéв-ня, см. таблицу 3 в (Захарова 1971: 10).

Возможна и другая модель развития суджанского яканья: распространение звука [и] перед всеми ударными гласными среднего подъема, но стабильное сохранение [а] перед ударными гласными верхнего подъема, то есть формирование на его основе донского типа диссимильтивного яканья. Так, в говорах с донским типом регулярные отступления от системы вокализма отмечены в форме Р. п. местоимений: [йа]зб, у н[^иа]зб, нич[^иа]зб (Савинов 2002: 267). Они «свидетельствуют о предыдущем типе яканья, из которого позднее возник донской тип, — скорее всего, о суджанском» (Касаткин 2014: 31).

5. После твердых согласных, так же как и после мягких при суджанском яканье, стереотип произношения предударного гласного перед /о/ может находиться лишь в стадии формирования. Именно для подобных говоров с «наметившейся переходностью» диссимильтивного яканья суджанского типа характерен и особый тип аканья, который свидетельствует о былом распространении в говоре архаической системы вокализма, отойдя от которой, система еще не выработала произносительную модель. При этом диссимильтивная основа аканья последовательно сохраняется. Нельзя согласиться с мнением, что наличие в системе диссимильтивного яканья гласного [ǎ] в позиции перед /а/ само по себе свидетельствует об осязатимом ослаблении диссимильтивного принципа вокализма. Материалы, собранные в различных южнорусских говорах, свидетельствуют о том, что подобный тип вокализма отмечается во многих диалектных системах, проводится довольно последовательно и сохраняется стабильно. Кроме того, произношение перед одним и тем же гласным [а] звуков [э], [ǎ], [а] в говорах с диссимильтивным яканьем может быть позиционно обусловлено просодическими условиями.

Важно отметить, что лексикализация и грамматикализация произношения гласных 1-го предударного слога может затрагивать не только щигровский и суджанский типы диссимильтивного яканья (сохранение [и] в формах типа св[^и]крóвь или ч[^и]зб), но и также жиздринский тип диссимильтивного аканья (сохранение [э] в формах типа б[э]льнóй или пор[э]сёнок⁷). Сохранение а-образных предударных гласных в И. п. ед. ч. м. р. прилагательных отмечается в ряде говоров, где жиздринское аканье сочетается с умеренно-диссимильтивным, диссимильтивно-умеренным и умеренным типами яканья и, по-видимому, указывает на их архаическую основу: тэкóй-тэ, бэл'нóй (Савинов 2000: 32, 36), бэл'шóй, мэлэдóй (Межецкая 2010: 68), [кэ]кóй (Родина 2012: 53).

⁷ См. замечание Е. С. Клейменовой о том, что в некоторых архаических говорах Ульяновского р-на Калужской обл. слово пор[э]сёнок «является почти лексикализированным в данном произношении» (Клейменова 1956: 96).

Постепенно в Курско-Орловской диалектной группе также происходит формирование нового ритмического контура «сильный центр и слабая периферия», в результате на указанной территории развивается сильное аканье. Однако появление [а] перед ударным [а] при щигровском и суджанском типах диссимилиативного яканья всегда характеризует отдельные формы, например глагольные формы прошедшего времени или формы существительных м. и ср. родов, а также прилагательных ж. р., но не становится правилом позиционного чередования: *ун[ʔа]слá, уз[ʔа]лá, с[ʔа]лá, молодн[ʔа]кá, альн[ʔа]-нáя*, но *с[ʔи]стрá, в[ʔи]рстá, у дер[ʔи]внjáх, по ст[ʔи]нám, перев[ʔи]зáть*.

В результате могут формироваться особые модели предупредительного вокализма, которые по формальным признакам (наличию в части позиций [а] перед /а/) могут быть определены как умеренно-диссимилиативные или ассимилятивно-диссимилиативные типы. Однако они отличаются от соответствующих моделей, образованных в результате действия ассимилятивных процессов на более ранних этапах развития и распространенных в говорах юго-восточной диалектной зоны. Во-первых, перед /а/ отмечаются примеры, противоречащие новому принципу вокализма, но свидетельствующие о прежней диссимилиативной основе. Во-вторых, в ряде случаев сохраняется произношение [и] перед /о/ (из *ъ и *о), что характерно для прототипов — диссимилиативного яканья щигровской и суджанской разновидностей (Захарова 1971: 16–17).

Литература

- Аванесов 1974 — *Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- Авдеева 2012 — *Авдеева М. Т.* Словарь украинских говоров Воронежской области. Воронеж, 2012. Т. 2.
- Волкова 2003 — *Волкова Н. А.* Фонетика говоров Посемья. История и современное состояние. Череповец, 2003.
- ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М., 1986. Вып. 1: Фонетика.
- Дмитриев 1947 — *Дмитриев С. И.* Говор деревни Новый Бузец Дмитриевского уезда Курской губернии // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка. М.; Л., 1947. Вып. 1. С. 37–42.
- Дурново 1917а — *Дурново Н. Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1: Южновеликорусское наречие. М., 1917. Вып. 1.
- Дурново 1917б — *Дурново Н. Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1: Южновеликорусское наречие. Шамордино, 1917. Вып. 2.
- Захарова 1970 — *Захарова К. Ф.* Типы диссимилиативного яканья. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Захарова 1971 — *Захарова К. Ф.* Типы диссимилиативного яканья в русских говорах (Лексико-морфонологическая характеристика) // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 3–18.

- Касаткин 2014 — *Касаткин Л. Л.* Динамика изменения яканья в одном южнорусском говоре // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. III. Диалектология / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2014. С. 11–33.
- Касаткина (ред.) 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.
- Клейменова 1956 — *Клейменова Е. С.* Говоры южной части Калужской обл. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
- Корпечкова 2010 — *Корпечкова Е. В.* Развитие архаических типов вокализма в говорах севера Белгородской обл. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 143–157.
- Корпечкова, Савинов 2009 — *Корпечкова Е. В., Савинов Д. М.* Дмитровское диссимилятивное яканье в говорах Белгородской обл. // Исследования по славянской диалектологии / Отв. ред. Л. Э. Калынин. М., 2009. Вып. 14. Фонетический аспект изучения славянских диалектов. С. 53–66.
- Котков 1951 — *Котков С. И.* Говоры Орловской области со стороны их вокализма // Учен. зап. Орловского пед. ин-та. 1951. Т. V. Кафедра русского языка, вып. 2. С. 58–124.
- Межецкая 2010 — *Межецкая Г. Н.* Вокализм первого предударного слога в елецких говорах. Дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2010.
- Оксман 1965 — *Оксман Г. С.* Произношение гласных неверхнего подъема 1-го предударного слога после отвердевших шипящих в южновеликорусских говорах // Вопросы русской диалектологии. Труды V–VI конференций кафедр русского языка педагогических институтов Среднего и Нижнего Поволжья. Куйбышев, 1965. С. 89–101.
- Родина 2012 — *Родина М. А.* Говор села Апухтино Одоевского района Тульской области (системно-языковой анализ). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Русская диалектология 1964 — *Русская диалектология* / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.
- Савинов 2000 — *Савинов Д. М.* Вокализм первого предударного слога некоторых тульских говоров (Белёвский и Венёвский районы). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Савинов 2002 — *Савинов Д. М.* Об особенностях произношения местоимений в форме родительного падежа (типа *его*) в южнорусских говорах // Проблемы фонетики. IV / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002. С. 260–269.
- Селищев 1968 — *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968.
- Хмелевская 1970 — *Хмелевская Т. А.* Русские говоры Дона (фонетика). Ростов-на-Дону, 1970.

Summary

Dmitry Savinov

The role of grammatical and lexical factors in the formation of pretonic vocalism in South Russian dialects

The paper is focussing on some aspects of the evolution of vowel system in South Russian dialects. The grammatical and lexical factors that drive development of “Shhigrovskoe”, “Dmitrievskoe” and “Sudzhanskoe” dissimilatory yakanye (types of vowel reduction in Russian) are described here.

О возможных дериватах и.-е. **pleu-* / **plou-* в славянских диалектах

Индоевропейский корень **pleu-* / **plou-* представлен в славянских языках следующими дериватами: **plu-* (**pluti*), **pl'u-* (**pl'uče* 'легкое'), **ply-* (**plyti*), **plov-* (**plovŕ*), **plav-* (**plavati*) и ступень редукции **plъ-* (**plъtъ*). Он имеет широкий круг значений: 'течь, литься', 'плавать', 'купать', 'сплавлять, гнать (лес)', 'бежать, мчаться', 'летать, порхать' (Рокорну: 835–836). Почти все из них отмечаются в славянских языках. Данная заметка посвящена некоторым неочевидным и дискуссионным производным этого этимологического гнезда.

В русском языке в псковских говорах отмечается лексема *плуги́* 'поплавки, привязанные с внутренней стороны мотни большого невода' (СРНГ 27: 164). Это слово образовано от глагола **pluti* при помощи форманта *-g-* аналогично образованию праслав. **struga* 'течение, струя', 'водяной поток, ручей', 'глубокое место в реке' и т. д. от и.-е. корня **sreu-* 'течь' (Фасмер III: 287, 783). Хотя, в отличие от **struga*, представленного во многих славянских языках, форма *плуги́* 'поплавки' отмечена только на восточнославянской территории. Русскому слову соответствуют блр. диал. *плуг* и *плуганнѐ* 'ветки, бревна, которые плывут по реке так плотно, что по ним можно перейти на другой берег' (Лабко 1979: 299). «Этимологический словарь белорусского языка» не дает их точной этимологии и лишь предполагает генетическую связь с лит. *plūkdas* 'лед, который плывет по реке', *plūkoti* 'держаться на поверхности воды, плавать' (ЭСБМ 9: 215). Данные литовские формы, очевидно, являются продолжениями того же и.-е. корня **plou-* / **pleu-* с расширением *-k-* (LIV: 488). Но кажется, что в восточнославянских формах (*плуг*, *плуги́* и *плуганнѐ*) представлен исконный *-g-* и на их основе, скорее, можно реконструировать праслав. **plugъ*.

Кроме того, в белорусских говорах отмечен глагол *плўжыцца* 'направляться, устремляться' (ЭСБМ 9: 215), который в «Этимологическом словаре белорусского языка» возводится к тому же и.-е. **plou-g-* 'двигаться', 'двигаться по воде' (там же).

В том же словаре отдельно от *плўжыцца* рассматривается диалектный глагол *плўжыць* в поговорке *год на год не плўжыць* 'год на год не приходится' (Рамановіч, Чабярук 1976: 163). Он выводится из праслав. **plužiti*, производного от **plugъ* 'плуг, орудия для вспашки земли' вместе с укр. *плўжити* 'везти, удаваться' (СУМ 6: 595), польск. *plużyć* '(о людях) быть в порядке', '(о

вещах) цвести, процветать’, ‘везти, удаваться’, ‘способствовать, благоприятствовать’, ‘окупаться’, ‘быть полезным’, ‘оправдывать надежды’, ‘не подводить’ (Warsz. 4: 269). Связь данных значений с понятием плуга объясняется тем, что по сравнению с сохой появление плуга означало более высокую ступень в обработке земли и, следовательно, более благополучные условия жизни (ЭСБМ 9: 216; Wańkowski 2: 631). Подтверждением данной этимологии может служить украинский глагол *плужити* ‘пахать плугом’ [СУМ 6: 595].

Кажется, можно дать несколько иное толкование происхождения данных лексем. А именно отнести их напрямую к и.-е. корню **plo-*g- ‘двигаться’ и ‘плыть’ без посредства обозначения плуга, как и *плужыцца* ‘направляться, устремляться’. Главным образом потому, что этот корень уже содержит идею движения. Для белорусского выражения *год на год не плужыць* ‘год на год не приходится’ среди производных корней **plav-* и **ply-* могут служить семантически аналогами обозначения хода времени и происходящих в нем событий: например, русск. литер. *плыть* ‘незаметно и быстро проходить, течь (о времени)’ (ССРЛЯ 9: 1463–1466), *уплывать*, *уплыть* ‘медленно, незаметно для кого-л. проходить, миновать’ ([Миллер] *всегда был страстный читатель, и потому он не скучал, а читал, и не замечал, как уплывала ночь*. Леск. Чел. на часах, 3.), ‘исчезать, пропадать, утрачиваться для кого-л.’ (*Теперь как далеко уплыло все: и женитьба, и поместье, и автомобиль, и военная карьера*. Коптяев, Дружба, III, 46) (ССРЛЯ 16: 722–723), диал. *подплыва́ть* ‘приближаться’ (*Мне уже восемьдесят лет подплывает*) (СРГК 4: 662). Схожие значения развиваются и производные синонимичного гнезда **tekī*: *время течет, события протекают во времени* и т. д.

Кроме того, глагол **plužiti* в приводимых значениях употребляется не только в безличных конструкциях, но и в сочетании с субъектом действия: например, укр. *щастя плужить* ‘судьба благоприятствует кому-либо’ (СУМ 6: 595) или польск. *W statkach pluży* ‘пребывает в богатстве’; *W szczęściu pluży* ‘пребывает в счастье’ (Warsz. 4: 269). Употребление глагола в подобных сочетаниях, по-видимому, соответствуют русск. *плавать* ‘иметь большое количество чего-л.’ (*плавать в роскоши, плавать в деньгах*), ст.-русск. *оплывати* ‘изобиловать, быть переполненным чем-л.; тж. перен.’ (Дювернуа, 121. XVII в.) (Сл РЯ XI–XVII вв. 13: 25), диал. *плавкóм* ‘очень много, в большом количестве’ (СРГК 4: 528), *вналів* ‘то же’ (СОГ 2: 59). Таким образом, по-видимому, брл. *плужыць*, укр. *плужити* и польск. *plużyć* в данном значении также соответствует семантике дериватов гнезда **plav-* / **ply-*. Значение ‘везти, удаваться’ могло развиваться вторично из значения ‘находиться в благополучном состоянии; процветать’. Таким образом, с точки зрения и структуры, и

семантики, эти глаголы также можно возвести к и.-е. корню **plou-g-* ‘двигаться’, ‘двигаться по воде’ вне связи с **plugъ* ‘пахотное орудие’.

Представляется, что можно отнести к праслав. **plužiti (se)* (от и.-е. **plou-g-*) также следующие формы: чеш. *ploužiti se* ‘ползти, едва передвигаться’, *plouživý* ‘медленный’, *plížiti se* ‘подкрадываться’, ‘ползти, подползать’ (Machek²: 462; ЭСБМ 9: 216), польск. *plużyć* ‘слоняться без дела, таскаться, бродить’ (Warsz. 4: 269) и однокоренные им блр. диал. *плугáницца* ‘плестись’, ‘идти, устремляться’ (Machek²: 462; ЭСБМ 9: 216), укр. *плугáнити*, *плугáнитися* ‘плестись, медленно ехать’ (СУМ 6: 595), русск. диал. южн., брян. *плугáниться* ‘медленно идти, ехать, тащиться за кем-либо’ (СРНГ 27: 163). Вероятно, приведенное выше блр. диал. *плугáннэ* ‘ветки, бревна, которые плывут по реке’ является производным от *плугáниць*. В этимологических изданиях они связываются или с **pl’ugavъ* (ср. русск. *плюгавый*) (Machek²: 462; ЭСБМ 9: 216), традиционно относимым к гнезду **pl’ujǫ* (Фасмер III: 289), или с **pъlzi* (ср. русск. *ползти*) (ЕСУМ 4: 456) и сопоставляются с латыш. *bļugt* ‘мягчить и становиться слизким’ (ЭСБМ 9: 216).

Возможность другой этимологии здесь также подсказывают значения дериватов гнезда **plou-* (праслав. **plav-* и **ply-*): ср. русск. диал. *плáвать* ‘передвигаться, ползать’ (*Я гляжу, а у меня мурашка по руки плávae. Жена на полу с тряпкой плáвает, а мужик с газетой на кровати лежит. Учили нас по-пластунски плавать*) (СРГК 4: 528), *плыть* ‘ползти’ (*Если увидишь, как сад плывёт по земле, так уходи вон. Сели чай пить — гляжу: клец плывёт по руке*) (там же: 553), *выплыть* ‘выползти’ (АОС 8: 90), *сплывáться* ‘сползаться (о змеях)’ (СРГК 6: 258), *сплыть* ‘облезть (о коже)’ (*Щёчки загорели у нее, потом они у нее сплыли*) (СПГ 2: 384). Значение ‘ползать’ появилось у данного глагола, вероятно, из семантики плавного, недискретного движения, которая также развивается в значение ‘двигаться медленно’: ср. русск. литер. *вплывать*, *вплыть* ‘плавно, медленно появляться’, ‘медленно проникать куда-л.’ (БАС 3: 210), *уплывать*, *уплыть* ‘медленно удаляться, исчезать из вида (о неподвижных предметах по отношению к движущимся)’ (ССРЛЯ 16: 722–723), диал. *плыву́нья* ‘та, которая медленно ходит’ (СРГК 4: 553), *ноплáвуха* ‘неповоротливая, медлительная женщина, девушка’ (СВГ 7: 159). Таким образом, русские, украинские, польские и чешские лексемы типа *ploužiti se* и *плугáниться* ‘ползти, медленно двигаться’ вполне вписываются в семантическую структуру гнезда **plou-*.

В словенском языке отмечается глагол *plužiti se* ‘спариваться (о жабах)’ (Bezljaj III: 63). Первичным мотивом номинации в нем называется движение, и он признается соответствием приведенных выше дериватов праслав. **plužiti se* и возводится к и.-е. **plou-g-* (там же).

Значение ‘ползать’ развивается у многих глаголов с исходной семантикой ‘движение жидкости’. Так происходит у производных гнезда **liti*: ср. русск. диал. арх. *вѣлѣться, выливаться* ‘выходить из воды на лед (о тюленях)’ (СГРС 2: 331), урал. *слить* ‘сползти, скатиться (о тюленях)’ (СРНГ 38: 276), арх. *слівѣться* ‘соскользнуть со льдины в море, спасаясь от охотников (о тюленях и т. п.)’ (СРНГ 38: 277), арх. *вѣлив* ‘место выхода тюленей из воды’ (СГРС 2: 331). То же характерно и для дериватов **tekti*: русск. диал. *течь* ‘ползти’ (*Видела, как гад текёт по дорожке*) (СРГК 6: 457), блр. диал. *пытачыцца* ‘подползти’ (*Сюда вуж пытачыўся*) (Бялькевіч: 374).

А. В. Тер-Аванесова отмечает выражение значений ‘плыть’, ‘течь’ и ‘ползти’ в одном корне и в финно-угорских языках. Так, в людиковском карельском языке есть глагол *uivelda* ‘ползти’, которому соответствует фин. *uida* ‘плыть’. Автор предполагает, что такое развитие семантики произошло под влиянием севернорусских говоров, где переход ‘плыть’ → ‘ползти’ очень частотен (Тер-Аванесова 2011: 340).

Однако нельзя сказать, что значение ‘ползать’ у глаголов *плавать/плыть* характерно исключительно для севернорусского наречия. Так, в говорах на территории Воронежской области они используются для обозначения скользящего движения по гладкой поверхности: например, *плавать на лыжах, плавать на коньках, плыть с ледяной горки, плыть по скользкому мокрому полу* (устное сообщение С. В. Дьяченко).

От глаголов со значением ‘ползти’ образуются названия насекомых и пресмыкающихся. Ср. русск. диал. *плавѡк* ‘паук’ (Печор. 2: 42), *плавѹн* ‘змея’ (СРГК 4: 529), *пльвѹн* ‘то же’ (там же: 553), *пльвѹщая* ‘то же’ (там же: 553), новг. *поплавѹшка* ‘то же’ (СРНГ 29: 319) и укр. диал. *плавѡк* ‘улитка’ (Никончук, Материалы: 160). Производность и закономерность образования слов со значениями ‘змея’ и ‘насекомое’ от *плавать* ‘ползать’ не вызывает сомнения. Поэтому представляется безосновательным комментарий А. Б. Страхова к статье «Поплавушка» в (СРНГ 29: 319), где к значению ‘змея’ приводится следующий контекст: *Тогда будет жарко, томно, выйдут поплавушки, гады, их в жару больше*. А. Б. Страхов в статье «По страницам “Словаря русских народных говоров”» называет значение ‘змея’ ошибочным и, ссылаясь на обширную группу лексики со значением ‘гриб’ и корнем *плав-*, предлагает толковать *поплавѹшка* в данном контексте как ‘сыроежка’ и приводит следующий аргумент: «Эпитет *гады*, приложенный рассказчиком к *поплавѹшкам*, не поясняет значения этого слова, а выражает его досаду. Настоящие грибки не ценят сыроежек, которые “выходят”, то есть высыпают, появляются из земли в жаркую погоду» (Страхов 2004: 305). Однако представленный выше мате-

риал с корнями *плав-* и *пльв-* и значениями ‘насекомое’ и ‘змея’ вполне оправдывают предложенное в «Словаре русских народных говоров» толкование.

Мотив плавного движения, обозначаемого производными глаголов *плавать* / *плыть*, также широко представлен в лексике: например, русск. литер. *плавный* ‘плавно передвигаться в воздухе (о птицах, летательных аппаратах и т. п.); парить’, ‘плавно передвигаться по небесному своду (обычно о солнце, луне, тучах и т. п.)’, ‘плавно ходить, перемещаться’ (ССРЛЯ 9: 1281–1284), *плавный* (там же: 1288–1289), *пльвучий* (там же: 1462–1463), диал. курск. *плавкий* (СРНГ 27: 69) ‘совершаемый легко и ровно, без резких и крутых изменений (о движении)’, ‘отличающийся равномерными, ритмичными движениями’, ‘постепенно, без резких изменений переходящий из одного положения или состояния в другое’, диал. арх., сиб., иркут. *плавкий* ‘имеющий плавный, размеренный ход, не тряский при езде’ (СРНГ 27: 69) (арх. *плавкий конь*, *плавкая лошадь* [там же]), якут. *плавко* ‘хорошо, легко (о хорошем скольжении полозьев)’ (Сл Сибири 3: 242).

Признак плавного движения является основой для образования лексем с общим значением ‘предмет, совершающий плавное движение’. Например, русск. диал. *плавок* ‘захлопывающаяся часть ловушки на зверей: шарообразная пластинка, на которую наступает зверь’ (Печор. 2: 42), *плавчатой капкан* ‘капкан с захлопывающейся шарообразной пластинкой, на которую наступает зверь’ (там же: 43), влад. *поплавок* ‘телега для перевозки бревен’ (СРНГ 29: 318–319). Особенно интересным в этом отношении представляется укр. диал. *плавок* ‘часть плуга, которой он касается дна борозды’ (или ‘на которой он движется по дну борозды’) (Никончук, Лексика: 104). Эта лексема заставляет вспомнить одну из гипотез происхождения праслав. **plugъ* ‘пахотное орудие’, а именно его возможную деривацию от глагола **pluti*. В качестве главного номинативного признака указывается именно плавное, свободное движение колесного плуга по сравнению с сохой, которая требовала больших усилий при использовании (Трубачев 2003: 187; Фасмер III: 287). Если следовать данной этимологии, то праслав. **plugъ* ‘пахотное орудие’ образовано по той же модели, что и русск. диал. *плуги* ‘поплавки’ и блр. диал. *плуг* ‘плавающие ветки, бревна’, то есть присоединением форманта -g- к и.-е. корню **plou-*. Данные восточнославянские лексемы доказывают, что с точки зрения структуры это вполне возможно, а приводимые выше дериваты славянских корней **plav-* и **ply-* со значением плавного движения и скольжения дают основания для признания семантической части этого толкования.

Плавное движение, скольжение как первичный мотив в обозначении плуга и его деталей косвенно подтверждается параллелизмом производных

корней **plav-* и **rylz-/*polz-* в данном значении. Так, в украинских говорах на территории Ровенской и Житомирской областей в качестве названия упомянутой части плуга, кроме *плавók*, используется лексема *повзún* (**rylzunь*) (Никончук, Лексика: 104), а также *пóлоз*, *полозók* и *полозún* (там же). Лексема *повзún* (*rov'zun*) отмечена в Белоруссии в говорах Брестской области на карте L 563 (№ 31) 'железная часть плуга, которая подрезает землю' в пункте № 362 «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА 4: 94–95) и в русских говорах: *ползún* 'часть плуга, к которой крепится отвал и лемех' (дон., урал.), 'однолемешный плуг' (дон., том.) (СРНГ 29: 67).

Как отмечалось выше, продолжения праслав. **polzь* также обозначают часть плуга: ср. русск. диал. азерб. (русск.) *пóлоз* 'опора плужного лемеха, идущая, скользящая по борозде' (там же: 104), ленингр., волог., карел. (русск.), калин., новг., лит. (русск.), латв. (русск.), куйбыш., горьк., урал. *полозók* 'то же' (там же: 106), укр. диал. *пóлоз* 'часть плуга, которой он касается дна борозды' (Никончук, Лексика: 104), болг. *плаз* 'подошва плуга' (Фасмер III: 314), с.-хорв. *плâз* 'то же' (там же), словен. *plâz* 'то же' (там же), чеш. *plaz* 'часть плуга' (там же).

Как и производные корня **plav-* в значении 'ползать', дериваты корней **rylz-/*polz-* закономерно обозначают пресмыкающихся: ср. русск. диал. *ползún* 'змея' (пск., новг., симб., кригиз. (русск.), 'гусеница' (арх.) (СРНГ 29: 69), сарат., брян. *пóлоз* 'большая змея' (там же: 104), чеш. *plaz* 'пресмыкающееся' (Фасмер III: 314).

Данный материал, возможно, позволяет скорректировать и конкретизировать версию О. Н. Трубочева и предположить, что название плуга могло первоначально быть обозначением его части, которая плавно движется по борозде (ср. русск. диал. *ползún* 'часть плуга, к которой крепится отвал и лемех' и 'однолемешный плуг').

Литература

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецово́й, Е. А. Нефедовой. М., 1980–2013—. Вып. 1–15—.
- БАС — Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М., 2004–2007—. Т. 1–7—.
- Бялькевіч 1970 — *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Ред. кол.: О. С. Мельничук, И. К. Білодід, В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукинова, В. Г. Складенко, О. Б. Ткаченко и др. Київ, 1982–2012. Т. 1–6.

- Лабко 1979 — Лабко В. Д. Сучасная беларуская дыялектная лексікаграфія і этымалагічнае вывучэнне лексікі // Народная славотворчасць / Рэд. Ф. Д. Клімчук, І. Я. Яшкін. Мінск, 1979. С. 295–300.
- Никончук, Лексика — Никончук М. В. Сільскагаспадарська лексика Правобережного Полісся. Київ, 1985.
- Никончук, Матеріали — Никончук М. В. Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ, 1979.
- ОЛА 4 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Братислава, 2012. Вып. 4. Сельское хозяйство.
- Печор. — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005. Т. 1, 2.
- Рамановіч, Чабярук 1976 — Рамановіч Я. М., Чабярук А. І. У слоўнік Гомельшчыны // Народнае слова / Пад рэд. А. Я. Баханькова. Мінск, 1976. С. 157–165.
- СВГ — Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда, 1983–2005–. Вып. 1–10–.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург, 2002–2014–. Т. 1–6–.
- Сл РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (т. 1–6), Ф. П. Филин (т. 8–10), Д. Н. Шмелев (т. 11–14), Г. А. Богатова (т. 15–26), В. Б. Крысько (т. 27–). М., 1975–2011–. Т. 1–29–.
- Сл Сибири — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1999–2002–. Т. 1–3–.
- СОГ — Словарь орловских говоров / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. Ярославль; Орел, 1989–1996–. Вып. 1–8–.
- СПГ — Словарь пермских говоров / Ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. Пермь, 2000–2002. Вып. 1, 2.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред.: Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–). М.-Л., 1965–2013–. Т. 1–46–.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. М., 1950–1965. Т. 1–17.
- Страхов 2004 — Страхов А. Б. По страницам «Словаря русских народных говоров» // Palaeoslavica. 2004. Vol. 12, № 1. P. 254–324.
- СУМ — Словник української мови. Київ, 1970–1980. Т. 1–11.
- Тер-Аванесова 2011 — Тер-Аванесова А. В. Плыть и глаголы плавания в олонечских говорах // Слова. Концепты. Мифы: К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева. М., 2011. С. 336–341.
- Трубачев 2003 — Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 2003. Издание второе, дополненное.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева Т. I–IV. Изд. 4-е, стереотипное. М., 2003.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў (1–8), Г. А. Цыхун (9–13–). Т. 1–13–. Мінск, 1978–2010–.

- Bañkowski — *Bañkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. Warszawa, 2000. Т. 1, 2.
- Bezljaj — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1977–2005. Knj. 1–4.
- LIV — Lexikon der Indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstambbildungen / Ed. H. Rix. Wiesbaden, 1998.
- Machek² — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; Münch., 1950–1969.
- Warsz. — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1927 (= 1952–1953). Т. 1–8.

Summary

Tatiana Shalaeva

On the Possible Derivatives of IE *pleu- / *ploṷ- in the Slavic Dialects

The paper discusses some disputable etymologies of the Slavic words possibly related to the Indo-European roote *pleu- / *ploṷ-. These are Bel. *плўжыць*, Ukr. *плўжити*, Pol. *plўżyć* ‘to be lucky’, Czech. *ploužití se*, Bel. *плўгáниця*, Ukr. *плўгáнити*, *плўгáнитися*, Rus. Dial. *плўгáниться* ‘to go slowly; to creep’, Pol. *plўżyć* ‘to wander’. In terms of the structure and the semantics they may derivate from the root *ploṷ-g- whose main meaning is ‘to move’. On the other hand, some of *ploṷ- derivates denote smooth movement and objects which possess this quality (cf. Ukr. Dial. *плавóк* ‘part of plough which touches the ground’). This fact adds new evidences for one of the etymologies of Slav. *plugъ, namely which derives it from the roote *ploṷ-, like the Slavic verb *pluti.

О преславизмах как тесте для определения места и времени создания древнейших славянских текстов

С первых шагов палеославистики известны попытки использовать лексические диалектизмы в качестве теста для определения места и времени создания славянских переводных текстов, сохранившихся в древнейших славянских рукописях. Этому способствовало то обстоятельство, что в списках библейских книг в одном и том же месте Евангелия, Псалтыри, Апостола, перикоп из Ветхого Завета могут употребляться синонимы (так называемые дублеты), что сразу привлекало внимание исследователей. Уже П. Й. Шафарик в работе 1858 г. «Über den Ursprung und die Heimat des Glagolitismus» пытался доказать бóльшую древность глаголических рукописей в сравнении с кириллическими на основании того, что слова паннонского (по его мнению) происхождения, встречающиеся в глаголических рукописях, в кириллических списках обыкновенно заменяются другими словами (Шафарик 1861: 29). С 90-х годов XIX в. лексические диалектизмы стали одним из основных объектов палеославистических изысканий — прежде всего благодаря трудам А. И. Соболевского и В. Ягича. Соболевский, опираясь на факты употребления в рукописях так называемых русизмов, пытался выделить в древнеславянском письменном наследии русские переводы. Доклад «Особенности русских переводов домонгольского периода», на основе которого впоследствии была написана одноименная статья, был произнесен уже в 1893 г. (Соболевский 1897)¹. К 1902 г. В. Ягичем был составлен знаменитый свод лексических дублетов, который был опубликован в работе «Zum Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache» (Jagić 9002)². В среде российских ученых в то время распространилось представление о том, что в Болгарии в конце IX – начале X вв. при дворе царя Симеона приближенными к нему книжниками была осуществлена вторая редакция всех книг Св. Писания, связанная с созданием

* Статья написана в рамках работ по проекту сотрудничества Института славяноведения РАН и Кирилло-Мефодиевского научного центра БАН «Лингвистические и текстологические исследования древнейших славянских списков Ветхого Завета».

¹ Доклад более известен по книге «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии» (Соболевский 1910).

² Эта работа более известна в расширенном и дополненном варианте издания 1913 г. (Jagić 1913).

толковой версии. Эту редакцию называли «симоновской» (теперь ее называют «преславской»), а слова «правого ряда» в своде дублетов Ягича стали считаться лексическими приметами этой редакции и других переводов, предположительно осуществленных в Преславе при дворе царя Симеона. Уже в работах 1901–1902 гг. Погорелов, особенно горячо отстаивавший гипотезу о «симоновской» редакции, на основании употребления в текстах, главным образом, определенной лексики приходит к выводу о существовании толковой редакции книг Св. Писания как части осуществленного в Болгарии при царе Симеоне целенаправленного предприятия, к которому он относит также появление и Супрасльской рукописи, и Изборника 1073 г. (Погорелов 1901: XIX; Погорелов 1902: 20). Все эти тексты, действительно, характеризуются особой лексикой, которую в современной палеославистике принято называть «преславизмами».

Методика определения места и времени создания (или редакции) текста путем выявления в нем наличия или отсутствия преславизмов, использовавшаяся во времена В. А. Погорелова, применяется до сих пор, особенно широко болгарскими коллегами. Под «преславизмами» понимаются некоторые морфологические и синтаксические особенности языка, но главным образом — особая лексика (во многом совпадающая с «правым рядом» в своде дублетов Ягича), выявляемая путем сопоставления одних и тех же стихов в более ранних и более поздних списках библейских книг и подтверждаемая лексическим инвентарем текстов, которые связываются палеославистами с деятельностью книжников Преславской школы письменности, — Изборника 1073 г. («Симеонова сборника»), произведений Иоанна Экзарха Болгарского и нек. др., а из рукописей «старославянского канона»³ — прежде всего Супрасльской рукописи, с лексическим инвентарем которой поверял преславизмы еще В. А. Погорелов. Инициатором возрождения этой методики следует считать, видимо, И. Добрева — с его статьями конца 70-х годов прошлого века (Добрев 1978; Добрев 1979).

Хорошо известно, что употребление преславизмов в текстах непоследовательно. Т. е. наряду со словами, считающимися преславизмами, в других

³ В состав «старославянского канона» палеослависты обычно включают наиболее древние славянские рукописи, а именно древнеболгарские рукописи X–XI вв.: Зографское четвероевангелие, Мариинское четвероевангелие, Ассеманиево евангелие-апракос, Саввиную книгу (апракос), Охридские листки, Листки Ундольского, Зографский палимпсест, Боянское евангелие-апракос, Енинский апостол, Синайскую псалтырь, Синайский ехологий и Синайский служебник, Клоцов сборник, Супрасльскую рукопись, Хиландарские листки, Рильские листки, Зографские листки.

местах текста, предполагаемого преславским, равно употребляются и слова, считающиеся кирилло-мефодиевскими. Это касается не только лексических замен (и их отсутствия) в богослужебных текстах, но и лексического инвентаря толкований на книги Св. Писания, и других произведений, переводы которых принято относить к деятельности Преславской школы письменности. Например, приметой кирилло-мефодиевского перевода считается переводящий греч. *diá* послелог *ради*, а послелог *радьма* или *д'ѣльма* — преславизмами. Однако если посмотреть лексический инвентарь «Богословия» Иоанна Экзарха, то окажется, что *ради* употреблено в нем 32 раза, а *д'ѣльма* — только 23 раза (причем с вариативностью с *ради* по спискам), а *радьма* — и вовсе только 9 раз (и тоже с вариативностью с *ради* по спискам).

Обычно палеослависты ограничиваются констатацией факта, что такая-то лексема характерна для узуса преславских книжников. Но что представляют собой «преславизмы» с лингвистической точки зрения — этимологии, диалектологии, социолингвистики, психолингвистики, теории словообразования и т. д.? Очевидно, что преславизмы с разными параметрами должны иметь и разную «тестовую значимость». Методика же использования преславизмов в качестве теста для определения места и времени создания древнейших славянских текстов нуждается, на наш взгляд, в существенном уточнении и дальнейшей разработке с учетом разной тестовой значимости отдельных преславизмов.

Общим местом в палеославистике является утверждение, что с появлением центра письменности в Преславе меняется диалектная основа старославянского языка⁴. А. Вайан писал даже о *д в у х* литературных языках — древнемакедонском и древнеболгарском (хотя и «без резко разграниченного противопоставления») (Вайан 1952: 17–18). Д. Иванова-Мирчева, автор не только многих конкретных исследований, но и обобщающих трудов, всячески подчеркивала единство «староболгарского языка», но все же считала, что «значительна част от тези синоними се дължат на диалектни различия и са резултат на това, че докато по-старият тип книжовен език се е развивал в една диалектна среда — западнобългарската, преславският тип книжовен език се е развивал в източнобългарската диалектна среда» (Иванова-Мирчева 1987: 185). Однако, видимо, знака равенства между понятиями «лексический преславизм» и «лексический восточноболгарский (точнее, северовосточноболгарский) диалектизм» ставить не следует.

⁴ См., например, описание последовательной смены диалектных основ старославянского языка в заключительном обзоре в книге А. С. Львова (Львов 1966: 280–308).

Радикальной точки зрения на этот вопрос придерживается Р. Станков, который полагает, что «терминами “преславизм” и “охридизм” можно пользоваться лишь в текстологическом, но никак не в лексикологическом смысле, да и то по отношению к текстологии богослужебных текстов» (Станков 1991: 89; Станков 1994: 64). Разумеется, такое толкование термина «преславизм» имеет свое основание. Более того: вывод понятия «преславизм» за пределы лексикологических исследований как будто даже гарантирует палеославиству корректность описаний изучаемых текстов. Однако и тестовая значимость преславизмов при таком подходе неизбежно значительно сужается, а ведь именно в качестве теста для определения времени и места создания древнейших славянских текстов преславизмы востребованы на современном этапе развития палеославистики.

Представляется, что лексические замены в богослужебных текстах (а также и в других ранних славянских переводах) следует рассматривать в рамках изучения общей тенденции корректировки текстов преславскими книжниками как объясняемой их стремлением к возможно лучшему восприятию аудио- и видеокодов текстов слушателями (т. е. паствой) или читателями⁵. В какой-то мере при таком видении проблемы мы возвращаемся к мыслям В. Ягича, высказанным им еще в самом начале XX века. Как современники, так и последующие поколения палеославистов «подхватили» идею Ягича о диалектном происхождении дублетов («вторых членов» синонимических пар) в древнейших списках Св. Писания. Однако такое избирательное прочтение трудов Ягича привело к упрощению и — следовательно — к искажению позиции Ягича по этому вопросу. На самом деле Ягича интересовали прежде всего процессы, свидетельствующие о внутренней эволюции старославянского языка (в его терминологии, «церковнославянского» языка: «eine gewisse Evolution innerhalb der kirchenslavischen Sprache»), и потому он рассматривал дублеты с точки зрения, во-первых, характерности их для более ранних и более поздних памятников письменности или, во-вторых, в качестве синонимов «того же времени» («gleichzeitige Synonymen»). Возникновение вариантов более позднего времени объяснялось им стремлением частично к большей точности, частично к большей понятности языка («Varianten späterer Zeit, deren Auftreten zum Theil in dem Bestreben nach grösserer Genauigkeit, zum Theil aber auch in der dadurch erzielten grösserer Verständlichkeit seinen Erklärungs-

⁵ Попытка рассмотреть корректировки гомилетических текстов с точки зрения обеспечения возможно лучшего восприятия их аудиокодов была предпринята нами (Ефимова 2013).

grund findet»). И в последнем случае варианты могли иметь диалектное происхождение («Wo das letztere der Fall war, dort sollte man allerdings dem secund Ausdruck einen localen Hintergrund zuschreiben») (Jagić 9002: 68).

Стремление преславских книжников к большей понятности языка подразумевает, что и в новых переводах не должны были использоваться непонятные или малопонятные слова, и при редактировании кирилло-мефодиевских переводов непонятные или малопонятные слова желательно было заменять на понятные. Общеизвестный факт замены грецизмов первоначальных переводов славянской лексикой «укладывается» в эту тенденцию⁶. Однако предпочтение, отдаваемое преславскими книжниками «преславской лексике», отнюдь не означало употребления ими в качестве таковой исключительно региональной лексики: среди так называемых преславизмов обнаруживаются (и даже чаще, чем северо-восточноболгарские диалектизмы) и народная лексика общеславянского распространения, и слова, созданные из славянских морфем по славянским словообразовательным моделям самими книжниками. Таким образом, первыми шагами к возможности корректного использования так называемых преславизмов в качестве теста для определения времени и места создания древнейших славянских текстов должны стать их лингвистическая дифференциация и установление в зависимости от этого их тестовой значимости.

Логично предположить, что наибольшую тестовую значимость должны иметь преславизмы — северо-восточноболгарские диалектизмы. Обычно «восточноболгарскими диалектизмами» в старославянском лексиконе считают единицы слоя обыденной лексики, характерные для рукописей, связь которых с деятельностью преславских книжников считается признанной, имеющие синонимы в переводах, считающихся кирилло-мефодиевскими (см., например, Львов 1966: 284). Так, если в Евангелии (Л 3,17; Мт 3,12) и Паремейнике (Иоиль 2,24; Дан 2,35)⁷, т. е. в кирилло-мефодиевском переводе, нахо-

⁶ Согласно наблюдениям Т. Славовой над лексическим варьированием по спискам евангельского текста, наиболее последовательно заменяются грецизмы, реже заменяются славянские лексемы славянскими же лексемами, но с другим корнем, и реже всего наблюдаются по спискам словообразовательные варианты (Славова 1989: 117).

⁷ В примерах из Паремейника опираемся прежде всего на данные древнейшего Григоровичева паремейника (Григ); в примерах из рукописи Ветхого Завета F.I.461 опираемся прежде всего на уже опубликованные первые два тома серии «Старобългарският превод на Стария завет» под ред. С. Николовой (Старобългарският превод 1998; Старобългарският превод 2003); цитированные рукописи указаны в списке принятых сокращений назва-

дим передачу ἄλων ‘гумно’ как гоумно то в Супрасльской рукописи, т. е. рукописи, тексты которой либо переведены, либо отредактированы преславскими книжниками, — как токъ (Супр 127,21–22; Супр 127,25), и, следовательно, токъ считается восточноболгарским диалектизмом; если в Евангелии (Мт 25, 6; Мт 25,10; И 3,29 и др.) и Псалтыри (Пс 18, 6), т. е. в кирилло-мефодиевском переводе, находим передачу υμφίος ‘жених’ как женихъ, то в Супрасльской рукописи — как зать (Супр 237,5; Супр 335,19–20; Супр 368, 28), и, следовательно, зать считается восточноболгарским диалектизмом. И т. п. Вместе с тем идентификация слов как северовосточноболгарских диалектизмов тысячелетней давности представляет собой непростую задачу. Покажем это на конкретных примерах.

В качестве единиц слоя народной лексики, оказавшейся в старославянском лексическом инвентаре, северовосточноболгарские диалектизмы с точки зрения семантики должны иметь значения, типичные для бытовой лексики, с точки же зрения морфологической структуры они могут иметь непродуктивные для старославянского языка суффиксы или быть (на уровне старославянского языка) непроемкими. Таким северовосточноболгарским диалектизмом являлось, возможно, слово паригъ, сохранившееся в ряде рукописей как перевод греч. σάκκος ‘мешковина; одежда или мешок из мешковины’, хотя авторы «Этимологического словаря старославянского языка» (далее ESJS) считают это слово исключительно русско-церковнославянским или же древнерусским. Таким образом, идентификация слова паригъ в качестве северовосточноболгарского диалектизма требует специального исследования.

В кругу рукописей «старославянского канона» слово паригъ не встречается. Если обратиться к греческим оригиналам этих рукописей, то слово σάκκος ‘одежда из мешковины’ обнаружится в евангельских тетровых стихах (Мт 11,21 и Л 10,13) и псалмах 29,12 (30,11), 34,13 (35,13) и 68,12 (69,11), и во всех этих случаях рукописи «старославянского канона» (Зографское и Мариинское евангелия и Синайская псалтырь) имеют перевод вѣртице⁸. В значении ‘мешок из мешковины’ перевод σάκκος как вѣртице находим и в Супрасльской рукописи (Супр 112,3; 112,4; 112,6; 112,7–8), хотя он и обнаруживается в Житии Кодрата, т. е. в одной из тех частей рукописи, в которых чаще, чем в других ее частях, палеослависты отмечают характерную для узу-

ний рукописей. Греческий текст анализируется по изданиям (Merk 1984; Robinson, Pierpont 2005; Rahlfs 1952; Migne 1864), а также по некоторым изданиям рукописей.

⁸ В псалмах 29,12 и 68,12 в Синайской псалтыри имеем написание вѣртице, однако в псалме 29,12 ти надписано над строкой.

са преславских книжников лексику (Благова 1980: 122–126; Ефимова 1991: 78–77). Вместе с тем **јаригъ** выступает лексической заменой слову **врѣтице** в переводе Ветхого Завета: например, **ѡбѡкоꙗ** в Иоиль 1,8 и 1,13 в кирилло-мефодиевском переводе, сохранившемся в хорватско-глаголических бревиариях XIV–XV вв., передается словом **врѣтице**, а в тех же стихах в древнерусском списке XV–XVI вв., изданном Н. И. Туницким, — словом **јаригъ** (SJS IV: 955). Замену в Чудовской псалтыри **врѣтице** на **јаригъ** как на слово, предпочтительное для преславских книжников при переводе греч. **ѡбѡкоꙗ**, отмечала И. Карачорова (Карачорова 1984: 58–59). На основании же того, что **јаригъ** выступает иногда заменой слову **врѣтице** в Галицком, Боянском и Тырновском списках Евангелия (а также в Чудовской псалтыри, о чем уже писала И. Карачорова), Т. Славова считает **јаригъ** преславизмом. При этом Т. Славова указывает также и на случаи употребления слова **јаригъ** в списках с произведений, переводы которых связываются обычно с деятельностью преславских книжников (Славова 1989: 37). Действительно, в таком случае замену **врѣтице** на **јаригъ** можно приписать деятельности преславских книжников и предполагать, что **јаригъ** является преславизмом по меньшей мере в «текстологическом смысле».

Но являлось ли слово **јаригъ** северовосточноболгарским диалектизмом? Судя по всему, в современных мизийских говорах такого слова нет⁹. Однако это не значит, что слова *jarigъ* не было в них тысячу лет тому назад. Авторы ESJS полагают этимологию *jarigъ* неясной («*etymologicky neprůhledné*», хотя и предполагают наиболее вероятным вычленение суффикса *-igъ* и связь с *jariga* и *jarina*), но считают это слово только русско-церковнославянским или же древнерусским («*Slovo jen rsl., respektive str.*») (ESJS 5: 269). Такая идентификация слова *jarigъ* авторами ESJS обусловлена, видимо, кругом текстов, служивших источниками для ESJS, а в этом круге *jarigъ* встречается только в древнерусских списках Ветхого Завета и, в частности, в списке XV–XVI вв. Троице-Сергиевской Лавры № 89, положенном в основу издания Н. Л. Туницкого (Тунцкий 1918), и фиксацией его словарями Даля и Срезневского. Однако возможность попадания слова *jarigъ* из русских диалектов в древнерусские списки со старославянских протографов как раз вызывает сомнение. Известные нам русские диалектные словари и картотеки это слово не фиксируют (что, правда, не означает, что его, так же как и в болгарских диалектах,

⁹ Благодарю Р. Станкова, пытавшегося по моей просьбе найти слово *jarigъ* в Картотеке диалектного архива Института болгарского языка БАН и в Диалектной картотеке Софийского университета.

не было в русских диалектах тысячу лет тому назад¹⁰). И. И. Срезневский указывает для **яригъ** примеры, главным образом, из поздних списков с рукописи Ветхого Завета Упыря Лихого и рукописей, связываемых обычно с Преславской школой письменности. Пример из Лаврентьевской летописи имеет «церковную тематику»: «Аще преклониши выю свою и яригъ и попель постелеши подь собою, то и то не наречется алканье приято Богомъ» (Срезн III: 1659–1660). В. И. Даль приводит слово **яригъ** ‘вретище’, но с пометой «црк.», а также параллель ж. р. **ярига** с тем же значением (Даль IV: 678). Указанное при этом в отсылке слово **ярига** («см. **ярига**») имеет совсем другие значения — главным образом, лица (Даль IV: 679)¹¹. При этом отметим, что **ярига** и **ярига** — это все же другие слова, с *a*-основой, образованные независимо от слова **яригъ**, хотя, возможно, и образованные с тем же многофункциональным суффиксом от этимологически того же корня — если принять версию о славянском происхождении слова **яригъ**¹². Во всяком случае о том, что в старославянском лексическом инвентаре **яригъ** никак не может являться русизмом, свидетельствует его многократное, постоянное употребление для перевода **о́ккос** в известной среднеболгарской (и наиболее древней) рукописи Ветхого Завета XIV в. F.I.461. Этот перевод наблюдается в ней и в основном библейском тексте, и в толкованиях (по нашим наблюдениям: Иез 7,18; Иез 27,31; толкование на Иез 27,27; Амос 8,10; толкование на Амос 8,8; Иона 3,6; Иона 3,8 и мн. др.). И если предметом спора среди палеославистов является, был ли переведен основной библейский текст ряда книг Ветхого Завета преславскими книжниками заново или ими был только редактирован первоначальный кирилло-мефодиевский перевод, то, как кажется, ни у кого не вызывает сомнений то, что толкования были переведены впервые пре-

¹⁰ Благодарю С. А. Мызникова, сообщившему мне, что в Картотеке СРНГ имеется слово **яриг** в значении ‘сеть’, которое, возможно, имеет отношение к нашему **яригъ** ‘мешковина, грубая ткань’.

¹¹ Возможно, как-то с интересующим нас словом **ярига** связано в указанном тут же Далем для **ярига** значении ‘плавная сеть на красную рыбу’ с пометой «урал-казч.».

¹² Т. И. Вендина в статье о суффиксах с «*g*-основой» приводит большой диалектный материал с суффиксом *-иг(a)*, в том числе и слово **ярига** с ссылкой на Даля (Вендина 1980: 244). По наблюдениям Вендиной, многофункциональный суффикс *-иг(a)*, который она считает древним славянским суффиксом, сохраняет свою активность во многих русских говорах, но распространен также и «в южнославянском языковом континууме, причем преимущественно в его окраинных языковых зонах: болгарской, македонской, словенской» (Вендина 1980: 248–249). Однако Вендина не упоминает слова **яригъ**. Й. Русек же считал слово **яригъ** ранним тюркским заимствованием в болгарском языке, которое проникло на Русь из преславских списков (Rusek, Raczewa 1991).

славскими книжниками, и, следовательно, перевод $\sigma\acute{\alpha}\kappa\kappa\omicron\varsigma$ как **паригъ** — это преславский перевод. И, следовательно, скорее **паригъ** в качестве северовосточноболгарского диалектизма мог оказаться в более поздних древнерусских списках, а не наоборот.

Вместе с тем в рукописи F.I.461 в Мих 6,11 встречается и употребление «кирилло-мефодиевского» слова **врѣтице** — как перевод греч. $\mu\acute{\alpha}\rho\tau\iota\lambda\lambda\omicron\varsigma$. Каким образом слово **врѣтице** могло попасть в ветхозаветный стих, если не только толкования, но и основной библейский текст первых восьми книг Малых пророков был *переведен* преславскими книжниками, как считают многие ученые? Однако это объяснимо, если предыдущий кирилло-мефодиевский перевод был ими лишь *редактирован*. Отсутствие замены на **ѣригъ** в этом случае, возможно, объясняется и тем, что в этом стихе **врѣтице** переводит другое греческое слово — не $\sigma\acute{\alpha}\kappa\kappa\omicron\varsigma$, а $\mu\acute{\alpha}\rho\tau\iota\lambda\lambda\omicron\varsigma$.

Как уже упоминалось выше, частая замена преславскими книжниками грецизмов первоначальных кирилло-мефодиевских переводов словами славянского происхождения является общеизвестным фактом. Однако не обращается внимания на то, являлись ли эти слова славянского происхождения северовосточноболгарскими диалектизмами, или словами общеславянского распространения, или словами, созданными из славянских морфем по славянским словообразовательным моделям самими книжниками.

Так, например, преславизмом считается слово **стъклаѣница**, употребляющееся как замена грецизму **алабастръ** (Добрев 1978: 90–91; Славова 1989: 25)¹³. Если обратиться к кирилло-мефодиевскому переводу, то в начальный период становления старославянского языка переводом греч. $\acute{\alpha}\lambda\acute{\alpha}\beta\alpha\sigma\tau\rho\varsigma$ ‘алабастровый сосуд’ был грецизм **алабастръ**. Так во всех старославянских евангельских кодексах в апракосных чтениях (Мт 26,7; Мк 14,3; Лк 7, 37). Семантически «пересекающееся» с ним слово $\lambda\omicron\tau\acute{\iota}\rho\iota\omicron\nu$ ‘сосуд, чаша’ передавалось как **чаша**. Так в старославянских кодексах в апракосных чтениях (Мт 10,42; Мт 26,27; Мк 9,41; *перен.* Мт 26,39) и Псалтыри (Пс 22,5; Пс 115,4; *перен.* Пс 10,6; *перен.* Пс 15,5). В ряде среднеболгарских и древнерусских списков Евангелия (Боянском, Тырновском, Добромировом, Юрьевском, Мстиславовом, Добриловом и др.) **алабастръ** заменяется на **стъклаѣница**. Особенно показательна замена **алабастръ** на **стъклаѣница** (так же как и **муро** на **благовонья**

¹³ Эта лексическая замена была замечена уже В. Ягичем, хотя Ягич, разумеется, не квалифицировал **стъклаѣница** как преславизм, но писал о замене в более поздних южнославянских текстах («in späteren südsl. Texten») (Jagić 1913: 302).

масть) в Супрасльской рукописи при цитации евангельского стиха Л 7,37, демонстрирующая предпочтения преславских книжников в выборе наименований. Ср.: Καὶ ἰδοῦ, γυνὴ ἐν τῇ πόλει, ἣτις ἦν ἀμαρτωλὸς ... κομίσασα ἀλάβαστρον μύρου ... — И се жена въ градѣ ѣже бѣ грѣшница ... принестьши алавастръ мѹра ... Зоґр — И се жена въ градѣ ѣже бѣ грѣшница ... принестьши стьклѣницѣ благовонны масти... Супр 391,9. Таким образом, слово стьклѣница можно считать преславизмом в «текстологическом смысле». Широко употребляется слово стьклѣница и в рукописях, протографы которых были созданы преславскими книжниками, — в Изборнике 1073 г. (105в 21), в «Шестодневе» Иоанна Экзарха (68а 16; 145с 16–17; 145с 20) и др.

Вместе с тем уже в кирилло-мефодиевских переводах, несколько более поздних, чем перевод избороного Евангелия и Псалтыри, встречаем слово стьклѣница — как передачу греч. λωτήριον: в Евангелии-тетр (Мт 23,25; Мт 23,26; Мк 7,4; Мк 7,8; Лк 11,39), в Паремейнике (Притч 23,31 Григ, Зах). Встречается слово стьклѣница и в рукописях моравского происхождения: в «Беседах папы Григория на Евангелие», в Житии св. Бенедикта (правда, наиболее древние списки имеются только XIII в. и XIV в. соответственно) (SJS III: 194–195).

Очевидно, что к региональной лексике преславизм стьклѣница причислить нельзя. Надо полагать, что старый праславянский германизм **styklo* имел, скорее всего, общеславянское распространение. Вместе с тем неясно, общеславянское ли распространение имело слово стьклѣница, поскольку оно — образование с высокопродуктивным суффиксом *-ic(a)*, и в таких случаях трудно сказать, как велика в конце IX — начале X вв. была территория распространения такого слова, притом именно в этом значении.

Наличие в разных диалектных зонах разных значений у, казалось бы, одной и той же славянской лексемы — еще одна сложность при определении тестовой значимости народной славянской лексики в древнейших рукописях: процедура словообразования с продуктивными суффиксами может быть многократной и по мере необходимости давать результатом слова с разными значениями. Посмотрим, например, на старославянское слово с тем же суффиксом *-ic(a)* мѣдница. Слав. *mědnica* в разных диалектных зонах могло иметь и значение ‘мелкая монета’ (с.-х. *mjednica*, то же в др.-русск.), и значение ‘металлический таз’ (польск. и ст.-польск. *miednica*, то же в словин.), и значение ‘медная руда’ (словен. *mědnica*), а в русских диалектах и значение ‘змея медянка’. В старославянских текстах слово мѣдница употребляется для наименования мелкой монеты при переводе целого ряда греческих слов —

τὸ λεπτόν, ἡ δραχμή, τὸ ἀργύριον, в том числе и для замены в тех местах библейских книг, где в первоначальном кирилло-мефодиевском переводе используются другие слова старославянского инвентаря, а именно грецизмы *лепта*, *драгъма*, слово славянского происхождения *тръхъть*¹⁴. В Евангелии-апракос в кирилло-мефодиевском переводе τὸ λεπτόν передается грецизмом *лепта* (Лк 21,2 в Ас, Остр, Зогр, Мар). В Евангелии-тетр в кирилло-мефодиевском переводе τὸ λεπτόν передается и грецизмом *лепта* (Мк 12,42 Зогр, Мар), и слав. *тръхъть* (Лк 12,59 Зогр, Мар). Греч. ἡ δραχμή в Евангелии-тетр в кирилло-мефодиевском переводе передается грецизмом *драгъма* (Лк 15,8; Лк 15,9). Также грецизм *драгъма* обнаруживается и в Синайском евхологии при аллюзиях на евангельские стихи (Евх 84а 15; 85b 12–13). По наблюдениям Т. Славовой, как грецизмы *лепта*, *драгъма*, так и слав. *тръхъть* заменяются на *мѣдъница* в целом ряде среднеболгарских и древнерусских списков Евангелия (Юрьевском, Мстиславовом, Добриловом, Вукановом, Добромировом, Галицком, Тырновском и др.), что объясняется редакторской работой преславских книжников (Славова 1989: 45–46). Встречается *мѣдъница* и в Супрасльской рукописи, где употребляется для перевода τὸ ἀργύριον (Супр 331,30), и в древнерусских списках со старославянских протографов (Срезн II: 238–239). Таким образом, можно говорить о слове *мѣдъница* как о преславизме «в текстологическом смысле».

Вместе с тем это слово в значении ‘мелкая монета’ было все же, видимо, регионально ограничено. Уже в Саввиной книге, т. е. в кругу рукописей «старославянского канона», в Лк 21,2 грецизм *лепта* заменяется словом славянской народной речи, но не словом *мѣдъница*, а словом *мѣра*. В «Беседах папы Григория» при аллюзиях на евангельские стихи для наименования мелких денег также употребляются не грецизмы, а слова славянской народной речи. Помимо слова *мѣра* в этом значении используются и *гривьна*, и *мѣдъца*, однако не встречается *мѣдъница*. Ср.:

мѣра (Лк 15,8): Decem vero drachmas habuit mulier — *десать мѣръ . имѣ жена . Бес XXXIV 239аа 20;*

гривьна (Лк 15,8): Aut quae mulier habens drachmas decem, et si perdidit drachmam unam... quaerit diligenter donec inveniat drachmam quam perdidit — Или *котораа жена имоуци гривьны . и аще погочьбитъ гривьноу . љдиноу...ищеть хытро дондеже шьращеть . гривноу . юже погочьвила . Бес XXXIV 238аа 6 и 7–8;*

мѣдъца (ср. Лк 21,2): Valuit viduae duobus minutis — *възможе . вдовица . двѣма . мѣдъцама . коупити . Бес V 19аа 17–18.*

¹⁴ Ст.-слав. *тръхъть* образовано от корня, представленного в псл. *trocha*, на ступени редукции (ESJS 16: 991). См. также (Фасмер IV: 107).

Среди преславизмов есть немало слов, созданных самими книжниками. Для своего словотворчества преславские книжники использовали способы номинации и словообразовательные модели, известные в кирилло-мефодиевских переводах (Ефимова, Желязкова 2014: 10–11). Тем не менее для дериватов — результатов этого словотворчества можно указать «словообразовательные приметы»: суффикс *-iv-* прилагательных, суффикс *-ě* наречий (Ефимова 1991; Ефимова 1999; Ефимова 2002: 263–265), хотя использование словообразовательных моделей с этими суффиксами для образования новых слов не было исключительным и может рассматриваться только как тенденция к предпочтению их преславскими книжниками. Так, например, в кирилло-мефодиевских переводах широко употребляется слово с суффиксом *-iv-* **нечѣстивъ(ѣи)** ‘безбожный, нечестивый’ и (в субстантивном употреблении) ‘нечестивец’, калькирующее греч. ἀσεβής; в Синайской псалтыри насчитывается 17 употреблений этого слова. Соответственно ἀσεβής — **нечѣстивъ(ѣи)** прочно закрепилось в узусе славянских книжников, в том числе и преславских. Вместе с тем перевод греч. δίκαιος ‘праведный, справедливый’ и (в субстантивном употреблении) ‘праведник’ как **правѣдивъи** (с тем же суффиксом) можно, как кажется, надежно отнести к приметам узуса преславских книжников, в то время как в кирилло-мефодиевских переводах известен почти исключительно перевод **правѣднѣ(ѣи)** или **правѣдникѣ** (Ефимова, Желязкова 2014: 11–12). Образование новых, книжных отадъективных наречий с суффиксом *-ě* (типа **бесчѣстнѣ**, **боголѣпнѣ**, **всѣмоцнѣ**, **доброобразнѣ** и мн. др.), неизвестное кирилло-мефодиевским переводам, особенно характерно для языка Иоанна Экзарха Болгарского. Подобные наречия также можно надежно отнести к приметам узуса преславских книжников, хотя в их произведениях наречия, образованные с этим суффиксом, соседствуют с отадъективными наречиями на *-o*, причем иногда образованными от той же мотивирующей основы и с теми же значениями (Ефимова 1999: 43–56).

Поскольку преславизмами считаются слова, введенные в старославянский лексический инвентарь преславскими книжниками, к преславизмам следует отнести и огромное количество созданных ими калек, особенно калек с греческих композитов. Так, Т. Илиева только в переводе книги пророка Иезекииля с толкованиями, который издатели текста книги по рукописи F.I.461 считают целиком преславским (Тасева, Йовчева 1995: 52; Тасева, Йовчева 2003: 55), обнаруживает целый ряд таких калек, не встречающихся (по ее наблюдениям) в письменности за пределами этого текста: **благѣистѣканикѣ**, **благѣсѣмыслити**, **благѣоумнѣ**, **благѣчѣствованикѣ**, **великодарованикѣ**, **велькриль**, **зѣлѣсѣмыслити**, **лѣжевраженнѣ**, **любѣдѣичѣ**, **новѣсѣгражденѣ**, **глѣбооустнѣ**, **позднѣомъзычнѣ** (Илиева

ва 2013). Очевидно, что тестовая значимость таких преславизмов — в случае обнаружения их в пока еще не исследованных текстах — весьма ограничена, так как они созданы по моделям, известным в кирилло-мефодиевских переводах. «Не работает» здесь и примета наличия в композитах первого компонента **добро-**, сложения с которым считаются в старославянском инвентаре более новым лексическим слоем по сравнению с их синонимами с компонентом **благо-** (Цейтлин 1977: 234–235): как видно уже из приведенного списка, в переводе книги пророка Иезекииля с толкованиями, предполагаемом преславским, обнаруживаются четыре неизвестных ранее композита с компонентом **благо-** и ни одного с компонентом **добро-**.

Еще одно обстоятельство связано с проблемой определения тестовой значимости преславизмов: по мере становления старославянского языка не только преславские, но и вообще славянские книжники могли отдавать предпочтение народным словам перед словами, созданными самими свв. Кириллом и Мефодием или их ближайшими учениками для первых славянских переводов. Т. е. лексические замены в более поздних списках и синонимы «кирилло-мефодиевских» слов в более поздних переводах, представляющие собой слова народной славянской речи, совсем не обязательно являются преславизмами (ср. изложенные выше взгляды В. Ягича на эту проблему). Подобные предпочтения иногда наблюдаются даже при наличии в узусе старославянского языка устоявшихся соответствий между «кирилло-мефодиевскими» и греческими словами. Так, устоявшимся соответствием является передача *ἄδικος* как **неправдѣный** или **неправдѣникъ**, т. е. устоявшимся соответствием греч. *ἄδικος* (с отрицательным префиксом *ἀ-*) является кирилло-мефодиевский перевод калькированными лексемами. Такое соответствие имеют Евангелие, Псалтырь, Апостол, Паремейник, а также более поздние переводы. В текстах, отражающих особенности узуса преславских книжников (в Толстовском списке Апостола, в рукописи Ветхого Завета F.I.461, в Изборнике 1073 г., в «Богословии» Иоанна Экзарха и др.), встречается употребление вместо **неправдѣный** образования с суффиксом *-iv-* **неправдѣныи** — от той же основы с отрицательным префиксом (см. выше о «словообразовательных приметах» преславизмов) (Ефимова 2011: 186; Ефимова, Желязкова 2014: 12). Однако в переводе ветхозаветной книги Исход находим передачу греч. *ἄδικος* (в субстантивном употреблении со значением ‘несправедливый, несправедливый человек’) как **кривыи** — при отсутствии разночтений в обследованных древнейших списках: οὐ παραδέξιη ἀκοῆν ματαίαν οὐ συγκαταθήσει μετὰ τοῦ ἀδίκου γενέσθαι μάρτυς ἄδικος — да не приймете слышати свихъ да не съложыши

са съ кривыми быти, послуоухъ неправдѣ (Исх 23,1)¹⁵ (Синодальный перевод: «Не внимай пустому слуху, не давай руки твоей нечестивому, чтоб быть свидетелем неправды»). Номинацию неправедного человека словом кривыи находим и в толкованиях на книги Ветхого Завета, т. е. в текстах, созданных, как признается всеми палеославистами, преславскими книжниками. Ср.: слышите се старѣишины двоюоу изъва . оумѣжщен сждити . и не възлюбисте правдж нж кривинж . кривооумоу 8бо ѡѡтвѣщаваете . а правдива небрѣгосте . (толкование на Мих 3,12, по F.I.461 л. 211б 19)¹⁶. Хотя словарная статья на кривъ(ьи) в Старославянском словаре 1994 г. отсутствует (Словарь 1994), нет сомнений, что слово кривъ(ьи) было в узусе преславских книжников. Это слово (использованное, правда, для перевода другого греческого соответствия, но близкого по значению) находим в «Богословии» Иоанна Экзарха: Ἔστι μὲν γὰρ ἄλογον, ὡς οἶμαι, καὶ σκαίου τὸ μὴ τῇ δυνάμει τοῦ σκοποῦ προσέχειν, ἀλλὰ ταῖς λέξεσι. — есть неплодно, мьню, также и криво иже не силѣ и разоумоу вѣнммати, нѣ глѣмь . (Бог 10а). В «Шестодневе» Иоанна Экзарха слово кривъ(ьи) встречается несколько раз (126а 17; 137d 28; 169b 28; 203с 6; 237с 19, хотя исходный греческий текст нам неизвестен), также встречается в «Шестодневе» и образованное от него наречие кривѣ (207b 13; 262d 27 — перевод греч. στρεβλά).

Вместе с тем слово кривъ(ьи) нельзя считать преславизмом ни в каком смысле: оно употреблялось славянскими книжниками разных письменных центров. SJS указывает в словарных статьях на кривъ(ьи) и его производные «Беседы папы Григория на Евангелие» и Житие св. Вацлава — рукописи моравского происхождения (списки XIII в. и XVI в. соответственно) (SJS II: 63–64). В «Беседах папы Григория» особенно показательна замена прил. стрѣпѣтъныи (в субстантивном употреблении) кирилло-мефодиевского перевода словом кривъ(ьи) (тоже, разумеется, в субстантивном употреблении) при цитации стиха Л 3,5: καὶ ἔσται τὰ σκολιά εἰς εὐθεῖαν — бжджтъ стрѣпѣтънаа въ праваѣ Зоґр, Мар, Ас, Остр — боуджтъ криваа въ исправленіи Бес 20б103аβ 5–6. Однако, как мы считаем, и в Синайской псалтыри, которая почитается древнейшей из сохранившихся рукописей Псалтыри, искажение (в сравнении с греческим оригиналом) текста в Пс 5,7 с использованием слова кривъ — не случайшая описка писца, а переосмысление текста. В Дмитриевой псалтыри,

¹⁵ Данные В. Желязковой, подготовившей издание книги Исход, в котором в основу будет положена рукопись № 3 собрания Е. Барсова в ГИМ, относящаяся к 80–90 гг. XV в., а в сопоставление вовлечены и другие рукописи Ветхого Завета.

¹⁶ Греческий текст по (Migne 1864: 1757–1760) не совпадает.

по древности сопоставимой с Синайской¹⁷ и лишь недавно введенной в научный оборот, обнаруживается точный перевод с греческого. За Дмитриевой псалтырью следуют Погодинская и Норовская. За Синайской псалтырью следуют Болонская, Лобковская, Парижская. Ср.:

ἀνδρα αιματων και δολιον βδελυσεται κυριος

— мжжъ крѣви лѣстивъ мръзитъ гви Дмитр бг 12¹⁸; мжжъ крѣви и лѣстивъ мръзитъ гви. Пог; мжжа крѣви и лѣстива гнѣшает сѧ господъ. Норов;

— мжжъ крѣвь і лѣживъ мръзитъ гви Син, Бол, Лоб, Пар.

Подводя итог сказанному в данной статье, мы приходим к выводу, что так называемые преславизмы можно рассматривать не только «в текстологическом смысле», но и изучать «в смысле лексикологическом». Отказываться от использования преславизмов в качестве теста для определения места и времени создания славянских переводных текстов, сохранившихся в древнейших славянских рукописях, не представляется целесообразным, но корректное проведение этой процедуры не так просто, как кажется на первый взгляд, и должно учитывать множество разнообразных факторов. Начинать следует, видимо, с лингвистической дифференциации преславизмов и установления в зависимости от этого их тестовой значимости. Нельзя, конечно, утверждать, что в каждом конкретном случае самого скрупулезного анализа так называемого преславизма можно ожидать бесспорных результатов в отношении выявления его параметров, но движение в этом направлении поможет решить многие трудные вопросы в определении места и времени переводов текстов в древнейших славянских рукописях.

Литература

- Благова 1980 — Благова Э. Лексика Супрасльской рукописи и лексика Иоанна Экзарха // Прочувания върху Супрасльския сборник — старобългарски паметник от X век. София, 1980.
- Вайан 1952 — Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Вендина 1980 — Вендина Т. И. Суффиксы с Г-основой (из русского диалектного словообразования) // ОЛА. Материалы и исследования. 1978. М., 1980.

¹⁷ И. Тарнанидис датировал ее XII в., но эта датировка предварительна (Tarnanidis 1988: 91–100).

¹⁸ Благодарю Штефана Пилата, любезно предоставившего мне этот текст Дмитриевой псалтыри.

- Даль IV — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М., 1994. Т. IV.
- Добрев 1978 — Гръцките думи в Супрасълския сборник и втората редакция на старобългарските богослужебни книги // Български език. 1978. Год. 28. Кн. 2.
- Добрев 1979 — Текстът на Добромировото евангелие и втората редакция на старобългарските богослужебни книги // Български език. 1979. Г. 29. Кн. 1.
- Ефимова 1991 — *Ефимова В.С.* Старославянские отадъективные наречия с суффиксом -ѣ // Советское славяноведение. 1991. № 3.
- Ефимова 1999 — *Ефимова В.С.* О некоторых тенденциях развития первого литературного языка славян в произведениях древнеболгарских писателей (на материале отадъективных наречий) // Проблемы славянской диахронической социолингвистики: динамика литературно-языковой нормы. М., 1999.
- Ефимова 2002 — *Ефимова В.С.* К характеристике книжной лексики в первом литературном языке славян (роль перевода Апостола) // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002.
- Ефимова 2011 — *Ефимова В.С.* Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора. М., 2011.
- Ефимова 2013 — *Ефимова В. С.* Риторические стратегии древнейших славянских гомилетических текстов // Языковая вариативность и культурный контекст. М., 2013.
- Ефимова, Желязкова 2014 — *Ефимова В.С., Желязкова В.* К изучению лексики древнейших славянских рукописей Ветхого Завета в сопоставлении с лексикой рукописей Нового Завета и других рукописей «старославянского канона» // Славяноведение. 2014. № 4.
- Иванова-Мирчева 1987 — *Иванова-Мирчева Д.* Въпроси на българския книжовен език до Възраждането (IX–X до XVIII век). София, 1987.
- Илиева 2013 — *Илиева Т.* Поморфемният принцип на превеждане в EzF.I.461 // Lettera et Lingua, Пролет – лято 2013. Електронно списание за хуманитаристика, <http://slav.unisofia.bg/naum/lilijournal/2013/1-2/ilievat>.
- Карачорова 1984 — *Карачорова И.* Лексиката на Чудовския псалтир и Преславската редакция на старобългарските богослужебни книги // Български език. 1984. Год. XXXIV. Кн. 1.
- Львов 1966 — *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.
- Погорелов 1901 — *Погорелов В. А.* О редакциях славянского перевода псалтыри // Библиотека Московской Синодальной типографии. М., 1901. Вып. 3. Псалтыри.
- Погорелов 1902 — *Погорелов В. А.* Славянский перевод Псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского // Древности. Труды Славянской Комиссии Императорского Московского Археологического Общества. М., 1902. Т. 3.
- Славова 1989 — *Славова Т.* Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии. София, 1989. Кн. 6.
- Словарь 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.
- Соболевский 1897 — *Соболевский А. И.* Особенности русских переводов домонгольского периода // Труды девятого Археологического съезда в Вильне 1893. М., 1897. Т. II.
- Соболевский 1910 — *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. (Сб. ОРЯС. Т. LXXXVIII. № 3).

- Срезн — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. В 3-х томах. М., 1989.
- Станков 1991 — *Станков Р.* Локализация древнеболгарских переводных текстов в свете так называемой «охридской» и «преславской» лексики (На материале Исторической Палеи) // *Palaeobulgarica*. 1991. XV, № 4.
- Станков 1994 — *Станков Р.* Лексика Исторической Палеи. Велико Търново, 1994.
- Туницкий 1918 — *Туницкий Н. Л.* Книги XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1918. Вып. 1.
- Цейтлин 1977 — *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.
- Шафарик 1861 — *Шафарик П. Й.* О происхождении и родине глаголитизма / Пер. А. Шемьякина. М., 1861.
- ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Praha, 1989–. Т. 1–.
- Jagić 1902 — *Jagić V.* Zum Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache // *Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe*. Wien, 1902. Bd. 46.
- Jagić 1913 — *Jagić V.* Zum Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
- Merk 1984 — *Merk A. S. J.* *Novum Testamentum graece et latine: Apparatu critico instructum edidit Augustinus Merk S. J.* Ed. 10. Romae, 1984.
- Migne 1864 — *Migne J. P.* *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Paris, 1864. Т. 81.
- Rahlfs 1952 — *Septuaginta / Ed. A. Rahlfs*. Ed. 5. London, 1952. Vol. I–II.
- Robinson, Pierpont 2005 — *Robinson M. A., Pierpont W. G.* *The New Testament in the original Greek: Byzantine Textform*. Southborough, Mass., 2005.
- Rusek, Raczewa 1991 — *Rusek J., Raczewa M.* Starobułgarskie jarigę (arigę) ‘sakkos, worek’ — wczesna pożyczka turecka // *Rocznik Sławistyczny*. 1991. Т. XLVII. Cz. 1.
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha, 1958–1997. Т. I–IV.
- Tarnanidis 1988 — *Tarnanidis I.* *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine’s Monastery on Mount Sinai*. Thessaloniki, 1988.

Принятые сокращения названий рукописей

- Ас — Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Kurz J.* *Evangeliař Assemanův*. Praha, 1955.
- Бес — рукопись моравского происхождения XIII в.; изд.: *Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na Evangelia / K vydání připravil V. Konzal*. Díl 1. Praha, 2005. Díl 2. Praha, 2006.
- Григ — Григоровичев паремейник, среднеболгарская рукопись XII–XIII в.; изд.: *Рубарова Зд., Хаунтова З.* *Григоровичев паримејник*. Скопје, 1998.
- Евх — Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Nahtigal R.* *Eucho-logium Sinaiticum*. D. 2. Ljubljana, 1942.
- Зогр — Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Jagić V.* *Quattuor evangeliorum codex glagoliticum dim Zographensis nunc Petropolitanus*. Berolini, 1879.
- Мар — Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Ягуч И. В.* *Мариинское четвероевангелие*. Graz, 1960.

- Остр — Остромирово евангелие, древнерусская рукопись 1056–1057 г.; изд.: Остромирово евангелие 1056–1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым / *Monumenta linguae slavicae*. Wiesbaden, 1964. Т. I.
- Син — Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Северьянов С. Н.* Синайская псалтырь. Graz, 1954.
- Супр — Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Заимов Й., Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982–1983. В 2 т.

Summary

Valeria Efimova

Towards Preslavisms as the test for determination of the place and time of creation of the most ancient Slavic texts

According to the opinion of the author, the method of using of Preslavisms as the test for determination of the place and time of creation of the most ancient Slavic texts calls for the more precision and further elaboration with the consideration of various «test significance» of the certain Preslavisms. The preference given by Preslav bookmen to the «Preslav vocabulary» at all didn't mean the usage of only regional inventory: among the so-called «Preslavisms» are found also Nord-East Bulgarian dialectisms, as well as popular vocabulary of common Slavic distribution, as well as words formed according to the Slavic word-formative models from Slavic morphemes by Preslav bookmen themselves. Nevertheless, words that are known as Preslavisms can be studied not only in the «textological sense» but also in the «lexicological sense». It is not reasonable to deny the usage of Preslavisms as the test, but this procedure must take into account many various factors.

Научное издание

Исследования по славянской диалектологии.

18.

Актуальные аспекты
изучения лексики славянских диалектов

Сборник статей

М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 240 с.

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН

Отв. редактор:
д. ф. н. Л. Э. Калнынь

Компьютерная верстка:
М. Н. Толстая

Обложка:
М. И. Леньшина, М. Н. Толстая

Подписано в печать 15.11.2016 г. Усл. печ. л. 15.
Формат 60×90. Тираж экз. Заказ № .

ООО «Пробел–2000»
121069 Москва, ул. Поварская, д.36